31.6/12
30X28

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. В. ГЕССЕНОМЪ

ТОМЪ II

ЛННБ України ім.В.Стефаника
00595192 (V)

06/10

30123.

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

издаваемый

И. В. ГЕССЕНОМЪ

II

257

31642.

Изданіе второе

БЕРЛИНЪ 1922

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Львівська державна
наукова бібліотека
№ 120

БІБЛІОТЕКА
НАУКОВ. Т-ВА ім. ШЕВЧЕНКА
У ЛЬВОВІ

Copyright by Slowo-Verlag, Berlin

Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода на другіе языки, принадлежатъ издательству «СЛОВО»

Къ исторіи Манифеста 17-го Октября

Записка Н. И. Вуича*

21 сентября уѣхалъ на Кавказъ управляющій дѣлами комитета министровъ баронъ Нольде, вслѣдствіе чего во временное исправленіе должности его вступилъ помощникъ управляющаго Вуичъ, на обязанность котораго упадалъ поэтому и докладъ всѣхъ комитетскихъ дѣлъ предсѣдателю комитета графу С. Ю. Витте. Графъ былъ все время чрезвычайно озабоченъ и нѣсколько разъ въ разговорѣ возвращался къ тому, насколько плохо внутренное наше положеніе, и что представляется неизбѣжнымъ или ввести повсюду военное положеніе, или даровать настоящую конституцію. При этомъ С. Ю. высказывалъ, что принятіе какихъ-нибудь разрозненныхъ мѣръ не дастъ благопріятныхъ результатовъ, въ частности же, репрессіи противъ печати безполезны, такъ какъ немедленно усилится подпольная пресса. 6 октября предсѣдатель поручилъ составить всеподданнѣйшій докладъ въ томъ смыслѣ, чтобы впредь до разсмотрѣнія совѣщаніемъ графа Сольскаго проекта о преобразованіи комитета министровъ, установлены были временныя полномочія предсѣдателя комитета по объединенію дѣятельности министровъ, причемъ С. Ю. просилъ съ составленіемъ этого доклада поторопиться. На другой день предсѣдатель занимался подробнымъ разсмотрѣніемъ представленнаго ему проекта, 8-го же октября вечеромъ передалъ для прочтенія и для распоряженій о перепискѣ къ слѣдующему утру — обширную записку, заключающую въ себѣ разъясненіе его взгляда на способы успокоенія страны съ выводомъ о необходимости перехода къ конституціонному образу правленія. На слѣдующій день утромъ записка переписанная была представлена предсѣдателю. Въ происшедшемъ при этомъ разговорѣ, на замѣчаніе помощника управляющаго, съ какою быстротою событія привели къ предположенію о введеніи конституціи, С. Ю. съ горячностью замѣтилъ, что за послѣднее время послѣдовали Мукденъ, Цусима; что закрыто было сельско-хозяйственное совѣщаніе, къ которому имѣли отношеніе либе-

* Исторія записокъ Н. И. Вуича и кн. Н. Д. Оболенскаго такова: Гр. С. Ю. Витте, тяготясь высказываемыми противъ него обвиненіями, что онъ вырвалъ согласіе на манифестъ 17 Октября 1905 г., обратился къ двумъ непосредственнымъ свидѣтелямъ возникновенія манифеста—пом. управляющаго дѣлами Ком. Министровъ, Н. И. Вуичу, и кн. Н. Д. Оболенскому (личному другу Николая II) съ просьбой изложить извѣстные имъ факты, предшествовавшіе подписанію манифеста. Отвѣтомъ на эту просьбу и являются печатаемыя записки.

ральные элементы, теперь ищущіе иного выхода; что онъ пришелъ къ убѣжденію о совершенной неотвратимости предлагаемаго имъ средства. Затѣмъ предсѣдателемъ дано было порученіе составить краткій по этой запискѣ всеподданнѣйшій докладъ, который могъ бы быть въ случаѣ надобности напечатанъ. Въ теченіе 9 октября записка была предсѣдателемъ нѣсколько измѣнена* во вступительной части включеніемъ указанія, что докладъ составленъ по приказанію и указаніямъ Его Величества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ концѣ записки было добавлено, что, можетъ быть, есть и другой исходъ — идти противъ теченія, но это надо сдѣлать рѣшительно и систематически; С. Ю. сомнѣвается въ успѣхѣ этого, но онъ можетъ и ошибаться; во всякомъ случаѣ, за выполненіе всякаго плана можетъ взяться только человѣкъ, который въ него вѣритъ. 10-го октября предсѣдатель ѣздилъ къ государю и вѣроятно тогда же оставилъ Его Величеству свою записку. Послѣ того занимались уже только краткимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, онъ еще передѣлывался и 13-го октября вечеромъ окончательно былъ прочитанъ предсѣдателемъ. С. Ю. сказалъ, что ѣдетъ на другой день къ Государю, и пригласилъ Вуича его сопровождать на пароходѣ. 14-го октября погода была неимовѣрно скверная, снѣгъ съ дождемъ, и пароходъ изрядно качало. Дорогою перечитывали еще разъ докладъ и С. Ю. говорилъ, что онъ не можетъ принять должность предсѣдателя совѣта, если докладъ этотъ не будетъ утвержденъ. Говорили также о постыдности положенія, при которомъ вѣрноподданные должны добираться къ своему Государю чуть не вплавь. С. Ю. поѣхалъ съ пристани прямо во дворецъ, гдѣ оставался до часу, затѣмъ пріѣхалъ завтракать въ приготовленное помѣщеніе и говорилъ, что могъ настоять на немедленномъ утвержденіи доклада, но не захотѣлъ вырывать согласія и поэтому ему предложили еще разъ вернуться во дворецъ. Со второй аудіенціи С. Ю. возвратился на пароходъ послѣ 5-ти часовъ, такъ что назадъ ѣхали въ темнотѣ. Положеніе оставалось тоже самое и рѣшеніе было отложено до завтра. 15-го октября опять поѣхали около 9-ти часовъ утра. На пароходѣ былъ баронъ Фредериксъ и князь Алексѣй Оболенскій; оказалось, что князь привезъ съ собой проектъ манифеста, о которомъ до того отъ предсѣдателя ничего слышать не приходилось. Стали читать проектъ.

Вступленіе весьма краснорѣчивое, но предсѣдатель говоритъ: да это не существенно, а вотъ что у васъ вышло въ пунктахъ. Первый пунктъ оказался о свободахъ; предполагалось сказать въ родѣ того, что на правительство возлагается обязанность немедленно выработать и въ опредѣленный срокъ представитъ Государю проекты законовъ о свободѣ собраній и проч. Далѣе слѣдовалъ пунктъ о расширеніи выборныхъ правъ, а затѣмъ говорилось о рабочихъ. Отъ послѣдняго пункта князь тутъ же немедленно, въ виду замѣчанія предсѣдателя, отказался. Стали затѣмъ пробовать сгладить редакцію первыхъ пунктовъ и въ то же время у одного изъ присутствующихъ явилась мысль, нельзя ли связать эти мѣры съ указомъ 12 декабря 1904 г., какъ продолженіемъ этого указа. Изъ попытки этой ничего въ ту минуту не вышло, а такъ какъ въ это время

---

* Въ тотъ-же день она была вновь переписана и въ двухъ экземплярахъ представлена предсѣдателю.

подходили уже къ пристани, то рѣшили пока только установить въ общихъ чертахъ содержаніе пунктовъ манифеста, намѣтили три такихъ пункта (два предложенныхъ княземъ А. Д. и третій о полномочіяхъ государственной думы) и все вкратцѣ было отмѣчено на особомъ листѣ. При этомъ С. Ю. сказалъ, что можно писать и коротко, такъ какъ все это разъяснено во всеподданнѣйшемъ докладѣ. Всѣ разговоры и предположенія никакихъ особыхъ возраженій со стороны присутствовавшихъ не вызывали. Затѣмъ было рѣшено, что пока С. Ю. будетъ во дворцѣ, бывшія съ нимъ лица попробуютъ составить окончательный проектъ манифеста. Къ возвращенію С. Ю. изъ дворца въ приготовленное для него помѣщеніе проектъ былъ уже составленъ. При этомъ первоначальный проектъ князя А. Д. остался какъ то въ сторонѣ, а руководились при составленіи новаго проекта замѣтками, сдѣланными на пароходѣ. С. Ю. пріѣхалъ изъ дворца около часу, говоря, что дѣло еще окончательно не рѣшено, но что можно и подождать день или два. Князь А. Д. взволнованно доказывалъ нежелательность этого, въ чемъ былъ поддержанъ и другимъ слушателемъ. Затѣмъ проектъ былъ прочитанъ Сергѣю Юльевичу. Первый пунктъ о свободахъ казался составленнымъ ясно въ томъ смыслѣ, что Государь рѣшилъ даровать свободы, а введеніе ихъ составитъ ближайшую задачу правительства. Эта часть проекта при чтеніи ни съ чьей стороны никакихъ замѣчаній не вызвала, а затѣмъ подробно говорили о двухъ послѣдующихъ пунктахъ, причемъ князь Оболенскій высказался противъ дальнѣйшихъ измѣненій изготовленнаго проекта, такъ какъ это вызывало бы только излишнее промедленіе. Тѣмъ не менѣе долго говорили объ этихъ пунктахъ. Обсуждалось, расширить ли выборы только по отношенію рабочихъ или также и другихъ частей населенія, неполучившихъ избирательныхъ правъ. С. Ю. рѣшилъ, соглашаясь съ кн. Оболенскимъ, поставить вопросъ шире; при этомъ слова о непріостановленіи выборовъ вызывали у него сомнѣніе, такъ какъ, можетъ быть, нельзя будетъ обойтись безъ пріостановки при передѣлкѣ закона, но окончательно согласился ихъ оставить, такъ какъ по существу дѣла откладывать выборы не представлялось желательнымъ. По пункту о законодательной власти думы останавливались на томъ, не слишкомъ ли рѣшительны выраженія этого пункта, но затѣмъ признали, что они соотвѣтствуютъ смыслу всеподданнѣйшаго доклада. Поѣхалъ С. Ю. вторично во дворецъ къ 3 часамъ и, возвратившись затѣмъ на пароходъ послѣ 5 часовъ, говорилъ, что во дворцѣ происходило совѣщаніе съ участіемъ Вел. Кн. Николая Николаевича, бар. Фредерикса и генер. Рихтера. Вел. Князь сначала говорилъ за строгія мѣры, но потомъ присоединился рѣшительно къ мыслямъ С. Ю. такъ же, какъ и Рихтеръ. Его Величество окончательно сказалъ: если Я соглашусь, то дамъ вамъ знать вечеромъ. Въ тотъ же день предсѣдатель никакого увѣдомленія болѣе не получалъ и къ 10 час. вечера говорилъ, крестясь, что, очевидно, бумагъ ждать нечего и онъ освободится отъ всего этого дѣла, такъ какъ оказалось, что въ 6 час. къ Государю были вызваны Горемыкинъ и Будбергъ и оттого, вѣроятно, и днемъ не былъ данъ рѣшительный отвѣтъ. 16 октября никакихъ новыхъ свѣдѣній не было. 17-го утромъ выяснилось, что наканунѣ и въ теченіе ночи шли переговоры о томъ, чтобы всеподданнѣйшаго доклада С. Ю. вовсе не распубликовывать, а редакцію манифеста

измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы не упоминать о предстоящей дѣятельности Правительства по осуществленію намѣреній Государя, а прямо объявить о дарованіи реформъ отъ имени Его Величества. С. Ю. не счелъ возможнымъ на это согласиться. Днемъ на пароходѣ «Нева» С. Ю. отправился въ Петергофъ, поѣхалъ прямо къ Его Величеству и привезъ изъ дворца подписанный манифестъ и утвержденный всеподданнѣйшій докладъ. На обратномъ пути С. Ю. высказывалъ мнѣніе, что если удастся дотянуть до собранія думы, тогда все спасено, а если невозможны будутъ выборы, то ручаться ни за что нельзя.

20-го октября по распоряженію предсѣдателя, было составлено и опубликовано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» правительственное сообщеніе, въ которомъ объяснялось, что осуществленіе указанныхъ въ манифестѣ 17-го октября реформъ требуетъ законодательныхъ опредѣленій и ряда административныхъ мѣръ; до того прежніе законы должны дѣйствовать.

(подп.) Николай Вуичъ. 31 декабря 1906 г.

Записка князя Н. Д. Оболенскаго

Октябрь 1905 года будетъ отмѣченъ будущимъ русскимъ лѣтописцемъ, какъ историческій мѣсяцъ, въ теченіе котораго произведена была первая реальная попытка пойти на встрѣчу необходимости (въ высшихъ сферахъ еще въ то время не вполнѣ сознанной) совершить послѣдній шагъ по пути реформъ и обновленія русской жизни, начатыхъ еще въ царствованіе Императора Александра II.

Обстановка, среди которой въ эти историческіе дни чувствовало себя русское общество, была скорбная, тяжелая, угнетающая. Неудачно веденная война обнаружила несовершенства государственнаго механизма во всей ихъ болѣзненной правдѣ. Зароненное въ среду неудовлетворенаго, разочарованнаго, оскорбленнаго въ самомъ скромномъ честолюбіи общества неудовольствіе это стало концентрически расти и захватывать всѣ классы населенія, каждый разно и по своему толковавшіе о причинахъ нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ неудачъ.

Почва эта являлась благопріятнымъ разсадникомъ для тѣхъ лицъ, которыя съ интернаціональными идеями разнообразныхъ оттѣнковъ ставили цѣлью своихъ мыслей и дѣйствій вызвать, въ какой удастся формѣ, смуту въ Россіи, пользуясь которой, ниспровергнуть существующій, мало кого удовлетворяющій государственный порядокъ. Вся эта сложная, много-причинная и много-образная эволюція общественной мысли выразилась въ забастовкахъ, открытыхъ смутахъ, грабежахъ, политическихъ убійствахъ и насиліяхъ, на глазахъ безучастнаго и скорѣе враждебно къ Правительству настроеннаго русскаго общества.

Сознаніе ненужности безотрадно веденной, жестокой и неудачной войны съ Японіей находило нѣкоторое успокоеніе въ той мирной побѣдѣ, которая была одержана въ Портсмутѣ, когда, такъ или иначе, съ относительно ничтожными жертвами, прекратилось безрезультатное кровопролитіе, грозившее намъ, къ довершенію бѣдъ, потерею Владивостока, Камчатки и прилегающихъ къ Сибири острововъ на морѣ, господство надъ которыми всецѣло перешло въ руки японцевъ.

Общество подъ впечатлѣніемъ этого акта запоздавшей государственной мудрости облегченно вздохнуло и имя человѣка, пріобрѣвшаго для своего отечества миръ внѣшній, естественно приходило на мысль передъ задачею внутренняго успокоенія и надѣленія государства прочнымъ внутреннимъ миромъ. Предсѣдатель комитета министровъ Статсъ-Секретаръ графъ Витте, утомленный нравственно испытанными напряженіями, вернулся въ Россію и, принявшись за повседневную работу, съ первыхъ шаговъ столкнулся съ отголосками внутренняго хаоса и того настроенія, которые настоятельно требовали энергичнаго и неотложнаго разрѣшенія. Въ первыхъ же засѣданіяхъ комитета министровъ и въ отдѣльныхъ совѣщаніяхъ у гр. Сольскаго рѣзко опредѣлилась необходимость внести въ государственную работу свѣжую струю, приступивъ къ основнымъ преобразованіямъ всего правительственнаго механизма.

6-го октября С. Ю. Витте пишетъ Государю Императору письмо, въ которомъ всеподданнѣйше спрашиваетъ разрѣшенія прибыть въ Новый Петергофъ для доклада нѣкоторыхъ своихъ соображеній въ связи съ происходившими уже въ то время открытыми политическими демонстраціями, многочисленными митингами и собраніями общественныхъ дѣятелей и общимъ неустройствомъ, принявшимъ острый характеръ явно враждебныхъ правительству манифестацій и политической забастовки. Желѣзныя дороги бездѣйствовали, сообщеніе съ Нов. Петергофомъ поддерживалось лишь пароходами по Невѣ.

8-го октября былъ полученъ Высочайшій отвѣтъ: Государь Императоръ писалъ гр. Витте, что и Самъ Онъ думалъ вызвать его къ себѣ для обмѣна мыслей по выше упомянутымъ вопросамъ и просилъ гр. Витте прибыть въ Петергофъ на другой день къ 6-ти часамъ вечера.

Въ пятницу 8-го октября вечеромъ гр. С. Ю. Витте, при участіи помощника упр. дѣлами комитета министровъ д. с. с. Вуича, составилъ программу намѣченныхъ реформъ, съ изложеніемъ въ общихъ чертахъ, по пунктамъ, тѣхъ давно назрѣвшихъ у него данныхъ, которыя должны были въ извѣстной постепенности лечь въ основу работы и политики будущаго совѣта министровъ.

Казалось, что, выступая съ такой программой, гр. Витте, стоя во главѣ министровъ, могъ разсчитывать удовлетворить и успокоить благомыслящую часть русскаго общества.

9-го октября къ 6 часамъ вечера гр. Витте отправился въ Петергофъ на пароходѣ и, будучи принятъ Его Величествомъ, доложилъ Государю Императору, что изъ настоящаго тяжелаго внутренняго положенія правительству, по его мнѣнію, представляются два выхода:

1) облечь неограниченною диктаторскою властью довѣренное лицо, дабы энергично и безповоротно въ самомъ корнѣ подавить всякій признакъ проявленія какого-либо противодѣйствія правительству, хотя бы цѣною массового пролитія крови.

—Для такой дѣятельности гр. Витте не считалъ себя подготовленнымъ.—

2) Перейти на почву уступокъ общественному мнѣнію и предначертать будущему Кабинету указанія вступить на путь конституціонный; иначе говоря, Его Величество предрѣшаетъ дарованіе конституціи и утверждаетъ программу, разработанную гр. Витте.

Послѣдній счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ обратить особое вниманіе Государя Императора на всю важность принимаемаго рѣшенія, сопряженнаго съ нѣкоторымъ самоограниченіемъ; причемъ возвратъ къ прежнему порядку оказался бы немыслимымъ.

Вслѣдствіе этого гр. Витте просилъ Государя, до принятія окончательнаго рѣшенія, обсудить въ особомъ совѣщаніи этотъ вопросъ, привлекши къ совѣщанію этому противниковъ предлагаемаго направленія, мнѣнія которыхъ съ достаточною ясностью опредѣлились въ бывшихъ за послѣднее время засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ.

Если-же Государю угодно будетъ все таки согласиться на предлагаемую программу, то не стѣснять гр. Витте въ выборѣ сотрудниковъ, предоставивъ ему право распредѣленія портфелей даже среди общественныхъ дѣятелей.

Далѣе, гр. Витте, указывая на важность принимаемаго рѣшенія, когда однимъ почеркомъ пера измѣнялся весь государственный строй, и на серьезность намѣчаемаго добровольнаго самоограниченія правъ, испрашивалъ пригласить на совѣщаніе Ея Величество Государыню Императрицу и Великихъ Князей.

На другой день 10 октября гр. Витте былъ вновь приглашенъ въ Петергофъ, гдѣ повторилъ все сказанное наканунѣ въ присутствіи только Ея Величества и оставилъ свою программу.

Прошли 11 и 12 октября и наступила среда 13 октября. За это время составленная гр. Витте программа подвергалась дѣятельному и вліятельному обсужденію лицъ приближенныхъ, а также имѣвшихъ докладъ у Государя. Въ результатѣ въ среду 13 октября гр. Витте получилъ депешу отъ Государя, приблизительно слѣдующаго содержанія: «Назначаю васъ предсѣдателемъ совѣта министровъ для объединенія дѣятельности всѣхъ министровъ». О программѣ не упоминалось вовсе. Получивъ такого рода депешу, гр. Витте справедливо заключилъ, что программа имъ представленная не принята и не утверждена, и 14-го ѣздилъ въ Петергофъ и доложилъ Его Величеству, что нравственно не считаетъ для себя возможнымъ исполнить Высочайшее повелѣніе сдѣлаться первымъ министромъ, до утвержденія его программы, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждалъ еще разъ необходимость программу эту всесторонне обсудить въ совѣщаніи лицъ, которыхъ Государю угодно было бы привлечь для этой цѣли и что съ каждымъ днемъ внутреннее положеніе ухудшается, вызывая неотложную необходимость придти къ тому или иному рѣшенію. Его Величество, послѣ доклада гр. Витте, призвалъ кн. Орлова (гр. Гейденъ находился въ отпуску) для отдачи ему приказаній относительно приглашеній на совѣщаніе для обсужденія программы гр. Витте.

По указанію Его Величества былъ составленъ списокъ лицъ, имѣющихъ быть приглашенными, и предрѣшено было, что одну только программу гр. Витте утверждать нельзя, но что для надлежащаго уясненія, что все въ ней изложенное исходитъ лично отъ Государя, содержаніе ея необходимо облечь въ форму манифеста. На обсужденіе программы приглашены были: Вел. Князь Николай Николаевичъ, ген. адъют. бар. Фредериксъ, ген. ад. Рихтеръ, гр. Витте, ст. секр. Горемыкинъ и баронъ Будбергъ. Послѣ этого кн. Орлову передано было черезъ камердинера приказаніе Его Величества, дабы гг. Горемыкинъ и Будбергъ

были доставлены въ Петергофъ на отдѣльномъ пароходѣ, въ самомъ засѣданіи не участвовали, и ожидали дальнѣйшихъ приказаній во дворцѣ. Затѣмъ гр. Витте получилъ изъ Петергофа увѣдомленіе, что 15 октября въ 11 ч. утра назначено у Его Величества особое совѣщаніе, на которое приглашается и онъ. Ему предложено также привезти съ собою проектъ манифеста, дабы все намѣченное имъ вывести изъ области однихъ обѣщаній въ область Государемъ утвержденныхъ фактовъ. Гр. Витте первоначально рѣшилъ въ своей программѣ измѣнить редакцію вступленія, въ смыслѣ болѣе яснаго подтвержденія, что программа эта выработана по повелѣнію и личному указанію Его Величества. Полагалъ, однако, что облечь программу эту въ форму манифеста и трудно, и можетъ быть преждевременно. Однако случайно здѣсь находившемуся кн. А. Д. Оболенскому гр. Витте предложилъ попытаться за ночь составить проектъ манифеста и на другой день 15-го октября сопровождать его въ Петергофъ вмѣстѣ съ д. с. с. Вуичемъ.

Въ субботу 15-го октября въ 11 часовъ утра въ Петергофѣ подъ предсѣдательствомъ Государя началось совѣщаніе, на которомъ присутствовали: Вел. Князь Николай Николаевичъ, ген. ад. баронъ Фредериксъ, ген. ад. Рихтеръ и гр. Витте.

Вел. Кн. Николай Николаевичъ испросилъ разрѣшеніе задавать вопросы гр. Витте въ виду своего незнакомства съ предметомъ и спрашивать объясненіе того, что ему покажется неяснымъ. Въ засѣданіи этомъ гр. Витте обрисовалъ въ общихъ чертахъ общее положеніе Россіи, какъ оно ему представлялось въ эти дни, останавливаясь съ особеннымъ вниманіемъ на томъ фактѣ, что даже умѣренные элементы русскаго общества заявляютъ себя, если не активно, то пассивно противъ правительства и что, по его крайнему разумѣнію, при настоящихъ обстоятельствахъ могутъ быть два исхода: 1) диктатура или 2) вступленіе на путь конституціи, причемъ доложилъ съ нужными поясненіями всѣ пункты своей программы.

Въ основу программы этой, какъ окончательная цѣль, легли: а) дарованіе законодательныхъ правъ государственной думѣ и б) дарованіе свободы слова, собраній, совѣсти и неприкосновенности личности.

Вел. кн. Николай Николаевичъ неоднократно прерывалъ докладчика, дабы яснѣе усвоить себѣ отдѣльныя подробности доложеннаго. Засѣданіе затянулось до часу дня и Государь приказалъ сдѣлать перерывъ до $2^1/_2$ ч., предложивъ къ этому часу представить и проектъ манифеста, несмотря на то, что гр. Витте еще разъ доложилъ, что программа менѣе свяжетъ Государя и что лучше было бы манифеста не составлять, такъ какъ въ немъ изложить всю сущность программы было бы затруднительно.

Въ три часа дня засѣданіе возобновилось. Гр. Витте нѣсколько запоздалъ, корректируя проектъ манифеста, который и подвергся обсужденію. Присутствующіе не возражали, но гр. Витте просилъ еще разъ Государя не рѣшаться на подписаніе столь серьезнаго акта, не уяснивъ всесторонняго его значенія въ виду чрезвычайной государственной и исторической важности дѣлаемаго шага и вѣроятности, что даже послѣ этого успокоеніе можетъ наступить не сразу. Его Величество отпустилъ всѣхъ, положилъ проектъ манифеста въ столъ и поблагодарилъ гр. Витте, сказавъ, что помолится Богу, еще подумаетъ и скажетъ ему, рѣшится ли онъ на этотъ актъ или нѣтъ.

По отъѣздѣ гр. Витте Государь приказалъ ген. ад. бар. Фредериксу призвать статсъ-секретаря Горемыкина и Будберга, ожидавшихъ въ Петергофѣ, и передать имъ на разсмотрѣніе этотъ манифестъ. Оба тотчасъ приступили къ его обсужденію и нашли его несоотвѣтствующимъ. Членъ гос. сов. Горемыкинъ принципіально не соглашался съ необходимостью такого акта, а бар. Будбергъ главнымъ образомъ критически отнесся къ формальной сторонѣ самого изложенія манифеста, находя таковое недостаточно хорошо редактированнымъ. Горемыкинъ согласился помочь въ редактированіи новаго проекта.

Въ это время гр. Витте случайно освѣдомленъ былъ, что проектъ его манифеста обсуждается безъ него и, опасаясь, что такой манифестъ могъ бы быть подписанъ Государемъ и что онъ, гр. Витте, принужденъ будетъ въ силу обстоятельствъ принять его къ исполненію и руководствоваться изложенными въ немъ видоизмѣненіями ст. секр. Горемыкина и бар. Будберга, телефонировалъ бар. Фредериксу и дворцовому ком. кн. Енгалычеву, прося ихъ доложить Его Величеству о томъ, что онъ ходатайствуетъ объ измѣненіяхъ, сдѣланныхъ въ его редакціи, поставить его въ извѣстность, или же предложить авторамъ измѣненій стать во главѣ дѣла. Изъ Петергофа было отвѣчено, что сдѣланное въ манифестѣ измѣненіе незначительно и лишь редакціонное. Гр. Витте просилъ все таки измѣненія эти, предварительно подписанія, передать ему на прочтеніе.

Въ воскресенье 16 октября по Петербургу распространился слухъ, обсуждавшійся въ различныхъ кружкахъ, что проектъ государственныхъ преобразованій гр. Витте не одобренъ, а утвержденъ и принятъ другой проектъ члена государственнаго совѣта Горемыкина; слухи эти въ общей ихъ сложности произвели угнетающее впечатлѣніе.

16 октября вечеромъ (послѣ предварительнаго предупрежденія по телефону) около полуночи къ гр. Витте пріѣхалъ ген. ад. баронъ Фредериксъ со своимъ начальникомъ канцеляріи ген. м. А. А. Мосоловымъ. Бар. Фредериксъ извинился передъ гр. Витте, сообщивъ, что манифестъ измѣненъ не въ редакціонномъ только отношеніи, какъ онъ это сообщилъ, но и по существу и просилъ гр. Витте согласиться принять манифестъ въ этомъ измѣненномъ видѣ къ исполненію, такъ какъ измѣненный манифестъ заключалъ въ себѣ, по его мнѣнію, больше уступокъ, чѣмъ проектированный гр. Витте. Ознакомившись съ новою редакціей манифеста, гр. Витте усмотрѣлъ, что между проектомъ представленнымъ имъ и проектомъ ему привезеннымъ различіе по существу сводилось къ слѣдующему: 1) въ проектѣ гр. Витте опредѣленно говорилось, что Его Величеству благоугодно повелѣть своему правительству озаботиться проведеніемъ въ жизнь Его неуклонною волею предначертанныхъ реформъ; въ проектѣ, привезенномъ бар. Фредериксомъ, тѣ же пункты опредѣлены, какъ даруемые; 2) о правѣ на законодательный починъ со стороны государственной думы въ этомъ послѣднемъ проектѣ не упоминалось вовсе. При этомъ гр. Витте еще разъ просилъ барона Фредерикса испросить у Государя Императора не печатать пока манифеста, а лишь утвердить и обнародовать одну программу съ тѣми измѣненіями, которыя въ ея вступленіи уже сдѣлалъ самъ гр. Витте, относя все въ ней изложенное къ иниціативѣ, указаніямъ и волѣ Его Величества. Бар. Фредериксъ отвѣтилъ, что вопросъ о томъ, что настоящая реформа должна быть возвѣщена населенію манифестомъ, рѣшенъ безповоротно.

Въ заключеніе гр. Витте заявилъ бар. Фредериксу, что онъ ясно сознаетъ, что со стороны его Величества въ основу отношеній къ нему, несмотря на все вниманіе Государя Императора, несомнѣнно легло чувство нѣкотораго недовѣрія, что при наличіи такого серьезнаго фактора совмѣстная государственная работа крайне затруднится и что, быть можетъ, было бы цѣлесообразнѣе оставить самую мысль о назначеніи его первымъ министромъ, а для объединенія министровъ избрать одного изъ авторовъ измѣненнаго манифеста, причемъ просилъ довести до свѣдѣнія Его Величества о своей готовности и въ этомъ случаѣ на второстепенномъ посту послужить общему дѣлу.

Высказанное гр. Витте предположеніе имѣло за собою несомнѣнное основаніе, такъ какъ ближайшія къ Государю лица не вѣрили въ искренность гр. Витте и были убѣждены, что онъ, въ своихъ честолюбивыхъ намѣреніяхъ, стремится быть президентомъ Россійской республики и что въ предвидѣніи возможности такого факта находитъ себѣ объясненіе та выдающаяся ласка и любезность, предметомъ которой сдѣлался гр. Витте при возвращеніи изъ Портсмута со стороны германскаго императора Вильгельма II, прозрѣвавшаго въ немъ будущаго Русскаго республиканскаго президента.

На другой день 17 октября въ 9 час. утра бар. Фредериксъ отправился съ докладомъ къ Государю Императору. Результатомъ этого доклада было немедленное приглашеніе туда же Вел. Князя Николая Николаевича и гр. Витте; послѣдній могъ прибыть лишь къ $4^1/_2$ часамъ дня.

Вел. Князь Николай Николаевичъ, проникшись основательностью данныхъ гр. Витте объясненій, выразилъ свое полное сочувствіе проекту гр. Витте и доложилъ о невозможности, за недостаткомъ войскъ, прибѣгнуть къ военной диктатурѣ. Вел. Кн. и бар. Фредериксъ были приняты Государемъ раньше пріѣзда гр. Витте, при чемъ тутъ же рѣшено было, что Его Величество подпишетъ манифестъ, составленный гр. Витте, и утвердитъ программу, представленную имъ. Въ канцеляріи министра Императорскаго двора, времено переведенной въ Петергофъ, приказано было приступить къ перепискѣ манифеста.

Въ 6-омъ часу вечера работа эта была закончена. Гр. Витте, уже прибывшій изъ Петербурга, поѣхалъ въ Александрію и въ его присутствіи Государь Императоръ подписалъ манифестъ и утвердилъ программу. Такимъ образомъ, не безъ нѣкоторой борьбы, колебаній и сомнѣній, Государю угодно было вернуть Россію на покинутый ею, въ силу разнообразныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, путь реформъ и завершить великое дѣло своего Августѣйшаго Дѣда.

При обратномъ возвращеніи въ Петербургъ на палубѣ парохода находился Вел. Кн. Николай Николаевичъ. Онъ казался веселымъ и довольнымъ. Обратившись къ гр. Витте, Его Высочество замѣтилъ: «Сегодня 17 октября и 17 годовщина того дня, когда въ Боркахъ была спасена династія. Думается мнѣ, что и теперь династія спасается отъ не меньшей опасности сегодня происшедшимъ историческимъ актомъ.»

Августъ-сентябрь 1906.

Изъ воспоминаній

ген. Лукомскаго

Предисловіе

Правдивая исторія данной эпохи пишется не ея современниками, а послѣдующими историками, которые описаніями современниковъ пользуются какъ матеріаломъ.

Такимъ же матеріаломъ для будущаго историка русской революціи, вылившейся въ настоящее время въ большевизмъ, послужитъ и «Исторія русской революціи», выпускаемая П. Н. Милюковымъ, и всѣ воспоминанія и записки, которыя уже написаны многими лицами и будутъ еще написаны.

У прежнихъ историковъ подъ руками, обыкновенно, были архивы съ оффиціальными и документальными данными. Эти данныя служили канвой, по которой вышивали, пользуясь описаніемъ событій современниками.

Въ распоряженіи будущихъ историковъ, которые будутъ описывать Европейскую войну, революцію и гражданскую войну въ Россіи — архивовъ можетъ не оказаться.

Вся переписка о началѣ революціи, собранная по моему приказанію въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго въ четыре дѣла, оставалась до большевистскаго переворота въ Могилевѣ.

За два дня до его убійства въ Могилевѣ, генералъ Духонинъ, исполнявшій должность Верховнаго Главнокомандующаго, хотѣлъ выѣхать изъ Могилева въ Кіевъ. Съ собой онъ хотѣлъ взять наиболѣе важныя дѣла, бывшія въ штабѣ; въ томъ числѣ, какъ мнѣ передавали, и дѣла, содержавшія документы начала революціи.

Но писаря и мѣстный революціонный комитетъ воспротивились отъѣзду генерала Духонина и дѣла, уже погруженныя на автомобили, были выброшены на землю.

Часть изъ нихъ была внесена обратно въ помѣщеніе штаба, часть разорвана и пущена по вѣтру, часть сожжена.

Что сталось съ дѣлами, касавшимися распоряженій Верховныхъ Главнокомандующихъ по арміямъ и содержащими документы по началу революціи и по Корниловскому выступленію — неизвѣстно. Большая часть архивовъ штабовъ фронтовъ пропала.

Мнѣ передавали, что въ періодъ захвата большевиками Петрограда погрому подверглись и архивы Главнаго и Генеральнаго Штабовъ.

При занятіи Кіева большевиками, весной 1918 года, арестованныхъ офицеровъ одно время содержали въ помѣщеніи архива штаба округа и они спали на «дѣлахъ».

При чемъ, какъ мнѣ передавали, эти «дѣла» шли на топку, на обертку пакетовъ и на другія надобности.

При эвакуаціи Новороссійска погибли почти всѣ документы «Корниловскаго» и «Деникинскаго» періодовъ.

Опасеніе, что многихъ документальныхъ данныхъ, касающихся эпохи Европейской войны, революціи и гражданской войны въ Россіи — можетъ не оказаться, обязываетъ насъ, современниковъ, записать и напечатать все, что мы знаемъ про эти періоды и чему мы были свидѣтелями.

Эти соображенія заставили и меня взяться за перо.

Съ ноября 1916 года по апрѣль 1917 года я былъ генералъ-квартирмейстеромъ Верховнаго Главнокомандующаго. На этой должности я въ Ставкѣ былъ свидѣтелемъ всѣхъ событій начала революціи.

Въ апрѣлѣ 1917 года я принялъ I-й армейскій корпусъ, а съ 3 іюня 1917 года я былъ начальникомъ штаба при Верховныхъ Главнокомандующихъ Брусиловѣ и Корниловѣ.

Послѣ, такъ-называемаго , «Корниловскаго выступленія» я, совмѣстно съ Корниловымъ, Деникинымъ и другими, былъ арестованъ и сидѣлъ въ Быховской тюрьмѣ.

19 ноября/2 декабря 1917 года, вмѣстѣ съ другими арестованными, бѣжалъ на Донъ.

Во время гражданской войны я былъ начальникомъ штаба у генерала Корнилова, а при генералѣ Деникинѣ былъ начальникомъ военнаго управленія, помощникомъ Главнокомандующаго и, съ іюня 1918 года по январь 1919 года, былъ предсѣдателемъ особаго совѣщанія, исполнявшаго функціи Правительства.

Въ періодъ генерала Врангеля я былъ его представителемъ при союзномъ командованіи въ Константинополѣ.

Думаю, что мои воспоминанія представятъ интересъ и для современниковъ и для будущихъ историковъ.

Хотя я обладаю хорошей памятью, но, почти не имѣя подъ рукой необходимыхъ справокъ и матеріаловъ, я могу допустить нѣкоторыя неточности въ изложеніи и ошибки въ датахъ.

Заранѣе прошу за это извинить и прошу тѣхъ, которые могутъ сдѣлать необходимыя исправленія или указать на допущенныя мною ошибки — сообщить объ этомъ мнѣ, или сдѣлать поправки путемъ печати.

Нисколько не претендуя на непогрѣшимость своихъ выводовъ, буду радъ, если и они подвергнутся критикѣ.

«Du choc des opinions jaillit la vérité».

Буду писать и дѣлать заключенія — какъ это представляется мнѣ. А истина получится изъ сопоставленія различныхъ описаній однихъ и тѣхъ же событій.

Первые мѣсяцы революціи

Вернувшійся изъ Крыма въ февралѣ 1917 года генералъ Алексѣевъ чувствовалъ себя очень слабымъ и мы совѣтовали ему себя не переутомлять и позволить ему докладывать лишь наиболѣе серьезные вопросы.

Но онъ насъ не послушалъ и немедленно взвалилъ на себя всю громадную текущую работу, знакомясь подробно, одновременно съ этимъ, со всей перепиской по штабу, бывшей во время его отсутствія.

Черезъ нѣсколько дней это отразилось на его здоровьѣ и появилась еще большая слабость и повышенная температура.

Доктора потребовали, чтобы онъ въ теченіе дня лежалъ нѣсколько часовъ.

25 февраля/10 Марта была получена изъ Петрограда телеграмма отъ военнаго министра, генерала Бѣляева, что на заводахъ въ Петроградѣ объявлена забастовка и что среди рабочихъ, на почвѣ недостатка въ столицѣ продуктовъ, начинаются безпорядки.

Въ телеграммѣ добавлено было, что мѣры къ прекращенію безпорядковъ приняты и что ничего серьезнаго нѣтъ.

Въ тотъ же день была получена вторая телеграмма отъ генерала Бѣляева, въ которой сообщалось, что рабочіе на улицахъ поютъ революціонныя пѣсни, выкидываютъ красные флаги и что движеніе разростается. Заканчивалась телеграмма указаніемъ, что къ 26 февраля/11 марта безпорядки будутъ прекращены.

26 февраля/11 марта генералъ Бѣляевъ и Главный начальникъ Петроградскаго военнаго округа, генералъ Хабаловъ, уже доносили, что нѣкоторыя изъ войсковыхъ частей, вызванныхъ для прекращенія безпорядковъ, отказываются употреблять оружіе противъ толпы и переходятъ на сторону бунтующихъ рабочихъ и черни, которая начинаетъ присоединяться къ рабочимъ.

Генералъ Бѣляевъ продолжалъ успокаивать, сообщая, что всѣ мѣры для прекращенія безпорядковъ приняты и что онъ увѣренъ, что они будутъ подавлены.

Генералъ Хабаловъ сообщалъ болѣе тревожныя данныя и просилъ о присылкѣ подкрѣпленій, указывая на ненадежность Петроградскаго гарнизона.

Предсѣдатель Государственной Думы, М. В. Родзянко, прислалъ очень тревожную телеграмму, указывая, что начинаются въ войскахъ аресты офицеровъ, что войска переходятъ на сторону рабочихъ и черни, что положеніе крайне серьезно и что необходима присылка въ Петроградъ надежныхъ частей.

Генералъ Алексѣевъ, послѣ доклада Государю Императору, послалъ телеграммы Главнокомандующимъ Сѣвернаго и Западнаго фронтовъ съ указаніемъ немедленно приготовить для отправки въ Петроградъ по одной бригадѣ пѣхоты съ артиллеріей и по одной бригадѣ конницы.

Было указано во главѣ отправляемыхъ бригадъ поставить энергичныхъ генераловъ.

26 февраля/11 марта вечеромъ и утромъ 27 февраля/12 марта были получены телеграммы отъ Предсѣдателя Государственной Думы на имя Государя Императора, въ которыхъ, въ очень мрачныхъ краскахъ, описывалось происходящее въ Петроградѣ и указывалось, что единственный способъ прервать революцію и водворить порядокъ — это немедленно уволить въ отставку всѣхъ министровъ, объявить манифестомъ, что кабинетъ министровъ будетъ отвѣтственъ передъ Государственной Думой и поручить сформированіе новаго кабинета министровъ какому либо лицу, пользующемуся довѣріемъ общественнаго мнѣнія.

Генералъ Алексѣевъ доложилъ эти телеграммы Государю, который приказалъ вызвать генералъ-адъютанта Н. І. Иванова* и поручить ему отправиться въ Петроградъ и принять руководство подавленіемъ мятежа.

Приказано было съ генераломъ Ивановымъ послать какую-нибудь надежную часть.

Генералъ Алексѣевъ вызвалъ генерала Иванова, передалъ ему приказаніе Государя и сказалъ, что вмѣстѣ съ нимъ изъ Могилева будетъ отправленъ Георгіевскій батальонъ.

Насколько еще не придавалось серьезнаго значенія происходящему въ Петроградѣ, показываетъ, что съ отправкой войскъ съ сѣвернаго и западнаго фронтовъ не торопились, а было приказано лишь «подготовить» войска къ отправкѣ.

Что касается генерала Иванова, то и онъ, повидимому, считалъ, что все закончится скоро и мирно, такъ какъ поручилъ своему адъютанту купить въ Могилевѣ провизію, которую собирался отвезти своимъ знакомымъ въ Петроградъ.

27 февраля/12 марта, около двѣнадцати часовъ, генерала Алексѣева вызвалъ къ прямому проводу Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Великій Князь сообщилъ генералу Алексѣеву тѣ же данныя, которыя были изложены въ телеграммахъ предсѣдателя Государственной Думы, и просилъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго немедленно доложить Государю, что и онъ считаетъ единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія — срочно распустить нынѣшній составъ совѣта министровъ, объявить о согласіи создать отвѣтственное передъ Государственной Думой правительство и поручить сформировать новый кабинетъ министровъ или предсѣдателю всероссійскаго земскаго союза князю Львову, или предсѣдателю Государственной Думы Родзянко.

Генералъ Алексѣевъ пошелъ съ докладомъ къ Государю Императору.

Государь выслушалъ и сказалъ Начальнику Штаба, чтобы онъ передалъ Великому Князю, что Государь его благодаритъ за совѣтъ, но что онъ самъ знаетъ, какъ надо поступить.

Вслѣдъ за этимъ была получена новая телеграмма — отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Князь Голицынъ, указывая, что событія принимаютъ катастрофическій оборотъ, умолялъ Государя немедленно уволить въ отставку весь составъ министровъ. Онъ указывалъ, что вообще существующій составъ министровъ теперь оставаться у власти не можетъ, а нахожденіе въ его составѣ Протопопова вызываетъ общее негодованіе и возмущеніе; что онъ считаетъ единственно возможнымъ спасти положеніе и даже спасти династію — только тѣмъ, что Государь немедленно пойдетъ на уступку общественному мнѣнію и поручитъ составить новый кабинетъ министровъ, отвѣтственный передъ законодательными палатами, или князю Львову, или Родзянко.

Генералъ Алексѣевъ хотѣлъ эту телеграмму послать съ офицеромъ для передачи ее Государю черезъ дежурнаго флигель-адъютанта.

Но я сказалъ генералу Алексѣеву, что положеніе слишкомъ серьезно и надо ему идти самому; что, по моему мнѣнію, мы здѣсь не отдаемъ себѣ

---

* Жилъ въ Могилевѣ.

Львівська державна наукова бібліотека № 120

Львів. Бібліотека АН УРСР

достаточнаго отчета въ томъ, что дѣлается въ Петроградѣ; что, повидимому, единственный выходъ — это поступить такъ, какъ рекомендуютъ Родзянко, Великій Князь и князь Голицынъ; что онъ, генералъ Алексѣевъ, долженъ уговорить Государя.

Генералъ Алексѣевъ пошелъ.

Вернувшись минутъ черезъ десять, генералъ Алексѣевъ сказалъ, что Государь остался очень недоволенъ содержаніемъ телеграммы кн. Голицына и сказалъ, что самъ составитъ отвѣтъ.

— «Но Вы пробовали уговорить Государя согласиться на просьбу Предсѣдателя Совѣта Министровъ? Вы сказали, что и Вы раздѣляете ту же точку зрѣнія?»

— «Государь со мной просто не хотѣлъ и говорить. Я чувствую себя совсѣмъ плохо и сейчасъ прилягу. Если Государь пришлетъ какой-нибудь отвѣтъ — сейчасъ же прійдите мнѣ сказать».

Дѣйствительно у генерала Алексѣева температура была болѣе 39 градусовъ.

Часа черезъ два ко мнѣ въ кабинетъ прибѣжалъ дежурный офицеръ и сказалъ, что въ наше помѣщеніе идетъ Государь.

Я пошелъ на встрѣчу.

Спускаясь съ лѣстницы, я увидѣлъ Государя уже на первой площадкѣ.

Его Величество спросилъ меня:

— «Гдѣ генералъ Алексѣевъ?»

— «Онъ у себя въ комнатѣ; чувствуетъ себя плохо и прилегъ. Прошу Васъ, Ваше Императорское Величество, пройти въ Вашъ кабинетъ, а я сейчасъ позову генерала Алексѣева».

— «Нѣтъ, не надо. Сейчасъ же передайте генералу Алексѣеву эту телеграмму и скажите, что я прошу ее немедленно передать по прямому проводу. При этомъ скажите, что это мое окончательное рѣшеніе, которое я не измѣню, а поэтому безполезно мнѣ докладывать еще что-либо по этому вопросу».

Передавъ мнѣ, какъ теперь помню, сложенный пополамъ синій телеграфный бланкъ, Государь ушелъ.

Я понесъ телеграмму Начальнику Штаба. Телеграмма была написана карандашемъ собственноручно Государемъ и адресована предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Въ телеграммѣ было сказано, что Государь, при создавшейся обстановкѣ, не допускаетъ возможности производить какія-либо перемѣны въ составѣ Совѣта Министровъ, а лишь требуетъ принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для подавленія революціоннаго движенія и бунта среди нѣкоторыхъ войсковыхъ частей Петроградскаго гарнизона.

Затѣмъ Государь указываетъ, что онъ предоставляетъ, временно, предсѣдателю Совѣта Министровъ диктаторскія права по управленію въ Имперіи внѣ раіона подчиненнаго Верховному Главнокомандующему, а что, кромѣ того, въ Петроградъ для подавленія возстанія и установленія порядка командируется съ диктаторскими полномочіями генералъ-адъютантъ Ивановъ.

Получалось въ Петроградѣ два диктатора!

Я вновь просилъ генерала Алексѣева идти къ Государю и умолять измѣнить рѣшеніе; указать, что согласиться на просьбу, изложенную въ трехъ аналогичныхъ телеграммахъ, необходимо.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Начальникъ Штаба пошелъ къ Государю. Вернувшись сказалъ, что Государь рѣшенія не мѣняетъ.

Телеграмма была послана.

Потомъ въ Ставкѣ говорили, что, послѣ полученія телеграммы отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ, Государь больше часа говорилъ по телефону.

Особый телефонъ соединялъ Могилевъ съ Царскимъ Селомъ и съ Петроградомъ.

Такъ какъ предсѣдателю Совѣта Министровъ Государемъ Императоромъ была послана телеграмма, то всѣ были увѣрены, что Государь говорилъ съ Императрицей, бывшей въ это время въ Царскомъ Селѣ.

До вечера изъ Петрограда было получено еще нѣсколько телеграммъ, указывавшихъ, что положеніе становится все болѣе и болѣе серьезнымъ.

Главнокомандующему сѣвернымъ фронтомъ было послано приказаніе немедленно по подготовкѣ частей, предназначаемыхъ къ отправленію въ Петроградъ, ихъ послать по назначенію.

Часовъ въ 9 вечера, когда я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, кто-то ко мнѣ постучался и затѣмъ вошелъ дворцовый комендантъ, генералъ Воейковъ.

Дворцовый комендантъ сказалъ мнѣ, что Государь приказалъ немедленно подать литерные поѣзда* и доложить, когда они будутъ готовы; что Государь хочетъ сейчасъ же, какъ будутъ готовы поѣзда, ѣхать въ Царское Село; при чемъ онъ хочетъ выѣхать изъ Могилева не позже 11 часовъ вечера.

Я отвѣтилъ, что подать поѣзда къ 11 ч. вечера можно, но отправить ихъ раньше 6 ч. утра невозможно по техническимъ условіямъ: надо приготовить свободный пропускъ по всему пути и всюду разослать телеграммы.

Затѣмъ я сказалъ генералу Воейкову, что рѣшеніе Государя ѣхать въ Царское Село можетъ повести къ катастрофическимъ послѣдствіямъ, что, по моему мнѣнію, Государю необходимо оставаться въ Могилевѣ; что связь между Штабомъ и Государемъ будетъ потеряна, если произойдетъ задержка въ пути; что мы ничего опредѣленнаго не знаемъ, что дѣлается въ Петроградѣ и Царскомъ Селѣ и что ѣхать Государю въ Царское Село опасно.

Генералъ Воейковъ мнѣ отвѣтилъ, что принятаго рѣшенія Государь не измѣнитъ, и просилъ срочно отдать необходимыя распоряженія.

Я далъ по телефону необходимыя указанія начальнику военныхъ сообщеній и пошелъ къ генералу Алексѣеву, который уже легъ спать.

Разбудивъ его, я опять сталъ настаивать, чтобы онъ немедленно пошелъ къ Государю и отговорилъ его отъ поѣздки въ Царское Село.

Я сказалъ, что если Государь не желаетъ идти ни на какія уступки, то я понялъ бы, если бъ онъ рѣшилъ немедленно ѣхать въ особую армію (въ которую входили всѣ гвардейскія части), на которую можно вполнѣ положиться; но ѣхать въ Царское Село — это можетъ закончиться катастрофой.

---

* Литерными поѣздами назывались два поѣзда, всегда отправлявшіеся одинъ за другимъ при царскихъ поѣздкахъ. Въ одномъ изъ поѣздовъ ѣхалъ Государь.

Генералъ Алексѣевъ одѣлся и пошелъ къ Государю.

Онъ пробылъ у Государя довольно долго и, вернувшись, сказалъ, что Его Величество страшно безпокоится за Императрицу и за дѣтей и рѣшилъ ѣхать въ Царское Село.

Въ первомъ часу ночи Государь проѣхалъ въ поѣздъ, который отошелъ въ 6 часовъ утра 28 февраля/13 марта.

Утромъ 28 февраля/13 марта была получена телеграмма отъ предсѣдателя Государственной Думы, въ которой сообщалось, что революція въ Петроградѣ въ полномъ разгарѣ, что всѣ правительственные органы перестали функціонировать, что министры толпой арестовываются, что чернь начинаетъ завладѣвать положеніемъ и что Комитетъ Государственной Думы, дабы предотвратить истребленіе офицеровъ и администраціи и успокоить разгорѣвшіяся страсти, рѣшилъ принять правительственныя функціи на себя; во главѣ Комитета остается онъ — предсѣдатель Государственной Думы.

Съ этого момента Комитетъ Государственной Думы принялъ на себя, такъ сказать, управленіе революціоннымъ движеніемъ.

Но, параллельно съ Комитетомъ Государственной Думы, образовался въ Петроградѣ «Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», который фактически вліялъ на рѣшенія этого Комитета.

Поѣздъ Государя дошелъ до станціи «Дно», но дальше его не пропустили — подъ предлогомъ, что испорченъ мостъ.

Государь хотѣлъ проѣхать черезъ Бологое по Николаевской желѣзной дорогѣ, но не пустили и туда.

Создалось ужасное положеніе: связь Ставки съ Государемъ потеряна, а Государя явно не желаютъ, по указанію изъ Петрограда, пропускать въ Царское Село.

Наконецъ Государь рѣшилъ ѣхать въ Псковъ.

Въ Псковъ Государь прибылъ къ вечеру 1/14 марта.

Что собственно побудило Государя направиться въ Псковъ, гдѣ находился штабъ Главнокомандующаго Сѣвернаго фронта, генерала Рузскаго, а не вернуться въ Ставку въ Могилевъ?

Объясняютъ это тѣмъ, что въ бытность въ Могилевѣ при началѣ революціи — онъ не чувствовалъ твердой опоры въ своемъ начальникѣ штаба генералѣ Алексѣевѣ и рѣшилъ ѣхать къ арміи на сѣверный фронтъ, гдѣ надѣялся найти болѣе твердую опору въ лицѣ генерала Рузскаго.

Возможно, конечно, и это, но возможно и то, что Государь, стремясь скорѣй соединиться со своей семьей, хотѣлъ оставаться временно гдѣ-либо по близости къ Царскому Селу, и такимъ пунктомъ, гдѣ можно было имѣть хорошую связь и со Ставкой, и съ Царскимъ Селомъ, былъ именно Псковъ, гдѣ находился штабъ сѣвернаго фронта.

* * *

Между тѣмъ отправившійся изъ Могилева въ Петроградъ, съ Георгіевскимъ батальономъ, генералъ Ивановъ благополучно 28 февраля/13 марта прибылъ въ Царское Село. Поѣздъ его никѣмъ задержанъ не былъ. По прибытіи въ Царское Село, генералъ Ивановъ, вмѣсто того, чтобы сейчасъ же высадить батальонъ и начать дѣйствовать рѣшительно,

приказалъ батальону не высаживаться, а послалъ за начальникомъ гарнизона и комендантомъ города.

Въ мѣстныхъ частяхъ войскъ уже начиналось броженіе и образовались комитеты; но серьезныхъ выступленій еще не было. Кромѣ того, нѣкоторыя части, какъ конвой Его Величества, такъ и собственный Его Величества пѣхотный полкъ, были еще, въ массѣ своей, вѣрными присягѣ.

Слухъ о прибытіи эшелона войскъ съ фронта вызвалъ въ революціонно настроенныхъ частяхъ смущеніе; никто не зналъ — что направляется еще за этимъ эшелономъ.

Но скоро стало извѣстнымъ, что ничего, кромѣ этого единственнаго эшелона, съ фронта не ожидается.

Оставленіе Георгіевскаго батальона въ поѣздѣ и нерѣшительныя дѣйствія генерала Иванова сразу измѣнили картину.

Къ вокзалу стали прибывать запасныя части, квартировавшія въ Царскомъ Селѣ, и начали занимать выходы съ вокзальной площади и окружать поѣздъ съ прибывшимъ эшелономъ.

Мѣстныя власти были совершенно растеряны и докладывали генералу Иванову, что они надѣются поддержать порядокъ въ Царскомъ Селѣ; что высадку и какія либо дѣйствія Георгіевскаго батальона они считаютъ опасными.

Если батальонъ высадится, то произойдетъ неизбѣжное столкновеніе съ мѣстными войсками, порядокъ будетъ нарушенъ и Царской Семьѣ будетъ угрожать опасность. Совѣтовали генералу Иванову отправиться обратно.

Съ подобными же совѣтами и указаніями къ генералу Иванову стали прибывать различныя лица и изъ Петрограда.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, генералъ Ивановъ согласился, чтобы его эшелонъ отправили на станцію Дно.

Такимъ образомъ, изъ командировки генерала Иванова въ Царское Село и Петроградъ, съ диктаторскими полномочіями, ничего, кромѣ скандала, не получилось.

* * *

Послѣ отъѣзда Государя изъ Ставки, въ теченіе 28 февраля/13 марта и 1/14 марта, событія въ Петроградѣ развертывались съ чрезвычайной быстротой.

Въ Ставкѣ мы получали изъ Петрограда одну телеграмму за другой, которыя рисовали полный разгаръ революціоннаго движенія, переходъ почти всѣхъ войскъ на сторону революціонеровъ, убійства офицеровъ и чиновъ полиціи, бунтъ и убійства офицеровъ въ Балтійскомъ флотѣ, аресты всѣхъ мало-мальски видныхъ чиновъ администраціи.

Волненія начинались въ Москвѣ и другихъ крупныхъ центрахъ, гдѣ были расположены запасные батальоны.

Пѣхотныя части, отправленныя съ сѣвернаго фронта въ Петроградъ, въ Лугѣ были встрѣчены делегатами отъ мѣстныхъ запасныхъ частей, стали сдавать свои винтовки и объявили, что противъ своихъ драться не будутъ.

Отъ предсѣдателя Государственной Думы получались телеграммы, въ которыхъ указывалось, что противъ Государя въ Петроградѣ страшное возбужденіе и что теперь уже совершенно недостаточно произвести смѣну министерства и образовать новое, отвѣтственное передъ Государственной Думой, а ставится вполнѣ опредѣленно вопросъ объ отреченіи Государя отъ престола; что это единственный выходъ изъ положенія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, анархія охватитъ всю страну и неизбѣженъ конецъ войны съ Германіей.

Въ частности, относительно Петрограда указывалось, что только отреченіе Государя отъ престола можетъ предотвратить почти поголовное избіеніе офицеровъ гарнизона и во флотѣ, и разрушеніе центральныхъ административныхъ аппаратовъ.

М. В. Родзянко телеграфировалъ, что посылка войскъ съ фронта ни къ какимъ результатамъ не приведетъ, такъ какъ войска будутъ переходить на сторону революціонныхъ массъ и анархія будетъ только увеличиваться.

Положеніе было дѣйствительно трудное.

Съ самаго начала, главнымъ образомъ вслѣдствіе успокоительныхъ телеграммъ, получавшихся отъ военнаго министра генерала Бѣляева, не были приняты рѣшительныя и достаточныя мѣры для подавленія революціоннаго движенія, а къ 1/14 марта пожаръ разгорѣлся настолько сильно, что потушить его было не легко.

Выходъ конечно былъ.

Это немедленный отъѣздъ Государя въ раіонъ Особой Арміи и отправка въ Петроградъ и Москву сильныхъ и вполнѣ надежныхъ отрядовъ.

Революціонное движеніе и въ этотъ періодъ потушить было еще возможно.

Но какой цѣной?

Представлялось совершенно неоспоримымъ, что посылка небольшихъ частей изъ раіоновъ сѣвернаго и западнаго фронтовъ никакого результата не дастъ.

Для того же, чтобы сорганизовать вполнѣ достаточные и надежные отряды, требовалось дней 10—12 (пришлось бы нѣкоторыя дивизіи снимать съ фронта). За этотъ же періодъ весь тылъ былъ бы охваченъ революціей и навѣрно начались бы безпорядки и въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ на фронтѣ.

Получалась увѣренность, что пришлось бы вести борьбу и на фронтѣ и съ тыломъ. А это было совершенно невозможно.

Слѣдовательно, рѣшеніе подавить революцію силою оружья, заливъ кровью Петроградъ и Москву, не только грозило прекращеніемъ на фронтѣ борьбы съ врагомъ, а было бы единственно возможнымъ только именно съ прекращеніемъ борьбы, съ заключеніемъ позорнаго сепаратнаго мира.

Послѣднее же было такъ ужасно, что представлялось неизбѣжнымъ сдѣлать все возможное для мирнаго прекращенія революціи — лишь бы борьба съ врагомъ на фронтѣ не прекращалась.

Кромѣ того, было совершенно ясно, что если бъ Государь рѣшилъ, во что бы то ни стало, побороть революцію силою оружья и это привело къ прекращенію борьбы съ Германіей и Австро-Венгріей, то не только наши союзники никогда этого не простили бы Россіи, но и общественное мнѣніе Россіи этого не простило бы Государю.

Это могло бы временно пріостановить революцію, но она, конечно, вспыхнула бы съ новой силой въ самое ближайшее время, вѣроятно въ періодъ демобилизаціи арміи, и смела бы не только правительство, но и династію.

Утромъ 1/14 марта отъ предсѣдателя Государственной Думы получена была телеграмма, что въ Псковѣ, куда выѣхалъ со станціи «Дно» Государь Императоръ, отправляется депутація отъ имени Комитета Государственной Думы въ составѣ А. И. Гучкова и В. В. Шульгина, что имъ поручено освѣтить Государю всю обстановку и высказать, что единственнымъ рѣшеніемъ, для прекращенія революціи и возможности продолжать войну, является отреченіе Государя отъ престола, передача его Наслѣднику Цесаревичу и назначеніе регентомъ Великаго Князя Михаила Александровича.

Главнокомандующій сѣвернымъ фронтомъ, генералъ Рузскій, съ которымъ объ этомъ уже переговорилъ М. В. Родзянко, обратился къ Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ просьбой высказать по этому вопросу свое заключеніе и дать ему данныя — какъ къ этому вопросу относятся всѣ Главнокомандующіе фронтовъ.

Генералъ Рузскій заявилъ, что онъ долженъ знать всю обстановку къ пріѣзду во Псковъ Государя Императора.

Онъ сказалъ, что Государю, вѣроятно, будетъ недостаточно выслушать мнѣніе только его, генерала Рузскаго; хотя онъ лично и думаетъ, что врядъ ли есть какой либо иной выходъ изъ создавшагося положенія кромѣ того, который будетъ предложенъ Государю выѣхавшей изъ Петрограда депутаціей, но ему необходимо точно знать, какъ на это смотритъ Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и другіе Главнокомандующіе фронтовъ.

Генералъ Рузскій закончилъ заявленіемъ, что, такъ какъ у Государя утеряна въ данное время связь съ арміей, то начальникъ Его Штаба, на основаніи Положенія о полевомъ Управленіи войскъ, фактически вступилъ въ исполненіе обязанностей Верховнаго Главнокомандующаго и поэтому долженъ, съ точки зрѣнія боевой, дать оцѣнку происходящимъ событіямъ.

Генералъ Алексѣевъ поручилъ мнѣ составить телеграмму Главнокомандующимъ фронтовъ съ подробнымъ изложеніемъ всего происходящаго въ Петроградѣ, съ указаніемъ о томъ, что ставится вопросъ объ отреченіи Государя отъ престола въ пользу Наслѣдника Цесаревича съ назначеніемъ Регентомъ Великаго Князя Михаила Александровича, и съ просьбой, чтобы Главнокомандующіе срочно сообщили по послѣднему вопросу свое мнѣніе.

Телеграмма была подписана генераломъ Алексѣевымъ и, по прямому проводу, передана всѣмъ Главнокомандующимъ.

Черезъ нѣсколько времени меня вызвалъ къ прямому проводу Главнокомандующій западнаго фронта, генералъ Эвертъ, и сказалъ, что онъ свое заключеніе дастъ лишь послѣ того, какъ выскажутся генералы Рузскій и Брусиловъ.

Такъ какъ мнѣніе генерала Рузскаго о томъ, что другого выхода, повидимому, нѣтъ, кромѣ отреченія отъ престола Государя Императора, было извѣстно, то это мнѣніе Главнокомандующаго Сѣвернаго фронта

я и сообщилъ генералу Эверту, сказавъ, что заключеніе генерала Брусилова будетъ ему сообщено.

Вслѣдъ за этимъ, изъ штаба юго-западнаго фронта, передали телеграмму генерала Брусилова, который сообщилъ, что, по его мнѣнію, обстановка указываетъ на необходимость Государю Императору отречься отъ престола.

Мнѣніе генерала Брусилова было передано генералу Эверту и онъ отвѣтилъ, что, какъ ему ни тяжело это сказать, но и онъ принужденъ присоединиться къ мнѣніямъ, высказаннымъ генералами Рузскимъ и Брусиловымъ.

Затѣмъ была получена изъ Тифлиса копія телеграммы Великаго Князя Николая Николаевича, адресованной на имя Государя.

Великій Князь докладывалъ Государю, что, какъ это ни отвѣтственно передъ Богомъ и Родиной, но онъ вынужденъ признать, что единственнымъ выходомъ для спасенія Россіи и династіи и для возможности продолжать войну является отреченіе Государя отъ престола въ пользу Наслѣдника.

Главнокомандующій Румынскаго фронта, генералъ Сахаровъ, долго не отвѣчалъ на посланную ему телеграмму и требовалъ, чтобы ему были сообщены заключенія всѣхъ Главнокомандующихъ.

Послѣ посланныхъ ему мнѣній Главнокомандующихъ онъ прислалъ свое заключеніе.

Въ первой части своей телеграммы, отзываясь очень рѣзко объ образовавшемся Комитетѣ Государственной Думы, называя его шайкой разбойниковъ, захватившихъ въ свои руки власть, онъ указываетъ, что ихъ надо просто разогнать.

Во второй части телеграммы онъ говоритъ, что то, что сказалъ, подсказываетъ ему сердце, но разумъ принужденъ признать необходимость отреченія отъ престола.

Всѣ заключенія Главнокомандующихъ были переданы генералу Рузскому, причемъ и генералъ Алексѣевъ высказался за отреченіе Государя въ пользу Наслѣдника.

Послѣ пріѣзда Государя въ Псковъ генералъ Рузскій доложилъ ему всѣ телеграммы.

Поздно вечеромъ 1/14 марта генералъ Рузскій прислалъ телеграмму, что Государь приказалъ составить проектъ манифеста объ отреченіи отъ престола въ пользу Наслѣдника съ назначеніемъ Великаго Князя Михаила Александровича регентомъ.

Государь приказалъ проектъ составленнаго манифеста передать по прямому проводу генералу Рузскому.

О полученномъ распоряженіи я доложилъ генералу Алексѣеву и онъ поручилъ мнѣ, совмѣстно съ начальникомъ дипломатической части въ Ставкѣ г. Базили, срочно составить проектъ манифеста.

Я вызвалъ г-на Базили и мы съ нимъ, вооружившись Сводомъ Законовъ Россійской Имперіи, приступили къ составленію проекта манифеста.

Затѣмъ составленный проектъ былъ доложенъ генералу Алексѣеву и переданъ по прямому проводу генералу Рузскому.

По приказанію генерала Алексѣева, послѣ передачи проекта манифеста въ Псковъ, объ этомъ было сообщено въ Петроградъ предсѣдателю Государственной Думы.

Отъ М. В. Родзянко, послѣ этого, была получена довольно неясная телеграмма, заставившая думать, что и эта уступка со стороны Государя можетъ оказаться не достаточной.

2/15 марта, послѣ разговора съ А. И. Гучковымъ и В. В. Шульгинымъ, Государь хотѣлъ подписать манифестъ объ отреченіи отъ престола въ пользу Наслѣдника.

Но, какъ мнѣ впослѣдствіи передавалъ генералъ Рузскій, въ послѣднюю минуту, уже взявъ для подписи перо, Государь спросилъ, обращаясь къ Гучкову, можно ли будетъ ему жить въ Крыму.

Гучковъ отвѣтилъ, что это невозможно; что Государю нужно будетъ немедленно уѣхать за границу.

«А могу ли я тогда взять съ собой Наслѣдника?» спросилъ Государь.

Гучковъ отвѣтилъ, что и этого нельзя; что новый Государь, при регентѣ, долженъ оставаться въ Россіи.

Государь тогда сказалъ, что, ради пользы Родины, онъ готовъ на какія угодно жертвы, но разстаться съ сыномъ — это выше его силъ; что на это онъ согласиться не можетъ.

Послѣ этого Государь рѣшилъ отречься отъ престола и за себя и за наслѣдника, а престолъ передать своему брату Великому Князю Михаилу Александровичу.

На этомъ было рѣшено и передѣланный манифестъ былъ Государемъ подписанъ*.

Передъ отреченіемъ отъ престола Государь подписалъ Указъ объ увольненіи въ отставку прежняго состава Совѣта Министровъ, и о назначеніи предсѣдателемъ Совѣта Министровъ князя Львова.

Приказомъ по арміи и флоту и Указомъ Правительствующему Сенату Верховнымъ Главнокомандующимъ Государь назначилъ Великаго Князя Николая Николаевича.

Все это съ курьеромъ было послано въ Ставку для немедленнаго распубликованія.

Получивъ телеграмму о томъ, что Государь отрекся отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича, въ Ставкѣ стало ясно, что на этомъ дѣло не кончится.

Во первыхъ, по основнымъ законамъ о престолонаслѣдіи, Царь могъ отречься отъ престола только за себя; за своего наслѣдника онъ отрекаться отъ престола не могъ.

Во вторыхъ, приходящія отрывочныя и не достаточно ясныя телеграммы — указывали, что отреченіе Государя врядъ ли удовлетворитъ довлѣющій надъ комитетомъ Государственной Думы Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

* Въ стенограммѣ доклада В. В. Шульгина комитету Государственной Думы о результатѣ поѣздки его и Гучкова къ Государю, объ окончательномъ рѣшеніи Государя отречься въ пользу брата излагается не такъ.

Въ стенограммѣ сказано:

«Когда Гучковъ кончилъ, заговорилъ Царь. Его голосъ и манеры были гораздо спокойнѣй и дѣловитѣй. Совершенно спокойно, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, онъ сказалъ: «Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ престола. До 3хъ часовъ дня я готовъ былъ пойти на отреченіе въ пользу моего сына, но затѣмъ я понялъ, что разстаться съ моимъ сыномъ я не способенъ». Тутъ онъ сдѣлалъ очень короткую остановку и продолжалъ: «Вы это, надѣюсь, поймете. Поэтому я рѣшилъ отречься въ пользу брата.»

Въ третьихъ, было крайне сомнительнымъ, чтобы Великій Князь Михаилъ Александровичъ, по свойствамъ своего характера, согласился въ такую минуту стать Императоромъ.

И дѣйствительно изъ Петрограда была получена телеграмма, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ, со своей стороны, отрекается отъ престола.

Предсѣдатель Государственной Думы прислалъ телеграмму, что надо задержать приказъ, объявляющій о вступленіи на престолъ Великаго Князя Михаила Александровича, чтобы не произошло путаницы.

На фронты были посланы подробныя разъясненія происходившихъ событій.

3/16 марта Государь вернулся изъ Пскова въ Могилевъ.

Настроеніе въ Ставкѣ было подавленное.

Никто не вѣрилъ, что новое временное правительство, формируемое въ Петроградѣ, съ княземъ Львовымъ во главѣ, окажется на должной высотѣ.

Чувствовалось, что пройденъ только первый этапъ революціи; что Государственная Дума, до нѣкоторой степени, руководившая ходомъ событій до отреченія Государя отъ престола и по почину которой было образовано временное правительство, начинаетъ отстраняться, затмеваться новымъ органомъ, создавшимся въ видѣ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ; чувствовалось, что этотъ новый органъ, прежде всего, враждебенъ арміи и врядъ ли, съ образованіемъ временнаго правительства, откажется отъ желанія производить дальнѣйшее углубленіе революціи.

Этотъ совѣтъ, съ первыхъ же дней революціи, посылалъ на фронтъ агитаторовъ, возбуждавшихъ солдатъ противъ офицеровъ и требовавшихъ созданія во всѣхъ частяхъ войскъ комитетовъ, которые захватили бы въ свои руки власть.

Началось броженіе и въ войсковыхъ частяхъ, бывшихъ въ Могилевѣ.

Генераломъ Алексѣевымъ были посланы телеграммы Главнокомандующимъ фронтами съ требованіемъ срочно командировать на узловыя станціи надежныя войсковыя части, образовать при нихъ военно-полевые суды и затѣмъ, вылавливая агитаторовъ изъ поѣздовъ, тутъ же предавать ихъ военно-полевому суду.

Узнавъ объ этомъ распоряженіи генерала Алексѣева, временное правительство потребовало его отмѣны.

* * *

Желая водворить порядокъ въ Петроградѣ, еще въ періодъ формированія временнаго правительства, предсѣдатель Государственной Думы просилъ генерала Алексѣева срочно командировать въ Петроградъ на должность главнаго начальника Петроградскаго военнаго округа командира 25 армейскаго корпуса, генерала Корнилова.

Генералъ Корниловъ былъ вызванъ по телеграммѣ и черезъ нѣсколько дней проѣхалъ въ Петроградъ.

* * *

На другой день послѣ пріѣзда Государя изъ Пскова, изъ Кіева въ Могилевъ пріѣхала Вдовствующая Императрица Марья Ѳеодоровна.

Императрица оставалась въ Могилевѣ до отъѣзда Государя въ Царское Село.

Государь задерживалъ свой отъѣздъ изъ Могилева и это, повидимому, нервило Петроградъ, такъ какъ оттуда нѣсколько разъ запрашивали о времени, когда Государь рѣшилъ уѣхать изъ Ставки.

Задерживался ли Государь изъ за желанія продлить свое свиданіе съ Матерью Императрицей, или просто ему трудно и больно было окончательно рѣшиться ѣхать въ Царское Село и стать узникомъ временнаго правительства — я не знаю; но что Государь оттягивалъ свой отъѣздъ — это вѣрно.

Наконецъ Государь сказалъ генералу Алексѣеву, что онъ выѣзжаетъ въ Царское Село 8/21 марта.

Объ этомъ была послана телеграмма въ Петроградъ и оттуда было отвѣчено, что для сопровожденія Государя до Царскаго Села, 8/21 марта утромъ, пріѣдутъ нѣсколько делегатовъ, командируемыхъ отъ временнаго правительства.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Могилева, Государь пожелалъ попрощаться со всѣми чинами штаба.

По распоряженію генерала Алексѣева всѣ чины штаба Верховнаго Главнокомандующаго и представители конвоя были собраны въ большой залѣ помѣщенія дежурнаго генерала.

Государь вошелъ и, сдѣлавъ общій поклонъ, обратился къ намъ съ короткой рѣчью, въ которой сказалъ, что благо Родины, необходимость предотвратить ужасы междуусобицы и гражданской войны, а также создать возможность напрячь всѣ силы для продолженія борьбы на фронтѣ — заставили его рѣшиться отречься отъ престола въ пользу своего брата Великаго Князя Михаила Александровича; но что Великій Князь, въ свою очередь, отрекся отъ престола.

Государь обратился къ намъ съ призывамъ повиноваться временному правительству и приложить всѣ усилія къ тому, чтобы война съ Германіей и Австро-Венгріей продолжалась до побѣднаго конца.

Затѣмъ, пожелавъ всѣмъ всего лучшаго и поцѣловавъ генерала Алексѣева, Государь сталъ всѣхъ обходить, останавливаясь и разговаривая съ нѣкоторыми.

Напряженіе было очень большое; нѣкоторые не могли сдержаться и громко рыдали. У двухъ произошелъ истерическій припадокъ. Нѣсколько человѣкъ, во весь ростъ, рухнули въ обморокъ.

Между прочимъ, одинъ старикъ конвоецъ, стоявшій близко отъ меня, сначала какъ то странно застоналъ, затѣмъ у него начали капать изъ глазъ крупныя слезы, а затѣмъ, вскрикнувъ, онъ, не сгибаясь въ колѣняхъ, во весь свой большой ростъ, упалъ навзничь на полъ.

Государь не выдержалъ; оборвавъ свой обходъ, поклонился и, вытирая глаза, быстро вышелъ изъ зала.

Передъ отъѣздомъ изъ Могилева, Государь подписалъ слѣдующее обращеніе къ войскамъ:

«Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія за себя и за сына моего отъ престола Россій-

скаго, власть передана временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему.

Да поможетъ ему Богъ вести Россіи по пути славы и благоденствія.

Да поможетъ Богъ вамъ, доблестныя войска, отстоять нашу Родину отъ злого врага. Въ продолженіе двухъ съ половиной лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сдѣлано усилій и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усилье противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнникъ Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ. Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестную нашу Родину, повинуйтесь временному правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ.

Помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагу.

Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ васъ Господь Богъ и да ведетъ васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій».

Ставка, 8/21 марта 1917 года. «Николай»

Это обращеніе Государя было немедленно передано во всѣ штабы фронтовъ для сообщенія въ войска.

Впослѣдствіи, какъ мнѣ говорилъ генералъ Алексѣевъ, его упрекали изъ Петрограда за то, что онъ позволилъ себѣ передать въ войска обращеніе уже отрекшагося отъ престола Императора . . .

Послѣ того какъ Государь, съ нѣкоторыми лицами свиты, сѣлъ въ поѣздъ, произошелъ совершенно не нужный и непріятный инцидентъ.

Г-да делегаты, присланные изъ Петрограда, по собственному ли почину, или по полученному указанію, произвели повѣрку всѣхъ ѣдущихъ въ поѣздѣ и нѣкоторымъ изъ нихъ объявили, что они должны выйти изъ поѣзда и въ Царское Село имъ ѣхать не разрѣшается.

Въ числѣ этихъ лицъ, изгоняемыхъ изъ поѣзда, были: министръ двора — графъ Фредериксъ, дворцовый комендантъ — Воейковъ и адмиралъ Ниловъ.

Все это дѣлалось крайне рѣзко и просто неприлично. Эти господа объявили, что они хозяева поѣзда и ихъ распоряженія должны исполняться.

Было объ этомъ доложено Государю.

Государь махнулъ рукой и сказалъ тихимъ голосомъ: «Надо исполнить ихъ требованіе. Пускай теперь дѣлаютъ — что хотятъ».

Поѣздъ ушелъ.

Временнымъ правительствомъ былъ обѣщанъ Государю съ семьей свободный выѣздъ за границу.

Къ несчастью, въ это время Наслѣдникъ и Великія Княжны были больны корью и всей Царской Семьѣ пришлось, въ качествѣ арестованныхъ, оставаться въ Царскомъ Селѣ.

Но если бъ даже Царская Семья могла выѣхать за границу, то крайне сомнительно, чтобы это было допущено Петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Это явствуетъ изъ того, что, по требованію этого совѣта, по указанію временнаго правительства, Государь долженъ былъ ежедневно, при смѣнѣ карауловъ, проходить мимо нихъ, чтобы они видѣли, что онъ на лицо, что онъ не сбѣжалъ.

Такимъ образомъ, Государь, уже съ момента пріѣзда въ Царское Село, находился подъ арестомъ, а въ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ уже подымались голоса о необходимости суда надъ отрекшимся отъ престола Императоромъ.

Впослѣдствіи, когда, вопреки обѣщанію временнаго правительства, Царскую Семью отправили не за границу, а, подъ предлогомъ вывезти изъ Царскаго Села въ болѣе безопасное мѣсто, повезли въ ссылку въ Сибирь — стало ясно, что Россіи не избѣжать позора расправы озвѣрѣлыхъ негодяевъ, или наемныхъ убійцъ, съ Царской Семьей.

Вдовствующая Императрица уѣхала въ Кіевъ въ день, когда Государь отправился въ Царское Село.

Если не ошибаюсь, 10/23 марта въ Могилевъ пріѣхалъ Великій Князь Николай Николаевичъ.

Генералъ Алексѣевъ и я поѣхали съ докладомъ въ поѣздъ Великаго Князя.

Великій Князь насъ принялъ и сказалъ, что онъ получилъ письмо отъ предсѣдателя временнаго правительства, въ коемъ кн. Львовъ указываетъ, что Великому Князю, по многимъ соображеніямъ, невозможно быть Верховнымъ Главнокомандующимъ и проситъ его въ командованіе не вступать.

Вмѣсто доклада, мнѣ пришлось написать проектъ отвѣтной телеграммы отъ Великаго Князя предсѣдателю временнаго правительства о томъ, что должности Верховнаго Главнокомандующаго Великій Князь принимать не будетъ.

А между тѣмъ Великій Князь Николай Николаевичъ, пользовавшійся большой популярностью въ арміи, былъ единственный человѣкъ, который могъ бы желѣзной рукой поддержать дисциплину въ арміи, не допустить развала и довести войну до конца.

Но, естественно, Великій Князь представлялся опаснымъ для «завоеваній революціи» и недопущеніе его къ занятію поста Верховнаго Главнокомандующаго надо было ожидать.

* * *

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Великаго Князя Николая Николаевича въ Могилевъ пріѣхали члены новаго временнаго правительства.

На вокзалѣ, кромѣ оффиціально встрѣчавшихъ лицъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, были представители городского самоуправленія, составъ образовавшагося въ Могилевѣ совѣта рабочихъ депутатовъ, незначительное количество публики и чины желѣзнодорожной стражи.

Поѣздъ подошелъ.

Генералъ Алексѣевъ пошелъ въ министерскій вагонъ. Прошло минутъ десять и, поочереди, стали появляться члены новаго правительства

и, рекомендуясь (Я — такой-то, министръ юстиціи), обращались къ толпѣ съ рѣчью.

Это было и непривычно и просто смѣшно.

Кто-то изъ стоявшихъ рядомъ со мной сказалъ: «совсѣмъ какъ выходъ на сцену царей въ опереткѣ Belle Hélène».

* * *

Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ, нѣсколько позже, назначенъ генералъ Алексѣевъ, а начальникомъ штаба — генералъ Деникинъ.

Послѣ образованія временнаго правительства первый острый періодъ революціи прошелъ и наступилъ второй болѣе длительный — періодъ «углубленія революціи».

Если онъ былъ менѣе бурный въ тылу, то онъ постепенно становился все болѣе и болѣе бурнымъ на фронтѣ.

Агитація въ войскахъ все болѣе усиливалась.

Руководители ея, находясь въ Петроградѣ въ составѣ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, а нѣкоторые и въ составѣ временнаго правительства, начали прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы вытравить изъ арміи всѣ «старорежимные порядки», а въ первую голову — воинскую дисциплину, говоря, что ее надо замѣнить «сознательной, революціонной дисциплиной».

Какъ слѣдствіе этого, начали всюду образовываться комитеты, стремящіеся захватить власть въ свои руки, дисциплина стала расшатываться, начались сначала единичные, а затѣмъ все болѣе и болѣе учащавшіеся случаи убійства офицеровъ и генераловъ.

Армія стала разваливаться.

Петроградскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ выпустилъ и разослалъ по телеграфу во всѣ арміи приказъ (подъ названіемъ приказъ № 1), который въ корнѣ подрывалъ дисциплину, лишая офицерскій командный составъ какой либо власти надъ солдатами.

Въ составленіи этого приказа принимали участіе генеральнаго штаба генералъ Потаповъ (назвавшій себя «первымъ революціоннымъ генераломъ») и извѣстный «сенаторъ» (былъ проведенъ въ сенаторы Керенскимъ) Соколовъ, впослѣдствіи избитый солдатами, когда онъ ихъ уговаривалъ слушать распоряженія временнаго правительства.

Временное правительство отрицало свое участіе въ изданіи этого приказа, но попустительство было явное, такъ какъ, во первыхъ, этотъ приказъ былъ переданъ въ арміи по прямому проводу изъ Управленія генеральнаго штаба, а, во вторыхъ, оффиціальное заявленіе временнаго правительства о томъ, что этотъ приказъ отъ него не исходитъ, несмотря на настоянія генерала Алексѣева, появилось съ значительнымъ запозданіемъ, и въ арміяхъ приказъ № 1 былъ принятъ какъ распоряженіе правительства и послужилъ первымъ рѣшительнымъ толчкомъ къ развалу.

Въ Петроградѣ, въ военномъ министерствѣ, съ первыхъ же дней революціи выдѣлилась группа молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба (прозванныхъ «младотурками»), которые, желая выдѣлиться и выдвинуться въ періодъ революціи, начали проповѣдывать необходимость ради-

кальной ломки «старыхъ, отжившихъ и нереволюціонныхъ» отношеній между офицерами и солдатами; требовали введенія всюду комиссаровъ и комитетовъ, уничтоженія погонъ и проч.

И среди болѣе пожилыхъ, и въ генеральскихъ чинахъ, наканунѣ ярыхъ монархистовъ, появилось много убѣжденныхъ республиканцевъ. Ихъ прозвали «мартовскими эсъ-эрами».

При военномъ министерствѣ была образована особая комиссія для пересмотра уставовъ и положеній и для выработки новыхъ формъ отношеній между военнослужащими, на замѣну «старорежимныхъ».

Комиссія эта работала въ тѣсномъ контактѣ съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и подобострастно прислушивалась къ требованіямъ, оттуда исходящимъ.

Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ назначенъ генералъ Поливановъ, который, позорнымъ потворствомъ демагогическимъ требованіямъ нѣкоторыхъ членовъ этой комиссіи, способствовалъ развалу арміи.

Большинство этихъ «реорганизаторовъ» не понимало, что во время войны нельзя производить такихъ опытовъ съ арміей и безсознательно шло на поводу тѣхъ, которые сознательно шли на развалъ дисциплинированной, регулярной арміи.

Новый военный министръ, А. И. Гучковъ, говорилъ, что онъ приметъ всѣ мѣры къ поддержанію дисциплины въ арміи и будетъ пресѣкать всѣ попытки къ ея развалу.

Но первые же его шаги, въ качествѣ военнаго министра, предпринятые съ цѣлью освѣженія командnаго состава, были неудачны.

Среди старшихъ начальниковъ были дѣйствительно такіе, которыхъ надо было убрать; но военный министръ принялся за это дѣло слишкомъ рѣшительно и довольно неосмотрительно.

Былъ составленъ списокъ всѣхъ старшихъ начальствующихъ лицъ отъ командующихъ арміями до начальниковъ дивизій включительно и, затѣмъ, г. Гучковъ предложилъ нѣсколькимъ генераламъ, которымъ онъ довѣрялъ, поставить противъ всѣхъ помѣщенныхъ въ спискѣ отмѣтки о годности и негодности.

Затѣмъ, по соглашенію съ генераломъ Алексѣевымъ, было уволено со службы свыше 100 генераловъ изъ числа занимавшихъ высшія командныя и административныя должности.

Это, въ свою очередь, вызвало колоссальное перемѣщеніе и на болѣе низкихъ должностяхъ.

Въ этотъ періодъ такую операцію производить было рисковано.

Затѣмъ г. Гучковъ, ходомъ событій, былъ увлеченъ на соглашательскій путь съ крайними элементами и кончилось это тѣмъ, что, увидя полную свою безпомощность и неминуемую гибель арміи, какъ регулярной силы, онъ отказался отъ поста военнаго министра.

Донесенія, поступавшія изъ армій, указывали, что все постепенно разваливается.

Хуже всего было, конечно, въ тыловыхъ частяхъ, въ различныхъ тыловыхъ и техническихъ командахъ и во вновь сформированныхъ дивизіяхъ, въ которыхъ былъ менѣе прочный офицерскій и унтеръ-офицерскій кадръ и которыя были почти исключительно пополнены изъ запасныхъ батальоновъ.

Думать о возможности скоро начать какія либо активныя дѣйствія на фронтахъ было трудно.

Надо было постараться снова прибрать расшатавшіяся части къ рукамъ.

А это было болѣе чѣмъ сомнительно — безъ какихъ либо экстраординарныхъ мѣръ; чувствовалось, что мы летимъ по наклонной плоскости въ пропасть.

Тѣ, которые дѣлали революцію въ періодъ войны только ради ниспроверженія монархическаго строя и которымъ было безразлично какъ это отразится на продолженіи войны, выбрали время для производства революціи великолѣпно.

Царь, ради спасенія Родины и чтобы избѣжать междуусобицы и дать Россіи возможность честно исполнить свой долгъ передъ союзниками, отрекся отъ престола.

Командный составъ и рядовое офицерство, освобожденные Царемъ отъ присяги, ради тѣхъ же цѣлей, признали временное правительство и добросовѣстно и самоотвержено продолжали свою работу.

Тѣ, которые дѣлали революцію за деньги, полученныя отъ германскаго генеральнаго штаба, исполнили свою іудину работу отлично.

Но и тѣ, которые дѣлали революцію во время войны, въ наивномъ предположеніи, что можно ее остановить на той грани, на которой они захотятъ и что можно будетъ продолжать войну — являются такъ же преступниками передъ Родиной.

Они такъ же, какъ и первые, способствовали развалу арміи и невозможности продолжать войну.

Они безсознательно помогли Германіи вывести русскую армію изъ строя*.

---

* Въ обществѣ было и будетъ много споровъ о томъ, «кто сдѣлалъ революцію». Какъ мнѣ передавали, А. Ф. Керенскій, котораго какъ то упрекнули въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ руководителей революціоннаго движенія въ февралѣ и мартѣ 1917 года и что этимъ онъ сыгралъ въ руку нѣмцевъ, будто бы, отвѣтилъ: «Революцію сдѣлали не мы, а генералы. Мы же только постарались ее направить въ должное русло».

Указываютъ и на то, что Чхеидзе, одинъ изъ главныхъ дѣятелей совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, въ первые дни революціи, своей растерянностью, доказалъ, что и соціалистическія партіи никакого участія въ началѣ революціи не принимали.

Отъ многихъ представителей конституціонно-демократической партіи (к. д.) я лично слышалъ, что вообще они были противъ революціи, а тѣмъ болѣе въ періодъ войны.

Остаются, по мнѣнію многихъ, какъ будто, слѣдующія причины начала революціи:

а) Голодъ — который толкнулъ на улицу народъ;

б) Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Протопоповъ, который, будто бы, хотѣлъ и сумѣлъ вызвать революцію на улицу искусственно, чтобы затѣмъ задушить ее оружіемъ;

в) Германскіе агенты, которые воспользовались общимъ недовольствомъ старымъ режимомъ и недостаткомъ продовольствія и вызвали революцію на улицу.

Исторія установитъ истину.

Но и теперь можно опредѣленно установить:

Недостатокъ хлѣба могъ толкнуть на улицу рабочихъ и населеніе, а не войска, которыя этого недостатка не испытывали.

Въ пропагандѣ среди войскъ, помимо агентовъ Германіи, приняли участіе члены образовавшагося Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, съ перваго же дня революціи прилагавшіе всѣ усилія для разложенія арміи.

Въ серединѣ марта я впервые узналъ, что группой общественныхъ дѣятелей предполагался въ мартѣ—апрѣлѣ 1917 года дворцовый переворотъ.

Было, яко-бы, два предположенія.

Одни считали достаточнымъ добиться удаленія изъ Россіи Императрицы Александры Ѳеодоровны и настоять передъ Государемъ на установленіи широкой конституціи; другіе считали необходимымъ добиться отреченія отъ престола Государя въ пользу Наслѣдника, съ назначеніемъ регентомъ Великаго Князя Михаила Александровича.

Чѣмъ бы закончился намѣчавшійся дворцовый переворотъ, еслибъ онъ не былъ сорванъ начавшейся революціей, конечно, сказать трудно. Но надо полагать, что дѣло однимъ дворцовымъ переворотомъ не закончилось бы, такъ какъ крайнія лѣвыя партіи и нѣмцы шли по одному пути — устроить въ Россіи революцію именно во время войны.

* * *

Работать въ Ставкѣ стало трудно и тяжело; чувствовалось полное безсилье задержать ходъ событій и остановить начавшійся развалъ арміи.

Въ концѣ марта я обратился къ генералу Алексѣеву съ просьбой освободить меня отъ должности генералъ-квартирмейстера и дать мнѣ назначеніе въ строй.

Я просилъ дать мнѣ освобождавшійся XI-й армейскій корпусъ. Но въ этотъ же день отъ Главнокомандующаго юго-западнымъ фронтомъ было получено представленіе о назначеніи командиромъ XI-го армейскаго корпуса другого генерала и я былъ назначенъ командиромъ I-го арм. корпуса, бывшаго на сѣверномъ фронтѣ.

Въ началѣ апрѣля я отправился къ мѣсту моего новаго служенія.

I-й арм. корпусъ въ это время былъ отведенъ въ резервъ и штабъ корпуса находился въ Везенбергѣ.

Съ первыхъ же дней моего командованія я убѣдился, что придется быть не командиромъ корпуса, а «главноуговаривающимъ».

Въ хорошемъ видѣ еще были артиллерійскія и инженерныя части, въ которыхъ, вслѣдствіе меньшей убыли во время войны, было много кадровыхъ офицеровъ и солдатъ. Дисциплина въ этихъ частяхъ еще держалась.

Что же касается всѣхъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, то онѣ были на пути къ полному развалу.

Соціалистическія партіи п о д х в а т и л и начавшуюся революцію и стали ее углублять, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что дѣлать это, во время войны, значитъ губить армію и идти на прекращеніе войны.

Большинство членовъ Государственной Думы и представители не соціалистическихъ, но оппозиціонныхъ правительству партій, только первые два дня смотрѣли на начавшееся движеніе — не какъ на народную революцію, а какъ на опасное для государства народное возмущеніе и военный бунтъ, которые необходимо пресѣчь, а затѣмъ рѣшили, что революцію необходимо признать, взять возжи въ руки и направить ее въ желаемомъ направленіи.

Они думали, что справятся съ ходомъ событій и остановятъ развитіе революціи на желаемой для нихъ грани.

Я ежедневно получалъ донесенія отъ начальниковъ дивизій, рисовавшихъ положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, указывавшихъ, что образовавшіеся въ частяхъ войскъ комитеты рѣшительно во все вмѣшиваются; занятій части войскъ производить не хотѣли; дисциплинарную власть начальствующія лица примѣнять не могли; комитеты стремились получить въ свое распоряженіе всѣ экономическія суммы частей войскъ.

Я ежедневно бывалъ то въ одномъ, то въ другомъ полку.

Но кромѣ планомѣрныхъ, намѣченныхъ мною разъѣздовъ по частямъ войскъ, мнѣ приходилось, почти ежедневно, по просьбѣ то одного, то другого изъ начальниковъ дивизій, ѣздить въ полки, въ которыхъ возникали тѣ или иныя недоразумѣнія.

Мнѣ съ большимъ трудомъ удавалось сохранить только внѣшнюю дисциплину въ войскахъ.

Корпусъ былъ расквартированъ на очень широкомъ пространствѣ, примыкая на западъ къ рѣкѣ Наровѣ.

Близость Петрограда давала себя чувствовать. Вся выходящая въ Петроградѣ пропагандная литература, въ видѣ всевозможныхъ воззваній, листковъ и проч., уже на слѣдующій день по выходѣ была въ частяхъ войскъ моего корпуса.

Почти ежедневно въ войскахъ появлялись пропагандисты, отправляемые изъ Петрограда.

Къ концу апрѣля, съ появленіемъ въ Петроградѣ Ленина, пропаганда еще усилилась.

Открытая пропаганда, которую велъ Ленинъ въ Петроградѣ и которой потворствовало временное правительство, дѣлало почти невозможнымъ борьбу противъ нея въ войскахъ.

15/28 мая я получилъ приказъ подготовить корпусъ къ отправкѣ на фронтъ.

Сейчасъ же, какъ въ войскахъ объ этомъ узнали, стали ко мнѣ поступать донесенія начальниковъ дивизій, что изъ полковъ поступаютъ свѣдѣнія о томъ, что солдаты, основываясь на, яко бы, недостаточномъ для современнаго боя числѣ имѣющихся въ частяхъ пулеметовъ и недостаточной подготовкѣ къ боевой работѣ недавно прибывшихъ пополненій, заявляютъ, что раньше присылки двойного, противъ положеннаго, числа пулеметовъ и должной подготовки присланныхъ пополненій они на позицію стать не могутъ.

Но 1/14 іюня началась посадка войскъ для отправки на фронтъ и никакихъ серьезныхъ недоразумѣній не произошло.

3/16 іюня я получилъ изъ Ставки, отъ Начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генерала Деникина, телеграмму, въ которой онъ мнѣ сообщаетъ, что приказомъ Временнаго Правительства я назначенъ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго и мнѣ надо немедленно выѣхать въ Могилевъ.

Передъ этимъ былъ полученъ приказъ, что, вмѣсто генерала Алексѣева, Верховнымъ Главнокомандующимъ назначенъ генералъ Брусиловъ.

4/17 іюня пріѣхалъ мой замѣститель и я отправился въ Могилевъ.

Явившись новому Верховному Главнокомандующему, я, въ день моего пріѣзда въ Могилевъ, принялъ отъ генерала Деникина должность

начальника штаба. Генералъ Деникинъ былъ назначенъ Главнокомандующимъ западнаго фронта.

Въ Ставкѣ были еще подъ впечатлѣніемъ рѣчи генерала Деникина, произнесенной имъ 22 мая/4 іюня на закрытіи офицерскаго съѣзда въ Могилевѣ.

Общій голосъ былъ, что, за все послѣднее время, эта рѣчь была единственнымъ просвѣтомъ.

Вотъ эта рѣчь:

«Верховный Главнокомендующій*, покидающій свой постъ, поручилъ мнѣ передать вамъ, господа, свой искренній привѣтъ и сказать, что его старое солдатское сердце бьется въ унисонъ съ вашимъ, что онъ болѣетъ той же болью и живетъ той же надеждой на возрожденіе истерзанной, но великой русской арміи.

Позвольте и мнѣ отъ себя сказать нѣсколько словъ.

Съ далекихъ рубежей земли нашей, забрызганныхъ кровью, собрались вы сюда и принесли намъ скорбь свою безысходную, свою душевную печаль.

Какъ живая развернулась передъ нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученнаго армейскаго моря.

Вы — безсчетное число разъ стоявшіе пердъ лицомъ смерти. Вы — безтрепетно шедшіе впереди своихъ солдатъ на густые ряды непріятельской проволоки подъ рѣдкій гулъ родной артиллеріи, измѣннически лишенной снарядовъ! Вы — скрѣпя сердце, но не падая духомъ, бросавшіе горсть земли въ могилу павшаго сына, брата, друга!

Вы ли теперь дрогнете?

Нѣтъ.

Слабые — поднимите головы! Сильные — передайте вашу рѣшимость, вашъ порывъ, ваше желаніе работать для счастья родины, перелейте въ порѣдѣвшіе ряды нашихъ товарищей на фронтѣ. Вы не одни, съ вами все, что есть честнаго, мыслящаго, все, что остановилось на грани упраздняемаго нынѣ здраваго смысла.

Съ вами пойдетъ и солдатъ, понявъ ясно, что вы ведете его не назадъ — къ безправію и нищетѣ духовной, а впередъ — къ свободѣ и свѣту!

И тогда надъ врагомъ разразится такой громовой ударъ, который покончитъ и съ нимъ и съ войной.

Проживши съ вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, дѣливши съ вами и яркую радость побѣды и жгучую боль отступленія, я имѣю право бросить тѣмъ господамъ, которые плюнули намъ въ душу, которые съ первыхъ же дней революціи совершили свое Каиново дѣло надъ офицерскимъ корпусомъ . . . я имѣю право бросить имъ:

Вы лжете! Русскій офицеръ никогда не былъ ни наемникомъ, ни опричникомъ.

Забитый, загнанный, обездоленный не менѣе, чѣмъ вы, условіями стараго режима, влача полунищенское существованіе, нашъ армейскій офицеръ сквозь бѣдную трудовую жизнь свою донесъ, однако, до отечественной войны — какъ яркій свѣтильникъ — жажду подвига. Подвига — для счастья Родины.

---

* Генералъ Алексѣевъ.

Пусть же сквозь эти стѣны услышатъ мой призывъ и строители новой государственной жизни.

Берегите офицера! Ибо отъ вѣка и до нынѣ онъ стоитъ вѣрно и безсмѣнно на стражѣ русской государственности.

Смѣнить его можетъ только смерть».

Эта рѣчь ярко отражаетъ въ себѣ то положеніе, въ которое попали офицеры.

Съ первыхъ же дней революціи лѣвая печать обрушилась на офицеровъ, изображая ихъ какъ изверговъ, насильниковъ, враговъ народа, наемниковъ Царской власти, опричниковъ.

Вся пропаганда въ войскахъ была направлена къ тому, чтобы дискредитировать офицеровъ, возстановить противъ нихъ солдатъ.

Всѣ распоряженія временнаго правительства сводились къ уменьшенію вліянія офицеровъ на солдатъ, къ лишенію офицеровъ какой-бы то ни было власти.

Если до временнаго правительства доходилъ какой либо слухъ, или получалось донесеніе какого нибудь войскового комитета о превышеніи власти со стороны какого-нибудь начальника — немедленно назначалось строжайшее разслѣдованіе и виновный или подозрѣваемый въ чемъ либо — мѣшался съ грязью.

Всякимъ соображеніямъ отъ войсковыхъ комитетовъ придавалась вѣра и часто, безъ всякихъ серьезныхъ основаній, смѣщались лица даже занимавшія крупныя командныя должности.

Но противъ эксцессовъ направленныхъ противъ офицеровъ, противъ ихъ травли и преслѣдованій — никакихъ мѣръ не принималось.

Съ солдатской массой заигрывали, углубляли революцію, а офицеровъ предавали.

Одни предавали безсознательно, а другіе вполнѣ сознательно, считая ихъ, въ массѣ, контръ-революціонерами, опасаясь ихъ возможнаго вліянія на солдатъ и считая необходимымъ, для сохраненія завоеваній революціи, ихъ обезвредить.

Рѣчь генерала Деникина ясно указываетъ, что еще не терялась надежда спасти армію; офицеры призывались, несмотря на всю тяжесть создавшейся обстановки, твердо стоять на своемъ посту и работать для спасенія Родины.

Настроеніе въ Ставкѣ было тяжелое.

Новый Верховный Главнокомандующій, генералъ Брусиловъ, принялъ сразу болѣе чѣмъ недостойный заискивающій тонъ по отношенію къ Могилевскому совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Этотъ совѣтъ при генералѣ Алексѣевѣ дѣйствовалъ осторожно и не рѣшался открыто предъявлять какихъ либо требованій къ Ставкѣ.

Поведеніе генерала Брусилова сразу придало смѣлости членамъ совѣта и къ Верховному Главнокомандующему отъ него поступили опредѣленныя требованія принять мѣры къ уничтоженію «контръ-революціоннаго гнѣзда» въ Ставкѣ.

Генералъ Брусиловъ нѣсколько разъ собиралъ у себя членовъ этого совѣта, бесѣдовалъ съ ними, и заявилъ, что онъ самъ не допуститъ въ Ставкѣ проявленія контръ-революціоннаго движенія и что если у Совѣта имѣются какія либо конкретныя данныя, то онъ проситъ ихъ ему дать.

На основаніи же голословныхъ обвиненій онъ никого изъ служащихъ въ Ставкѣ удалять не можетъ.

Тѣ обѣщали представить матеріалъ, вполнѣ изобличающій чиновъ Ставки въ контръ революціонныхъ намѣреніяхъ и поступкахъ, но такъ ничего и не представили.

Пріѣхавшему въ Ставку новому военному министру Керенскому была представлена полная картина того развала, который происходитъ въ арміи.

Хотя онъ и соглашался съ необходимостью принять мѣры для возстановленія дисциплины, но категорически высказался противъ возстановленія смертной казни, отмѣненной вначалѣ революціи.

Все еще временному правительству, находившемуся подъ вліяніемъ Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, мерещилась контръ-революція и оно боялось вернуть командному составу прежнюю власть.

Стремленіе имѣть всюду свой глазъ и свое ухо — выразилось въ насажденіи всюду политическихъ комиссаровъ.

Выборъ этихъ комиссаровъ часто былъ очень неудаченъ.

Помню, какъ Керенскій представлялъ генералу Брусилову, если не ошибаюсь, капитана Калинина (или Калнина), назначеннаго комиссаромъ на западный фронтъ.

Генералъ Брусиловъ, поздоровавшись съ новымъ комиссаромъ, спросилъ его, гдѣ онъ началъ службу.

— «Въ такой-то конной батереѣ».

— «Долго ли Вы въ ней служили?»

— «Немного больше года».

— «А послѣ конной батареи гдѣ протекала Ваша служба?»

Довольно продолжительное молчаніе, а затѣмъ отвѣтъ: «нигдѣ».

— «Т. е. какъ такъ нигдѣ? я не понимаю. Гдѣ же Вы были послѣ конной батареи?»

— «Я былъ обвиненъ въ политическомъ преступленіи и находился въ Сибири въ тюрьмѣ, а затѣмъ въ ссылкѣ».

— «А! но какъ же Вы теперь капитанъ?»

— «Послѣ революціи я, какъ бывшій политическій, былъ изъ ссылки возвращенъ и, въ сравненіи со сверстниками, произведенъ въ капитаны».

Генералъ Брусиловъ ничего не нашелся сказать.

И вотъ такихъ «опытныхъ» политическихъ дѣятелей временное правительство назначало комиссарами!

Что они могли дѣлать иное, какъ не продолжать развалъ арміи?

Отношеніе членовъ временнаго правительства къ явно вреднымъ и преступнымъ элементамъ видно, хотя бы, изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Какъ-то мнѣ доложили, что въ поѣздѣ, прибывшемъ на станцію Могилевъ изъ Петрограда, ѣдетъ какой то прапорщикъ, который всю дорогу велъ самую возмутительную пропаганду и раздавалъ въ поѣздѣ большевистскую литературу, и что этотъ прапорщикъ ѣдетъ на юго-западный фронтъ.

Я, по телефону, приказалъ задержать поѣздъ, арестовать этого прапорщика, произвести дознаніе и обыскъ въ купэ, въ которомъ онъ находился.

Дознаніе подтвердило все, что было мнѣ сообщено, а арестованный прапорщикъ оказался Крыленко, впослѣдствіи первый верховный главнокомандующій (Главковерх) у большевиковъ.

Онъ везъ цѣлый тюкъ листовокъ самаго возмутительнаго содержанія.

При обыскѣ у Крыленко оказался «мандатъ» отъ Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Я доложилъ Брусилову и было рѣшено Крыленко отправить въ штабъ юго-западнаго фронта (тамъ находилась его часть) съ предписаніемъ немедленно предать его суду.

Въ Петроградъ же было по телеграфу сообщено объ этомъ арестѣ, чтобы обратить вниманіе на дѣятельность Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Результатъ получился совершенно неожиданный.

Военное Министерство потребовало присылки Крыленко въ Петроградъ; тамъ же, вѣроятно подъ давленіемъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, безъ всякаго суда, его выпустили на свободу.

Много позже, въ Новочеркасскѣ, одинъ изъ нашей стражи въ Быховской тюрьмѣ, прапорщикъ Георгіевскаго батальона Гришинъ, при которомъ я разсказалъ этотъ случай, сказалъ:

«А я, Ваше Превосходительство, все же чувствую нѣкоторое удовлетвореніе. Вѣдь тогда, когда Вы приказали арестовать Крыленко — я былъ караульнымъ начальникомъ на станціи. Такъ, когда мы привели Крыленко въ караульное помѣщеніе, то я нынѣшняго большевистскаго главнокомандующаго, какъ прапорщикъ — прапорщика, хорошо отхлесталъ нагайкой».

Другой случай касается нѣкоего штабсъ-капитана Муравьева, впослѣдствіи командовавшаго у большевиковъ арміей, взявшаго Кіевъ и звѣрски расправившагося тамъ съ офицерами.

Этотъ Муравьевъ явился въ Ставку съ письмомъ изъ военнаго министерства, въ которомъ просилось отнестись благосклонно къ проекту этого господина.

Явившись ко мнѣ, Муравьевъ доложилъ, что вслѣдствіе развала на фронтѣ теперь начинаютъ тамъ формировать особыя ударныя части, которыя своимъ примѣромъ должны будутъ увлечь другихъ и, конечно, при будущемъ наступленіи сыграютъ крупную роль; что и въ тылу формируются женскія ударныя части*.

Но что все это недостаточно, что онъ рѣшилъ ходатайствовать объ утвержденіи устава особаго общества, которому было бы предоставлено право немедленно приступить къ широкому формированію ударныхъ батальоновъ какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу.

Помимо того, что явно каторжный видъ этого Муравьева не внушалъ никакого довѣрія, я принципіально не считалъ правильнымъ допустить какую-то организацію изъ неизвѣстныхъ лицъ къ такой работѣ.

---

* Участь этихъ несчастныхъ женскихъ батальоновъ, съ которыми такъ носился Керенскій, впослѣдствіи, на фронтѣ, была грустная: на западномъ фронтѣ вокругъ помѣщеній или бивуаковъ, ими занимаемыхъ, приходилось выставлять охрану, чтобы ихъ не насиловали озвѣрѣвшіе солдаты.

А женскій батальонъ, охранявшій Зимній Дворецъ при большевистскомъ выступленіи 25 октября/7 ноября 1917 года, подвергся самымъ ужаснымъ насиліямъ.

Въ составѣ этихъ батальоновъ было много идейныхъ, совсѣмъ юныхъ дѣвушекъ.

Кромѣ того, я считалъ, что на фронтѣ есть только опредѣленные начальники и существованіе, параллельно съ ними, какой-то самостоятельной организаціи невозможно.

Я это высказалъ Муравьеву.

Онъ просилъ разрѣшенія представиться генералу Брусилову, о чемъ, какъ онъ сказалъ, проситъ и военный министръ.

Я сказалъ, что доложу Главнокомандующему.

Генералъ Брусиловъ рѣшилъ принять Муравьева, но согласился съ моимъ мнѣніемъ и обѣщалъ опредѣленно отказать въ его просьбѣ.

На другой день Муравьевъ вновь ко мнѣ явился и сказалъ, что генералъ Брусиловъ далъ свое согласіе на утвержденіе устава и даже подписалъ какое-то удостовѣреніе на имя Муравьева.

Я пошелъ къ генералу Брусилову. Оказалось, что онъ лишь сказалъ Муравьеву, что онъ не будетъ возражать противъ организаціи формированія ударныхъ частей въ тылу.

Я сталъ доказывать, что и это невозможно, что онъ намъ наформируютъ такія части, которыя окончательно погубятъ фронтъ.

Генералъ Брусиловъ, въ концѣ концовъ, со мной согласился и приказалъ въ этомъ духѣ написать въ Петроградъ.

Въ Петроградъ было написано, но переписка по этому вопросу тянулась еще долго и Муравьеву военнымъ министерствомъ и впослѣдствіи поручались различныя работы.

Много пришлось возиться съ вопросомъ формированія Украинскихъ частей.

Пріѣзжавшій въ Ставку Петлюра* добивался полученія разрѣшенія формировать отдѣльную Украинскую армію.

Въ этомъ отношеніи временное правительство поддержало Ставку и было разрѣшено только постепенно украинизировать нѣсколько корпусовъ на юго-западномъ и румынскомъ фронтахъ, отнюдь не перемѣщая офицеровъ.

Генералъ Брусиловъ отлично понималъ, что политика, которую проводило временное правительство по отношенію къ арміи — ее губило.

Но неправильный тонъ, имъ принятый съ самаго начала, не давалъ ему возможности рѣзко измѣнить линію своего поведенія.

Онъ постепенно, путемъ разговоровъ съ наѣзжавшимъ въ Ставку Керенскимъ и путемъ подачи записокъ, старался добиться возстановленія прежней власти командnаго персонала.

* * *

Между тѣмъ союзники настаивали на началѣ активныхъ дѣйствій на нашемъ фронтѣ.

Съ другой стороны, теплилась надежда, что, можетъ быть, начало успѣшныхъ боевъ измѣнитъ психологію массы и возможно будетъ начальникамъ вновь подобрать вырванныя изъ ихъ рукъ возжи.

На успѣхъ надѣялись вслѣдствіе сосредоточенія на фронтѣ значительной артиллеріи и считали, что, можетъ быть, при поддержкѣ могу-

* Не безызвѣстный Украинскій дѣятель.

щественнаго артиллерійскаго огня части пойдутъ впередъ, а побѣда дастъ и все остальное.

Наступленіе было намѣчено на всѣхъ фронтахъ

Наиболѣе сильный ударъ намѣчался на юго-западномъ фронтѣ.

Дабы подбодрить войска и влить въ нихъ «революціонный порывъ», г. Керенскій отправился на юго-западный фронтъ.

Послѣ сильной артиллерійской подготовки, 18 іюня/1 іюля, началось наступленіе и первоначально успѣхъ былъ.

Но уже черезъ нѣсколько дней выяснилось, что многія части драться не хотятъ; начались самовольные уходы съ позицій, неисполненіе боевыхъ приказовъ.

Частичный успѣхъ на фронтѣ VIII-й арміи дѣлу не помогъ.

Прорывъ фронта Германцами, нѣсколько сѣвернѣй участка, гдѣ нами наносился главный ударъ, повлекъ за собой паническое отступленіе почти по всему юго-западному фронту.

Только примѣненіемъ суровыхъ мѣръ и массовыми разстрѣлами дезертировъ удалось остановить въ концѣ концовъ войска. Но, при отступленіи, были потеряны большіе артиллерійскіе склады и значительное количество артиллеріи.

Наступленіе на западномъ фронтѣ не дало никакихъ результатовъ: войска сначала заняли разрушенныя артиллерійскимъ огнемъ германскія позиціи, а затѣмъ отошли въ исходное положеніе.

На сѣверномъ фронтѣ все, въ сущности говоря, ограничилось артиллерійскимъ огнемъ.

На Румынскомъ фронтѣ сначала былъ достигнутъ незначительный тактическій успѣхъ, но затѣмъ мы перешли къ оборонѣ.

Послѣ неудачнаго іюньскаго наступленія и временное правительство поняло, что для поднятія дисциплины и возстановленія боеспособности арміи нужно принять рѣшительныя мѣры и вернуть престижъ и власть командному составу.

Комиссары, бывшіе на фронтѣ, со своей стороны, присоединили свои голоса къ настойчивымъ требованіямъ командnаго состава.

Временное правительство убѣдилось, что одними уговорами ничего не подѣлаешь.

Первымъ рѣшительнымъ въ этомъ отношеніи шагомъ было назначеніе на постъ глвнокомандующаго юго-западнаго фронта командующаго VIII-й арміей, генерала Корнилова, проводившаго взглядъ, что только желѣзная дисциплина можетъ спасти армію.

Г. Керенскій на словахъ соглашался на необходимость принять рѣшительныя и суровыя мѣры для спасенія арміи, но, въ дѣйствительности, колебался и оттягивалъ разрѣшеніе этого вопроса.

Во всякомъ случаѣ временное правительство не считало возможнымъ совершенно уничтожить комитеты и упразднить комиссаровъ.

Г. Савинковъ, который былъ на сторонѣ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій для возстановленія порядка въ арміи, такъ же былъ лишь за ограниченіе круга дѣятельности комитетовъ, но не за ихъ упраздненіе. Комиссаровъ онъ считалъ нужнымъ сохранить.

* * *

Въ Петроградѣ 3/16 іюля произошло выступленіе большевиковъ.

Большая часть Петроградскаго гарнизона осталась на сторонѣ правительства и выступленіе большевиковъ не удалось.

Но, къ общему возмущенію, временное правительство проявило себя, послѣ подавленія болшевистскаго выступленія, преступно слабымъ.

Ленину, котораго можно было легко арестовать, дали возможность скрыться.

Арестованнаго Троцкаго (Бронштейна), по приказанію временнаго правительства, изъ подъ ареста освободили.

Предателей и измѣнниковъ родины, работавшихъ на германскія деньги, открыто требовавшихъ прекращенія войны и мира «безъ аннексій и контрибуцій», не только не покарали со всей строгостью закона, но дѣло о нихъ было фактически прекращено и имъ предоставлена была возможность вновь начать въ Петроградѣ и въ арміи ихъ предательски-разрушительную работу.

Столь странное и преступное передъ родиной попустительство со стороны временнаго правительства по отношенію къ руководителямъ большевистскаго движенія объясняется, прежде всего, слишкомъ тѣсной связью временнаго правительства съ Петроградскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ (въ числѣ членовъ правительства были, какъ Черновъ, члены этого Совѣта) и страхомъ передъ нимъ.

А Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, въ своей массѣ, былъ настроенъ явно большевистски.

Послѣ подавленія большевистскаго выступленія, военное министерство нѣсколько ускорило темпъ своей работы по выработкѣ мѣръ, связанныхъ съ возстановленіемъ боеспособности арміи.

Во Ставкѣ также былъ приготовленъ перечень мѣропріятій, безъ проведенія коихъ въ жизнь считалось невозможнымъ сохранить армію, какъ боевую и дисциплинированную силу.

Первымъ пунктомъ въ этомъ перечнѣ было указано на необходимость возстановить смертную казнь и въ тылу.

Г. Керенскій обратился къ Верховному Главнокомандующему съ предложеніемъ собрать въ Ставкѣ военный совѣтъ, на который пригласить главнокомандующихъ фронтами и тѣхъ генераловъ, которыхъ генералъ Брусиловъ признаетъ полезнымъ выслушать на засѣданіи. Собраніе совѣта было назначено, если не ошибаюсь, на 18/31 іюля.

Кромѣ главнокомандующихъ фронтами, на этотъ совѣтъ генералъ Брусиловъ пригласилъ генераловъ Алексѣева, Рузскаго, Гурко и Драгомирова.

Послѣ мартовскаго переворота, ген. Гурко былъ назначенъ Главнокомандующимъ западнаго фронта вмѣсто генерала Эверта, а генералъ Драгомировъ — Главнокомандующимъ сѣвернаго фронта вмѣсто генерала Рузскаго.

Но оба они на своихъ мѣстахъ долго не оставались.

На засѣданіи, бывшемъ въ Петроградѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, они оба выступили съ рѣзкой критикой дѣятельности военнаго министерства и временнаго правительства, указывая, что эта дѣятельность ведетъ къ гибели арміи.

Вслѣдъ за этимъ былъ смѣщенъ генералъ Гурко, а нѣсколько позднѣй генералъ Драгомировъ.

За два дня до засѣданія отъ г. Керенскаго былъ по телеграфу полученъ запросъ о томъ, кого именно пригласилъ генералъ Брусиловъ на засѣданіе.

Въ отвѣтной телеграммѣ былъ сообщенъ перечень приглашенныхъ.

Вслѣдъ за этимъ г. Керенскій прислалъ телеграмму, что онъ считаетъ недопустимымъ присутствіе на засѣданіи генераловъ Гурко и Драгомирова; что, если они будутъ, то онъ, Керенскій, на засѣданіи не будетъ . . .

Этотъ фактъ очень характеренъ для оцѣнки личности г. Керенскаго.

Мелочный, злобный, интересы дѣла ставившій ниже своего мелкаго самолюбія и тщеславія.

Онъ зналъ отлично, что оба эти генерала были одними изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ, выдвинутыхъ войной. Но онъ также зналъ, что они оба прямолинейны и рѣзки, и не хотѣлъ допустить ихъ присутствія на засѣданіи, дабы избѣжать рѣзкой критики.

Генералъ Брусиловъ приказалъ послать соотвѣтствующія телеграммы обоимъ генераламъ. Но было поздно, такъ какъ они уже выѣхали въ Могилевъ. Пришлось, по пріѣздѣ ихъ въ Ставку, имъ объявить, что г. Керенскій не хочетъ ихъ видѣть на засѣданіи.

Наканунѣ засѣданія генералъ Брусиловъ былъ чѣмъ-то занятъ и отложилъ мой докладъ до слѣдующаго дня.

На другой день, какъ всегда, въ 9 часовъ утра, я пришелъ къ нему съ докладомъ.

Только что начался докладъ, какъ по телефону сообщили, что подходитъ экстренный поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ г. Керенскій.

Надо сказать, что послѣ вступленія на постъ премьеръ-министра, послѣ кн. Львова, Керенскаго въ Ставкѣ еще не было; такимъ образомъ онъ появился въ Могилевѣ въ качествѣ предсѣдателя временнаго правительства впервые и, повидимому, ожидалъ торжественной встрѣчи.

Генералъ Брусиловъ спросилъ меня, какъ быть? Я отвѣтилъ, что докладъ у меня небольшой; но, что если онъ задержится на вокзалѣ, то не успѣетъ прочитать всѣхъ необходимыхъ для засѣданія матеріаловъ, которые я ему принесъ, и онъ къ засѣданію можетъ оказаться не достаточно оріентированнымъ.

Генералъ Брусиловъ рѣшилъ на вокзалъ не ѣхать, а послалъ встрѣтить г. Керенскаго своего генерала для порученій, который долженъ былъ доложить, что Верховный Главнокомандующій извиняется, что не встрѣтилъ, но что у него срочная работа, и онъ проситъ предсѣдателя временнаго правительства пріѣхать на засѣданіе къ двумъ часамъ дня, т. е. къ часу, назначенному для засѣданія самимъ Керенскимъ.

Окончивъ докладъ, я прошелъ къ себѣ.

Минутъ черезъ десять прибѣгаетъ взволнованный адъютантъ генерала Брусилова и говоритъ, что Верховный Главнокомандующій проситъ меня срочно придти къ нему, такъ какъ надо ѣхать на вокзалъ.

Надѣвъ шашку, выхожу въ переднюю и вижу генерала Брусилова уже спускающагося съ лѣстницы.

— «Въ чемъ дѣло?»

— «Керенскій прислалъ своего адъютанта сказать мнѣ, что онъ ждетъ меня въ вагонѣ и проситъ пріѣхать немедленно. Поѣдемъ вмѣстѣ».

Пріѣзжаемъ на вокзалъ.

Адъютантъ Керенскаго пошелъ докладывать и черезъ нѣсколько минутъ вернулся и сказалъ, что предсѣдатель временнаго правительства насъ ожидаетъ.

Входимъ въ салонъ-вагонъ.

Г. Керенскій, небрежно развалившись, сидитъ на диванѣ.

При нашемъ входѣ, едва приподнявшись, здоровается и, обращаясь къ ген. Брусилову, говоритъ: «Генералъ, доложите о томъ, что дѣлается на фронтѣ . . .» Ген. Брусиловъ дѣлаетъ краткій докладъ.

Г. Керенскій выслушалъ и, сказавъ, что будетъ на засѣданіи въ два часа дня, насъ отпустилъ.

Впослѣдствіи мнѣ передавали, что г. Керенскій, дѣйствительно ожидавшій почетный караулъ и торжественную встрѣчу, былъ страшно обозленъ и возмущенъ тѣмъ, что генералъ Брусиловъ осмѣлился даже не пріѣхать его встрѣтить.

Возмущенно онъ, въ присутствіи пріѣхавшихъ съ нимъ, заявилъ:

«При Царѣ эти генералы не посмѣли бы себя такъ нагло держать. А теперь позволяютъ себѣ игнорировать предсѣдателя правительства! Я имъ покажу». И послалъ за ген. Брусиловымъ.

Изъ приглашенныхъ на совѣтъ не пріѣхалъ съ фронта генералъ Корниловъ, приславшій телеграмму, что боевая обстановка ему не позволяетъ покинуть фронтъ.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ генерала Брусилова.

На засѣданіи очень сильную и яркую рѣчь произнесъ генералъ Деникинъ.

Рѣчь была настолько рѣзкая, что генералъ Брусиловъ, перебивъ генерала Деникина, сказалъ: «нельзя ли короче и затрагивайте только вопросы, касающіеся поднятія боеспособности арміи».

Генералъ Деникинъ тогда заявилъ, что онъ проситъ или дать ему возможность высказаться полностью, или онъ ничего больше говорить не будетъ.

Генералъ Брусиловъ попросилъ его продолжать.

Генералъ Деникинъ подробно разобралъ отношеніе временнаго правительства и, въ частности, военнаго министерства къ арміи и офицерскому составу съ момента революціи, указавъ, что въ развалѣ арміи, въ значительной степени, виновно временное правительство; указавъ, что оно, своимъ попустительствомъ, все время позволяло прессѣ и агентамъ большевиковъ оскорблять корпусъ офицеровъ, выставлять ихъ какими-то наемниками, опричниками, врагами солдатъ и народа; что временное правительство, своимъ несправедливымъ отношеніемъ къ офицерамъ, ихъ превращаетъ въ какихъ то паріевъ.

Закончилъ свою рѣчь генералъ Деникинъ указаніемъ, что тѣ, которые сваливаютъ всю вину въ развалѣ арміи на большевиковъ, — лгутъ; что прежде всего виноваты тѣ, которые углубляли революцію, и «Вы, г-нъ Керенскій»; что большевики только черви, которые завелись въ ранѣ, нанесенной арміи другими.

Послѣ рѣчи генерала Деникина Керенскій всталъ и обращаясь къ нему сказалъ: «позвольте мнѣ Васъ поблагодарить за откровенно и смѣло высказанное Вами мнѣніе».

Это было театрально, но . . . возразить ничего г. Керенскій не сумѣлъ.

Послѣ генерала Деникина началъ говорить ген. Рузскій, указывая, что временному правительству нужно особенно беречь корпусъ офицеровъ, на которомъ всегда зиждилась и будетъ зиждиться мощь арміи; что русскіе офицеры всегда были близки къ солдатамъ, заботясь о нихъ и раздѣляя съ ними на походѣ и въ бою всѣ радости и горести; что временное правительство совершаетъ ошибку, потворствуя преслѣдованію офицеровъ въ печати и на всевозможныхъ митингахъ; что дѣйствія временнаго правительства могутъ повести къ гибели корпуса офицеровъ . . .

Г. Керенскій прервалъ генерала Рузскаго и въ очень рѣзкой формѣ сталъ говорить, что нападки на временное правительство не справедливы; что въ развалѣ арміи виновны во многомъ генералы, саботирующіе новый строй; генералы, которые при старомъ режимѣ не смѣли возражать, а теперь стараются дискредитировать власть.

Генералъ Алексѣевъ, который передъ засѣданіемъ сказалъ мнѣ лично, что онъ отведетъ душу и скажетъ всю правду истиннымъ виновникамъ развала арміи, послѣ прерванной рѣчи генерала Рузскаго, сказалъ:

«Послѣ того, что сказано генералами Деникинымъ и Рузскимъ — я ничего добавить не могу. Я всецѣло присоединяюсь къ тому, что они сказали».

Засѣданіе такъ и не выработало ничего конкретнаго.

Предсѣдатель временнаго правительства, вмѣстѣ со своими спутниками, уѣхалъ въ Петроградъ въ тотъ же день.

На другой день была получена изъ Петрограда телеграмма, что, согласно постановленію временнаго правительства, генералъ Брусиловъ освобождается отъ должности Верховнаго Главнокомандующаго, а на его мѣсто назначается Главнокомандующій юго-западнаго фронта генералъ Корниловъ.

До пріѣзда генерала Корнилова мнѣ предлагалось вступить во временное исполненіе должности Верховнаго Главнокомандующаго.

А. Лукомскій

Интеллигенція на Дону

Александра Дроздова

Средь груды тлѣющихъ костей
Кто царь, кто рабъ, судья иль воинъ?
Кто царства Божія достоинъ
И кто отверженный злодѣй?
Среди невѣдомыхъ гробовъ
Кто есть убогій, кто богатый?
Ал. Толстой.

Мало что вы трудолюбивы! Надъ чѣмъ вы трудитесь? Торо.

I

Исторія какъ бы помолодѣла съ тѣхъ поръ, какъ Россія, поплевавъ на руки, неловко и бочкомъ, точно сырая женщина, привычная къ покою и жаркимъ перинамъ, сѣла на революціонныя дрожки — все рѣзвѣй и расторопнѣй ея бѣгъ, и дробнѣй, и проворнѣй стукъ неутомимыхъ ея башмаковъ. Давно ли, покрикивая на дворянъ, она тянула за волосы безотвѣтныхъ мужиковъ изъ дотошной ямы барщины — и вытянула только на половину, остались на лаптяхъ и портянкахъ комья феодальнаго рабства. Со временъ крѣпкаго Пестеля раскачивали императорскій тронъ дрожащія руки интеллигенціи нашей, и раскачали лишь къ пасмурному утру 26-го февраля 1917 г., а на то, чтобы не пустить подъ россійскій гербъ новую, псевдо-соціалистическую династію, уже не достало силъ. Съ этой поры идетъ по Россіи неумолчный трескъ: ходитъ сиволапый темными чащами, гнетъ, ломаетъ и давитъ, а впереди все лѣсъ да лѣсъ, прямые стволы, колючій можжевельникъ — и не видать опушки.

Деникинъ палъ. Исторія намела уже на его прахъ новые листья, новыя щепы, новый грунтъ, и кажется, что давнымъ-давно, въ далекомъ прошломъ колесилъ усатый ген. Мамонтовъ по большевистскимъ тыламъ, и горсти русскаго офицерства срывали въ Курскѣ красныя тряпки, давно переставшія быть синонимами свободы и говорящія лишь о томъ, что тамъ, гдѣ вѣютъ они, прочно владычатъ произволъ и кровь. Деникинъ взялъ въ свои руки власть изъ рукъ ген. Корнилова, убитаго снарядомъ во время боя подъ Екатеринодаромъ; у него были свѣтлыя надежды, честное стремленіе бросить утопающей Россіи пробковый поясъ, и долго ходилъ онъ на своихъ путяхъ и перепутьяхъ, величаво нося плечи, шевеля генеральскими погонами съ такимъ видомъ, какъ если бы на эти погоны молилась вся изаябшая и изстрадавшаяся Россія.

Военный разгромъ еще не означаетъ разгрома національной идеи, во имя которой былъ созданъ боевой антибольшевистскій фронтъ; но военный разгромъ Деникина, къ печали нашей, больше, нежели простая неудача неискуснаго стратега и воина: онъ означаетъ разгромъ интеллигентской идеологіи, возникшей за спинами добровольческихъ армій. Интеллигенція массами бѣжала въ бѣлую Россію, массами шла на помощь-дѣлу возрожденія и тамъ, подъ вой снарядовъ, подъ крики раненыхъ, въ тѣни махровой спекуляціи, родила эту свою новую вѣру, создала новый свой культъ, выдвинувшій опредѣленный принципъ: все для фронта и все во имя фронта. Передъ угрозой большевизма были сданы всѣ старыя интеллигентскія позиціи: интеллигенція отказалась отъ оппозиціи правительству, отъ иниціативы, даже отъ свободы — она милитаризировалась и въ уголъ зрѣнія своего поставила шпагу, къ тому же не вообще какую-либо хорошо отточенную шпагу, но именно шпагу ген. Деникина. Она впервые за всю исторію свою пошла на службу и въ добровольную неволю, ибо было признано безоглядочно, что хорошо лишь то, что дѣлаетъ шпага, и что все, что дѣлаетъ не шпага, преступно и гибельно для дѣла національнаго возсозданія родины. Интеллигенція пришла къ ген. Деникину растерянной, оплеванной, потрясенной, поруганной, неся въ рукахъ разбитыя скрижали и всѣ десять заповѣдей, стертыхъ губкой комиссара Луначарскаго и замусленныхъ окровавленными пальцами комиссара Ленина. Все это хорошо зналъ ген. Деникинъ, и принялъ интеллигенцію на службу, и повелъ ее, учительницу долгой и кромѣшной русской жизни, столь же непринужденно и столь же увѣренно, какъ взводъ солдатъ.

Я долженъ оговориться: я говорю о той интеллигенціи, которая активно работала и помогала послѣднему походу на большевистскую Москву; въ большинствѣ своемъ эта интеллигенція была внѣпартійна — тѣнь и осколокъ старой интеллигенціи нашей, либеральной и передовой, которая худо-ли, хорошо-ли, въ былыя времена вела Россію къ свѣтлымъ днямъ, къ короленковскимъ огнямъ впереди. Соціалистическая ея часть должна была молчать; несочувствующіе жили въ сторонѣ. Изъ партій одна конституціонно-демократическая не только работала для арміи, но и дѣлала погоду въ правительствѣ. Эту ея роль я оставлю въ сторонѣ въ настоящихъ моихъ очеркахъ — она требуетъ спеціальной разработки.

II

Я пріѣхалъ на Донъ въ концѣ іюня 1919 г. какъ разъ въ ту пору, богатую надеждами и упоеніемъ военной побѣдой, когда ген. Шиллингъ подходилъ къ Одессѣ, ген. Май-Маевскій обложилъ Харьковъ и едва не взялъ въ плѣнъ Троцкаго, лично руководившаго оборонои красной крѣпости, когда ген. Врангель во главѣ кубанскихъ частей, подъ зноемъ южнаго солнца, въ безводной духотѣ Сальскихъ степей уже бомбардировалъ красный Царицынъ. За моими плечами стоялъ совѣтскій Крымъ, откуда я только что урвался. Я приплылъ изъ Ялты въ Новороссійскъ на рыбачьей парусной фелюгѣ, насъ было человѣкъ десять мореплавателей, и среди нихъ режиссеръ государственныхъ театровъ, В. Мейэрхольдъ, который бѣжалъ не столько отъ большевиковъ, сколько

отъ добровольцевъ, безчинствовавшихъ въ первые дни своего прихода съ той безшабашною и безсмысленною яростью, которая рождается лишь въ мутныя эпохи гражданскихъ войнъ. Я помню случай, когда компанія перепившихся офицеровъ, во главѣ съ полковникомъ царской службы, ворвалась въ помѣщеніе арестованныхъ и тамъ шашками изрубила кинематографическаго актера Джамарова, офицера царской же службы, добровольно явившагося къ деникинскимъ властямъ и разсказавшаго, что, будучи насильственно мобилизованъ большевиками, онъ пробирался на югъ съ тѣмъ, чтобы перекинуться на сторону бѣлыхъ, что и сдѣлалъ. Воистину, и на крымскомъ сапогѣ были свои Дамьены, съ тою лишь разницей, что они даже не покушались на современныхъ Людовиковъ и были вполнѣ преданы имъ.

Мы плыли нѣсколько сутокъ среди нахохлившихся волнъ съ пѣнистыми гребнями, вынесли два шторма, едва не потопившихъ насъ, отъ которыхъ энергіей браваго боцмана и милостью Нептуновой укрылись въ анапскую бухту. Въ Новороссійскѣ я разстался съ Мейерхольдомъ — онъ былъ опасно боленъ и очень подавленъ духомъ. Предчувствіе не обмануло его: тотчасъ же всѣ газеты, питаемыя казной, подняли крикъ о Мейерхольдѣ-большевикѣ; его судили, таскали по тюрьмамъ, допрашивали въ контръ-развѣдкахъ, и такъ провелъ онъ время вплоть до паденія Новороссійска, когда его выпустили, ибо не о томъ уже приходилось думать.

Въ Ростовѣ я нашелъ пріятеля своего, журналиста Н. Н. Штиглица, впослѣдствіи умершаго отъ жесточайшаго воспаленія легкихъ. Человѣкъ правыхъ, хотя и не вполнѣ отстоявшихся или проницательныхъ убѣжденій, вскормленный и вспоенный Бор. Суворинымъ, милый Коля, о которомъ я всегда вспоминаю съ теплой грустью, стоялъ во главѣ суворинскаго «Вечерняго Времени», горѣлъ любовью къ Россіи, которую считалъ уже воскресшей, чувствовалъ себя счастливымъ женихомъ и съ ревностью влюбленнаго въ свое дѣло мастера, засучивъ рукава и ежеминутно поправляя огромныя стекляшки очковъ, писалъ, редактировалъ и верстал свою газету. Тутъ же я встрѣтилъ друзей своихъ по Петербургу. Первое впечатлѣніе, послѣ большевистскаго карающаго кулака, матросовъ изъ гнусныхъ комендатуръ съ воспаленными отъ кокаина глазами, безсудныхъ разстрѣловъ на ялтинскомъ молу, подъ лупоглазой скорбящей луной, подъ куполами дремучей Яйлы, было отрадно и ласково. Всѣ горѣли, все кипѣло, на улицахъ сіяли лица женщинъ, прекрасныхъ и оживленныхъ, весело бѣгали въ сѣрыхъ шинелишкахъ офицеры, газетчики звонкими мѣдными голосами кричали на углахъ все о новыхъ и новыхъ побѣдахъ надъ бѣгущими красными.

— А, да у васъ тутъ жизнь! — говорилъ я. — Ну, а интеллигенція? Работаетъ?

— Зайдите въ Освагъ, въ пропаганду, увидите.

Глядѣли гордо, говорили гордо, и уже свѣтились глаза, какъ-будто Москва, освобожденная отъ скверны Москва была рядомъ, гудѣла густымъ сиропомъ колокольнаго своего звона, блистала золотомъ куполовъ, дымила фабриками, качала хоругвями крестныхъ ходовъ. Единый кличъ соединилъ, склеилъ, спаялъ всѣхъ: «На Москву!», и съ восторгомъ приняли всѣ приказъ ген. Деникина, коимъ генералъ посылалъ свои войска на широкую московскую дорогу.

Я началъ осматриваться.

Интеллигенція распадалась на двѣ явныя, рѣзко подчеркнутыя группы: дѣйствующую и пассивную. Вторая — безразлично, пришлая или коренная, — послушивала, поговаривала, почитывала газеты, похаживала въ театры и поигрывала на скачкахъ. Чтобы имѣть деньги, она либо служила въ банкахъ, въ комиссіонныхъ конторахъ, либо занималась внѣпартійнымъ ремесломъ, говоря, что жизнь учитъ быть подальше отъ всякой власти, дожидалась первыхъ поѣздовъ на Москву и уже откладывала деньги на покупку плацкартъ. Въ эту группу входила, конечно, та безталанная, сѣренькая, безиниціативная интеллигенція, изъ кадровъ которой выходили средніе врачи, средніе адвокаты, средніе педагоги и всякая вообще средняя русская середина. Но до революціи и въ первую февральскую революцію эта масса вставала въ оппозицію, записывалась въ партіи, кричала на митингахъ: «позоръ!» или «правильно!» и такъ или иначе, но дула на парусъ государственной общественной фелюги. Нынче она и это нашла излишнимъ дѣлать.

Первая, активная группа въ свою очередь раскалывалась на два ядра: сочувствующую и несочувствующую. Сочувствующая работала на дѣло возрожденія, не покладая рукъ, съ азартомъ скакового жокея, съ вѣрою Серафима Саровскаго и съ упорствомъ офицера, который готовится въ Военную Академію. Вторая гордо молчала или занималась не компрометирующимъ дѣломъ. Такъ, оставалась въ надменномъ одиночествѣ писательница Маріэтта Шагинянъ, писала разсказы про любовь и про чудаковатыхъ нѣмецкихъ профессоровъ и называла походъ Деникина контръ-революціею. Отошелъ отъ политики бывшій министръ временъ Керенскаго Никитинъ, посвятившій себя дѣлу кооперації. Въ Харьковѣ группа новожизненцевъ во главѣ съ Базаровымъ, оставшаяся на югѣ при отступленіи большевиковъ, продолжала выпускать еженедѣльный журнальчикъ «Жизнь», проникнутый тѣмъ духомъ методической и неяркой оппозиціи, въ которой стоялъ Горькій къ большевикамъ въ ту пору, когда уличныя расправы, застѣнки Петерса, рваныя ноздри и кипящая смола ему еще не нравились. Въ «Жизни», хорошо спѣвшись, выводили меньшевистскія рулады Деверданіани-Санъ, Базаровъ и Ст. Вольскій. При большевикахъ они писали, что если коммунисты травятъ меньшевиковъ и не признаютъ народнаго волеизъявленія, то это нехорошо. Было все это наивно, но безвредно, и поэтому большевики ихъ терпѣли. При добровольцахъ господа Базаровы запѣли то же самое, но въ отношеніи къ Деникину. Это тоже было безвредно, но «Вечернее Время» закричало караулъ, генералы обезпокоились и, несмотря на то, что существовала предварительная цензура, рѣшили закопать дерзкій журнальчикъ въ могилу.

И закопали.

Второе крыло первой группы интеллигенціи, интеллигенціи дѣйственной, составляло подавляющее большинство и, какъ я сказывалъ раньше, стояло безоглядочно и твердо на платформѣ добровольческой арміи и всячески поддерживало ее. Къ этой группѣ примкнулъ я самъ съ первыхъ же дней и, если впослѣдствіи отошелъ, то на то были свои вѣсскія причины, которыя выступятъ сами собой передъ внимательнымъ глазомъ моего читателя.

Пришлая интеллигенція прибѣжала на Донъ въ одной сорочкѣ, выпрыгнувъ изъ окна горящаго дома, едва спасшись отъ падающихъ балокъ, ломящихся потолковъ, отъ накаленнаго зѣва пламени; она въ душахъ своихъ принесла либо ожесточенность, либо тугую волю къ безпощадной борьбѣ до конца, либо обиду на народъ, ее не понявшій, либо злую растерянность, которая приходитъ всегда съ ломкою міросозерцанія. Съ такой растерянностью въ душѣ ходитъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, выносившій съ дѣтства глупую романтику о свѣтозарной, многосіянной райской женской любви, и вдругъ понявшій на шестнадцатомъ году, что все — одна физіологія: голыя колѣни, безстыдный шопотъ и липкое отвращеніе. Въ такой растерянности ходитъ молодой монахъ, почуявшій вдругъ разомъ, что напрасно горятъ свѣчи въ поставцахъ, и напрасно клиръ кличетъ Бога — никакого Бога нѣтъ на свѣтѣ, и нѣтъ на свѣтѣ ничего, кромѣ недолголѣтней жизни и вѣчной смерти.

Въ сущности интеллигенція наша оказалась въ положеніи Полевого, которому нѣкогда Александръ Герценъ, задорный представитель поколѣнія, идущаго на смѣну, сказалъ, что онъ, Полевой, такой-же отсталый консерваторъ, противъ которыхъ всю жизнь сражался. Этотъ приговоръ интеллигенціи былъ подписанъ самою жизнью. Жизнь сказала ей: ступайте прочь, вы, отсталые люди. И вотъ тѣ, кто былъ ослѣпленъ чисто-человѣчески, лично и близоруко, пошли въ деникинскій Освагъ проповѣдывать возвращеніе къ старой сверженной жизни, къ той жизни, когда никто не смѣлъ имъ сказать:

— Подите прочь, вы, отсталые люди!

Лишь немногіе почуяли, что среди крови, въ визгѣ братскихъ скрещенныхъ клинковъ должны родиться новые мессіи и изъ сѣмени, брошеннаго рукою революціи, долженъ вырасти нѣжный и чистый стебель новой жизни. Впереди этихъ немногихъ — я съ вѣрой говорю это — шелъ старый народникъ и старый литературный ветеранъ, писатель Евгеній Чириковъ. Силъ его не хватило, его съѣлъ милитаризованный Освагъ, побѣдила сила, провалившая всю эту плохо слаженную эпопею. Но теперь, когда все отцвѣло и отзвучало, я изъ чужого холода за-границы протягиваю свою руку ему, съ кѣмъ работалъ рука объ руку: онъ не успѣлъ сдѣлать всего, но зато онъ сдѣлалъ многое, безъ чего вся эта заваруха такъ одной заварухой и осталась бы; о которой даже нечего вспомнить.

III

На углу Таганрогскаго пр. и Садовой, гдѣ обычно цѣлый день шумитъ пестрая толпа, ревутъ сирены штабныхъ автомобилей, крутится хамелеономъ то вскипающая, то падающая паника, то вскипающій, то падающій пѣтушиный военный задоръ, въ громадной витринѣ виситъ огромная карта военныхъ дѣйствій, и толстый желтый шнуръ показываетъ капризы и колебанія гражданскаго фронта. Нѣтъ, ни клещи большевистскаго безсудія, ни крушеніе культурной, славно слаженной жизни, ни потери старыхъ уютовъ, стараго покоя, старыхъ навыковъ, милыхъ и хорошо утрамбованныхъ привычкою, не измѣнили и никакъ не отпечатались на психологіи городского населенія, выметеннаго изъ сѣверныхъ городовъ въ города южные. Оріентація на желтый шнуръ была единственной

вѣрной оріентаціей новыхъ и старыхъ ростовцевъ, и ежели онъ лежалъ достаточно высоко, пододвигая къ Москвѣ трехцвѣтные флажки, то чемоданы, дорожные сундуки и толстобокіе глобъ-троттеры укладывались съ тѣмъ, чтобы слѣдовать въ Россію, ежели-же шнуръ сникалъ внизъ, къ морю, то тѣ-же сундуки и тѣ-же глобъ-троттеры укладывались для дальняго и безвѣстнаго путешествія — быть можетъ въ Крымъ, въ холодныхъ, пустыхъ, трясскихъ теплушкахъ, быть можетъ и дальше, на черноморскихъ пароходахъ, туда, гдѣ суетится и блещетъ Парижъ, туда, гдѣ пухнутъ отъ опредѣлившихся національныхъ самолюбій славяне, туда, гдѣ о чемъ-то себѣ думаетъ трудовой и будничный Берлинъ.

Въ сосѣдней витринѣ висятъ аляповатые, какъ полотна ярмарочныхъ паноптикумовъ, безстыдные, какъ русская пошлость, скудоумные и лишенные всякой остроты лубки. Здѣсь Троцкій изображенъ не человѣкомъ и не евреемъ даже, а жидомъ, горбоносымъ жидомъ, съ окровавленными губами, какъ у кладбищенскаго вурдалака, и карающій штыкъ добровольца протыкаетъ его — нѣсколько преждевременно, не правда-ли? Здѣсь изображена совѣтская Россія въ видѣ причудливаго отвратительнаго спрута и просто Россія въ видѣ откормленной молодицы въ кокошникѣ, который ей не къ лицу. Кровавый Троцкій и добровольческій штыкъ. Убѣдительно и показательно. А рядомъ ген. Деникинъ и другіе генералы.

Эти витрины — преддверіе Освага, отдѣла пропаганды при Особомъ Совѣщаніи.

Самъ Освагъ, многолюдный, трудовой, чиновничій, расположился на Садовой 60, въ помѣщеніи гостиницы, занявъ четыре этажа громаднаго зданія, гдѣ можно было-бы съ успѣхомъ оборудовать большой и свѣтлый лазаретъ для раненыхъ. Право, онъ поразилъ меня великолѣпіемъ своимъ и широтой бюрократическаго размаха, когда я впервые въ простой русской рубахѣ, подпоясанной кушакомъ, ибо все, что могъ проѣсть, проѣлъ въ большевистскомъ Крыму, сталъ подыматься по широкимъ ступенямъ, почтительно снявъ шляпу. Солдаты внизу ворочали тяжелые тюки съ литературой, сопя и покряхтывая, и могучія ихъ спины взмокали отъ пота; офицеры, одѣтые въ щеголеватые фрэнчи, присланные тогда еще расточительнымъ Ллойдъ-Джоржемъ, ласково звенѣли шпорами, порхая изъ этажа въ этажъ, ибо это занятіе имъ нравилось больше, нежели схватки съ коммунистическими батальонами на поляхъ порабощеннаго отечества. Оглушительный трескъ машинокъ наполнялъ размашистые корридоры. Мнѣ была нужда до проф. Э. Гримма, помощника управляющаго Отдѣломъ Пропаганды.

Я спросилъ о немъ у адъютанта, стоявшаго съ папиросой въ углу тонкаго усмѣшливаго рта и сердито оглядывавшаго посѣтителей. Я замѣтилъ, что мой кушакъ и мои стоптанные сапоги ему не понравились. Цѣдя слова сквозь зубы, онъ переспросилъ меня тягучимъ голосомъ:

— Вамъ профессора?

— Да, я хочу видѣть Эрвинъ Давидовича.

— Обратитесь къ дежурному офицеру.

Я обратился. Дежурный офицеръ сидѣлъ за перегородкой у столика и отмахивался отъ вопрошавшихъ его посѣтителей съ небрежной досадой.

— Зачѣмъ вы хотите видѣть Гримма? — сказалъ онъ мнѣ.

— Разрѣшите мнѣ, господинъ капитанъ, доложить объ этомъ тому, кого я хотѣлъ бы видѣть.

Офицеръ далъ мнѣ бланкъ для заполненія. Здѣсь были отпечатаны готовые вопросы, выпытывающіе, какъ мое имя и какъ имя моего батюшки, гдѣ я былъ до сего времени, чѣмъ занимался и чѣмъ занимаюсь теперь, на какой предметъ желаю видѣть профессора и кто мнѣ знакомъ изъ видныхъ лицъ. Я написалъ первое, что мнѣ пришло въ голову.

— Теперь подождите, — сказалъ мнѣ офицеръ, крикнулъ мальчика, далъ ему мою рапортичку, и тотъ исчезъ за дверью профессора Гримма. Чувствуя себя преступникомъ, агентомъ Москвы, человѣкомъ съ бомбой въ карманѣ, я сталъ дожидаться. Входили и выходили люди, бѣгали барышни съ кипами несчетныхъ дѣлъ, лукаво поглядывая на меня и кокетничая глазами, походкой, бедрами; вздыхали дожидающіеся, а время шло, а Освагъ работалъ, а проф. Гриммъ не принималъ. Такъ онъ и не принялъ меня до окончанія присутствія, и такъ я, несмотря на то, что былъ приглашенъ работать, не видался съ нимъ вплоть до того времени, когда мы всѣ, по колѣно въ грязи, въ декабрьской ростепели, подъ насмѣшки и улюлюканіе кубанскихъ частей, бросившихъ фронты, пѣшкомъ отступали къ Батайску.

Освагъ былъ построенъ схематически слѣдующимъ образомъ. Вершина — проф. Соколовъ; его помощники — полк. Энгельгартъ, нѣкогда красный комендантъ Петербурга, и проф. Гриммъ. Дальше шли части: информаціонная, коей завѣдывалъ энергичный и очень дѣльный прив.-доц. Ленскій, литературная, коей завѣдывалъ полковникъ Житковъ и бывшій въ подчиненіи у него Е. Н. Чириковъ, художественная, возглавляемая бар. Раушъ, агитаціонная и канцелярская. Всѣ эти части дробились на болѣе мелкія ячейки, причемъ въ основу полагался принципъ: чѣмъ больше людей, тѣмъ успѣшнѣй работа. Нѣкоторые подотдѣлы придумывались тѣми людьми, которые хотѣли быть зачисленными въ пропаганду. Изъ журналистовъ въ Освагѣ работалъ одинъ Сергѣй Чазовъ, но и тотъ почему-то въ телеграфномъ Прессъ-Бюро, изъ писателей Е. Чириковъ, Вл. Эльснеръ, впослѣдствіи И. Ломакинъ, И. Сургучевъ, Е. Вѣнскій. Остальные были люди чернилъ, люди исходящей и входящей, и обильный, такъ называемый, уклоненческій элементъ.

Трудно, невозможно сказать, на что уходила колоссальная рабочая энергія этого исполинскаго механизма, куда дѣвались присутственные часы, утренніе и вечерніе, для чего и кому на пользу съ лихостью царскихъ бюрократическихъ министерствъ исписывались стопы ни въ чемъ не повинной бумаги и выплачивалось огромное содержаніе штатнымъ и сверхштатнымъ особамъ различныхъ классовъ, разсыльнымъ, агитаторамъ безъ образованія и темперамента, писателямъ дотолѣ не писавшимъ, художникамъ дотолѣ не рисовавшимъ, газетчикамъ дотолѣ думавшимъ, что типографская краска пахнетъ сиренью. Тѣ, кто работалъ и могъ работать, три четверти своей энергіи употребляли на борьбу съ этими тупыми щупальцами казенщины, чиновничьяго самодовольства, невѣжества и узости, которыми Освагъ душилъ творческую мысль и всякую творческую иниціативу.

Чириковъ былъ въ подчиненіи у полк. Житкова, который сочинялъ вѣрноподданническія брошюры о генералахъ, засѣдалъ въ театральной

секціи и какъ сказываетъ стоустая молва, однажды увѣреннымъ крѣпкимъ росчеркомъ написалъ на обложкѣ «Ревизора»: «Ознакомившись съ комедіей Н. В. Гоголя, нахожу ее къ постановкѣ въ пропагандныхъ театрахъ недопустимой.» Если это анекдотъ, то это смѣло могло и не быть анекдотомъ. Я часто заходилъ къ Е. Н. Онъ всегда хлопоталъ. Онъ писалъ воззванія, брошюры, налаживалъ народную газету — но брошюры его цензуровались полковниками, зачастую признавались вольнодумными и далеко не всегда попадали на печатный станокъ. Конечно, онъ былъ не ко двору, но работалъ, потому что считалъ себя не въ правѣ не работать.

Какъ-то я надумалъ выпускать еженедѣльную газету, не скованную кандалами «осважизма», и Е. Н. одобрилъ мою мысль. Чтобы достать бумагу по нормированной цѣнѣ, нужно было подать рапортъ на имя прив.-доц. Ленскаго и собрать нѣсколько подписей, которыя ручались бы за то, что я не большевикъ; на рапортѣ моемъ, состряпанномъ со скрежетомъ зубовнымъ, ибо въ формѣ я никогда не былъ искусенъ, подписались Чириковъ, Эльснеръ и еще кое-кто изъ литературной семьи. Бумаги мнѣ не дали. Позже я узналъ, что сильные міра сего отозвались обо мнѣ: «Э, это горѣловская публика, нечего имъ бумагу давать.» Ларчикъ былъ незатѣйливъ, ларчикъ открывался не хитро: я состоялъ членомъ редакціи создаваемой въ Ростовѣ М. М. Горѣловымъ, редакторомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Русской Воли», независимой либеральной газеты.

Освагъ имѣлъ несчетное количество газетъ во всѣхъ уголкахъ освобожденной отъ большевиковъ территоріи, въ губернскихъ городахъ, въ тихихъ медвѣжьихъ городишкахъ, задавленныхъ сплиномъ, неповоротливой и тяжеловѣсной уѣздной сплетней и тупымъ равнодушіемъ ко всему бѣлому и всему красному, на черноморскомъ побережьи и на Кавказѣ. Во главѣ этихъ газетъ, гдѣ ихъ хватало, стояли журналисты, гдѣ-же не хватало журналистовъ, тамъ стояли люди тѣхъ профессій, которыя не учатъ ослушанію декретовъ, исходящихъ изъ центра. Газеты велись въ томъ направленіи, которое можно обозначить словами: ура, во что-бы то ни стало и при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ. Во всѣ эти газеты разсылались статьи и телеграммы изъ центральнаго Прессъ-Бюро, печатаемыя въ числѣ, соотвѣтствующемъ количеству газетъ. Первое время, время побѣдоноснаго наступленія добровольческихъ армій, можно было писать о томъ, что волнуетъ, что тревожитъ, о томъ, что подсказываетъ вамъ ваша писательская совѣсть. Но когда Троцкій собралъ крѣпкій коммунистическій кулакъ и Буденый, переброшенный съ Волги, прорвалъ фронтъ у Купянска, прив.-доц. Ленскій правильно почувствовалъ, что ура, пожалуй, спадетъ на нѣсколько тоновъ ниже, и потому ввелъ систему заказныхъ статей. Я не хочу быть одностороннимъ, и потому долженъ сказать, что темы, вырабатываемыя на совѣщаніяхъ прив. доц. Ленскаго, поручались для разработки тѣмъ, кто ихъ хотѣлъ разрабатывать, чаще всего тѣмъ, кто ихъ предлагалъ, и такимъ образомъ на этихъ совѣщаніяхъ, къ счастью, не пахло дурнымъ запахомъ подваловъ «Земщины», «Русскаго Знамени» и другихъ историческихъ газетъ изъ числа послушныхъ.

Конечно, эта мѣра не привела ни къ чему и населеніе не вѣрило уже осважному ура, громыхавшему въ тѣ дни, когда обывателю хотѣлось кричать караулъ. Авторитетъ Освага далъ глубокій и безнадежный кренъ, обыватель увидѣлъ, что король ходитъ нагишомъ и тѣло его

безобразно, а въ войскахъ объ Освагѣ говорили не иначе, какъ приплетая его имя къ имени матушки. Поняла это и власть, и началась безпощадная чистка. Но печальная роль была сыграна, и сыграна съ такимъ трескомъ, который не забывается. Бюрократизмъ побѣдилъ: интеллигенція капитулировала.

Что-же всетаки было создано громоздкимъ и многолюднымъ Освагомъ? Я говорю съ чистымъ сердцемъ и съ чистою душой: ничего, кромѣ вреда. Осважные плакаты казались жалкими рядомъ съ великолѣпными плакатами большевиковъ, а вѣдь въ художественной части работали такія имена, какъ И. Билибинъ и Е. Лансере. Изъ груды брошюръ, писаныхъ нарочито псевдо-народнымъ, т. е. бездарнымъ и напыщеннымъ языкомъ, можно выдѣлить лишь десятокъ брошюръ Е. Чирикова, И. Наживина, И. Сургучева и кн. Е. Трубецкого. Вотъ этотъ-то десятокъ брошюръ, написанныхъ ярко, кровью души, эта горсточка нетенденціозной, искренней, правдивой агитаціи, агитаціи сердца, и есть одно и единственное свѣтлое пятно на фонѣ синихъ обложекъ «дѣлъ за такими-то номерами», кипъ рапортовъ и отчетовъ, сѣрой газетной тарабарщины, вялой и ненужной, годной лишь для того, чтобы базарныя торговки, переругиваясь съ покупателемъ, завертывали въ нихъ молодую картошку. Агитація хороша, когда она дерзка и напориста, она хороша, когда кажетъ юркую свою рожу изъ-за плечъ оратора противника; нужно, чтобы за агитаторомъ гонялись враги подобно тому, какъ Лафайетъ гонялся за Жанъ-Поль Маратомъ подъ сводами заштатныхъ францисканскихъ монастырей. У большевиковъ за бронепоѣздомъ идетъ агіопоѣздъ; у Деникина агіопоѣздъ трухтѣлъ, жалобно и трусливо позванивая скрѣпами цѣпей, вслѣдъ за пассажирскимъ.

Военная бюрократія побѣдила, чтобы безславно пасть черезъ недѣлю на тифозныхъ улочкахъ Новороссійска, подъ вой ледяного нордъ-оста и проклятія замученныхъ офицеровъ. Военная бюрократія топила и потопила всякій патріотическій пылъ, всякое озареніе духа, которое освѣщало хотя-бы на мигъ тусклые и скучные коридоры ея бездушныхъ канцелярій. Она писателя Чирикова заставляла становиться въ строй, ибо винтовка въ его старческихъ рукахъ казалась внушительнѣе, нежели испытанное перо, котораго она боялась. Она таскала по допросамъ писателя И. Ломакина за то, что тотъ, изнывая подъ игомъ краснаго Царицына и чтобы спасти отца, заподозрѣннаго въ буржуйствѣ, написалъ двѣ-три хроникерскихъ замѣтки въ какомъ-то унылomъ совдепскомъ листкѣ; журналиста Г. Алексѣева она гнала приблизительно за то же.

Интеллигенція, пришедшая къ желтымъ пескамъ Дона, къ ковылю неохватныхъ донскихъ степей, несла истинный патріотическій подъемъ, тотъ подъемъ, котораго не хватило въ дѣтскіе мѣсяцы нашей революціи, подобно тому, какъ не хватило его ни въ Германіи, ни раньше, въ прошломъ, во Франціи. Кажется, это Іосифъ Маццини, человѣкъ, который слышалъ крики: «Evviva l'Italia! evviva Mazzini!» сказалъ однажды: «Я видѣлъ французскихъ рабочихъ, остававшихся равнодушными зрителями 2 декабря, потому что всѣ вопросы сводились для нихъ къ вопросу о матеріальномъ благоденствіи. Теперь они жалуются, что потеряли свободу, не завоевавъ благоденствія.» Нашу интеллигентскую няньку ген. Деникинъ замѣнилъ муштрованнымъ деньщикомъ, а въ сердцѣ этой няньки

свѣтло и чисто горѣло и юношески-свѣтлое воодушевленіе, и великій духовный идеальный подъемъ.

Почуявъ свое пораженіе, интеллигенція стала искать иныхъ путей, иной работы для націи внѣ того правительства, которое съ грубыми ошибками тянулось къ раскрѣпощенію націи; первымъ ушелъ изъ пропаганды Чириковъ; появились кружки, въ которыхъ интеллигенція собирала разбитыя силы. Но было уже поздно, Россія вновь трещала по швамъ, и уже слышенъ былъ издалеча гулъ и посвистъ красныхъ печенѣговъ, лавиной шедшихъ на ослабѣвшій югъ.

IV

Исторія интеллигенціи всѣхъ странъ имѣетъ одну черту, проходящую изъ столѣтія въ столѣтіе съ потрясающей спорадичностью — я говорю о страсти къ кружковщинѣ. Воспитанная ли на гегеліанствѣ, какъ то было у насъ въ свѣжіе и молодые сороковые годы, вскормленная ли угрюмой поэзіей Жанъ Жака, какъ французы Демуленъ и С. Жюстъ, вспоенная ли сен-симонизмомъ, перебросившимся отъ береговъ Сены, сдобреннымъ, какъ сдобная булка изюмомъ, отечественными куплетами, вродѣ:

Русскій императоръ
Въ вѣчность отошелъ,
Ему операторъ
Брюхо распоролъ,

интеллигенція со страстью сжималась въ тѣсные кружки, сначала для того, чтобы пробить себѣ въ гранитѣ современной жизни просторные тунели къ знанію, потомъ для того, чтобы укрыться отъ омерзительнаго молота реакціи, въ послѣдніе годы для того, чтобы въ кружкѣ, «у себя», разобраться въ томъ хаосѣ скрещенныхъ, сплетенныхъ и перепутанныхъ противорѣчій, которыя безъ устали выдвигала жизнь. Теперь, когда я вспоминаю о ростовскомъ кружкѣ, группировавшемся вокругъ Е. Ф. Никитиной, русской феминистки и поэтессы, я вижу ясно, что вовсе не литература была тамъ своего рода синдетикономъ, склеивающимъ насъ въ тяжелыя минуты, но эта исконная тяга интеллигента къ интеллигенту, которые устали и измучились.

Мы собирались по субботамъ и неизмѣнно все въ одномъ и томъ же составѣ: Е. Н. Чириковъ, всегда бодрый, шутливый и ласковый, проф. Ладыжниковъ, Борисъ Лазаревскій, Любовь Столица, худ. И. Билибинъ, Е. Лансере, Игнатій Ломакинъ, или графъ Ломакинъ, прозванный такъ за внушительную свою внѣшность, зычный голосъ и свѣтскую изысканность за столомъ, я, худ. Голубевъ-Багрянородный, Е. Ф. Никитина и супругъ ея, министръ временъ Керенскаго, о которомъ я уже упоминалъ. Постоянно бывали дочь Чирикова, молодая художница Людмила Евгеньевна, и жена его, актриса Іолшина. Это было ядро. Остальные приходили, какъ гости: художники, литераторы и актеры, забредавшіе въ Ростовъ, а изрѣдка, какъ лакомое блюдо, заѣзжавшіе изъ Европы политическіе дѣятели.

Программа нашихъ субботниковъ варьировалась рѣдко: кто нибудь читалъ, потомъ спорили о прочитанномъ, художники зарисовывали читавшихъ, потомъ переходили въ столовую, и здѣсь, за ужиномъ, за

пирогами и печеньями, на которые Е. Ф. была великая мастерица, открывалась трагедія, мучившая каждаго изъ насъ, и разстегивались наши мысли, безбоязненно и нестѣсненно. Чириковъ дѣлался серьезнымъ; онъ никогда не говорилъ о томъ, что дѣло безнадежно, что работники идеи не дотянули своей идеи, но въ его мѣткихъ, короткихъ рѣчахъ, произносимыхъ съ характернымъ волжскимъ говоркомъ, сама собой обнажалась печальная правда.

Онъ разсказывалъ:

— Вотъ изволите ли видѣть. Изъ Освага посылаемъ литературу въ Анапу, запаковываемъ тяжелые тюки. Литература приходитъ въ Анапу, мѣстный отдѣлъ вскрываетъ посылку и находитъ — большевистскія брошюры. Такъ нельзя.

Лазаревскій въ своей неизмѣнной черной курткѣ, съ насупленнымъ лицомъ и добрыми-добрыми глазами, которые такъ и не хотѣли быть сердитыми, безпокойно вышагивалъ изъ угла въ уголъ, то надѣвая, то снимая пенснэ, и вдругъ, подойдя ко мнѣ, хлопалъ меня по плечу:

— Поговоримъ, старикъ!

Это значило, что мы пойдемъ съ нимъ въ уголокъ гостиной, сядемъ на диванчикѣ и будемъ толковать о томъ, что литература забыта, загнана въ тупикъ и тяжело, тяжело жить беллетристу въ наше кромѣшное время. Онъ любилъ меня. Наша дружба была давняя, петербургская, мы встрѣтились съ нимъ впервые въ крошечной редакціонной комнатушкѣ «Вѣстника Европы» на Моховой, у Овсянико-Куликовскаго, и, неисправимый фаталистъ, Бор. А. видѣлъ въ этомъ нѣчто заумное — вотъ встрѣтились два писателя, зрѣлый и только что начинающій, подъ испытаннымъ благословленіемъ любимаго академика, и дружба ихъ стала неразрывна, интимна и крѣпка.

Въ кружкѣ велся журналъ, «Ежевозможникъ Пенептиконъ», гдѣ художники набрасывали карикатуры, концовки, зарисовки, а писатели писали все, что имъ вздумается. О каждомъ собраніи велись протоколы. Возникла мысль открыть свое книгоиздательство, и пошла возня въ Освагѣ съ просьбой отпустить бумагу. Думали выпустить литературный альманахъ, книги отдѣльныхъ авторовъ, сказочки для дѣтей. Всему этому не суждено было сбыться: удалось только выпустить книжку со сказками Е. Чирикова, Л. Столицы, моей, Б. Лазаревскаго и Е. Никитиной, и книжку стиховъ Е. Ф. Никитиной, но эти книги появились въ канунъ занятія большевиками Ростова, и я не сомнѣваюсь, что за очевидной буржуазностью своей были изъяты съ книжныхъ витринъ.

Мнѣ памятна послѣдняя наша суббота, когда уже палъ Харьковъ, Купянскъ, Сумы, и бѣженцы, появившіеся на улицахъ, внесли растерянность и панику, когда болѣе предусмотрительные, съ тѣмъ чутьемъ близкой крови, которое выработалось у населенія за гражданскую войну, погружали свои чемоданы въ теплушки, когда всякому внимательному глазу былъ уже виденъ развалъ арміи и неудержимый развалъ тыла. Многіе бодрились, но настроеніе было панихидное. Въ этотъ вечеръ Никитинъ читалъ свои воспоминанія объ осадѣ Зимняго Дворца. Я сидѣлъ возлѣ стола и смотрѣлъ на широкое, умное лицо бывшаго министра; его ровный спокойный голосъ казался жуткимъ: онъ пережилъ дворцовую осаду, но осады города Ростова ему не удалось пережить — вмѣстѣ съ кооператив-

ными дѣятелями, Никитинъ, не успѣвшій бѣжать изъ города, былъ разстрѣлянъ большевиками.

Его чтеніе на всѣхъ навѣяло грусть. Уже занесена была красная длань надъ многими изъ насъ, снова впереди была мглистая темь, безъ маячныхъ огней, безъ зарницъ предразсвѣтныхъ, и почти погасла, треща, какъ робкая лучина, послѣдняя надежда. Шутили. Записывали другъ у друга адреса, потому что уже многіе намѣчали себѣ путь: кто въ Крымъ, кто въ Сербію, кто къ чехамъ. И позже, въ сырости декабрьской оттепели, шли молча по вымершимъ улицамъ Ростова, пришибленнымъ крадущейся опасностью, считающимъ свои послѣднія свободныя ночи. Фонари горѣли жалко, съ тоскливымъ дреньканьемъ стеколъ, гдѣ-то у Таганрогскаго дрянно ругался пьяный офицеръ и медленно, унылой скисшей походкой, бродили уличныя женщины съ жалконькими цвѣтками на вымокшихъ шляпкахъ.

— Мужчина, — сказала мнѣ одна, — что не веселъ?

Кажется, въ ея голосѣ была насмѣшка. Я постоялъ, поглядѣлъ на небо: хлопья талаго снѣга валились сплошной стѣною, слѣпя глаза.

V

Часть интеллигенціи, чуравшейся союза съ правительствомъ, не видѣвшая въ предпріятіи Деникина ничего, кромѣ мертворожденной попытки воскресить гніющіе останки монархіи, ничего, кромѣ вообще мертворожденнаго дѣла, все же не считала себя въ правѣ оставаться внѣ событій. Пути къ иной работѣ, неоффиціальной, были въ сущности закрыты, особенно съ момента объявленія военной диктатуры и милитаризаціи всѣхъ, даже самыхъ штатскихъ отраслей управленія. Оставалось одно — печатное слово, которое и расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ, несмотря на цензуру и на невѣроятныя цѣны на бумагу и типографскій трудъ. Въ Ростовѣ выходило восемь утреннихъ газетъ: «Пріазовскій Край», «Донская Рѣчь», «Свободная Рѣчь» (кадетскій офиціозъ), шульгинская «Свободная Россія», осважная «Жизнь», «Народная газета» — голосъ донского Освага, «Заря Россіи», основанный Пѣшехоновымъ и Мякотинымъ «Парусъ» и одна вечерняя, суворинское «Вечернее Время». Я не считаю газетъ, періодически возникавшихъ и самовольно или подъ давленіемъ лопавшихся, погромнаго органа «Въ Москву!», листка Пуришкевича «Благовѣстъ» и понедѣльничныхъ газетъ.

Кромѣ того, выходили журналы: «Донская Волна», бездарно ведущійся осважный «Орфей», потерявшій кредитъ у своего начальства послѣ перваго-же номера, «Лукоморье», «Пути Россіи» и всякія осважныя и полуосважныя пародіи на журналы. Печатное поле было широко и просторно.

Изо всего этого перечня только «Пріазовскій Край», «Донскую волну», «Парусъ» и «Вечернее Время» можно назвать органами независимыми, и только «Парусъ» органомъ оппозиціоннымъ. Для меня вообще остается тайной, какъ могла существовать такая газета, какъ «Парусъ», гдѣ ярко, какъ всегда, писалъ Александръ Яблоновскій. Предполагавшаяся къ выходу газета М. М. Горѣлова «Возрожденіе» такъ и не смогла улучить момента, когда ослабѣетъ цензурный гнетъ. Поблажка давалась только

правымъ кругамъ, но справедливость требуетъ замѣтить, что правительство закрыло и такую газету, какъ «Въ Москву!», писавшую въ своемъ подзаголовкѣ: «возьми хворостину, гони жида въ Палестину», и пользовавшуюся громадной, воистину чудовищной популярностью. Правда, стимуломъ запрещенія явилось опасеніе еврейскаго погрома, который уже закипалъ на рынкахъ, на сумятливыхъ ростовскихъ толкучкахъ. Газету закрылъ ростовскій градоначальникъ Бѣляевъ, черезъ три дня послѣ этого уволенный со службы за какія-то недоразумѣнія.

Общій тонъ газетъ оріентировался на расположеніе духа господина Освага, господинъ же Освагъ всегда былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Старѣйшая ростовская газета «Пріазовскій Край» по просту потеряла лицо, несмотря на участіе столичныхъ журналистовъ и хорошо поставленную информацію. «Жизнь» была основана Ю. М. Семеновымъ, молодымъ человѣкомъ изъ московскаго университета, и велась съ тѣмъ безобиднымъ диллетантизмомъ, который принято называть наивнымъ, дабы не сказать чего-нибудь другого. Эта газета пачками отправлялась на фронтъ. Фронтъ вообще былъ свалочнымъ мѣстомъ. Туда же отправлялось и «Вечернее Время». Но это была яркая и по своему талантливая газетка, живая и задорная. Въ ней много писалъ Б. Суворинъ; зайдя въ эту редакцію, напоминавшую кулисы дрянного захолустнаго театрика, вы всегда могли видѣть могучую фигуру ея редактора, сосущаго папиросу и пьющаго пиво съ храбростью отчаянія.

«Рѣчь» была офиціозомъ кадетовъ и, само собою, офиціозомъ большинства изъ Особаго Совѣщанія. Тамъ писались дѣльныя передовыя и намѣчались дѣльныя программы. «Великая Россія» вела свою линію, сначала усиліями Н. Чебышева и В. Левитскаго, потомъ усиліями П. Б. Струве. Возникшая наканунѣ катастрофы «Донская Рѣчь» старалась походить на серьезную передовую газету. Но газетѣ этой недоставало перцу, той изюминки, которая отмѣчаетъ живую и взволнованную мысль — эта изюминка была въ «Парусѣ», несмотря на какой-то недодѣланный, сырой внѣшній видъ. Въ «Зарѣ Россіи» В. М. Ренниковъ отдавалъ предпочтеніе частушкамъ на темы о слабости и немощи большевистской, тихенькимъ фронтовымъ разсказикамъ и такимъ статьямъ, содержанія которыхъ не понять — такъ выходило и таинственнѣй, и безопаснѣй въ отношеніи цензурномъ.

Таково лицо ростовскихъ газетъ. Оно оставалось неизмѣннымъ съ побѣдоноснаго наступленія и до безпорядочнаго отступленія, при раскатахъ близкой канонады не дрогнулъ на немъ ни одинъ мускулъ, не сморгнулъ глазъ, не покривились губы. Газеты честно служили своимъ господамъ. Публицистовъ на Дону было мало, и я смѣло могу утверждать, что писала въ газетахъ интеллигенція en masse: адвокаты и врачи, студенты и офицеры, дамы скучающія и нескучающія, недоучившіеся юноши, слишкомъ много учившіеся старцы, бездѣльники, зѣваки и дѣльные, умные, порядочные люди. Таковъ былъ гипнозъ этого времени, такова была идеологія донской интеллигенціи. Многіе писали въ разныхъ газетахъ одновременно — Ив. Наживинъ, напримѣръ, въ прошломъ толстовецъ, въ настоящемъ ярый милитаристъ съ сильнымъ уклономъ вправо. Общее поправѣніе отмѣтило эту эпоху нашей революціи — иначе, конечно, не могло быть и было такъ.

Но грянулъ часъ — и ни пушинки не осталось отъ новой молодой Россіи, такъ чудесно и свято поднявшей трехцвѣтный патріотическій флагъ. Все, что могло бѣжать, кинулось къ Черному морю, въ давкѣ, среди стоновъ умирающихъ отъ тифа, среди крика раненыхъ, оставшихся въ городѣ для того, чтобы получить ударъ штыка озвѣрѣлаго красноармейца. Ахъ, есть минуты, которыхъ не проститъ самое любящее сердце, которыхъ не благословитъ самая кроткая рука! Поля лежали сырыя и холодныя, сумрачныя, почуя близкую кровь — и шла лавина бѣгущихъ, упорная, озлобленная, стенающая, навстрѣчу новой оскаленной безвѣстности, навстрѣчу новымъ судьбамъ, скрывшимъ въ темнотѣ грядущаго свое таинственное лицо. И мелкимъ шагомъ шла на новыя мѣста интеллигенція, неся на плечахъ гробишко своей идеологіи, переломленной пополамъ вмѣстѣ со шпагой генерала Деникина. Распались дружескія путы, связавшія ее въ моменты общаго стремленія къ Бѣлокаменной — и вотъ пошли бродить по блестящей, опьяненной побѣдою Европѣ толпы Вѣчныхъ Жидовъ, озлобленныхъ другъ на друга, разноязыкихъ, многодушныхъ, растерянныхъ, многое похоронившихъ назади, ничего не унесшихъ съ собой кромѣ тоски по Россіи, безславной и горючей.

Берлинъ, 1920 г.

Александръ Дроздовъ

Кіевская эпопея

(ноябрь—декабрь 1918 г.)

Въ дорогѣ

Былъ октябрь 1918 года . . . Нашъ поѣздъ переѣхалъ границу Всевеликаго Войска Донского и тихо потащился полями Украины. Мелькаютъ въ окнахъ вагона бѣлыя хаты съ облетѣвшими садами, убранныя поля съ торчащимъ рыжимъ жнивьемъ, надъ которымъ носятся стаи птицъ . . . Ѣдемъ медленно, останавливаясь подолгу на станціяхъ и полустанкахъ. На каждомъ вокзалѣ — нѣмецкій караулъ. Словно замерли на часахъ подтянутые, чистенькіе нѣмцы. А невдалекѣ отъ нихъ можно увидѣть кучки сѣрыхъ, рваныхъ людей, злобно смотрящихъ на незванныхъ иноземцевъ . . .

На какомъ то разъѣздѣ поѣздъ стоитъ цѣлый часъ — у слѣдующей станціи произошло крушеніе . . .

— «Пассажирскій разбился . . . рельсы разобрали . . .» разсказываетъ желѣзнодорожникъ. — «Да, кто же это?» волнуется дама изъ второго класса. — «Кто? — Развѣ мало здѣсь . . .» тянетъ желѣзнодорожникъ, «цѣлые отряды теперь ходятъ, съ оружіемъ . . . Хлѣбъ убрали и пошли...»

— «Такъ ихъ половить всѣхъ!» горячится дама. — «Нѣмцевъ послали туда . . . Да развѣ — всѣхъ переловишь», флегматично отвѣчаетъ желѣзнодорожникъ.

Поѣздъ рванулся, запищали вагоны. Тихо тронулись . . . Черезъ нѣсколько верстъ замедляемъ ходъ и еле-еле продвигаемся. Рядомъ съ линіей лежитъ, какъ мертвый титанъ — разбитый пассажирскій поѣздъ кругомъ разставлены пулеметы, ходятъ нѣмецкіе солдаты . . .

«Что никого не поймали?» спрашиваетъ будочника пассажиръ изъ окна.

«Никого . . . Была перестрѣлка . . . Никого . . .», отвѣчаетъ равнодушно будочникъ.

Поѣздъ ускоряетъ, пошелъ полнымъ ходомъ.

Люди въ вагонахъ мало разговариваютъ. Какъ будто всѣ чѣмъ то недовольны, чего то ждутъ . . . Держу въ рукахъ газету — читаю о возстаніи крестьянъ и войнѣ ихъ съ нѣмцами.

Уже полдень. Мы подъѣзжаемъ къ Кіеву . . . Зашумѣлъ поѣздъ по желѣзнодорожному мосту и передъ нами, за синимъ, серебрящимся Днѣпромъ, на покатыхъ горахъ, съ золотыми куполами, красными горящими на закатѣ крестами — столица Украины.

Кіевъ

Я нѣсколько дней живу въ Кіевѣ. Хожу по улицамъ—наблюдаю жизнь. И тяжело и непріятно становится отъ этихъ наблюденій . . . Кіевъ — переполненъ. Особенно много бѣженцевъ изъ Совдепіи. Шумящія улицы пестрятъ шикарными туалетами дамъ . . . Элегантные мужчины, военные мундиры . . . Биткомъ набитые кафѣ . . . переполненные театры, музыка, гулъ, шумъ . . . проститутки, спекулянты . . . Но въ этомъ чаду ощущается какая-то торопливость, предчувствіе неминуемаго конца. Какъ будто веселящіеся люди чувствуютъ за собой погоню и спѣшатъ провести «хоть часъ» . . . На фонѣ кутящей, пьющей, одуряющейся толпы мелькаютъ сѣрые мундиры чопорныхъ нѣмецкихъ офицеровъ и каменныхъ солдатъ, — это тѣ — кому обязана толпа своимъ весельемъ.

Увѣренность въ близкой опасности раздѣляется всѣми . . . Ее реально видятъ, понимаютъ и сегодняшніе правители Украины, но у нихъ нѣтъ «своей» силы, на которую можно было бы опереться. А — чужая — нѣмецкая, послѣ революціи, съ каждымъ днемъ становится ненадежнѣе.

И вотъ въ поискахъ «силы» Гетманъ издалъ приказъ о мобилизаціи офицеровъ.

Я иду къ воинскому начальнику . . . Дворъ и улицы около зданія запружены бывшими офицерами. Въ военныхъ шинеляхъ, безъ погонъ, безъ кокардъ. Усталыя лица. Большинство молчатъ. Только нѣкоторые что то горячо разсказываютъ. Ихъ обступили кучками . . . — «Да вы бы разспросили хорошенько», возражаетъ кто то разсказчику . . . — «Разспросили — онъ не желаетъ по русски говорить, . . . разспросите его . . .» — «Господа, а не читали въ сегодняшней газетѣ: — можно въ русскія дружины поступать, по охранѣ города», говоритъ кто то изъ кучи, показывая газету . . .

Вѣрно: — дружина ген. Кирпичева — по охранѣ города . . . Совсѣмъ хорошо. Избавляешься отъ службы въ войскахъ Гетмана и охрана города дѣйствительно имѣетъ смыслъ и необходима.

Иду на Прорѣзную улицу — въ штабъ дружины . . . Небольшія комнаты полны пришедшими офицерами. Здѣсь волненіе, шумъ . . . Всѣ хотятъ узнать объ условіяхъ службы, освобождаетъ ли она отъ украинскихъ войскъ и т. п. — Красивый, худой брюнетъ — полковникъ Ротъ предупредительно вѣжливо отвѣчаетъ на разспросы . . . «господа, служба только по охранѣ города . . . жалованье 500 карбованцевъ въ мѣсяцъ . . . будетъ общежитье . . . довольствіе . . . суточныя . . . поступленіе въ дружину освобождаетъ отъ общей мобилизаціи . . . Но при поступленіи вы должны представить рекомендаціи 2-хъ лицъ, — общественныхъ дѣятелей или военныхъ» . . . Офицеры довольны. Вѣдь всѣ изъ нихъ уже поголодали, узнали — безработицу. А тутъ хорошія условія и «охрана города» — необходимая при всякомъ правительствѣ . . .

На утро, доставъ солидныя рекомендаціи, я записываюсь въ дружину у звенящаго шпорами, картавящаго гвардейца-адъютанта. И, по своему раіону, получаю назначеніе во 2-й отдѣлъ дружины, на Бульварно-Кудрявскую улицу — домъ Вагнера.

Черезъ день являюсь на мѣсто службы. Начальникъ отдѣла, гв. полковникъ Крейтонъ разбиваетъ собравшихся человѣкъ 60 офицеровъ

на четыре подотдѣла. Я попадаю во 2-й, начальникомъ котораго — гв. полковникъ Сперанскій.

Но пока что весь отдѣлъ, вмѣстѣ, несетъ службу въ домѣ Вагнера . . . Домъ — особнякъ реквизированъ для военныхъ цѣлей. Раньше здѣсь помѣщалось какое то ученое о-во, но теперь ему отвели одну маленькую комнату, а въ остальныхъ расположилась «охрана города». Настелили соломы, принесли винтовки, патроны, пулеметы, защелкали затворами, затопали сапогами . . . Напрасно членъ ученаго о-ва, глубоко-штатскій человѣкъ, съ длинными волосами проситъ «хоть еще одну комнату», «намъ это совершенно необходимо» увѣряетъ онъ полковника. — «Въ Совдепіи вы бы такъ не разговаривали», зарычалъ полковникъ и глубоко-штатскій человѣкъ скрылся за скрипнувшей дверью . . .

Собравшимся офицерамъ дѣлъ нѣтъ. Помощникъ начальника отдѣла, полковникъ Кондра читаетъ лекціи, какъ офицеры должны вести себя, какъ серьезенъ моментъ и что очень скоро придутъ союзники. А съ ихъ приходомъ положеніе окончательно укрѣпится. Намъ же надо, пока что, поддержать порядокъ «до ихъ прихода» . . .

Въ городѣ также кутитъ, пьянствуетъ веселящаяся толпа. Также мелькаютъ нѣмецкіе мундиры. Но съ каждымъ днемъ тревога среди обывателей увеличивается. Въ рабочихъ кварталахъ все чаще собираются на улицахъ темныя кучки, толпясь, наклоняясь близко лицами, о чемъ то говорятъ и, завидя взводъ офицеровъ, расходятся, оглядываясь злобными, двусмысленными улыбками . . .

Намъ приказано каждую ночь быть въ отдѣлѣ, въ полной боевой готовности. Всю ночь мы несемъ службу. По улицамъ ходятъ дозоры. Въ саду, за особнякомъ и у воротъ стоятъ часовые.

Стоя на часахъ, прислушиваешься, какъ то тамъ, то сямъ въ городѣ трещатъ выстрѣлы.

Людей въ отдѣлѣ мало — человѣкъ 60, и несмотря на приказы о дальнѣйшей мобилизаціи — число не увеличивается. Безсонная служба — почти безъ смѣны — утомительна. Весь день сидятъ, дремлютъ офицеры — на соломѣ въ особнякѣ. Въ одинъ изъ такихъ дней пріѣхалъ ген. Кирпичевъ съ какимъ то штатскимъ господиномъ. Всѣхъ подняли, выстроили и генералъ обратился съ рѣчью:

«Господа, теперь мы вошли въ составъ арміи ген. Деникина. Намъ предстоитъ важная задача: поддержать порядокъ до прихода союзниковъ, которые уже близко . . . За нашего вождя, ген. Деникина, ура! . . . Организатору и иниціатору офицерскихъ дружинъ, Игорю Александровичу Кистяковскому, ура! . . .» Кричатъ ура и штатскій господинъ привѣтливо снимаетъ шляпу. — Это министръ Кистяковскій.

«Вхожденіе» въ составъ арміи ген. Деникина многихъ удивило, но никто не могъ подумать, что ген. Кирпичевъ и Кистяковскій завѣдомо лгали.

Дни идутъ въ безсмѣнномъ несеніи карауловъ. Настроеніе становится нервнѣе, тревожнѣе. Въ одну изъ ночей дозоры принесли сорванное съ дома воззваніе Винниченки и Петлюры съ призывомъ къ возстанію. А на слѣдующій день стало извѣстно, что дружина Святополка-Мірскаго куда то выступила.

Нашъ 2-й подотдѣлъ перевели на Львовскую улицу въ пріютъ «Ясли». Здѣсь такой же безпорядокъ и сумятица. Опять приказано быть все

время въ зданіи и въ полной готовности. Но это уже становится труднымъ, такъ какъ штабы дружинъ, отдѣловъ, подотдѣловъ — переполнены, а строевыхъ офицеровъ — горсть. Ежедневно приходятъ свѣдѣнія о готовящемся возстаніи въ городѣ. Насъ разсылаютъ по улицамъ. Тревога замѣтно усиливается . . .

На позиціи

Позднимъ вечеромъ 19 ноября въ пріютъ «Ясли» пріѣхалъ нач. 2-го отдѣла полк. Крейтонъ. «Господа, Вы должны выступить на вокзалъ... Тамъ положеніе ненадежное. Надо разоружить какую то дружину . . .» Полк. Крейтонъ что то путаетъ, но сознаніе дисциплины не позволяетъ сомнѣваться. Надо выступать. Собираемся. Подотдѣлъ долженъ былъ бы идти вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, но полк. Сперанскаго — нѣтъ. Его не было ни сегодня, ни вчера, ни позавчера. Его мы почти не видимъ. Выступаемъ безъ него. За старшаго — капитанъ . . . Темная ночь. Колонной по отдѣленіямъ, четко отбивая шагъ — идемъ городомъ... Пришли на вокзалъ. Здѣсь еще какія то части . . . Волненіе, сумятица... Больше всѣхъ бѣгаетъ, кричитъ — полный генералъ . . . Это — Канцыревъ.

Но вмѣсто разоруженія «какой то дружины» генералъ объявляетъ намъ приказъ: мы должны ѣхать на постъ Волынскій и поступить тамъ въ распоряженіе начальника участка. Мы удивлены. Намъ объясняютъ задачу: съ Бѣлой Церкви наступаютъ банды Петлюры; дружина Святополка-Мірскаго уже имѣла съ ними бой, но неудачный; мы должны идти ей на помощь.

Среди офицеровъ волненіе, недовольство . . . Стало быть, полк. Крейтонъ лгалъ о разоруженіи «какой то дружины»! Вмѣсто «разоруженія» насъ, городскую охрану, вывозятъ за городъ! . . . Но разсуждать поздно. Уже поданы вагоны. Кто то подходитъ, разсказываетъ, что дружину Святополка-Мірскаго разбили вдребезги, раненыхъ не успѣли подобрать, петлюровцы идутъ «тучами». Разсказъ еще больше понижаетъ настроеніе. Всѣ чувствуютъ обманъ, но та же самая «дисциплинированность» заставляетъ молчать . . . Садимся въ темные вагоны, звенятъ штыки сцѣпившихся винтовокъ . . . Поѣздъ ѣдетъ къ Посту Волынскому. Остановились . . . Кто то пошелъ на станцію доложить о прибытіи. Въ вагонахъ межъ офицерами снова поднимается волненіе . . . «Зачѣмъ?! Куда насъ вывезли! Съ нами нѣтъ ни одного начальника, всѣ остались въ Кіевѣ! . . .» Въ полутемныхъ вагонахъ шумъ, крѣпкая ругань . . . Но достаточно одного, сдержаннаго замѣчанія: «что вы, господа, солдаты что ли, митинговать вздумали» и крики затихаютъ.

Уже ползетъ въ окна сѣрый разсвѣтъ. Въ нетопленныхъ вагонахъ холодно. Большинство задремало, склонясь на винтовки . . . Разсвѣло. Вышли на пути. Узнали, что мы стоимъ въ резервѣ и командуетъ нами ген. Канцыревъ.

День проходитъ въ разговорахъ. Большинство офицеровъ примирилось съ положеніемъ и успокоилось. Но нѣкоторые безслѣдно скрылись.

Пришелъ поѣздъ съ офицерами дружины Святополка-Мірскаго. Они только что изъ боя подъ Мотовиловкой. Возмущенно разсказываютъ: «пошли мы безъ развѣдки, намъ говорили, что петлюровцевъ тутъ очень

немного, банды какія то . . . а мы налетѣли на ихъ главныя силы, на сѣчевиковъ . . . почти въ кольцо попали . . . потери понесли страшныя, раненыхъ побросали . . . сердюки съ нами были — разбѣжались . . .»

Бой подъ Мотовиловкой обсуждается и коментируется подъ крѣпкую ругань начальства. Снова подымается возмущеніе, но та же дисциплинированность заставляетъ замолкать.

Вечеръ. Темно. Мы получили приказъ выступать. Изъ темныхъ вагоновъ выпрыгиваютъ люди. Выстроились. Пошли по талому снѣгу, путаясь въ рядахъ.

«Куда мы идемъ?» спрашиваютъ по рядамъ. — «Чортъ ихъ знаетъ — говорятъ, на окраину Жулянъ, что ли . . .»

Вошли въ село. Въ маленькихъ оконцахъ кое-гдѣ мелькаютъ желтые огоньки. Бѣлыя хатки уснули подъ соломенными, снѣжными крышами... Хлюпаетъ подъ ногами дорога, звякаютъ штыки . . . Отрядъ растянулся по темной улицѣ . . . Село кончилось. Остановились.

«Ну, куда же?» спрашиваютъ по рядамъ. Впереди полковникъ. Его окружили. «Г-нъ полковникъ, куда же мы идемъ? гдѣ у насъ противникъ?» недовольно спрашиваютъ. «А чортъ его знаетъ, я самъ не знаю — не то тамъ, не то тамъ», раздраженно отвѣчаетъ полковникъ, показывая въ противоположныя стороны. «Вотъ что, господа, часть въ 10 человѣкъ пойдетъ съ пулеметчиками въ Красный Трактиръ, — вы поведете, полк. Крамаревъ, — а вы — расположитесь здѣсь; на утро увидимъ въ чемъ дѣло», приказываетъ полковникъ.

Красный Трактиръ

Я иду, въ числѣ 10-ти человѣкъ, въ Красный Трактиръ. Старшимъ у насъ — молодой, энергичный полковникъ съ георгіевскимъ крестомъ — Крамаревъ. Онъ идетъ и безъ умолку разговариваетъ, критикуя штабы. «Чортъ знаетъ — у насъ вездѣ такъ. Въ штабахъ сидятъ олимпійцы какіе то. Тыкнутъ пальцемъ-вотъ участокъ, вотъ направленіе, найдете то-то и то-то. А тутъ ни частей нашихъ нѣтъ, ни связи никакой! Чортъ знаетъ! . .»

— «А что мы будемъ, госп. полковникъ, въ этомъ Красномъ Трактирѣ дѣлать?» — «Тамъ нашъ полкъ стоитъ конный — Лубенскій. Онъ охраняется разъѣздами на 8-мъ верстъ впередъ. А мы въ селѣ съ пулеметами станемъ.»

Впереди неувѣренно вздрогнулъ огонекъ. Это Красный трактиръ. Дошли. Идемъ улицей. Отъ большой хаты отдѣлилась фигура часового — «кто идетъ?» — «Свои.» — Пропуска часовой не спрашиваетъ. «Здѣсь штабъ Лубенскаго полка?» — «Здѣсь.» — Вошли въ комнату. Тяжелый воздухъ. Полъ устланъ людьми. «Гдѣ командиръ полка?» спрашиваетъ Крамаревъ, расталкивая уснувшаго телефониста. — «Тамъ, напротивъ, въ хатѣ» — бормочетъ спросонья, не вставая, телефонистъ. — «Ничего тутъ не добьешся! всѣ спятъ!» волнуется Крамаревъ. Вышли на улицу — «Вотъ что, господа — занимайте халупы и располагайтесь. Утро вечера мудренѣе.» — «Госп. полковникъ, не выставить ли на всякій случай постъ!» замѣчаетъ кто-то. — «Э, пустяки. Отъ кавалеристовъ же разъѣзды на 8-мь верстъ ходятъ. Ложитесь, господа . . .»

Съ трудомъ достучались въ дверь хаты. На смерть перепуганная старуха, не пускаетъ, боится. Наконецъ подъ причитанія и оханія хозяйки легли на узкихъ скамейкахъ, заснули мертвымъ сномъ. И только раннимъ утромъ вскочили отъ испуганнаго крика вбѣжавшаго офицера. — «Господа! мы пропали! Деревня занята петлюровцами! Всѣхъ нашихъ схватили!»

Вскочили! Схватили винтовки! Но что дѣлать? Надо полковнику сказать. Побѣжали въ сосѣднюю хату. Полковникъ ничего не знаетъ, не вѣритъ. Съ нимъ, вшестеромъ вышли изъ хаты на улицу . . . Гдѣ то недалеко — выстрѣлы . . . По улицѣ, вдали, ходятъ вооруженныя фигуры, видны верховые . . . Кто это? Наши? Нѣтъ? Не понять. Но только что мы отдѣлились отъ хатъ — какъ насъ окликнулъ вооруженный человѣкъ. Онъ стоялъ шагахъ въ 60-ти. «Идите сюда! Сдавайте оружіе! Все равно — всѣ здѣсь!» кричалъ онъ по украински. Крамаревъ взволновался. «Господа это нашъ! Надо пойти къ нему. Это ошибка.» — «Да не ходите, госп. полковникъ — это петлюровецъ.» — «Нѣтъ, не можетъ быть. Это недоразумѣніе, господа. Идемте впередъ, сейчасъ все выяснимъ», волнуется Крамаревъ . . . Съ винтовками на перевѣсъ мы идемъ по селу къ копошащимся чернымъ фигуркамъ. Въ головѣ одна мысль: наши? или нѣтъ? Если нѣтъ, сколько ихъ? Отобьемся ли?

Вотъ мы уже дошли до штаба Лубенскаго полка. Около хаты толпятся молодые, красноржіе сердюки и лубенцы. Съ равнодушными лицами, какъ будто ничего не случилось, они выносятъ изъ хаты оружіе. — «Зачѣмъ, куда Вы оружіе несете?» спрашиваю я здороваго, румянаго сердюка. — «Та я не знаю — приказали сносить вонъ туда», равнодушно отвѣчаетъ онъ. — «Кто приказалъ?» — «Та я не знаю . . .» Стало быть, они сдались? Ничего не понимаю. — «Господа, стойте здѣсь, не двигайтесь съ мѣста. Я одинъ пойду и все узнаю», говоритъ Крамаревъ. — «Не ходите, госп. полковникъ — одинъ.» — «Оставайтесь здѣсь», приказываетъ онъ и пошелъ къ стоявшей вдали кучкѣ . . . Мы встали около хаты съ винтовками наготовѣ. Глаза впились въ удаляющуюся фигуру полковника въ зеленой бекешѣ и высокой шапкѣ. Вотъ онъ подошелъ. Разговариваетъ съ высокимъ человѣкомъ въ поддевкѣ. Ничего. Но вотъ Крамаревъ отпрыгнулъ отъ него, побѣжалъ. А высокій въ поддевкѣ приложился изъ винтовки. Крамаревъ бѣжитъ. Тотъ цѣлится . . . Выстрѣлъ. Промахъ. Бѣжитъ. Выстрѣлъ . . . Крамаревъ вскрикнулъ, упалъ, протянувъ по снѣгу руки, и не подымается.

Убилъ! закричалъ кто то.

Сердюки, лубенцы бросились къ винтовкамъ. Мы отскочили за хату. По насъ затрещали выстрѣлы, засвистали пули. Мы бросились въ улицу. За нами метнулись какія-то фигуры. Свистятъ пули . . . Мы отстрѣливаемся и отступаемъ въ поле. Глубокій снѣгъ — трудно идти. Разсыпались цѣпью . . . Но куда же отступать? На душѣ тяжелымъ камнемъ лежитъ только что видѣнная смерть Крамарева. Красный Трактиръ занятъ петлюровцами.

Нашъ ли Постъ Волынскій? Неизвѣстно . . . Лѣземъ по снѣгу — наугадъ къ Посту. Гдѣ то недалеко бьетъ артиллерія. Вдали показалась какая то цѣпь. Ничего не понять . . . Гдѣ наши? Гдѣ противникъ? Куда отступать? . . .

«Господа! Да куда же мы идемъ! Вправо деревня какая-то! Надо обойти ее!» — Начинаются споры о дорогѣ. «Я поведу.» — «Да вы не знаете дороги! Куда вы ведете!» — «Господа, какъ же мы бросили полковника! Мы не должны были этого дѣлать», говоритъ одинъ. «Ну, объ этомъ — поздно», отвѣчаетъ другой . . .

Лѣземъ оврагомъ по глубокому снѣгу. Вылѣзли на равнину. — «Смотрите! Конный! Къ намъ ѣдетъ!» — Кто это? Нашъ? Ихъ? — «Господа, кто-нибудь одинъ, навстрѣчу идите.» —

Офицеръ идетъ навстрѣчу приближающемуся конному. Другіе остановились, затаивъ дыханіе . . . «Нашъ! Нашъ!» кричитъ онъ. Всѣ побѣжали.

Подъѣхавшій офицеръ-артиллеристъ взволнованно разспрашиваетъ: «Кто Вы такіе? Стало быть, Красный Трактиръ занятъ? . . . Господа, ради Бога идемте къ намъ на батарею. Связь порвана. Никакихъ частей кругомъ нѣтъ.

Наши сердюки ненадежны. Ради Бога, господа. Не знаемъ что дѣлать. Прикрытія нѣтъ. Только при сердюкахъ не говорите о Красномъ Трактирѣ. Чортъ ихъ знаетъ — ненадежные. Разбѣгутся.» — «А по чемъ Вы стрѣляете такъ часто?» спрашиваетъ одинъ изъ насъ. — «Да ни по чемъ. Такъ для ободренія», отвѣчаетъ офицеръ.

Пришли на батарею. Около орудій сидятъ здоровые, красные парни — сердюки. Межъ ними похаживаетъ закутанный башлыкомъ офицеръ. Нашъ провожатый доложилъ закутанному башлыкомъ капитану-командиру батареи. Онъ ведетъ насъ въ халупу.

«Въ чемъ же дѣло, господа?» Мы разсказали. — «А Ваше положеніе каково госп. капитанъ?» — «Наше такое же, какъ Ваше. Не могу ни съ кѣмъ связи наладить. Гдѣ петлюровцы? Гдѣ наши? — не понимаю. Пожалуйста, господа, оставайтесь при батареѣ . . . Вы навѣрное, голодные. Я сейчасъ прикажу дать консервовъ, водки . . .»

Мы закусываемъ. Окна дребезжатъ отъ выстрѣловъ. Батарея стрѣляетъ «для ободренія».

Черезъ нѣсколько часовъ въ хату вошелъ капитанъ и разсказалъ, что связь съ Постомъ Волынскимъ налажена, на Красный Трактиръ пошли наши части, а вправо отъ батареи уже есть наша цѣпь. Но не успѣлъ онъ докончить своихъ словъ, какъ въ хату вбѣжалъ вѣстовой и быстро испуганно доложилъ, что на батарею наступаетъ какая то цѣпь и уже совсѣмъ близко . . . Всѣ выскочили изъ хаты. Шагахъ въ 200, путаясь, мѣшаясь, на батарею двигалась цѣпь. Люди въ ней что то кричали, махали руками . . . Если это противникъ? — Странно . . . Они никогда бы не шли такъ шумно . . . Наши? — Зачѣмъ же они цѣпью идутъ на батарею . . . На всякій случай всѣ защелкали затворами . . .

Къ цѣпи подскакали какіе то верховые. Цѣпь сгрудилась въ кучу. Слышны крики, шумъ . . . Одиночный выстрѣлъ. Какъ будто, кто то упалъ . . . Цѣпи расходятся и двинулись въ обратную сторону.

Посланный узнать солдатъ доложилъ: сердюцкія цѣпи поднялись съ позицій, «не хотѣли воевать», но офицеръ застрѣлилъ главнаго агитатора — унтеръ-офицера и повернулъ цѣпь обратно . . .

На фронтѣ подъ Кіевомъ

Простоявъ день въ прикрытіи батареи, мы присоединились къ своему отряду, который занялъ окраину Жулянъ. Расположились по хатамъ. Офицеры, второй разъ занимавшіе Красный Трактиръ, разсказываютъ, какъ они захватили петлюровскій обозъ. Крестьяне везли петлюровцамъ — яйца, сало, хлѣбъ, мясо, масло, водку . . . — «Вотъ смотрите», комментируетъ разсказчикъ, «все сами везутъ, а тутъ ни до чего не докупиться: не ма, да не ма.»

Съ вечера уходимъ въ дозоры. Моя очередь въ полночь. Я и штабсъ-капитанъ Гарцъ должны обойти линію фронта отъ Жулянъ до Краснаго Трактира, побывать въ немъ и вернуться назадъ . . . Ночь темная — ни зги. Все черно — еле сѣрѣетъ снѣгъ. Идемъ по окраинѣ села. Здѣсь — фронтъ на разстояніи — $1^1/_2$—2 верстъ — стоятъ часовые. Переходимъ отъ поста къ посту, опрашиваемъ: — все спокойно.

Пошли къ Красному Трактиру. На бѣломъ снѣгу виднѣются очертанія хатъ. Тихо подошли. Никто не окликнулъ. Идемъ узкой улицей. Впереди шаги. Какая то часть . . . Наши? Или нѣтъ? Можетъ быть опять петлюровцы? Прижались къ воротамъ. Идутъ, разговариваютъ. Наши. Вышли. Это школа старшинъ. Поговорили съ начальникомъ: всё спокойно, только жалуется на отношеніе жителей.

На утро нашъ отрядъ уходитъ въ резервъ на Постъ Волынскій. Заняли пустые вагоны 3-го и 4-го классовъ. Расположились отдыхать . . . Здѣсь на Посту Волынскомъ штабъ командующаго участкомъ, командующій отрядомъ, штабы полковъ, дружинъ, отдѣловъ, подотдѣловъ. На путяхъ стоятъ вагонъ-салоны съ кухнями и поварами, вагоны I, II и III классовъ. Около нихъ толпятся, суетятся штабные хорошо-одѣтые офицеры . . . Изрѣдка долетаютъ и рвутся у путей тяжелые снаряды противника.

Въ вагонахъ строевыхъ — полное отдохновенье. Выдана четвертями водка, больше бутылки на человѣка, продукты, деньги. Усталые офицеры, — только что прочли приказъ командующаго войсками ген. Келлера: «если не можешь пить рюмки — не пей; если можешь ведро — дуй ведро», и конечно «дуютъ ведро», закусываютъ и неистово ругаютъ матерными словами переполненные штабы и своихъ начальниковъ. Пьяны почти всѣ. Повалились. Заснули. Ночь. Тревога! Крики. Пожаръ! — Всѣхъ вызываютъ. Загорѣлись аэропланные гаражи. Но изъ 27 человѣкъ нашего подотдѣла только шесть въ состояніи выйти. Остальные пьяны. Изъ вагоновъ выбѣгаютъ люди. Всё небо охвачено громаднымъ заревомъ. Огненные клубы дыма подымаются тучами. Съ аэропланныхъ гаражей огонь перекинулся на бараки и вагоны. Со всѣхъ сторонъ къ пожару бѣгутъ красныя фигуры людей. Шумъ. Крики. Нельзя понять что надо дѣлать? . . .

«Стой! стой!» кричитъ нашъ какой то полковникъ. Мы остановились. Полковникъ — пьянъ, качается . . . «Становись! Я беру иниціативу въ свои руки!» бормочетъ онъ. Не обращаемъ вниманья на полковника, бѣжимъ дальше, начали ломать сосѣднія зданія, лѣзутъ на крыши. Шумъ, трескъ ударовъ, крики. Ломаютъ — что надо и что не надо . . . Наконецъ кругомъ горящихъ ангаръ — всё сломано и пожаръ потухаетъ . . . Люди разошлись.

Пробывъ день на отдыхѣ, мы снова отправляемся на фронтъ въ Жуляны . . .

Сегодня съ нашей стороны предполагается наступленіе. — Вышли передъ разсвѣтомъ. Морозъ крѣпкій. Темное небо синѣетъ, розовѣетъ съ краю. Подъ ногами хрустятъ замерзшія лужи. Дошли до окраины Жулянъ. Здѣсь намъ — 10-ти человѣкамъ — данъ участокъ версты въ 3, на которомъ приказано держаться «во что бы то ни стало».

Десять человѣкъ разсыпались въ цѣпь. Подъ утро морозъ крѣпчаетъ. На снѣгу холодно. Руки замерзли — не дѣйствуютъ, а со стороны противника, изъ лѣсу слышится какой то гулъ, какъ будто происходитъ наступленіе.

Настроеніе напряженное. Но уже свѣтло: сейчасъ должны идти въ наступленіе сердюки. Съ краю пурпуроваго неба выкатилось красное солнце. Справа долетѣли шумы, говоръ людей. Это сердюки. Вотъ закричали «Слава». Запѣли украинскую пѣсню. И отъ хатъ отдѣлились фигуры людей. Цѣпи наступаютъ съ пѣснями.

Уже прошли далеко впередъ по полю. Сзади нихъ вылетѣла, карьеромъ понеслась батарея. Стала подъ бугромъ, отъѣхали передки. И въ утренней, бодрой тишинѣ — громыхнули первыя орудія.

Впереди затрещали винтовки. Сошлись.

Гремитъ артиллерія съ нашей стороны. Долетаютъ, со звономъ рвутся на мерзлой землѣ ихъ снаряды. Трещатъ винтовки. Бой въ разгарѣ. Уже несутъ раненыхъ. Они разсказываютъ, что столкнулись съ сѣчевиками и тѣ не отступаютъ, «здорово дерутся».

Бой кончается къ вечеру — безрезультатно. Потери, понесенныя сердюками, напрасны. Кромѣ потерь — половина сердюковъ куда то разбѣжалась.

Опять отходимъ на Постъ Волынскій. Здѣсь тотъ же безпорядокъ, путаница. Рядовыхъ офицеровъ — помѣщаютъ въ нетопленые бараки. Всѣ же составы заняты не особенно трезвыми штабами.

На утро всѣхъ облетѣла вѣсть: изъ Софіевской Борщаговки привезли вагонъ съ 33 трупами офицеровъ. На путяхъ собралась толпа, обступили открытый вагонъ: въ немъ навалены другъ на друга голые, полураздѣтые трупы съ отрубленными руками, ногами, безголовые, съ распоротыми животами, выколотыми глазами . . . нѣкоторые же просто превращены въ безформенную массу мяса.

Это жертвы крестьянъ Софіевской Борщаговки. Получивъ свѣдѣнія изъ штаба, что деревня свободна, и приказъ занять ее — отрядъ офицеровъ вошелъ въ Софіевскую Борщаговку. На разспросы — крестьяне отвѣчали, что никого нѣтъ. На самомъ же дѣлѣ деревня была занята петлюровцами. — Отрядъ размѣстился по хатамъ. Ихъ захватили. И разстрѣляли. А крестьяне вылили свою ненависть къ «гетьманцамъ» въ звѣрскомъ изуродованіи тѣлъ . . .

Окружавшіе вагонъ офицеры возбуждены, негодуютъ. Слышны крики: «Сжечь деревню къчерту!», «Перестрѣлять десятаго!» И кромѣ этого сыплется ругань по адресу штабовъ посылающихъ людей на обумъ.

Уже больше 2-хъ недѣль, какъ мы выѣхали изъ Кіева. Насъ бросаютъ съ участка на участокъ. Каждая ночь проходитъ въ дозорахъ, караулахъ. Изъ 25 человѣкъ выѣхавшихъ осталось 10.

Мы просимъ отпуска или смѣны, но ни того ни другого не даютъ. Отвѣтъ одинъ: нѣтъ людей.

И, переночевавъ на Посту Волынскомъ, мы отправляемся на новый фронтъ — въ Михайловскую Борщаговку. Здѣсь мы должны смѣнить сердюцкій «полкъ». Въ «полку» этомъ 80 сердюковъ и тѣ съ каждымъ днемъ разбѣгаются.

Совмѣстно съ другимъ отрядомъ смѣнили и заняли участокъ версты въ 4. Далеко другъ отъ друга стали караулы съ пулеметомъ — и это «фронтъ». Такимъ фронтомъ опоясанъ весь Кіевъ.

Опять караулы, дозоры — каждую ночь. Служба становится невыносимой. Каждый понимаетъ, что противостоять малѣйшему наступленію мы не въ состояніи, а тутъ кромѣ ненужной и непосильной службы надо еще зорко слѣдить за недовольными, непріязненно настроенными крестьянами. 33 трупа у всѣхъ живы въ памяти.

Простоявъ нѣсколько дней и безсонныхъ ночей въ Мих. Борщаговкѣ — мы получили приказъ перейти на окраину Софіевской и Петропавловской Борщаговокъ. Перешли, смѣнили прежнюю часть въ 20 офицеровъ. Фронтъ этого участка — верстъ 5—6. На немъ встали 3 караула съ пулеметами. Смѣненные офицеры разсказываютъ, что прошлую ночь петлюровцы пробовали наступать. Подъѣхали на телѣгахъ. — Но караулы отбили пулеметами. И тутъ же прибавляютъ, чтобы мы зорко смотрѣли, такъ какъ въ лѣсу какіе то кавалеристы зарубили 2-хъ офицеровъ-дозорныхъ.

— Между Софіевской и Петропавловской Борщаговками лежитъ глубокій, широкій, извивающійся оврагъ. Онъ идетъ со стороны противника и заходитъ намъ въ тылъ. При желаніи этимъ оврагомъ можно провести дивизію и сразу покончить со всѣмъ «фронтомъ». Мы великолѣпно понимаемъ это, понимаетъ это начальникъ участка и чтобъ парализовать такую возможность — каждую ночь въ оврагъ выставляется постъ въ два (!) человѣка. —

Ночи идутъ въ тревожной, безсонной службѣ. Усталость дошла до предѣла. Люди засыпаютъ на ходу. Больше нѣтъ силъ. И мы уже не просимъ, а требуемъ отдыха. Нач. участка полк. Зметновъ согласенъ съ нами, въ свою очередь требуетъ для насъ отдыха. И наконецъ намъ на смѣну приходитъ такая же горсть офицеровъ.

Но офицеры не одни. Съ ними ѣдутъ на массивныхъ откормленныхъ коняхъ великолѣпные, нѣмецкіе гвардейцы-кавалеристы.

Нѣмцы рѣшили открыто выступить — поддержать фронтъ, объясняютъ намъ пришедшіе.

Вѣрится съ трудомъ, но всё равно — лишь бы смѣнили. Идемъ на Постъ Волынскій и съ первымъ паровозомъ ѣдемъ въ Кіевъ.

Отпускъ въ Кіевъ

Теперь въ Кіевѣ еще яснѣе чувствуется тревога, близость катастрофы. По всѣмъ улицамъ расклеены воззванія: «Героемъ можешь ты не быть, но добровольцемъ быть обязанъ», пестрятъ приказы о мобилизаціи съ угрозой разстрѣломъ. Но также по Крещатику бѣгутъ, спѣшатъ, ѣдутъ, хохочутъ шикарныя дамы съ спекулянтами и офицерами въ блестящихъ формахъ.

И кажется нелѣпымъ и смѣшнымъ! Мы 10 человѣкъ на протяженіи 5 верстъ, подъ вѣчной опасностью, покрытые вшами и грязью охраняемъ этихъ «пользующихся жизнью» и веселящихся. Да стоитъ ли?! Кіевскія газеты успокаиваютъ горожанъ извѣстіями о близости союзниковъ. Союзники близко! Союзники въ Жмеринкѣ! Въ Бирзулѣ! На Черномъ морѣ показались вымпелы! . . . Нѣмцы готовы поддержать Гетмана и добровольцевъ! Послѣднее радіо Энно! Заявленіе Мулена!

Но средняго обывателя — не успокоишь. У него своя мѣрка! дороговизна жизни. Эта мѣрка показываетъ катастрофу и тревога его увеличивается съ каждымъ днемъ.

Пришли въ подотдѣлъ на Львовскую. Тамъ подъ страхомъ разстрѣла скопилось довольно много офицеровъ, юнкеровъ. Всѣ днемъ лежатъ на соломѣ, а ночью съ винтовками ходятъ въ дозоры и патрули по городу. Изъ интендантскихъ складовъ привозятъ обмундированіе, бѣлье, валенки, полушубки — все это безконтрольно растаскивается дружинниками. Привозятъ новое — опять растаскивается. Суточныя увеличились до 40 карбованцевъ въ день.

И чѣмъ сильнѣй отовсюду просачивается тревога — тѣмъ хаотичнѣй, безалабернѣй идетъ работа въ военныхъ штабахъ. Всё равно конецъ!

Генерала Келлера смѣнилъ кн. Долгоруковъ. Въ газетахъ его грозные приказы; въ минуту опасности онъ клянется умереть «среди ввѣренныхъ мнѣ войскъ».

Черезъ 4 дня отдыха — весь подотдѣлъ высылается на позицію. Теперь нами командуетъ 70-лѣтній ген. Харченко. Ночью погрузились и на разсвѣтѣ мы на Посту Волынскомъ

Опять на фронтѣ

Здѣсь та же картина. Вернувшіеся съ позицій офицеры сидятъ въ полутемныхъ вагонахъ, курятъ — стоитъ синій дымъ — пьютъ водку, выдаваемую для поддержанія духа и, нехотя, ждутъ какого-нибудь конца...

На путяхъ перекатываются безчисленные штабные вагоны, съ «охранами», «особыми отрядами», сестрами, около станціи наскоро сбитъ дощатый питательный пунктъ. Въ маленькой комнатѣ мечутся сестры — кормятъ набившихся офицеровъ и солдатъ.

Но вотъ новость! Изъ Житоміра прибыло подкрѣпленіе: отрядъ губернскаго старосты Андро. Они прорвались сквозь петлюровскія цѣпи и подъ охраной бронепоѣзда добрались до Кіева. Всѣ обступили вновь прибывшихъ, такихъ же грязныхъ, усталыхъ людей, напоминающихъ не войска, а разбойную банду.

— «Сколько васъ», раздаются вопросы. — «Всего человѣкъ 300 — въ строю человѣкъ 80», отвѣчаютъ прибывшіе. Отвѣтъ покрывается хохотомъ и матерной бранью. «Какъ у насъ стало быть! То же!»

Но намъ недолго приходится пробыть на Посту Волынскомъ. Мы — 20 чел. — подъ командой 70-лѣтняго ген. Харченко (онъ въ штатскомъ платьѣ) выступили въ с. Жуляны. Ген. Харченко въ роли ротнаго командира доставляетъ рядъ веселыхъ минутъ. Подошли къ селу, гдѣ должны расположиться. Харченко впереди всѣхъ—переходитъ отъ хаты

къ хатѣ, стучитъ въ окно и спрашиваетъ дребезжащимъ старческимъ голосомъ: «Тетенька, не пустите ли насъ? . . .» — «Что Вы Ваше превосходительство», хохочутъ офицеры, «да развѣ на войнѣ спрашиваютъ разрѣшенія въ хату войти!» Но генералъ передумалъ и не хочетъ здѣсь останавливаться . «Нѣтъ, нѣтъ, господа, я передумалъ, здѣсь намъ неудобно, пойдемте.» — «Да почему же Ваше превосходительство?» — «Нѣтъ, нѣтъ . . . видите — артилерія близко, сохрани Богъ — шальной снарядъ . . . Надо быть всегда осторожнымъ . . . Вы молодежь, молодежь . . .»

Офицеры смѣются и командиръ роты ген. Харченко ведетъ насъ дальше въ менѣе опасную хату. Но смѣясь всѣ чувствуютъ, что это оперетка съ трагическимъ концомъ.

Заняли халупы. Впереди въ окопахъ стоитъ только что прибывшій Житомірскій отрядъ. Караулъ отъ караула — версты на 2. Это — фронтъ. Мы же несемъ охрану деревни и являемся резервомъ.

Въ хатѣ генерала Харченко безпрестанно трещитъ телефонъ: разговоры ведутся съ штабомъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка (въ этомъ полку 20 пѣшихъ человѣкъ), съ штабомъ Кинбурнскаго Драгунскаго полка (въ 15 человѣкъ), съ штабомъ отряда Андро — въ 80 чел. и съ безконечными штабами отдѣловъ, подотдѣловъ, дружинъ — гдѣ въ каждой «отдѣльной части» — два, три десятка человѣкъ. Черезъ два дня изъ штаба командующаго участкомъ сообщили: нашъ фронтъ рѣшили поддержать нѣмцы. И дѣйствительно въ этотъ же день мы увидѣли нѣмецкихъ гвардейцевъ-кавалеристовъ, ѣдущихъ по селу, гдѣ они и расположились. Но скоро стало извѣстно, что въ другомъ селѣ большой нѣмецкій отрядъ разоруженъ петлюровцами.

И черезъ нѣсколько дней вошедшій въ хату офицеръ доложилъ генералу, что нѣмцы уходятъ съ позицій. Мы вышли на улицу. Съ громомъ, шумомъ, криками скакали нѣмецкіе пулеметчики и кавалеристы . . .

«Wohin? Wohin?» кричатъ имъ вышедшіе офицеры.

«Nach Hause! Nach Hause!» смѣются, машутъ руками нѣмцы.

Хоть вѣры въ помощь нѣмцевъ никогда и не было, однако уходъ ихъ произвелъ большое впечатлѣніе. Фронтъ оголился. Пути къ Кіеву совершенно открылись. Нашъ фронтъ: на 1 версту — 1 человѣкъ. Малѣйшему давленію мы не въ силахъ оказать сопротивленія — и исходъ авантюры сталъ яснымъ.

А противникъ съ каждымъ днемъ замѣтно шевелился, съ утра до поздняго вечера по всему фронту гремѣла его артилерія. Облетѣлъ слухъ о не сегодня-завтра готовящемся наступленіи.

Нашъ маленькій отрядъ взволновался, «замитинговалъ», и настоялъ передъ ген. Харченко, чтобы одинъ изъ насъ поѣхалъ въ штабъ командующаго участкомъ — выяснить положеніе и вызвать на позиціи начальника 2-го подотдѣла полк. Сперанскаго, ни разу еще здѣсь не бывшаго.

Я поѣхалъ отъ офицеровъ. На Посту Волынскомъ нашелъ вагонъ I кл. — штабъ участка. Вошелъ. На ступенькахъ прекрасно-одѣтый штабной офицеръ грубо освѣдомился: кто я такой и что мнѣ нужно? — «Мнѣ нужно лично видѣть командующаго участкомъ полк. Крейтона.» Вхожу въ вагонъ. На темно-красныхъ, бархатныхъ диванахъ сидятъ: полк. Крейтонъ, Сперанскій, Боровскій и др. Возлѣ нихъ батарея

пустыхъ, разнообразныхъ бутылокъ. Они о чемъ то мирно бесѣдуютъ. Полк. Крейтонъ увидѣлъ меня и вывелъ въ сосѣднее купе. «Въ чемъ дѣло?» спрашиваетъ онъ, обдавая виннымъ букетомъ. Разсказываю, что мы понимаемъ безнадежность фронта, что офицеры на позиціяхъ волнуются и просятъ выяснить имъ дѣйствительное общее положеніе. — «Что-жъ тутъ выяснять, господа. Положеніе трудное, но не безнадежное», отвѣчаетъ полк. Крейтонъ «я солдатъ — не политикъ и могу вамъ сказать только одно: мы должны ждать приказаній нашего Главнокомандующаго Кн. Долгорукова и держаться во что бы то ни стало». «Да, но, господинъ полковникъ . . .» — «Больше ничего не могу сказать», перебиваетъ Крейтонъ. — «Разрѣшите узнать госп. полковникъ, ведетъ ли переговоры о перемиріи французскій консулъ Муленъ?» Крейтонъ махнулъ рукой. «Да, онъ выѣхалъ вести какіе то переговоры, но этотъ Муленъ хорошо только можетъ двойку поставить*, а его переговоры — «ерунда».

То, на что у офицеровъ была хоть маленькая надежда, оказывалось «ерундой».

При веселомъ, пьяномъ штабѣ и усталой на позиціяхъ горсти офицеровъ — конецъ рисовался непривлекательнымъ.

Послѣ разговора съ Крейтономъ я вызвалъ полк. Сперанскаго и передалъ желаніе подчиненныхъ поговорить съ нимъ. «Передайте, что я какъ-нибудь пріѣду.» — «У меня здѣсь лошадь, госп. полковникъ». Сперанскій замялся. — «Ну, хорошо, я сейчасъ». И черезъ полчаса дровни подвезли насъ къ позиціонной хатѣ. «Здравствуйте, господа, въ чемъ дѣло?» говоритъ, входя, Сперанскій и принимаетъ неприступно-боевой видъ. Одинъ изъ офицеровъ разсказываетъ ему, какъ рисуется намъ положеніе, и спрашиваетъ, «что же дѣлать, госп. полковникъ?» — «Ждать приказаній Главнокомандующаго кн. Долгорукова», грубо отвѣчаетъ Сперанскій, «васъ кажется кормятъ, платятъ вамъ 40 рублей суточныхъ — такъ вы и ведите себя какъ за 40 рублей . . . Въ случаѣ наступленія — мы отойдемъ на наши резервы . . .» — «Куда же это? въ Кіевъ — госп. полковникъ?» — «Куда? — Не знаю. Это будетъ въ приказѣ», отвѣчаетъ, вставая, Сперанскій.

Дальнѣйшіе разговоры излишни. Что либо выяснить—невозможно. Нѣкоторые, болѣе рѣшительные офицеры—самовольно уходятъ въ Кіевъ. Другіе — менѣе рѣшительные, съ остаткомъ сознанія «дисциплины» и съ чувствомъ товарищества остаются ждать конца.

Въ этотъ день — 13 декабря 1920 года — вечеромъ мы получили приказъ выступить на желѣзно-дорожную будку и вмѣстѣ съ другими частями смѣнить на передовой линіи — Житомірскій отрядъ.

Мы выступили. Бившая весь день артилерія противника съ темнотой смолкла. Вечеръ поздній, холодный. Крѣпкій морозъ. Злой вѣтеръ протяжно воетъ на штыкахъ. Мететъ поземка. Человѣкъ 20 — по узкой дорогѣ — мы движемся въ темномъ полѣ. Блеснулъ огонекъ. Дошли. Будка.

Въ сырой, нетопленой комнатѣ, освѣщенной огаркомъ свѣчи, заваленной камнями и какими то столярными принадлежностями, — лежатъ въ обнятку съ винтовками люди въ сѣрыхъ шинеляхъ. Кто то пробуетъ тутъ же согрѣть чай, раздувая на камняхъ огонь . . .

---

* Муленъ — по профессіи учитель.

Мы смѣнили Житомірскій отрядъ. Нами командуетъ полк. Сперанскій. Его штабъ — въ противоположной будочкѣ сторожа. Наши люди разошлись по карауламъ. Мнѣ съ четырьмя офицерами приказано обойти дозоромъ линію фронта, провѣрить часовыхъ. Вышли. Сильный вѣтеръ разогналъ сгрудившіяся, тяжелыя тучи. Остались легкія, сѣрыя. Они несутся въ лунномъ свѣтѣ, то скрывая, то обнажая желтый дискъ. Ночь — красивая. Пять фигуръ, сразу ставшіе въ полѣ маленькими и безпомощными, съ раздуваемыми вѣтромъ шинелями — идутъ узкой тропой къ первому караулу. Прошли съ версту отъ будки. Изъ чернѣющей на снѣгу дыры — вылѣзла темная фигура съ винтовкой наизготовку. — «Кто идетъ?!» глухо, взволнованно долетаетъ крикъ. — «Свои». — «Пропускъ!» — «Мушка». — Иду къ начальнику караула. Позади сѣрѣющей линіи окоповъ въ маленькомъ блиндажикѣ сидятъ плотно прижавшись другъ къ другу — шесть человѣкъ. Сидятъ молча. «Ну какъ, ничего не замѣчали, госп. капитанъ», спрашиваю я нач. караула. — «Ничего какъ будто», нехотя отвѣчаетъ капитанъ, «да, въ такую пургу и не замѣтишь ни черта». Поговорили. Вылѣзъ. Иду дальше. Опять охватилъ злой вѣтеръ, засыпаетъ снѣгомъ. Идемъ версты полторы до второго караула. Отъ второго — къ третьему — четвертому. Все спокойно. Въ караулахъ сидятъ по 6—7 человѣкъ. Это и есть «фронтъ».

Вернулись на будку. Доложили, что всё спокойно. Повалились на каменный полъ, плотно прижимаясь другъ къ другу отъ холода. Но не спится. Даже не дремлется. По тѣлу бѣжитъ мелкая, нервная дрожь — не то отъ стужи, не то отъ непріятнаго предчувствія.

До вечера артилерія противника гудѣла безъ перерыва, какъ будто начиналась подготовка. Теперь тихо — ни выстрѣла. Но къ утру всѣ ждутъ наступленія. Было около 3-хъ часовъ ночи — когда гдѣ то далеко влѣво, непріятно громыхнуло первое орудіе. Въ будкѣ всѣ вздрогнули, насторожились. «Началось», сказалъ кто то. За первымъ снарядомъ, какъ будто сорвалась стая — грянули залпы, одинъ за другимъ. По всему фронту отъ Краснаго Трактира до нашей будки засвистали, лопаясь, шрапнели, заревѣли гранаты . . .

Послѣдній день

По всему фронту гремитъ, гудитъ артилерія. Влѣво, въ Красномъ Трактирѣ и вправо, у Святосилка трещатъ винтовки и пулеметы. Ясно: съ разсвѣтомъ начнется общее наступленіе на Кіевъ.

Въ будкѣ всѣ встали, взяли винтовки. Внутри — въ груди что то непріятно сосетъ и тянетъ. Конецъ авантюры. Каковъ то онъ будетъ? . . .

Бороздя черное небо, свистятъ снаряды и звонко лопаются на мерзломъ снѣгу. «Господинъ полковникъ, надо на батарею передать, чтобъ стрѣльбу открыли», говоритъ кто то Сперанскому. — «Да — но телефонъ не дѣйствуетъ», отвѣчаетъ Сперанскій. Въ углу комнаты, низко нагнувшись надъ трубкой, кричитъ телефонистъ . . . но безотвѣтно. Провода порваны . . . «Разрѣшите, я сбѣгаю на батарею, госп. полковникъ», говорю я. — «Бѣгите, скажите, чтобъ изъ всѣхъ орудій огонь открыли», отвѣчаетъ Сперанскій.

Бѣгу бѣлесо-темнымъ полемъ. По всему фронту реветъ артилерія, гула отдѣльныхъ выстрѣловъ не слышно. Общій ревъ — словно кипитъ адскій котелъ. Добѣгаю до Жулянъ. Уже сѣрѣетъ разсвѣтъ. Видны наши орудія. 8 пушекъ съ приподнятыми кверху дулами молчатъ. Около нихъ нѣсколько темныхъ фигуръ.

Добѣжалъ до хаты командира батареи. Вхожу. Въ хатѣ за столомъ, въ шинели, въ фуражкѣ сидитъ капитанъ. Передъ нимъ — телефонъ. Онъ пытается съ кѣмъ то связаться. «Что Вамъ?» спрашиваетъ капитанъ, оторвавшись отъ трубки — Докладываю. — «Передайте полк. Сперанскому, что я могу стрѣлять только изъ одного орудія. У меня нѣтъ прислуги». Я дѣлаю изумленное лицо. — «Разбѣжались», раздраженно поясняетъ капитанъ. И снова кричитъ въ телефонъ: «вторая! вторая!».

Теперь я уже не бѣгу. Торопиться некуда. Тихо прохожу около молчащихъ орудій. Одно изрѣдка вздрагиваетъ — стрѣляетъ. Почти разсвѣло. Со стороны противника еще сильнѣе реветъ артилерія. Влѣво и вправо трещатъ винтовки и пулеметы.

Дошелъ, доложилъ Сперанскому. Всѣ уже вышли изъ будки, толпятся, жмутся къ стѣнѣ отъ рвущихся снарядовъ. — «Занять позиціи», приказываетъ Сперанскій. Офицеры тонкой цѣпочкой идутъ на позиціи. И располагаются вмѣстѣ съ ночными караулами въ ихъ окопахъ. Окопы занесены снѣгомъ. Мы первые лѣземъ въ нихъ, утаптываемъ. Отсюда видна почти вся линія нашего фронта — бѣлая, снѣжная полоса окоповъ, кое-гдѣ стоящіе 5—6 офицеровъ съ пулеметомъ.

Зорко смотримъ въ бѣлую даль противника, ища его цѣпи. Но даль спокойна.

Влѣво на полотнѣ показались два человѣка. Что такое? У одного въ рукахъ какой то большой разноцвѣтный флагъ. Идутъ, близятся. Крайній къ будкѣ офицеръ побѣжалъ доложить полк. Сперанскому. Фигуры стали ясны. Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ съ страшнымъ взрывомъ взлетѣлъ кверху фонтанъ земли, снѣга и скрылъ фигуры. — Взорвали путь. Уцѣлѣли ли они? . . . Фонтанъ взорванной земли таетъ. И опять движутся впередъ два человѣка. Вотъ они уже у будки. Нашъ караулъ не выдержалъ, всѣ побѣжали. Можетъ быть это парламентеры? Можетъ быть это исходъ?

Полк. Сперанскій уже разговариваетъ съ штатскимъ господиномъ, въ мѣховомъ пальто, съ пенснэ на носу. Это французскій консулъ Муленъ. Онъ взволнованъ — его чуть не взорвали — требуетъ паровозъ, чтобъ ѣхать въ Кіевъ. Напрасно офицеры пытаются разспросить Мулена и сопровождающаго его желѣзнодорожника. Они молчатъ. Но видно по нихъ, что ничего радостнаго нѣтъ. Паровозъ поданъ. Муленъ съ желѣзнодорожникомъ уѣхали. А мы опять пошли зачѣмъ то стоять въ окопахъ . . . Опять зорко вглядываемся вдаль. Вправо и влѣво — на оконечностяхъ фронта — гремитъ артиллерія, трещитъ стрѣльба. Въ центрѣ же противъ насъ пока тихо. Но вотъ вдали, между нами и Мих. Борщаговкой появилась рѣдкая цѣпь. Наступаетъ, движется. Въ сосѣднемъ караулѣ затрещалъ пулеметъ. Вдали показались еще и еще цѣпи, наступающія на Софіевскую и Михайловскую Борщаговки. Цѣпи быстро перебѣгаютъ. Изъ деревни раздались рѣдкіе неувѣренные выстрѣлы. Петлюровцы близятся къ деревнѣ, уже скрываются съ поля — входятъ въ нее.

И влѣво и вправо трескъ стрѣльбы гулко уносится назадъ. Значитъ — наши отступаютъ.

Я побѣжалъ въ землянку, къ телефону — доложить полк. Сперанскому. По всѣ мои попытки напрасны. Въ трубкѣ кричатъ двадцать голосовъ, ругаясь, перебивая другъ друга. Всѣ добиваются соединенія и всѣ хотятъ сказать одно и то же: держаться нельзя, насъ обходятъ, отступаемъ.

Офицеръ нашего караула побѣжалъ доложить Сперанскому. Но не успѣлъ онъ вернуться съ приказаньемъ, какъ дальніе караулы, видя, что ихъ обошли, снялись и начали отступать. За ними снялись всѣ.

Всѣ отходятъ къ будкѣ. Замѣтивъ отступленіе, сильнѣй загудѣла артилерія, засыпая нашъ участокъ снарядами. Подходимъ къ будкѣ. — На линіи желѣзной дороги стоитъ Сперанскій. Онъ нетрезвъ, изъ кармана полушубка торчитъ бутылка водки. «Куда Вы отступаете! Стойте!» кричитъ онъ дикимъ голосомъ. Ближайшіе офицеры объяснили ему, что весь фронтъ вправо отъ насъ ушелъ, что петлюровцы уже заняли Мих. Борщаговку и если мы не уйдемъ сейчасъ же, то — будетъ поздно. Сперанскій пробуетъ звонить въ штабъ — на Постъ Волынскій, но отвѣта нѣтъ. Пришедшіе оттуда говорятъ, что штабъ уже бѣжалъ. Подъ взрывы артилеріи начали медленной цѣпью отходить. У Поста Волынскаго увидѣли со всѣхъ сторонъ отступающія кучки. Гдѣ штабъ? спрашиваютъ всѣ. Никто не знаетъ. Куда идти? — Тоже не знаютъ. Всѣ толпятся, движутся, ругаются, кричатъ. Но ревущая сзади артилерія и всё ближе, ближе приближающаяся стрѣльба заставляетъ куда-нибудь уходить. Прошли Постъ Волынскій, идемъ по шоссе среди столпившихся людей, лошадей, орудій, автомобилей. Откуда то появился нач. участка полк. Крейтонъ, полк. Стессель (оба не особенно трезвы) и съ ними полк. Боровскій (уже во всемъ штатскомъ).

«Куда же мы пойдемъ!?» кричатъ полк. Крейтону съ разныхъ сторонъ. — «Пойдемъ на Кіевъ — пока ничего неизвѣстно. Вѣроятно будемъ пробиваться на Донъ». Но теперь эти «пробиванія» встрѣчаются нескрываемой грубой ироніей. Съ полупьянымъ штабомъ, разбѣгающимся раньше строевыхъ, безъ обозовъ, — горсть въ нѣсколько сотъ человѣкъ будетъ пробиваться на Донъ черезъ всю Украину! . . .

Офицеры, живущіе на ближайшихъ окраинахъ, бросаютъ винтовки, потихоньку расходятся. А всѣ, во главѣ съ полк. Крейтономъ, Стесселемъ и др. идутъ по шоссе на Кіевъ. Полк. Крейтонъ пробуетъ ободрять — «нѣмцы постановили въ Совѣтѣ солдатскихъ депутатовъ — выступить на защиту города и насъ. Союзники уже совсѣмъ близко». Но теперь, когда ближе всего петлюровцы, никто не вѣритъ ободреніямъ.

По шоссе трудно двигаться отъ столпившихся людей, артилеріи, повозокъ. Остановились около казармъ. Изъ нихъ высыпали нѣмцы, окружили, смотрятъ, смѣются, машутъ руками, что то кричатъ. Одинъ ловкій молодой нѣмчикъ устанавливаетъ фотографическій аппаратъ. Но на него закричали десятки голосовъ, покрывая самыми нелестными ругательствами, и онъ убралъ разставленную треногу.

Мы уже вошли на Деміевку. Слышна стрѣльба по всему городу. На тротуары высыпали горожане, въ большинствѣ рабочіе. Смѣются, отпускаютъ шутки. «Эхъ сколько плѣнныхъ то! только что-то безъ конвою», говоритъ одинъ. «Единая, недѣлимая», кричитъ другой. Никто

имъ не отвѣчаетъ, отвертываются, стараются не замѣчать злыхъ шутокъ.

«Куда же мы идемъ?» спрашиваютъ полк. Крейтона. — «На вокзалъ, господа — тамъ ген: Кирпичевъ, тамъ все выяснится». Дошли до жел. дор. путей. Идемъ мимо вагоновъ, всѣ торопятся. По городу трещитъ стрѣльба. Остановились у вокзала. Одни разбѣгаются, бросая винтовки, другіе взволнованно переговариваются, совѣщаются. Изъ вагона вышелъ ген. Кирпичевъ съ штабомъ гвардейцевъ. Всѣ столпились вокругъ него . . . «Господа, у насъ есть два выхода: или пробиваться на Донъ, или распыляться отсюда же. Выбирайте». Пауза. «Ваше превосходительство», отвѣчаетъ какой то офицеръ, «о пробиваніи не можетъ быть рѣчи, распыляться же отсюда нельзя потому, что городъ уже занятъ петлюровцами. Единственный исходъ — это всѣмъ идти къ городской думѣ, я не кіевлянинъ, я не знаю куда — однимъ словомъ, въ центръ города и тамъ вступить въ переговоры черезъ представителей думы». — Всѣ согласно зашумѣли, кромѣ гвардейскаго штаба (имъ, оказывается, хочется въ штабѣ пробиваться на Донъ). «Въ Педагогическій музей надо идти!» кричитъ кто то. Кирпичевъ согласенъ. Въ Педагогическій музей . . . Строятся, торопятся, бросаютъ вещи, мѣшки, патроны, стаскиваютъ съ ногъ валенки — переодѣвая сапоги. Колонной по отдѣленіямъ идемъ въ городъ. По тротуарамъ идутъ дозорные. Я — въ правомъ дозорѣ. «Если что-нибудь замѣтите — доложите. Мы сейчасъ же примемъ боевой порядокъ», говоритъ Кирпичевъ. Идемъ по улицамъ. Изъ домовъ выбѣгаютъ, толпятся люди, съ любопытствомъ смотря на насъ «Кто это? петлюровцы? — Нѣтъ. Гетманцы». «А куди же они идутъ?» — Выходимъ на Владимірскую. Уже недалеко музей. Тротуары запружены людьми, здѣсь въ большинствѣ интеллигенція. «Скажите ради Бога, куда вы идете?» спрашиваетъ, хватая за руку, пожилая женщина въ траурѣ съ заплаканными глазами. Отвѣчать не приказано. Отрядъ, дробно отбивая шагъ, подъ тысячами глазъ, торопится къ музею. Около зданія толпятся другія части и толпа любопытныхъ. «Лѣвое плечо впередъ! Маршъ!» и мы входимъ въ широкія двери вестибюля, пробираясь сквозь встрѣчную толпу офицеровъ, солдатъ, сердюковъ. Это было 14 декабря 1920 года.

18

Въ Педагогическомъ музеѣ

Въ Педагогическомъ музеѣ скопилось болѣе 2000 человѣкъ. Но въ комнатахъ лежатъ только наиболѣе усталые. Большинство наполнило большой вестибюль, толпятся у входа, стоятъ кругомъ зданія — ждутъ «конца». Конецъ авантюры — почти пришелъ. По городу со всѣхъ сторонъ близится, трещитъ стрѣльба. Слышны неясные крики толпы. Мы столпились у зданія — ждемъ послѣдняго акта. Вдругъ за угломъ, совсѣмъ близко толпа закричала громкое: «Слава! Слава!» и затрещали выстрѣлы. Всѣ около музея вздрогнули, метнулись, большинство кинулось: въ зданіе, толкая другъ друга. Въ кучкѣ оставшихся на улицѣ закричали въ цѣпь! въ цѣпь! Захлопами затворами. Но къ оставшимся бросились изъ толпы. — «Господа! что Вы! — бросьте, все равно вѣдь всё кончено! Вы всѣхъ погубите!». И черезъ мгновеніе около музея

не было никого, а въ вестибюлѣ стоялъ взволнованный ген. Канцыревъ, собираясь вступить въ переговары . . .

Въ музеѣ заняты комнаты, проходы, лѣстницы. Гулъ тысячъ голосовъ внезапно обрывается жуткой тишиной. Всѣ прислушиваются къ уличному шуму. И опять гудятъ — обсуждаютъ положеніе — ждутъ переговоровъ.

Черезъ полчаса стало извѣстно — впредь до выясненія участи, входъ занятъ украинскимъ и нѣмецкимъ карауломъ. И украинскія власти приказали всѣмъ, какъ плѣннымъ, снять погоны, кокарды.

Въ комнатахъ, проходахъ, въ уборной, на лѣстницѣ — офицеры, генералы срываютъ съ себя погоны, кокарды. Офицеры генеральнаго штаба рвутъ аксельбанты. И этотъ пустякъ — сорванные погоны — сразу даютъ почувствовать «плѣнъ».

Я попалъ въ комнату No. 8. Громадный залъ — сплошь устланъ лежащими людьми, тутъ же — винтовки, патроны. Негдѣ упасть яблоку. Проходить приходится шагая черезъ тѣла. Въ растворенное окно долетаютъ глухіе раскаты криковъ и выстрѣлы.

Уже поздній вечеръ. Всѣ лежатъ и послѣ безсоннаго стоянія на фронтѣ — съ удовольствіемъ, усталые засыпаютъ мертвымъ сномъ.

Утро. Я очнулся. Не могу сообразить: гдѣ я? что такое? Ахъ, да... музей, арестъ. По громадной комнатѣ несется, перекатывается гулъ разговора. Съ кухни достали ведра съ кипяткомъ — пьютъ чай; появились сестры милосердія. Разговоры объ одномъ и томъ же: что будетъ? Со всѣхъ сторонъ слышна безпощадная брань по адресу командnаго состава. Очень немногіе офицеры безконечныхъ штабовъ — попали въ музей. Въ большинствѣ—штабы скрылись. Раньше всѣхъ, бросивъ фронтъ на произволъ судьбы — бѣжалъ главнокомандующій кн. Долгоруковъ, клявшійся въ приказахъ «въ минуту опасности умереть съ ввѣренными ему войсками». Скрылся представитель Добр. арміи ген. Ламновскій, въ то время какъ мелкіе чины его штаба — попали въ музей. Полк. Сперанскій бѣжалъ изъ музея ночью, подкупивъ караулъ.

Узнали, что мы — Кіевскіе дружинники — никогда въ Добр. арміи ген. Деникина не состояли. И офиціальное заявленіе объ этомъ ген. Кирпичева — было ложью.

И если на позиціяхъ чувство «дисциплины» сдерживало многихъ, то теперь чувство близкой опасности и сознанія глупѣйшей, пьяной авантюры — заставило большинство быть крайне рѣзкимъ.

Кое какъ выбравшись изъ зала, я спустился по заваленной людьми нѣсколькоэтажной лѣстницѣ въ вестибюль. Хотѣлось получить какую-нибудь газету. А здѣсь, черезъ часовыхъ, доставали.

У входныхъ дверей расхаживали громадные, молчаливые нѣмцы и стояли неувѣренные, молодые петлюровцы. Кучка офицеровъ окружила караульнаго, даютъ ему деньги, просятъ купить газетъ. — Но вдругъ на улицѣ у первыхъ дверей въ зданіе послышался шумъ, крики, сильнѣй, сильнѣй. И въ настежь распахнутыя двери, съ красными бантами на папахахъ, на шинеляхъ, крича, хлопая затворами, бросились вооруженные люди . . . «Стой! Стой! Занимай входы! вправо! влѣво!» кричали они щелкая затворами. Впереди — съ громаднѣйшимъ маузеромъ въ рукахъ, съ выбившимися космами волосъ изъ-подъ папахи, весь въ красныхъ бантахъ — какой то неистовый унтеръ-офицеръ. Кучка офицеровъ

метнулась къ лѣстницѣ. Нѣмцы схватились за винтовки. Лейтенантъ съ криками Halt! бросился къ ворвашимся.

Казалось, сейчасъ раздадутся выстрѣлы, стоны и начнется общее избіеніе. Лежавшіе на лѣстницѣ люди съ шумомъ побѣжали въ комнаты. Въ комнатахъ, ничего не понявъ, всѣ вскочили и, какъ одинъ, защелкали затворами. Лица стали блѣдны. Глаза уставились на двери, наступила жуткая, жуткая тишина. Наконецъ минутъ черезъ 10 — вошелъ офицеръ: «Господа, не волнуйтесь ради Бога, все улажено. Пришли петлюровцы съ требованіемъ немедленно разоружиться». Тишина смѣнилась шумомъ разговора. Оказывается, солдаты Черноморскаго коша, узнавъ, что «гетьманцы» сидятъ въ музеѣ до сихъ поръ съ оружіемъ, пришли его отобрать. Съ ними началъ переговоры ген. Канцыревъ, пытаясь доказать озвѣрѣлымъ, ворвавшимся солдатамъ, что возможно еще наше освобожденіе и пропускъ съ оружіемъ на Донъ. Черноморцы и слушать не хотѣли, давъ срокомъ выдачи оружія полчаса. Въ это время подоспѣли выбранные для переговоровъ комнатой No. 8 — полк. Ерощенко и пор. Строгоновъ. Они увѣрили солдатъ, что оружіе будетъ выдано сейчасъ же. И черезъ нѣсколько минутъ съ грохотомъ, шумомъ всѣ складывали въ углы своихъ комнатъ—винтовки, патроны, револьверы, а сами безоружные спускались въ вестибюль. До сихъ поръ съ оружіемъ въ рукахъ такъ не чувствовался плѣнъ. Теперь — ощутили свою полную беззащитность, полную подчиненность каждымъ ворвавшимся солдатамъ.

Оружіе выдано. Петлюровцы снесли его на грузовики и увезли. Насъ всѣхъ обыскали. Кто имѣлъ большія деньги — отобрали. Мы снова разсѣлись по своимъ комнатамъ. Теперь начался уже настоящій плѣнъ. Дни потянулись томительно, длинно.

Но, несмотря на «настоящій плѣнъ» — снятіе погонъ, выдачу оружія — командный составъ и въ музеѣ пытался сохранить видъ «воинской части». Уже на второй день сидѣнья была объявлена запись желающихъ ѣхать на Кубань и Донъ. Цѣлые дни въ комнатахъ раздаются крики «желающіе на Донъ! Записываться здѣсь!» Люди стоятъ въ очереди. Кто то записываетъ. Для чего? — Неизвѣстно. Говорятъ, пропустятъ.

Вмѣстѣ съ криками о записи начали вызывать на свиданье въ вестибюль.

Около музея, на другой же день нашего ареста, стала нѣсколькотысячная очередь родственниковъ и близкихъ. Въ большинствѣ женщины: матери, жены, сестры, невѣсты, любовницы. Для того, чтобы попасть въ музей — онѣ стояли безсмѣнно день, ночь и наконецъ попадали на 10 минутъ въ вестибюль увидѣть и поговоритъ съ арестованнымъ.

Внизу у дверей на лѣстницѣ человѣкъ 20 штатскихъ людей ждутъ свиданья. По бокамъ — конвойные съ винтовками, ручными гранатами. Женщины плачутъ. Всѣ смотрятъ кверху по лѣстницѣ, — ища своего арестованнаго. Гулко летитъ фамилія, съ лѣстницы — по комнатамъ. Вызываемый съ какой то странной улыбкой сбѣгаетъ внизъ — къ своимъ, обнимается, начинаетъ говоритъ . . . Но строгій петлюровецъ уже беретъ его за руку, торопитъ уходить, толкаетъ. Арестованный прощается. Его крестятъ, даютъ какой то свертокъ, онъ уходитъ, скрываясь въ общей толпѣ.

Съ ранняго утра у дверей уборной стоитъ длинная, длинная вереница — въ очереди. Каждому приходится стоять здѣсь больше часа. Но скоро уборная испорчена. И комендантъ зданія приказалъ назначить арестованныхъ на чистку. Петлюровцы ведутъ полковниковъ, пожилыхъ офицеровъ — убирать клозеты.

А желающихъ «оправиться» строятъ по 10-ти человѣкъ въ вестибюлѣ, командуютъ: «крокомъ рушъ» и ведутъ на дворъ. Послѣ душныхъ, переполненныхъ комнатъ — свѣжій воздухъ кажется необыкновенно пріятнымъ, а узенькій дворъ — вольнымъ и просторнымъ.

Около офицеровъ стоитъ конвойный. Если добродушный — остритъ, если нѣтъ, торопится и ругаетъ. Помню одинъ, смотря на насъ, сказалъ, качая головой. «Эхъ офицеришки бѣдные — тоже, поди, дома жена, дѣтишки» . . . Кто то попробовалъ его разжалобить дальше, но онъ пасмурно отвѣтилъ: «А зачѣмъ же противъ народу шли». Людей въ музеѣ съ каждымъ днемъ прибавлялось. Всѣхъ арестованныхъ и взятыхъ въ плѣнъ сводили сюда. Скопилось тысячъ до 4-хъ. Всё было переполнено. Больше появилось сестеръ. Они приносили ѣду, газеты, разсказывали новости.

Получили номеръ «Свободныхъ Мыслей», — первый по занятіи Кіева Петлюрой. Въ немъ яркая статься Финка «О сидоровой козѣ» — съ призывомъ къ русской вѣчно избиваемой интеллигенціи «поднять выше голову» и бороться за себя, за свое существованіе. На другой день узнали, что газета закрыта, а Финкъ арестованъ. Немного посмѣялись надъ «Прощаньемъ съ Кіевомъ» Дона Аминадо:

«Не такъ ужъ тѣсенъ Божій міръ,
А мнѣ мила моя свобода.
Прощай Аскольдъ, прощай и Диръ
И хай живэ межъ Вами згода».

Пугали насъ украинскія газеты: «Нова Рада» и «Відроженнѣ». Въ обѣихъ велась сильная кампанія противъ «добровольцевъ» и приводились дѣйствительно вѣсскіе аргументы. Такъ, по «Відрожденнѣ», на собравшейся въ Кіевѣ спилкѣ появился крестьянинъ съ вырѣзаннымъ языкомъ. Языкъ вырѣзанъ — карательнымъ отрядомъ. Здѣсь же въ музеѣ сидѣло довольно много такихъ карателей, не стѣснявшихся разсказывать о своихъ подвигахъ.

«Нова Рада» приводила факты грабежей добровольцевъ. И тутъ же въ музеѣ приходилось узнавать, что она не лгала.

Изъ газетъ узнали объ убійствѣ ген. Келлера «при попыткѣ бѣжать». И о томъ, какъ въѣхавшему на бѣломъ конѣ Петлюрѣ подносили саблю убитаго графа. И о томъ, какъ на банкетѣ украинскихъ самостійниковъ Винниченко поднялъ бокалъ «за единую недѣлимую Украину».

Приходили въ музей «консула»: бѣлорусскій, литовскій, латышскій, сибирскій (!), представитель Дона. Всѣ они пытались освободить своихъ подданныхъ, составляли безчисленные списки, но изъ этого ничего не выходило.

Съ каждымъ днемъ сидѣнье въ музеѣ становилось тяжелѣй. Плохая пища, духота, отсутствіе уборной, вши и къ этому полная неизвѣстность своей судьбы и приближеніе большевиковъ съ сѣвера. И въ то время, какъ рядовой офицеръ не могъ подумать даже: когда онъ будетъ свободенъ — сильные міра ежедневно освобождались. Одни за деньги

(въ большинствѣ казенныя), другіе — благодаря связямъ. Въ одинъ изъ дней стало извѣстно, что самъ украинскій комендантъ музея бѣжалъ съ освобожденнымъ ген. Волховскимъ и съ 400 тысячъ казенныхъ денегъ. А рядовые офицеры все сидѣли и сидѣли. Но и въ такой обстановкѣ находились неунывающіе люди. Какъ сейчасъ вижу: штабсъ-капитанъ Лебедевъ сидитъ прислонившись къ стѣнѣ, бренчитъ на гитарѣ и подъ общій смѣхъ, пріятнымъ басомъ распѣваетъ куплеты на злобу дня . . .

Ходятъ плѣнные, какъ тѣни,
Ни отчизны, ни семьи.

И потомъ, сдѣлавъ бравурный переборъ:

Ахъ, вы сѣни, мои сѣни
Сѣни новыя мои.

Комендантъ нашъ удручаетъ
Безнадежно, навсегда . . . .
. . . Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда.

Черноморецъ, какъ хозяинъ,
Раскричится иногда . . .
. . . Что ты ночью бродишь Каинъ,
Чортъ занесъ тебя сюда.

Въ другомъ углу, лежитъ юнкеръ, задравши ноги, громко выкрикиваетъ «Журавля» — описывающаго Кіевскую авантюру.

«Раньше всѣхъ несется въ бой
Личный Гетмана конвой.
Журавель мой, журавель, журавушка молодой.

А за нимъ всегда готова
И дружина Кирпичева.
Журавель мой и т. д.

Рвется въ бой, но всё безъ толку
И дружина Святополка.
Журавель мой и т. д.

Съ крикомъ слава (не ура)
Претъ на Кіевъ Петлюра.
Журавель мой и т. д.
. . . . . .

Тянутся дни . . . Какъ легъ на свое мѣсто — такъ и лежишь. Не въ состояніи даже никуда повернуться. Выкрикиваютъ фамиліи; на свиданье. Кричатъ о записи на Донъ. Въ углу играютъ въ карты. Тамъ поютъ. Тамъ смѣются съ хорошенькой сестрой. И никто не знаетъ: что съ нами сдѣлаютъ, наконецъ? и когда будемъ мы свободны?

Наступленіе большевиковъ съ сѣвера многихъ волнуетъ, такъ какъ настроеніе украинцевъ извѣстно и слѣдующій этапъ Петлюризма совершенно ясенъ.

Одинъ наивный офицеръ попробовалъ разсказать нашимъ караульнымъ, что скоро насъ выпустятъ и мы вмѣстѣ съ ними пойдемъ бить большевиковъ. Такъ они подняли такой гвалтъ, шумъ. И совершенно отвергли возможность союза съ «буржуяками» противъ своихъ же братьевъ.

Въ уборной музея я нашелъ интересную, украинскую прокламацію. Она призывала рабочихъ и крестьянъ къ сверженію власти Петлюры и установленію Совѣтской Республики. Но не такой, какъ въ Москвѣ, гдѣ всю власть взяли прежніе буржуи и интеллигенты. «У насъ должно быть подлинное рабоче-крестьянское правительство, изъ насъ, братья-рабочіе и крестьяне». Все говорило за крайнюю опасность нашего положенія. Мы сидѣли, не видя конца, и некому, казалось, было за насъ заступиться. Наконецъ мы прочли первое выступленіе въ нашу пользу — с. р. Зарубина въ Городской Думѣ. Вслѣдъ за этимъ къ намъ пріѣхала думская комиссія, а черезъ нѣсколько дней — слѣдователи, производить дознаніе о каждомъ. Мы заполняли какіе то опросные листы, ходили на допросы, но всё сидѣли и сидѣли.

Въ скучные дни кому то пришла мысль устроить концертъ. Составили программу. Достали разрѣшеніе у коменданта. И въ круглую аудиторію музея уже валитъ публика. Заняли мѣста. Въ первыхъ рядахъ — наши генералы, безъ погонъ, съ унылымъ видомъ, рядомъ съ ними — сестры, нѣмецкіе солдаты и наши властители — сѣчевики, въ французскихъ шлемахъ, съ винтовками въ рукахъ, увѣшанные гранатами.

Сзади — море арестованныхъ. Выступаетъ хоръ съ солдатскими лубочными пѣснями, потомъ — великолѣпная имитація балалаечнаго оркестра, потомъ — поютъ солисты; юмористы, разсказчики — уходятъ со сцены подъ дружный хохотъ арестованныхъ, петлюровцевъ и нѣмцевъ; вотъ солдатъ прокалываетъ себѣ длинной булавкой руки, тѣло и заявляетъ, что онъ могъ бы затопить весь залъ водой — (загипнотизировать) — да комендантъ зданія запрещаетъ. И опять общій хохотъ. Вотъ куплетистъ Дарогоневскій приплясываетъ подъ напѣвы:

Ой, яблочко, куда ты катишься?
Въ музей попадешь, не воротишься, и т. д.

Концертъ всѣмъ чрезвычайно понравился, особенно петлюровцамъ. На другой день къ устроителямъ пришелъ депутатъ отъ караула: «нельзя ли еще разъ устроить».

Но концерта больше не было.

. . . Въ томъ же залѣ служили всенощную . . . Залъ переполненъ. Священникъ хорошо, съ чувствомъ служитъ. Молятся арестованные. Тутъ же стоятъ, крестятся и сумрачно смотрятъ на насъ — вооруженные сѣчевики . . .

Тянутся дни. Наступило 25 декабря — Рождество. Разговоры объ освобожденіи усилились. Приходятъ родные — обнадеживаютъ. Уже многихъ освободили.

Но въ одинъ изъ дней Рождества произошелъ эпизодъ, совершенно неожиданно рѣшившій судьбу арестованныхъ.

. . . Было часовъ 11 ночи. Большія комнаты застланы людьми. Всѣ укладываются спать на свои шинели, многіе заняты обычнымъ дѣломъ: сидятъ полуголые, разсматриваютъ рубахи, кальсоны — бьютъ вшей. Многіе заснули.

Я, сжатый съ обѣихъ сторонъ другими, задремалъ. Но вдругъ вскочилъ отъ невѣроятнаго треска, взрыва. Показалось, что падаютъ стѣны, рушится зданіе . . . Вылетѣли, дребезжа окна. И тутъ же раздался

дикій крикъ сотенъ голосовъ. Люди вскочили съ мѣстъ, бросились, побѣжали къ дверямъ по лежащимъ. Страшный крикъ не прекращается. «Изъ пушекъ по насъ стрѣляютъ!» кричитъ кто то. «Господа спокойно! Это взрывъ!» доносятся голоса среди общаго шума . . . Бѣжать конечно некуда. Но всѣ ждутъ второго удара и метнулись, сами не зная куда.

Въ отворенныя двери нашей комнаты стали входить окровавленные раненые. Забѣгали сестры.

Въ сосѣднемъ кругломъ залѣ громадный куполъ изъ толстаго стекла рухнулъ внизъ — на лежащихъ. Стекла падали съ такой силой, что пробивали насквозь стулья. Здѣсь — стоны, крики, паника отчаянная. Раненые съ окрававленными лицами, руками, одеждой толпятся — выбѣгая изъ комнаты. Есть тяжело-раненые.

Но не прошло десяти минутъ послѣ взрыва, какъ къ намъ въ комнату влетѣли, размахивая нагайками, вооруженные до зубовъ гайдамаки въ опереточныхъ костюмахъ. «Панове! Тихо! Не то по гайдамацки будемъ ногаями бить!» кричали они. И стало тихо. Только раненыхъ носили, перевязывали, да обсуждали вполголоса, что же это такое было? И опять укладывались спать на свои шинели . . .

На утро увидѣли, что во всемъ зданіи всѣ окна выбиты. Нашъ кварталъ опутанъ проволокой, оцѣпленъ войсками. Къ намъ никого не пускаютъ. Стало еще тяжелѣй. Изъ газетъ узнали, что во взрывѣ, гдѣ пострадали 200 съ лишнимъ арестованныхъ, украинцы обвиняютъ насъ же. Будто бы мы сдѣлали это съ цѣлью побѣга.

Къ намъ стали хуже относиться. Чаще въ холодныхъ комнатахъ появляются вооруженные украинцы — что то высматриваютъ. Вотъ вошелъ солдатъ — мальчишка — весь въ оружіи, въ красныхъ и желтоголубыхъ бантахъ. Идетъ по комнатѣ, всматривается во всѣхъ и нѣкоторыхъ наиболѣе видныхъ, пожилыхъ или хорошо одѣтыхъ манитъ пальцемъ и куда то уводитъ. Въ комнатѣ жуткая тишина. Куда выводятъ? — никто не знаетъ. Но каждый, въ кого тыкнетъ пальцемъ этотъ мальчишка, немедленно встаетъ и ему подчиняется. Выведенные вернулись. Ихъ водили на работу — чистить клозеты подъ присмотромъ конвоя.

Но вотъ опять пришелъ этотъ мальчишка и заявилъ громко: «генералы, та полковники — выходь!»

Куда? Зачѣмъ? Но онъ предупреждаетъ, что кто не выйдетъ, тому плохо будетъ. Самому и за него еще отвѣтитъ комната.

Тамъ и сямъ поднялись оставшіеся генералы, полковники — собираютъ свои пожитки, прощаются съ знакомыми, — куда то уходятъ подъ командой мальчишки.

Жутко становится, когда изъ комнаты уводятъ кого-нибудь неизвѣстно куда. Словно что то тоскливо пустѣетъ въ тебѣ самомъ.

Узнали, что генераловъ и полковниковъ отвезли въ Лукьяновскую тюрьму.

Въ дни Рождества комнаты сильно порѣдѣли. Многихъ выпустили по ордеру. Многіе освободились за деньги. Исчезъ изъ музея полк. Крейтонъ. Бѣжалъ во время взрыва, прикинувшись раненымъ, ген. Канцыревъ. Скрылся Кирпичевъ. Осталось человѣкъ 600.

Въ выбитые взрывомъ окна врывается холодный вѣтеръ со снѣгомъ. Въ комнатахъ свободно, холодно.

Стало еще томительнѣй, непріятнѣй.

Послѣ взрыва — нѣтъ свиданій. Никого не пускаютъ даже въ улицу эту. Говорятъ, что около колючей проволоки, опутывающей нашъ кварталъ, стоятъ толпами родственники. Но какъ ни стараешься заглянуть въ выбитые окна — не видно. Газетъ — нѣтъ. Сестеръ пускаютъ лишь немногихъ. Долетѣлъ слухъ, что взбунтовался большевиствующій Черноморскій кощъ. Отношеніе караула всё хуже и хуже. Двухнедѣльное сидѣнье — даетъ себя знать.

30 декабря утромъ намъ приказали раздѣлиться на украинцевъ и не украинцевъ. Не украинцевъ оказалось человѣкъ 120. Украинцевъ больше 400. Пришелъ самъ командиръ осаднаго корпуса полк. Коновалецъ. Перекликалъ украинцевъ, вычеркивалъ неподходящія фамиліи. Но вдругъ среди дня опять всѣмъ приказали соединиться. Прошелъ нелѣпый слухъ: всѣхъ вывезутъ въ Германію. Это показалось смѣшнымъ, невѣроятнымъ и никто не повѣрилъ.

Вывозятъ въ Германію

Но вотъ уже комендантъ объявилъ официально, что сегодня, 30 декабря, насъ, вотъ такихъ, какъ мы есть — полуголыхъ, вшивыхъ, полуголодныхъ, — вывозятъ подъ конвоемъ въ Германію. Вѣрить или не вѣрить нельзя. Теперь — это фактъ. Захотѣлось дать знать близкимъ — но нельзя. Мы оцѣплены. Никого не пускаютъ. Въ комнатахъ началось безпокойство. Всѣ пишутъ записки роднымъ, близкимъ. Обступили нѣсколькихъ сестеръ — умоляютъ переправить.

Вечеръ. Уѣзжающіе въ Германію собираютъ вещи: жестяной ведерный чайникъ, жестяныя кружки, немного сахару и хлѣба. Весь багажъ. Собрались. Уже разбились на вагоны, по 35 человѣкъ, и сидятъ въ ожиданіи.

Строиться! Встали «по вагонамъ». Пошли, зашумѣли сапогами по пустѣющимъ заламъ. Въ вестибюлѣ двери открыты настежь — врывается морозный вѣтеръ. По бокамъ выстроились нѣмецкіе и украинскіе солдаты. Распоряжается всѣмъ бравый лейтенантъ.

Подъ конвоемъ, строемъ вышли на улицу. Послѣ 16 дней сидѣнья въ душныхъ комнатахъ морозный воздухъ необыкновенно пріятенъ, а идти по улицѣ — хоть и подъ конвоемъ — кажется блаженствомъ.

Въ городѣ военное положеніе и на улицахъ ни души, кромѣ вооруженныхъ конныхъ и пѣшихъ петлюровцевъ. Насъ подвели къ трамваямъ. Въ одну линію ихъ стоитъ многое множество. Въ темнотѣ лентой свѣтятся огоньки. Кругомъ съ саблями наголо гарцуютъ конные украинцы. Въ вагонахъ — пѣшіе нѣмцы и петлюровцы.

Очевидно, всѣ сѣли. Какой то сигналъ, и процессія трамваевъ двинулась, охраняемая гарцующими кавалеристами. Свѣтятся зеленые, красные, желтые огоньки, плывутъ въ темнотѣ ночи . . . Трамваи катятся быстрѣй и быстрѣй. Рядомъ рысью летятъ кавалеристы.

Какой то офицеръ припалъ къ окну, толкаетъ другого: «Смотри, Коля, смотри, у насъ въ столовой огонь . . . видишь? видишь?»; онъ долго смотритъ въ окно съ бѣгущими столбами, окнами и скачущимъ рядомъ кавалеристомъ.

Ѣдемъ. На душѣ грустно . . . Кто то подъ страхомъ разстрѣла мобилизовалъ. За это другой посадилъ подъ арестъ и взорвалъ. А теперь кто то оторвалъ отъ дома, работы, отъ близкихъ людей, запираетъ, какъ скотовъ въ вагоны, и зачѣмъ то отправляетъ въ чужую страну. И на «этого» изнасиловавшаго подымается въ душѣ злоба . . .

Трамваи стали. Выходи! Вылѣзли. Въ темнотѣ чернѣютъ фигуры часовыхъ. Повели строемъ на вокзалъ. Вотъ уходимъ на платформу. Шпалерами стоятъ каменные нѣмцы, чередуясь съ петлюровцами. Первые молчатъ — вторые сыпятъ замѣчанія и ругательства. «А . . . вашу мать добровольцы — гетьманцы!» «Що це едына неделыма!» «Та куда ихъ везутъ тамъ — перерубить ихъ тутъ всѣхъ сволочей» . . .

Подвели къ темнымъ вагонамъ. Открыли двери. Сажаютъ въ темноту по 35 человѣкъ и запираютъ на замокъ. Въ темнотѣ разбираютъ мѣста. Слышно, какъ водятъ другихъ. Звякаютъ замки . . . Легли съ братомъ на нары. Одна мысль: о своихъ. Они вѣдь даже не знаютъ, что насъ вывезли куда то. Да и доѣдемъ ли еще? Вездѣ власть на мѣстахъ, а караулъ нашъ: 10 нѣмцевъ добровольцевъ и офицеръ.

Поѣздъ заскрипѣлъ, рванулся, тронулся.

Поѣхали въ Германію . . .

Мы ѣдемъ ночь и день въ наглухо запертыхъ вагонахъ. 35 человѣкъ лежатъ, плотно прижавшись другъ къ другу отъ холода и тѣсноты.

Знаемъ, что проѣхали Фастовъ. Поѣздъ останавливался, не доѣзжая станціи. А её пролетѣлъ на полномъ ходу. Качаются, скрипятъ вагоны... Голодно, холодно . . . Мысли о домѣ перебѣгаютъ на мысли о будущемъ. Куда же мы ѣдемъ? Гдѣ остановимся? . . .

Говорятъ, въ Казатинѣ будетъ обѣдъ. Поздней ночью подъѣзжаемъ къ Казатину. Шумятъ встрѣчные поѣзда. Очевидно мы около вокзала. Остановились. Слышны какіе то голоса, крики. Черезъ минутъ 20 отъ заднихъ вагоновъ ясно донесся шумъ многихъ людей. «Навѣрное не пускаютъ дальше», прошепталъ кто то въ вагонѣ.

Шумъ, крикъ близится. Но вдругъ поѣздъ заскрипѣлъ, рванулъ вагоны, тронулся. Шумъ сталъ сначала сильнѣй. Затрещали выстрѣлы по поѣзду, но онъ быстрѣй и быстрѣй убѣгалъ отъ Казатина.

Теперь еще проѣхать границу Украины — Голобы. А дальше зона нѣмецкой оккупаціи.

И опять ѣдемъ ночь и день въ запертыхъ вагонахъ. Разъ въ 24 часа, а иногда и въ 36 — заскрипитъ дверь вагона и какой то темный человѣкъ съ фонаремъ въ рукѣ поставитъ ведро супа. Всѣ бросаются, съ жадностью хлебаютъ скверную похлебку. И снова ложатся. А дверь, скрипя, запирается . . .

Ночью 2-го января 1919 г. подъѣзжаемъ къ границѣ Украины — Голобамъ. Поѣздъ, заскрипѣвъ, сталъ. Въ нашихъ вагонахъ — мертвая тишина, какъ будто везутъ багажъ. На станціи — слышны голоса. И скоро, опять какъ въ Казатинѣ, голоса сильнѣй, сильнѣй, переходятъ въ крикъ. Слышно ясно, говорятъ по украински, спрашиваютъ, что это за поѣздъ? — «Съ больными, ранеными», отвѣчаетъ имъ кто то. Но они не успокаиваются. Вотъ шаги нѣсколькихъ людей приближаются къ нашему вагону. Въ вагонѣ — жутко-тихо. Вотъ взялись за скобу двери. Тишина стала еще напряженнѣй. Не слышно дыханій. Отворяютъ. Съ

фонаремъ въ рукахъ 2 вооруженныхъ человѣка. «Що цэ за люди?» грубо, но и нерѣшительно спрашиваетъ одинъ изъ нихъ. — Молчаніе. — «Що цэ за люди?», повторяетъ вооруженный. — Молчаніе . . . «Больные», говоритъ кто то. «Яки это больны?» — «Спросите у коменданта поѣзда», отвѣчаетъ кто то изъ темноты . . . Всѣ напряженно смотрятъ на вооруженныхъ людей, въ свѣтѣ фонаря кажущихся зловѣщими.

Но вдругъ послѣ словъ о комендантѣ они повернули и пошли къ заднимъ вагонамъ. Кто то изъ насъ запираетъ дверь. И опять въ вагонѣ — тишина ожиданія.

Если узнаютъ — не пропустятъ, схватятъ. На платформѣ зашумѣли голоса. Но поѣздъ засвистѣлъ, рванулъ и пошелъ. Переѣхали границу Украины.

На слѣдующей станціи пересадка. Вышли на платформу. Ведутъ нѣмцы. Ночь холодная, падаетъ съ неба мокрый, мерзнущій снѣгъ. Вѣтеръ. Тускло свѣтятъ фонари станціи.

Привели къ толстому нѣмецкому майору. Онъ сказалъ что то непонятное, раздѣлилъ и отправилъ по вагонамъ, но теперь уже совсѣмъ скотскимъ, безъ соломы, съ остатками только что выведенныхъ животныхъ. Заперли по 35 человѣкъ. Всѣ стоятъ — сѣсть нельзя. Холодно — стынутъ ноги. Хочется ѣсть. Но мы подъ замкомъ.

Тронулись.

На утро двери вагоновъ открыли. Поѣздъ идетъ — всѣ сидятъ, смотрятъ на угрюмый, разоренный войной и оккупаціей край. На каждой станціи — нѣмецкіе товарные поѣзда. Русскіе рабочіе подъ присмотромъ нѣмецкихъ солдатъ грузятъ на нихъ то уголь, то муку, лѣсъ, сѣно, солому. Поѣзда уходятъ въ Германію.

Ѣдемъ черезъ Бѣлостокъ, Брестъ-Литовскъ, Оссовецъ — вездѣ одна и та же картина. Разбитые снарядами дома, понурые измученные люди, худой скотъ, почти нечего купить. А нѣмецкіе поѣзда грузятъ необходимые населенію предметы и увозятъ въ Германію.

Теперь на станціяхъ можно слѣзать. Пробуемъ говорить съ мѣстными людьми о нѣмцахъ. Только рукой машутъ они. «Всё — чисто всё, вывозятъ, разорили всѣхъ . . .», слышимъ жалобы.

Съ каждымъ часомъ мы близимся къ Германской границѣ. 3 января переѣхали ее и остановились у ст. Prostken.

Всѣ высыпали изъ вагоновъ. Для большинства германскій ландшафтъ новъ. Оборванные, вшивые, грязные, голодные «эмигранты» съ любопытствомъ смотрятъ на красненькіе черепичные домики деревень, на словно скатертью покрытое шоссе съ подстриженными деревьями, на здоровыхъ дѣтишекъ, стучащихъ деревянными туфлями.

Замелькали одна за другой станціи Körschen, Allenstein, Deutsch-Eylau, Graudenz, Schneidemühl . . . Живя въ Россіи — о Германіи думалось, какъ о странѣ совершенно разоренной, доведенной войной до нищенства. Въ воображеніи рисовались голодъ, нужда, разоренье. Но, переѣхавъ границу, впечатлѣнье было иное. Эти чистенькія станціи съ кіосками полными газетъ, журналовъ, книгъ, открытокъ и всё такъ дешево — удивили. Въ Россіи всё печатное было уже недоступно. Аккуратные, убранные вокзалы; продаютъ кофе, пиво, пирожное. Тоже удивило. Въ Россіи всё это бѣшено дорого, а здѣсь пфениги.

Дали обѣдъ и по куску кровяной колбасы. Правда, обѣдъ не ахти, но лучше, чѣмъ намъ давали на Украинѣ — Мелькаютъ красные черепичные домики, аккуратные квадратные огороды, подстриженное, вылизанное шоссе. Желѣзнодорожники въ синихъ мундирахъ съ блестящими пуговицами. Всё такъ тихо, спокойно. Даже странно — нигдѣ ни выстрѣла. Люди потихоньку «живутъ». Живутъ съ напряженной дисциплиной, съ крѣпко сбитой организаціей.

Послѣ пережитой россійской безкрайней анархіи Германія показалась страной буржуазнаго отдохновенія.

Хочется купить открытку, послать своимъ, извѣстить — ни копейки денегъ. Да и не дойдетъ. Вѣдь мы отрѣзаны отъ Россіи. Ѣдемъ, быстро, ѣдемъ по Германіи.

На одной изъ станцій ночью проснулись отъ криковъ толпы. Что такое? Какъ въ Россіи! — Это повстрѣчались съ эшелономъ русскихъ военноплѣнныхъ, ѣдущихъ на родину. «А буржуи! Убѣгаете сволочи!» осыпали насъ военноплѣнные. Долго они ругались, кричали, грозили.

Мы молчали. И разъѣхались въ разныя стороны.

Проѣхали Kreuz, Küstrin, Neustadt. Вскорѣ по вагонамъ предупредили: въ Берлинѣ волненія, спартакистскіе безпорядки; черезъ городъ поѣдемъ — двери запереть и ни слова.

Неужели и здѣсь война?

Опять багажомъ ѣдемъ черезъ Берлинъ. Гдѣ то, проѣзжая надъ улицей, увидѣли въ щелку вагона демонстрацію съ красными флагами, услыхали крики, донеслись выстрѣлы. Какъ у насъ, подумалось.

Проѣхали столицу Германіи, проѣхали Spandau и поѣздъ остановился у ст. Döberitz.

Döberitz

Уже вечерѣло. По вагонамъ отдано распоряженіе: вылѣзать. Вылѣзли. Куда? Что такое? На платформѣ у станціи толпятся военноплѣнные французы, русскіе. Рядомъ стоитъ поѣздъ, въ который французы грузятся — уѣзжаютъ на родину, очевидно. У большого окна салонъ-вагона — французскій офицеръ въ голубомъ мундирѣ, въ красной расшитой шапочкѣ. Онъ ѣстъ печенье и удивленно — презрительно уставился на странныхъ оборванцевъ. Вотъ онъ, не то для удовольствія, не то изъ жалости, не доѣвъ пачки печенья — бросилъ ее въ нашу кучу и лѣниво отошелъ отъ окна. За печеньемъ метнулись, толкаются, хватаютъ — голодные.

Насъ строятъ ѣдущіе съ нами нѣмцы и ведутъ въ Döberitz. Оказывается, мы идемъ въ лагерь военноплѣнныхъ. На улицахъ попадаются встрѣчныя группы военноплѣнныхъ: русскіе, французы, румыны, сербы, итальянцы.

Русскіе кричатъ: «Изъ какого лагеря товарищи?!» — Но никто имъ не отвѣчаетъ — не знаютъ, что сказать.

Уже стемнѣло. Мы вышли изъ города. На возвышеніи чернѣли бараки лагеря, обнесенные проволокой. Гдѣ то далеко по направленію къ Берлину трещали выстрѣлы и ухала артилерія.

Вошли въ большой лагерный дворъ и въ темнотѣ остановились. Откуда то сразу обступили военноплѣнные. Опять непріятные вопросы: «Изъ какого лагеря, товарищи?» — «Съ Украины», вдругъ нерѣшительно говоритъ кто то. Удивленію нѣтъ границъ! «Съ Украины? Зачѣмъ же

вы пріѣхали?» Кто то пытается объяснить, но напрасно. Уже поняли... «А, буржуи бѣгутъ. Ну, недалеко убѣжите, здѣсь тоже большевизмъ завтра будетъ, слышите — стрѣльба, бой подъ Берлиномъ идетъ!»

Насъ обдали злобой, отъ которой становится больно и непріятно.

Идемъ въ бараки. Помѣщаютъ не съ русскими, а съ французами, итальянцами. Въ освѣщенномъ электричествомъ баракѣ гудитъ разноцвѣтная толпа. Красные штаны и свѣтлыя куртки французовъ, синіе матросы, голубые зуавы, черные итальянцы — всѣ обступили насъ. Уже узнали, кто мы. Крики, шумъ. Съ наръ спрыгиваютъ другіе, бѣгутъ, разспрашиваютъ. Гудятъ разговоры. Французъ-матросъ съ богатырской квадратной грудью ведетъ меня и товарищей — занять мѣста. Лѣземъ на голыя нары. Но лежать намъ не даютъ. Французы безъ умолку разспрашиваютъ. Не вѣрятъ, что мы офицеры. Интересуются, что такое «bolgevique». Ругаютъ бошей и русскихъ военноплѣнныхъ. Необыкновенно горды побѣдой. «Nous sommes Français», кричитъ какой то французъ. Но мы очень голодны. Даже разсказывать трудно. Наши союзники это замѣтили — несутъ галетъ, консервовъ, шоколада. И стыдно брать. И отъ голода нѣтъ силъ отказаться.

Весь вечеръ проходитъ въ разсказахъ и разговорахъ.

Раннимъ утромъ, чуть только начало свѣтать — мы уже проснулись отъ криковъ «lumière! lumière!» Вмѣстѣ съ криками по бараку полетѣли консервныя коробки, поднялся шумъ. Итальянцы поютъ, топаютъ, приплясываютъ. Французы кричатъ.

Они скоро ѣдутъ на родину. И близость отправки сдѣлала ихъ дѣтьми. Шумъ, гамъ не прекращается весь день. Они получаютъ продукты на дорогу, деньги. Бѣгаютъ. Забросали полъ пустыми банками консервовъ, ломаютъ нары. Угощаютъ насъ.

А на дворѣ мы встрѣчаемся съ нашими русскими. Пасмурные, озлобленные они недовѣрчиво вступаютъ въ разговоръ. Съ злобой смотрятъ на богатство и радость французовъ. «Всю войну такъ жрали. А нашъ братъ съ капусты дохъ. На нихъ же служили . . . ихъ мать. Хоть одна бы сволочь намъ что-нибудь прислала». Въ словахъ земляка справедливая обида.

Но мало говоримъ мы съ нашими. Они вскрыли въ насъ «буржуевъ» и открыто непріязненны. Даже пожалѣли, что мало ихъ осталось въ этомъ лагерѣ, а то бы . . .

Черезъ день по нашемъ прибытіи французы, итальянцы, сербы, румыны отправлялись на родину.

Въ громадный дворъ лагеря изъ настежь открытыхъ бараковъ выбѣгаютъ плѣнные. Бѣгутъ въ разныя стороны, къ своимъ группамъ и тамъ строятся въ колонны съ чемоданами, мѣшками на рукахъ. Надъ каждой изъ колоннъ развѣвается, самими сдѣланный, громадный національный флагъ; у многихъ въ рукахъ — маленькіе флажки. Длинныя колонны громко, радостно поютъ свои гимны. Несется марсельеза, поютъ итальянцы, сербы, румыны. Кричатъ свое ура. Машутъ шапками!!

Мы рваные, голодные стоимъ кучками вдалекѣ двора. Безъ семьи, безъ своего народа, вышвырнутые съ родины . . . Колонны съ радостными пѣснями, криками, махая шапками — шумно двинулись одна за другой. Пошли — на родину . . . Въ нашей кучкѣ у однихъ навернулись слезы, другіе неловко отвернулись. И отошли.

Романъ Гуль

Отступленіе отъ Одессы

(Январь 1920 г.)

Къ концу 1919 г. ясно обозначилось пораженіе и разложеніе Добровольческой Арміи. Она безостановочно катилась на югъ къ Черному морю почти безъ всякаго давленія со стороны противника. Главное командованіе постепенно теряло изъ своихъ рукъ нити управленія арміями; связь между высшими штабами и отдѣльными войсковыми частями становилась съ каждымъ днемъ слабѣе, пока совершенно не исчезла. Каждая часть начинала дѣйствовать на свой рискъ и страхъ, отходя куда и когда угодно, не считаясь съ общей обстановкой и игнорируя боевые приказы. Сыпной тифъ, принявшій съ наступленіемъ холода угрожающіе размѣры, и массовое дезертирство солдатъ, потерявшихъ всякое довѣріе къ командному составу, лишили армію боеспособности и превратили ее въ какой-то огромный обозъ, наполненный семьями офицеровъ, бѣженцами изъ занятыхъ большевиками областей, гражданскими чиновниками, эвакуируемыми вмѣстѣ съ отходомъ войскъ, и всякимъ родомъ посторонняго люда, ничего общаго съ арміей не имѣющаго и невѣроятно тормозящаго ея движеніе. Вся эта масса приближалась къ приморскимъ городамъ частью походнымъ порядкомъ, частью — гдѣ это еще можно было — по желѣзнымъ дорогамъ.

Само собою понятно, что при такихъ обстоятельствахъ оборона черноморскаго побережья, въ частности Одесскаго района, имѣла шансы на успѣхъ лишь при полномъ напряженіи силъ всѣхъ еще не разложившихся частей и въ случаѣ привлеченія къ дѣлу обороны всѣхъ слоевъ населенія и общества, не сочувствующихъ большевизму. Однако ген. Шиллингъ не сумѣлъ использовать эти силы несмотря на довольно благопріятную обстановку, получившуюся вслѣдствіе благожелательнаго настроенія къ дѣлу Добровольческой Арміи среди нѣкоторыхъ частей мѣстнаго населенія.

Вся южная часть Херсонской губерніи покрыта цѣлой сѣтью богатѣйшихъ и весьма благоустроенныхъ нѣмецкихъ колоній. Колонистъ хлѣборобъ въ одно и то же время отличный солдатъ и злѣйшій врагъ коммунизма. Ему присуща, какъ и каждому богатому крестьянину, а въ особенности нѣмецкому, крупная доля консерватизма, а за землю свою онъ готовъ отдать жизнь.

Возстаніе нѣмцевъ-колонистовъ весною 1919 г. подъ предводительствомъ русскаго генерала (изъ колонистовъ) Шелля, подавить которое стоило большевикамъ громадныхъ усилій и многочисленныхъ жертвъ,

было краснорѣчивымъ показателемъ ихъ ненависти къ непривычному для нихъ совѣтскому строю и къ совѣтскимъ порядкамъ. Взятіе Одессы добровольцами въ августѣ 1919 г. тоже происходило при участіи колонистовъ, среди которыхъ идея борьбы съ коммунизмомъ пользовалась громадной популярностью. Лучшія пѣхотныя части Добровольческой Арміи пополняли свой составъ почти исключительно нѣмцами-колонистами.

Однако, вопреки требованіямъ самихъ колонистовъ и ихъ представителей, выраженнымъ, между прочимъ, на первомъ съѣздѣ колоній въ сентябрѣ 1919 г., командованіе Добровольческой Арміи отказалось отъ объявленія всеобщей мобилизаціи колонистовъ и всячески старалось препятствовать дальнѣйшему развитію нѣмецкихъ батальоновъ, сформированныхъ по собственной иниціативѣ. Нѣкоторые «военные авторитеты» доходили даже до того, что считали неумѣстнымъ пользоваться услугами людей нѣмецкаго происхожденія, памятуя войну съ Германіей.

Когда же одесскому району стала угрожать непосредственная опасность, Совѣтъ нѣмецкихъ колоній рѣшилъ по собственному почину организовать самооборону края, предоставивъ высшее руководство уже упомянутому ген. Шеллю. Это рѣшеніе было принято весьма враждебно со стороны штаба Главнокомандующаго Войсками Новороссійской Области. Особенно старался повредить этому дѣлу пользовавшійся самой плохой репутаціей въ офицерскихъ кругахъ Начальникъ Штаба генералъ Ч., про котораго ходили упорные слухи, что онъ тайно состоитъ на совѣтской службѣ.

Чтобы создать противовѣсъ организаціи самооборны колонистовъ, была создана должность Начальника Обороны Одесскаго района, которому de iure были подчинены всѣ отряды самообороны. Начальникомъ обороны былъ назначенъ генералъ-майоръ графъ Игнатьевъ, бывшій командиръ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка. Работа его громаднаго штаба шла чрезвычайно вяло: за полтора мѣсяца дѣло обороны фактически не подвинулось ни на шагъ впередъ. Между штабомъ обороны и штабомъ самообороны не было никакой согласованности дѣйствій, наоборотъ, оба штаба зачастую работали другъ противъ друга.

Другой рѣшающей мѣрой штаба ген. Шиллинга была отправка изъ Одессы въ Вознесенскъ самой надежной воинской части, перваго пѣхотнаго полка колонистовъ. Несмотря на то, что солдатамъ этого полка обѣщали не выводить ихъ изъ района колоній, полку все таки было приказано отправиться въ Вознесенскій районъ. Когда-же солдаты отказались исполнить это приказаніе и частью разошлись по домамъ, частью перешли въ организаціи генерала Шелля, генералъ Ч. объявилъ колонистовъ неблагонадежнымъ элементомъ и приказалъ прекратить снабженіе организаціи самообороны оружіемъ. Начались длительные переговоры, во время которыхъ, понятно, работа по формированію новыхъ частей самообороны едва подвигалась впередъ.

Тѣмъ временемъ большевики стали подходить къ Одесскому району. Безъ боя были заняты ими Вознесенскъ и Николаевъ. Среди крестьянъ началось большевистское движеніе: организовывались банды, нападавшіе на колоніи и на мелкіе добровольческіе отряды. Крестьяне тайно и явно поддерживали большевиковъ, потому что надѣялись получить отъ нихъ земли колонистовъ контръ-революціонеровъ.

Въ результатѣ большевикамъ удалось довольно свободно пройти полосу колоній. Тамъ, гдѣ они встрѣчали сопротивленіе, они подавляли его, примѣняя свое обычное средство — терроръ. Мелкіе отряды «самообороны» частью ликвидировались, частью отошли въ городъ. Послѣдняя надежда на оборону Одессы рухнула. Участь города была рѣшена.

Правда, имѣлась еще возможность организовать оборону самой Одессы, ибо въ ней имѣлось около 80.000 вооруженныхъ людей, большей частью офицеровъ. Но вся эта вооруженная масса была лишена всякой организаціи и недоставало тѣхъ людей, которые могли бы ее создать. Офицерство къ тому времени было настолько деморализовано, что никто не думалъ о сопротивленіи надвигающейся опасности, а каждый мечталъ лишь о томъ, какъ бы получить возможно больше казенныхъ денегъ, обмѣнять ихъ на иностранную валюту и скорѣй скрыться за-границу. На укрѣпленіе Одесскаго района были ассигнованы громадныя суммы и намѣчались грандіозныя фортификаціонныя работы. Но все осталось на бумагѣ. Военные инженеры получили колоссальные авансы, но никакихъ работъ не производили.

При такихъ условіяхъ рѣшено было начать эвакуацію. Войска Новороссіи должны были переправиться въ Варну, частью морскимъ путемъ, частью походнымъ порядкомъ черезъ Румынію. Согласно приказа ген. Шиллинга право на эвакуацію моремъ имѣли лишь семьи офицеровъ, гражданскіе чиновники и больные. Всѣ строевыя части должны были отходить походнымъ порядкомъ. Однако и этотъ приказъ остался на бумагѣ. Въ тѣ дни можно было наблюдать, какъ въ Одесскомъ порту преспокойно грузились цѣлые полки и строевыя артиллерійскія части — счастливцы, которымъ такъ или иначе удалось зафрахтовать пароходъ. За то не хватало на корабляхъ мѣста для госпиталей, переполненныхъ больными и ранеными офицерами, которымъ пришлось остаться въ Одессѣ и стать жертвами большевистской расправы. Наканунѣ сдачи города погрузилось въ порту Одесское Сергіевское Артиллерійское Училище въ составѣ 300 здоровыхъ юнкеровъ, а Одесскій Кадетскій Корпусъ отправился впослѣдствіи со всѣмъ преподавательскимъ персоналомъ походнымъ порядкомъ.

Итакъ Одесскій гарнизонъ, въ случаѣ прихода большевиковъ, долженъ былъ отходить. Но куда? Никакихъ опредѣленныхъ приказаній дано не было, а было предоставлено отдѣльнымъ частямъ выбирать себѣ направленіе. Одни рекомендовали идти на Овидіополь, другіе на Маяки, третьи на Тирасполь. Но самый кардинальный вопросъ — пропуститъ ли Румынія отряды Добровольческой Арміи — оставался открытымъ. Въ штабѣ генерала Шиллинга царило по этому вопросу полное невѣдѣніе. Отъ чиновъ штаба, которымъ надлежало бы быть въ этомъ вопросѣ вполнѣ освѣдомленными, никакого толка добиться нельзя было. Штабъ ген. Шиллинга вообще не интересовался вопросомъ, какая участь ожидаетъ подчиненныя ему войска. Штабъ ген. Шиллинга имѣлъ свой пароходъ «Владимиръ» и въ одинъ прекрасный день благополучно погрузился на него.

Бѣгство ген. Шиллинга было для Одесскаго гарнизона большой неожиданностью, ибо еще наканунѣ было заявлено, что большевики далеко и что имъ будетъ оказано самое рѣшительное сопротивленіе.

Власть въ городѣ перешла въ руки коменданта города полковника Стесселя. Однако и ему пришлось дня черезъ два оставить Одессу съ остатками гарнизона. Городу угрожала опасность не только отъ Красной Арміи, передовые отряды которой подходили къ Одессѣ со стороны Николаева, но и отъ мѣстныхъ коммунистовъ, давно уже организовавшихся и обладавшихъ большимъ количествомъ оружія. 23-го января ст. ст. вспыхнуло на Молдаванкѣ (предмѣстье Одессы) возстаніе, подавить которое удалось съ большимъ трудомъ. Зато въ ночь на 25 января коммунисты заняли Пересыпь и начали оттуда обстрѣливать изъ пулеметовъ гавань и русскіе, и иностранные пароходы. Англійскій крейсеръ, стоявшій на внѣшнемъ рейдѣ, открылъ огонь, но не рѣшился стрѣлять по городу, куда къ тому времени успѣли уже пробраться коммунисты. Въ городѣ и гавани началась невѣроятная паника. Офицеры и ихъ семьи, проживавшіе разбросанно по всему городу на частныхъ квартирахъ, въ ужасѣ бросились въ гавань, надѣясь попасть на корабли или бѣжали на западныя окраины города, для соединенія съ обозами и частями, отступающими походнымъ порядкомъ. Въ гавани собралась многотысячная толпа, ожидая погрузки на пароходы. Но ввиду недостатка угля и нежеланія моряковъ подвергать себя опасности, большинство кораблей отказалось принимать пассажировъ и поспѣшило уйти въ море. Оставшимся на берегу и тѣснимымъ уже со всѣхъ сторонъ большевиками ничего другого не оставалось, какъ пробиваться черезъ кольцо большевиковъ и отходить вдоль берега въ юго-западномъ направленіи. Наскоро, тутъ же въ гавани, сформированному офицерскому отряду удалось къ вечеру прочистить дорогу и дать возможность остальнымъ покинуть, подъ прикрытіемъ темноты, Одессу. Ночью почти всѣ части Одесскаго гарнизона соединились въ колоніи Гроссъ-Либенталь или Большая Вакаржа (20 верстъ западнѣе Одессы). Къ тому времени въ Одессу вошли уже регулярныя части Красной Арміи. Англійскіе крейсера обстрѣляли еще слегка Пересыпь, а къ утру снялись съ якоря, бросая на произволъ судьбы несчастный городъ и остатки Добровольческой Арміи, взятой недавно еще ими подъ свое покровительство.

Овидіопольскій Отрядъ

Гроссъ-Либенталь — цвѣтущая нѣмецкая колонія, насчитывающая болѣе 10.000 жителей. Въ ней имѣется восьмиклассная гимназія, народная библіотека и нѣсколько народныхъ училищъ. Электрическая станція снабжаетъ свѣтомъ дома колонистовъ. Не смотря на то, что съ каждымъ днемъ сюда прибывали все новыя и новыя части, всѣ свободно размѣщались въ колоніи, всѣмъ хватало мѣста.

Что-же представляли изъ себя части Добровольческой Арміи? Ничто иное, какъ громадные, безконечные обозы, нагруженные далеко не однимъ военнымъ имуществомъ, но главнымъ образомъ всевозможными товарами (сахаромъ, табакомъ, кожами, мыломъ и мн. др.). Денегъ у всѣхъ было много, но деньги эти (деникинскія) нигдѣ, кромѣ Одессы, не принимались. Потому каждый, кто могъ, закупилъ въ Одессѣ всевозможные товары, расчитывая ихъ продать за-границей, въ Румыніи или въ Польшѣ, куда предполагалось отходить. Военные, а тѣмъ болѣе

боеспособные, составляли незначительную часть отступающей массы. Преобладали жены и дѣти офицеровъ; гражданскіе чиновники, эвакуируемые со своими семьями изъ одного мѣста въ другое; бѣженцы, везущіе съ собою свои послѣднія пожитки — среди этихъ пожитокъ находилось впрочемъ не мало драгоцѣнныхъ вещей; иностранцы, не желавшіе оставаться съ большевиками и примкнувшіе къ Добровольческой Арміи; больные, перевозимые на подводахъ; раненые и наконецъ спекулянты всякихъ категорій, расчитывающіе на удобный случай перейти границу вмѣстѣ съ отрядами Добровольческой Арміи.

Въ Гроссъ-Либенталѣ мы впервые узнали, что румынская граница закрыта и что румыны никого не пускаютъ черезъ Днѣстръ. Однако этому слуху какъ-то не вѣрили и надѣялись, что въ концѣ-концовъ все-таки удастся сговориться съ румынами.

Все же многія части, не задерживаясь, двинулись изъ Гроссъ-Либенталя прямо на Тирасполь, гдѣ имъ удалось благополучно соединиться съ арміей генерала Бредова, отступившей впослѣдствіи въ Польшу. Но уже 26 января, т. е. черезъ сутки послѣ паденія Одессы, эта дорога была перерѣзана красной кавалеріей, напавшей у кол. Гофнунгсталь на добровольческіе обозы и учинившей тамъ кровавую расправу надъ несчастными офицерами и ихъ семьями, застигнутыми врасплохъ.

Оставался лишь путь на Овидіополь. Легендарное мѣсто ссылки великаго римлянина — невзрачный городокъ на берегу днѣстровскаго лимана, расположенный напротивъ Аккермана (по румынски — Цитатеи Альба), уѣзднаго города бывш. Бессарабской губерніи. Лиманъ оказался покрытымъ толстымъ слоемъ льда, такъ что переправа даже тяжелыхъ обозовъ была вполнѣ возможна. Въ то время какъ по вечерамъ Овидіополь погружался въ полнѣйшую тьму, изъ Аккермана сверкали многочисленные электрическіе огоньки, весело манившіе насъ на эту сторону границы, гдѣ нѣтъ гражданской войны, гдѣ можно жить по-человѣчески, по-европейски.

Овидіополь былъ переполненъ войсками и бѣженцами. На скорую руку былъ сформированъ отрядъ. Старшимъ начальникомъ оказался генералъ Васильевъ, принявшій на себя обязанности начальника гарнизона и отряда. Однако фактически командовалъ отрядомъ полковникъ Стессель, бывшій комендантъ Одессы. Начальнику его штаба, полковнику Мамонтову, было поручено вести съ румынскими властями переговоры о переправѣ русскихъ войскъ въ Аккерманъ.

28 января отправился по льду въ Аккерманъ Одесскій Кадетскій Корпусъ со всѣмъ преподавательскимъ персоналомъ. Директоръ Корпуса ѣздилъ наканунѣ въ Аккерманъ и получилъ отъ румынскаго коменданта разрѣшеніе на переправу послѣ того, какъ имъ была послана телеграмма румынской королевѣ Маріи. Дѣти благополучно переправились черезъ лиманъ (10 верстъ) и уже приближались къ бессарабскому берегу, какъ вдругъ были обстрѣляны румынской артиллеріей. Кадеты въ испугѣ и недоумѣніи остановились — среди нихъ были раненые и контуженные. Не желая подвергать дѣтей новой опасности, директоръ корпуса приказалъ кадетамъ вернуться въ Овидіополь, а самъ поѣхалъ подъ прикрытіемъ бѣлаго флага въ Аккерманъ для выясненія инцидента.

Въ этотъ день удалось переправиться на тотъ берегъ лишь румынскимъ подданнымъ (бессарабцамъ) и нѣкоторымъ полякамъ. Обстрѣлъ дѣтей произвелъ среди русскихъ въ Овидіополѣ удручающее впечатлѣніе.

Однако ночью прошелъ слухъ, что обстрѣлъ кадетъ произошелъ по недоразумѣнію и что полковнику Мамонтову удалось добиться отъ румынъ разрѣшенія на переправу. Дѣйствительно черезъ нѣсколько часовъ былъ полученъ отъ генерала Васильева приказъ выступить всѣмъ частямъ гарнизона съ утра на ледъ и перейти на румынскую территорію, соблюдая всѣ существующія на этотъ предметъ правила международнаго права.

И вотъ съ утра стали спускаться по набережной Овидіополя и тянуться по льду безконечные обозы: впереди иностранцы, дальше гражданскіе бѣженцы, Кадетскій Корпусъ, госпиталя, слабосильныя команды, войсковые обозы и, наконецъ, строевыя части. Мимо обозовъ нѣсколько разъ проѣзжалъ автомобиль съ румынскимъ офицеромъ, который любезнымъ жестомъ приглашалъ насъ на тотъ берегъ . Дѣйствительно пропустили почти всѣхъ иностранцевъ и кадетъ. Провѣрки документовъ шли очень медленно и мы весь день простояли на льду, ожидая нашей очереди.

Когда стало темнѣть, румыны заявили, что остальныхъ они раньше утра пропустить не могутъ. Пришлось ночевать на льду, подъ открытымъ небомъ, при сильномъ морозѣ и пронизывающемъ вѣтрѣ. Особенно страдали больные (въ большинствѣ сыпно-тифозные), лежа на повозкахъ безъ всякой защиты отъ холода. Всю ночь на льду стоялъ стонъ этихъ несчастныхъ, умирающихъ отъ жажды, а помочь имъ было невозможно, ибо нигдѣ нельзя было достать прѣсной воды. Всѣхъ поддерживали одни надежды, что утромъ примутъ насъ румыны и мы попадемъ хотя въ мало-мальски культурныя условія.

Однако, утромъ насъ ожидало новое горькое разочарованіе. Съ разсвѣтомъ, когда приводились въ порядокъ обозы, мы увидѣли какихъ-то людей, возвращавшихся съ румынскаго берега. Къ нашему немалому удивленію мы скоро узнали въ нихъ несчастныхъ кадетъ. «Насъ выгнали румыны», заявили дѣти. Оказалось, что румыны вечеромъ приняли дѣтей и размѣстили ихъ въ мѣстной гимназіи. Въ 11 часовъ ночи въ зданіе гимназіи былъ введенъ румынскій отрядъ съ пулеметами и кадетамъ было предложено немедленно покинуть гимназію и вернуться въ Овидіополь.

Но измученные двухдневными переходами дѣти заявили румынамъ, что они ни за что не уйдутъ, даже если ихъ будутъ обстрѣливать. Тогда румыны въ видѣ милости разрѣшили кадетамъ остаться въ Аккерманѣ до 6 часовъ утра.

Узнавъ о такомъ обращеніи румынъ съ дѣтьми, мы потеряли всякую надежду попасть въ Аккерманъ и рѣшили вернуться въ Овидіополь. Пытавшіеся все-таки пробраться на бессарабскій берегъ встрѣчались румынской пограничной стражею пулеметнымъ огнемъ.

Чѣмъ было вызвано такое отношеніе румынъ — неизвѣстно. Возможно, что румыны, увидя передъ собою нашъ 10 тысячный отрядъ съ громадными обозами, испугались и рѣшили взять обратно данное обѣщаніе. Возможно однако, что вина лежала на сторонѣ нашего начальства, генерала Васильева и полковника Стесселя, не сумѣвшихъ сговориться съ румынскими властями. Ходилъ слухъ, что румыны потребо-

вали во время переговоровъ безусловнаго разоруженія и выдачи всего военнаго имущества — требованіе впрочемъ вполнѣ справедливое, и соотвѣтствующее обычаямъ международнаго права — на что начальники нашего отряда ни за что не хотѣли соглашаться, считая это несовмѣстимымъ съ достоинствомъ Добровольческой Арміи. По другимъ версіямъ въ Аккерманѣ была получена изъ Букареста инструкція, никого ни подъ какимъ видомъ не пропускать черезъ границу.

Что намъ оставалось теперь дѣлать? Большевики наступали со стороны Одессы и ихъ части успѣли уже занять село Маяки на Днѣстрѣ, что верстъ на 20 выше Овидіополя. Мы оказались почти въ безвыходномъ положеніи: были прижаты къ румынской границѣ и не имѣли возможности перейти ее. Послѣ долгихъ совѣщаній было рѣшено во что бы то ни стало пробиваться на сѣверъ вдоль Днѣстра и гдѣ-нибудь въ Подольской губерніи соединиться съ украинсками или польскими войсками.

Этотъ планъ былъ-бы вполнѣ осуществимъ, если Овидіопольскій отрядъ состоялъ бы исключительно изъ строевыхъ и боеспособныхъ частей. Но увы! отрядъ генерала Васильева былъ ничто иное, какъ громадный обозъ, растянутый на 12 верстъ.

Вооруженныхъ людей набралось бы въ отрядѣ пожалуй тысячи три, но всѣ эти люди не составляли боевой единицы, а были раздроблены на цѣлый рядъ автономныхъ частей, совершенно произвольно и случайно сформированныхъ.

Такъ былъ, напримѣръ, отрядъ кадетъ, отрядъ Кременчугской городской стражи, отрядъ «Союза Возрожденія Россіи», которымъ командовалъ извѣстный В. В. Шульгинъ и мн. др.

Было ясно, что при такихъ условіяхъ шансы на благополучный исходъ задуманнаго предпріятія были съ самаго начала весьма не велики.

И вотъ, 31 января (ст. ст.) вся эта масса, весь этотъ караванъ двинулся въ путь.

Не успѣли мы пройти какихъ-нибудь 15 верстъ, какъ на насъ напали большевики и обстрѣляли нашъ обозъ. Но на этотъ разъ все обошлось благополучно. Большевиковъ отбили и отрядъ двинулся дальше. Приходилось обходить всѣ русскія деревни изъ-за большевистскихъ наклонностей ихъ жителей и держаться исключительно нѣмецкихъ колоній, враждебно настроенныхъ къ большевикамъ.

Отрядъ шелъ почти безъ остановокъ днемъ и ночью. Приходилось цѣлыми днями ничего не ѣсть, не пить. Лошади съ трудомъ вытягивали перегруженныя подводы. Люди, голодные, изнуренные и усталые, волоклись какъ тѣни, длинной вереницею по обѣимъ сторонамъ дороги. Проходя мимо чистаго снѣга, всѣ съ жадностью бросались на него, чтобы утолить жажду. По ночамъ многіе падали отъ усталости и замерзали или попадали въ руки большевикамъ, шедшимъ по пятамъ отряда. Такъ мы путешествовали трое сутокъ.

Въ нѣмецкой колоніи Кандель мы вторично встрѣтились съ большевиками. На этотъ разъ дѣло было гораздо серьезнѣе. Они очевидно предполагали на этомъ мѣстѣ устроить намъ ловушку и обойти колонію со всѣхъ сторонъ. Едва мы успѣли размѣститься въ чистыхъ домахъ колонистовъ, весьма радушно насъ принявшихъ и угостившихъ кто чѣмъ могъ, какъ начался сильный артиллерійскій обстрѣлъ колоніи. Благо-

даря поставленной у насъ чрезвычайно слабо развѣдкѣ, краснымъ удалось незамѣтно подойти почти вплотную къ нашей стоянкѣ. Паника, которая неминуемо должна была произойти, еще усилилась, когда въ нашемъ тылу показалась красная кавалерія.

Тѣмъ не менѣе удалось сравнительно быстро собрать достаточное количество боеспособныхъ людей, чтобы отбить нападеніе большевиковъ. Перейдя затѣмъ въ контръ-наступленіе, мы даже заняли сосѣднюю колонію Зельчъ и захватили у красныхъ нѣсколько пулеметовъ.

Однако этимъ мелкимъ успѣхомъ наше положеніе не улучшилось. Мы находились всего въ 10 верстъ отъ желѣзной дороги Раздѣльная—Тирасполь. Отъ мѣстныхъ жителей мы узнали, что большевики подвозятъ изъ Одессы сильныя подкрѣпленія и держатъ наготовѣ бронепоѣзда. Стало ясно, что съ такимъ громаднымъ обозомъ, съ женщинами, съ дѣтьми, съ больными и съ не-военными совершенно невозможно пробиваться черезъ кольцо большевиковъ. Оставался выборъ—бросить всѣхъ, кто не могъ носить оружія на произволъ судьбы, а вооруженнымъ съ боемъ пробиваться впередъ или вторично попытаться отойти всѣмъ въ Румынію.

Выбрали второе. Рѣшено было хотя бы силою добиться переправы черезъ Днѣстръ на румынскую территорію.

Въ ночь на 3 февраля Овидіопольскій отрядъ покинулъ Кандель и утромъ началъ переправу.

Рѣка Днѣстръ сама по себѣ не широкая, всего какихъ-нибудь 20—30 сажень; но по обѣимъ ея берегамъ тянутся болота шириною на шесть верстъ, такъ называемыя плавни, зимою покрытыя льдомъ и заросшія камышемъ. Когда мы переправлялись черезъ эти плавни, было приказано бросить весь обозъ, за исключеніемъ повозокъ съ больными. Изъ вещей разрѣшено было брать съ собою только то, что каждый могъ унести на себѣ или навьючить на свою лошадь.

Сколько цѣннаго имущества, какое безчисленное количество оружія и повозокъ было тутъ брошено и попало въ руки мѣстныхъ бандитовъ, успѣвшихъ уже сорганизоваться и напасть на хвостъ нашего отряда.

Въ шести верстахъ отъ Днѣстра, за плавнями, живописно расположено на склонѣ холмовъ и виноградниковъ большое бессарабское село Раскаяцъ. Въ тѣ дни тамъ стояли пулеметная команда III батальона 32 румынскаго пѣхотнаго полка. Генералъ Васильевъ лично ѣздилъ туда для переговоровъ. Вначалѣ румыны категорически отказались впустить насъ. Когда-же генералъ Васильевъ заявилъ, что онъ въ такомъ случаѣ будетъ принужденъ съ боемъ войти въ Раскаяцъ, они испугались и разрѣшили отряду переночевать въ Раскаяцѣ. Тѣмъ не менѣе они обстрѣливали всѣхъ прибывавшихъ днемъ въ село и только съ наступленіемъ темноты прекратили стрѣльбу.

Для ночевки намъ было предоставлено 50 крестьянскихъ избъ въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ громаднаго села. Выходить за предѣлы отведеннаго для насъ района было румынами строго воспрещено. Въ полусознательномъ состояніи, едва передвигая ноги, мы, словно тѣни, молча и безшумно вошли въ Раскаяцъ. Отведенныхъ избъ разумѣется не хватило для всего отряда и большинство изъ насъ провело ночь подъ открытымъ небомъ, устроившись возможно комфортабельнѣе на стогахъ кукурузы.

Настало утро рокового для насъ 4 февраля. Ночью румыны предъявили начальнику отряда ультиматумъ очистить къ восьми часамъ утра деревню и вернуться обратно за Днѣстръ.

Съ утра въ деревнѣ началась суматоха. Начальство растерялось и не давало никакихъ распоряженій. Никто не зналъ, что нужно дѣлать: оставаться или уходить.

Такъ какъ къ 8 ч. утра деревня еще была занята отрядомъ, румыны открыли жесточайшій огонь изъ 14 пулеметовъ, установленныхъ на окружающихъ деревню высотахъ и виноградникахъ. Стрѣляли они отнюдь не въ воздухъ, а цѣлились весьма мѣтко въ людей, показывающихся на улицахъ. Сперва всѣ попрятались; но вскорѣ стали выбѣгать на улицу отдѣльные люди и направляться на гать, гдѣ была дорога, по которой мы наканунѣ вошли въ Раскаяцъ.

Примѣру этихъ людей стали слѣдовать и другіе и наконецъ по гати двинулась громадная, обезумѣвшая отъ ужаса толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей, желая спастись отъ огня румынъ, которымъ очевидно доставляло громадное удовольствіе обстрѣливать несчастныхъ, беззащитныхъ, травимыхъ то въ одну, то въ другую сторону людей.

Все перемѣшалось въ этой многотысячной толпѣ: люди, потерявшіе во время общей суматохи своихъ близкихъ и родныхъ и испытывающіе въ тѣ минуты ужасъ предсмертной агоніи, лошади, навьюченныя остатками пожитковъ несчастныхъ, повозки съ тяжело-больными сыпнотифозными, отдѣльные всадники.

Непріятная трескотня румынскихъ пулеметовъ, стоны раненыхъ и умирающихъ, отдѣльные выкрики людей, желавшихъ навести въ толпѣ порядокъ, истерики женщинъ и плачъ дѣтей — все это сливалось въ какую-то дикую и кошмарную симфонію, которая у всѣхъ, кто ее слышалъ и кому было суждено пережить это ужасное утро, навсегда останется въ ушахъ . . .

Приказаніе румынскихъ властей было точно исполнено: отрядъ очистилъ деревню, оставивъ на улицахъ и на гати цѣлый рядъ убитыхъ и много раненыхъ. Храбрые румынскіе пулеметчики еще долго продолжали свою работу и обстрѣливали даже тѣхъ, которые приходили на помощь раненымъ.

Какая-же участь постигла вернувшихся на «русскій» берегъ Днѣстра? Голодные, истощенные до крайности, потерявшіе свои послѣднія вещи, эти несчастные попадали въ руки бандитовъ, поджидавшихъ уже на томъ берегу своихъ жертвъ. Бандиты ихъ грабили догола, а затѣмъ безцеремонно приканчивали. Нѣсколько дней спустя румынскіе пограничники нашли на плавняхъ 12 труповъ, разсѣченныхъ топорами и изуродованныхъ до неузнаваемости.

Другіе попали въ руки регулярнымъ краснымъ войскамъ. Передавали, что красные послали парламентера къ генералу Васильеву, вокругъ котораго собрался небольшой отрядъ, съ предложеніемъ сдаться, обѣщая сохраненіе жизни.

Многіе, сознавая свое безвыходное положеніе, тутъ-же кончали самоубійствомъ. Такъ, напримѣръ, застрѣлился на глазахъ своей жены полковникъ баронъ Майдель.

Спаслись очень немногіе.

Эти послѣдніе обязаны своимъ спасеніемъ хладнокровію и рѣшительности бывшаго юрисконсульта Королевскаго итальянскаго Консульства въ Кіевѣ Г. А. Хойнацкаго, къ счастью очутившагося среди насъ. Во время всеобщей паники и бѣгства изъ деревни, вокругъ г-на Хойнацкаго собрались его ближайшіе знакомые, а также небольшая группа иностранцевъ (поляковъ, латышей, бессарабцевъ и др.), рѣшившихъ во что бы то ни стало оставаться на мѣстѣ и испытать свое счастье въ переговорахъ съ румынами, ибо уходъ обратно за Днѣстръ означалъ вѣрную смерть.

Наскоро былъ сконструированъ итальянскій флагъ изъ краснаго англійскаго носового платка, бѣлой тряпки и кѣмъ-то пожертвованной солдатской гимнастерки защитнаго цвѣта. Съ этимъ флагомъ г-нъ Хойнацкій отправился къ румынскому коменданту вести переговоры. Послѣдній вначалѣ категорически настаивалъ на нашемъ выселеніи съ румынской территоріи, ссылаясь на полученную имъ инструкцію не пропускать никого черезъ границу, даже румынскихъ подданныхъ. Тогда г-нъ Хойнацкій объявилъ ему, что румынскія власти обязаны считаться съ представителемъ союзнаго государства, взявшаго подъ свою защиту небольшую группу иностранцевъ. Комендантъ долго настаивалъ на своемъ, но въ концѣ концовъ послѣ упорныхъ убѣжденій г-на Хойнацкаго разрѣшилъ временно оставаться въ Раскаяцѣ иностранцамъ, однако требовалъ немедленнаго ухода всѣхъ русскихъ.

Вернувшись къ намъ, г-нъ Хойнацкій рекомендовалъ во-первыхъ всѣмъ офицерамъ снять погоны и вообще придать себѣ по возможности штатскій видъ, а во-вторыхъ придумать всѣмъ, имѣющимъ чисто-русскія фамиліи, иностранныя и выдавать себя за иностранцевъ. Былъ составленъ списокъ присутствующихъ «иностранцевъ» и отосланъ коменданту. Однако черезъ нѣкоторое время явилась команда румынъ съ сержантомъ во главѣ, объявившимъ намъ, что мы всѣ русскіе и потому должны немедленно покинуть деревню. Положеніе наше было чрезвычайно критическое, ибо почти никто не имѣлъ никакихъ документовъ, кромѣ военныхъ.

Къ счастью удалось благополучно предотвратить грозящую намъ опасность: кто-то сунулъ румынскому сержанту серебрянный рубль, послѣ чего онъ сталъ сговорчивѣе. Г-нъ Хойнацкій вторично отправился къ румынскому коменданту и предложилъ ему запросить относительно насъ его начальство, пока-же разрѣшить намъ оставаться на мѣстѣ. На это комендантъ согласился.

Вечеромъ того же дня пріѣхалъ въ Раскаяцъ Командиръ III баталіона 32 полка майоръ Т., человѣкъ въ высшей степени корректный и спокойный. Онъ распорядился не выселять насъ изъ Раскаяцъ, а отправить въ Аккерманъ, гдѣ находился международный пропускной пунктъ. Это распоряженіе было отчасти вызвано заступничествомъ нашихъ новыхъ союзниковъ, мѣстныхъ нѣмецкихъ колонистовъ, виноградарей, въ особенности-же энергичнаго и гостепріимнаго г-на З., который, будучи въ отличныхъ отношеніяхъ съ майоромъ, раскрылъ ему всю правду, объяснилъ ему наше безвыходное положеніе и уговорилъ его не выселять насъ. Тотъ-же г-нъ З. добился у румынъ отправки нашихъ больныхъ и раненыхъ въ ближайшій госпиталь и похоронъ убитыхъ на мѣстномъ православномъ кладбищѣ.

Два дня мы еще прожили въ Раскаяцѣ, при чемъ дѣло обошлось не безъ инцидентовъ. По ночамъ врывались въ избы, въ которыхъ мы ночевали, румынскіе солдаты и безпощадно насъ грабили, забирая деньги, кольца, часы, сапоги и все, что имъ нравилось.

Наконецъ насъ отправили на подводахъ въ Аккерманъ: всего 127 спасшихся изъ 16.000-аго Овидіопольскаго отряда.

Помѣстили насъ въ Аккерманѣ частью въ гостинницѣ, частью въ еврейской школѣ. Режимъ былъ строго тюремный. Днемъ и ночью стояли у дверей часовые. Гулять по городу вначалѣ совершенно не разрѣшалось, потомъ лишь по особому разрѣшенію коменданта и въ сопровожденіи караульнаго. Мы считались въ карантинѣ.

Жутко становилось намъ, когда мы съ балкона нашей гостинницы смотрѣли на столь хорошо намъ знакомый лиманъ и на окутанный туманомъ Овидіополь, гдѣ уже во всю хозяйничали большевики. До послѣдняго дня мы не были увѣрены, что румыны не отправятъ насъ обратно въ Россію.

Но въ общемъ въ Аккерманѣ намъ жилось довольно хорошо. Добрые нѣмцы-колонисты ежедневно пріѣзжали изъ сосѣднихъ колоній, чтобы привозить намъ обѣдъ, кофе, молоко и много другого съѣдобнаго.

Кромѣ того насъ всѣхъ взялъ подъ свое покровительство мѣстный представитель Польши, г-нъ Вагнеръ, бывшій чиновникъ I Департамента Сената, самъ испытавшій на себѣ всѣ прелести совѣтскаго режима и понявшій наше положеніе.

Во время двухнедѣльнаго нашего пребыванія въ карантинѣ бывали нерѣдко всевозможные инциденты между нами и румынскимъ начальствомъ; но всѣ эти инциденты удавалось благополучно улаживать благодаря вмѣшательству г-на Вагнера. Онъ-же умѣлъ великолѣпно разсѣивать подозрѣнія румынъ противъ нѣкоторыхъ изъ насъ, подозрѣнія ровно ни на чемъ не основанныя и въ большинствѣ случаевъ удивительно наивныя.

Въ Аккерманѣ иногда появлялись мелкими партіями другіе участники нашего похода, покинувшіе Раскаяцъ въ то кошмарное утро которымъ послѣ долгихъ скитаній и невѣроятныхъ лишеній и мытарствъ удалось наконецъ спастись въ Румынію.

Ровно четыре недѣли послѣ нашего отхода изъ Одессы, насъ отправили по желѣзной дорогѣ изъ Аккермана въ Галацъ. Часть нашихъ спутниковъ оттуда поѣхала черезъ Тульчу въ Варну; остальные устроились въ польскомъ санитарномъ поѣздѣ, посланномъ спеціально за бѣженцами, и были благополучно доставлены до Львова, откуда уже разъѣхались по всѣмъ сторонамъ.

Ф. Штейнманъ

Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ

Съ начала 1919 г. по сентябрь 1920 г. мнѣ пришлось прослужить въ одномъ изъ видныхъ промышленныхъ учрежденій Совѣтской Россіи, занимая должности послѣдовательно отъ дѣлопроизводителя до управляющаго отдѣломъ (въ качествѣ „спеціалиста"). Личныя наблюденія, накопившіяся у меня за время этой службы, могутъ быть небезинтересны, какъ потому, что даютъ извѣстный матеріалъ для общей картины жизни центральныхъ совѣтскихъ канцелярій, такъ, въ частности, и потому, что описываемое мною учрежденіе — Главный Лѣсной Комитетъ и входящее въ его составъ Управленіе Деревообрабатывающей Промышленности, является однимъ изъ наиболѣе важныхъ Главковъ.

Въ вѣдѣніи этого Управленія состоятъ всѣ предпріятія по механической обработкѣ дерева (лѣсопильные и фанерные заводы и т. д.), а также промышленность по кустарной обработкѣ дерева по всей Совѣтской Россіи, включая Украину, Сибирь, Кавказъ; общее число подвѣдомственныхъ Управленію предпріятій — около 2000. Уже это обстоятельство — неопредѣленность для самого Управленія числа управляемыхъ предпріятій — крайне характерно для всей «работы». Еще болѣе гадательнымъ являлось число рабочихъ въ предпріятіяхъ: по однимъ даннымъ, къ лѣту 1920 г., это число равнялось 44.000 чел., по другимъ, къ тому же времени, — 120.000 чел. Обѣ цифры безъ разбора давались, какъ офиціальныя данныя, и клались въ основаніе докладовъ, декретовъ и распоряженій. О томъ, какіе заводы работаютъ, какіе стоятъ, и почему, свѣдѣнія чисто случайныя и проблематичныя. Только лѣтомъ 1920 г. удалось заставить заводоуправленія сообщать о случаяхъ уничтоженія заводовъ пожарами, и надо отдать справедливость: отвѣты посыпались, какъ изъ рога изобилія. Еще менѣе знаютъ въ центрѣ, что именно и какъ дѣлаютъ немногіе работающіе заводы: подавляющая масса заводовъ не даетъ ни производственныхъ отчетовъ, ни отчетовъ въ израсходованіи лѣсныхъ матеріаловъ и милліардовъ рублей, отпускаемыхъ по смѣтамъ и безпрерывнымъ сверхсмѣтнымъ требованіямъ.

Не надо однако полагать, что центральныя учрежденія не дѣлаютъ попытокъ къ налаженію отчетности. Совершенно напротивъ: и Главлѣскомъ, и его Управленіе Деревообработыв. Пром., и всѣ Отдѣлы и подъотдѣлы послѣдняго безпрестанно вырабатываютъ самыя остроумныя формы отчетныхъ бланковъ и вѣдомостей. Эти же формы составляетъ и Центральный Статистическій Комитетъ, и Финансово-Счетный отдѣлъ Высовнархоза, и бывшій Департаментъ Неокладныхъ Сборовъ, не помню,

какъ переименованный, и т. д., и т. д. Всѣ эти различныя формы претендуютъ на всеобъемлющесть и научную точность; нѣкоторыя изъ нихъ не умѣщаются на простыхъ листахъ бумаги, а располагаются на простыняхъ, склеенныхъ изъ нѣсколькихъ листовъ. Выработанныя формы, съ самымъ категорическимъ приказомъ о заполненіи и съ угрозами чрезвычайкой, разсылаются одновременно и разновременно по мѣстамъ и черезъ нѣсколько недѣль попадаютъ на лѣсопильный заводъ. Во главѣ завода въ лучшемъ случаѣ стоитъ полуграмотный приказчикъ, для котораго всѣ эти противорѣчащія другъ другу анкеты и требованія совершенно невыполнимы. Да и на немногихъ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ, гдѣ имѣется интеллигентный персоналъ, бланки и формы центра являются непосильнымъ бумажнымъ дождемъ. Какъ на результатъ подобной постановки отчетности, укажу на слѣдующіе примѣры. 3 января 1920 г. въ наше учрежденіе, какъ и во всѣ прочіе Главки, прибыла срочнѣйшая телефонограмма Ларина, съ предложеніемъ представить ему не позднѣе 1 ч. дня 5 января основной отчетъ по управляемой отрасли промышленности за 1919 г., по слѣдующимъ пунктамъ: число заводовъ, работающихъ и неработающихъ, число рабочихъ и служащихъ, количество потребленнаго сырья и техническихъ матеріаловъ, количество выработанныхъ лѣсныхъ матеріаловъ, истраченныя суммы денегъ. За исполненіе работы къ сроку обѣщалась соблазнительная премія: на каждаго участника работы по 2 ф. сахара и четверть чая. «Мобилизовали» сотрудниковъ, засѣли за вечернія занятія. Первымъ долгомъ обратились въ Статистико-Экономическій Отдѣлъ Главлѣскома, который долженъ получать два раза въ мѣсяцъ телеграммы съ заводовъ о ходѣ работы. Однако, мы нашли тамъ свѣдѣнія только съ 5 заводовъ за разрозненные мѣсяцы; остальные 2000 съ лишнимъ заводовъ отчета не дали. Кинулись опять къ перепискѣ и толстымъ «дѣламъ» Управленія, но и тамъ нашли не больше. Между тѣмъ, начальство требуетъ отчетъ; 2 ф. сахара къ праздникамъ — соблазнъ немалый, — и отчетъ былъ составленъ «логическимъ» путемъ: взяли приблизительное число заводовъ, интуитивно опредѣлили число работающихъ станковъ, путемъ умноженія на 25 вывели число рабочихъ и такимъ же геніально простымъ путемъ получили всѣ остальныя нужныя цифры. Отчетъ былъ представленъ Ларину за 2 часа до срока и, вмѣстѣ съ другими, составленными, какъ я слышалъ отъ участниковъ, по тому же рецепту, легъ въ основаніе докладовъ и преній въ засѣданіяхъ Президіума Высовнархоза и Совнаркома.

Другой подобный же случай произошелъ весной 1920 г. Послѣ занятія Архангельска, предсѣдатель Главлѣскома Ломовъ, главнымъ талантомъ котораго является способность говорить, когда угодно, о чемъ угодно и сколько угодно, отправился туда для организаціи Совѣтскаго Сѣвера. По возвращеніи въ Москву, Ломовъ просилъ представить ему докладъ о состояніи россійской деревообработывающей промышленности. Докладъ пришлось составлять мнѣ, и онъ былъ такъ же высосанъ изъ пальца, какъ и отчетъ за 1919 г. При всемъ желаніи болѣе добросовѣстно отнестись къ дѣлу, это было невозможно, а отчетъ подавай во что бы то ни стало. Когда вскорѣ послѣ этого въ Москву прибыла англійская рабочая делегація, и одинъ изъ членовъ ея, деревообдѣлочникъ Парсель, посѣтилъ Главлѣскомъ, ему былъ врученъ этотъ же докладъ. Не знаю,

что сдѣлалъ Парсель съ нимъ по возвращеніи въ Англію, но увѣренъ, что всѣ прочія свѣдѣнія, даваемыя совѣтскими дѣятелями иностраннымъ гостямъ, интересующимся состояніемъ русской промышленности, не могутъ похвастаться бо̀льшей степенью достовѣрности. Кстати, съ Парселемъ при томъ же посѣщеніи произошелъ и другой курьезъ. Необходимо было показать знатному гостю не только бумаги, но и произведенія совѣтской промышленности. Подвели его къ шкафу, въ которомъ красовалась прекрасная коллекція всевозможныхъ катушекъ для текстильныхъ фабрикъ — вотъ, молъ, наша совѣтская работа. На бѣду, англичанинъ взялъ одну катушку въ руки. Помню его улыбку и легкій конфузъ коммунистическаго чичероне, когда мы увидѣли на обратной сторонѣ катушки марку англійской фирмы.

Если такова освѣдомленность Управленія о работѣ подвѣдомственныхъ ему предпріятій, то нетрудно себѣ представить, каковы реальныя основанія для всевозможныхъ «производственныхъ программъ», «заданій» и т. д. на будущее время. Неудивительно, что и самъ Президіумъ Высовнархоза, эти программы утверждающій, усвоилъ себѣ критическое отношеніе къ нимъ и механически сокращаетъ въ нѣсколько разъ предполагаемыя программы и смѣтныя суммы Главковъ. Впрочемъ, послѣдніе перехитрили Президіумъ и предусмотрительно умножаютъ смѣтныя суммы на соотвѣтствующій множитель. Краткій, но яркій примѣръ: смѣта Кустарнаго отдѣла Управленія на 1920 г. была подана на сумму 44 милліарда рублей, утверждены — 6 милліардовъ. Не надо говорить, что дѣйствительной работы едва ли будетъ произведено на нѣсколько процентовъ отпущенной суммы. Другой примѣръ, иллюстрирующій степень пониманія дѣйствительнаго положенія вещей руководителями россійской промышленности. Въ августѣ 1920 г. была составлена «производственная программа на 1920—21 г.г.» Оказалось, что потребность въ обработанныхъ лѣсныхъ матеріалахъ, заявленная одними только важнѣйшими центральными учрежденіями (при чемъ эти заявки были, разумѣется, выведены по общему совѣтскому методу), превышаетъ вдвое максимумъ возможной выработки, при совершенно неправдоподобномъ предположеніи, что всѣ болѣе или менѣе исправные заводы будутъ снабжены сырьемъ и смогутъ работать. Когда объ этомъ было доложено одному изъ руководителей Главлѣскома, Кабанову, онъ разрѣшилъ вопросъ очень просто: «Ну что жъ, придется приказать немедленно построить недостающее количество заводовъ». Надо знать жалкое состояніе существующихъ заводовъ, полное отсутствіе матеріаловъ и техническихъ силъ, чтобы вполнѣ оцѣнить эту фразу.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, управленіе промышленностью изъ центра сводится къ составленію и пересоставленію всевозможныхъ организаціонныхъ, производственныхъ и строительныхъ плановъ, къ громадной, но случайной перепискѣ по выплывающимъ отдѣльнымъ вопросамъ и къ разрѣшенію дрязгъ и конфликтовъ мѣстныхъ органовъ.

Но, можетъ быть, все это только недостатки бюрократическаго центра, противъ которыхъ борются и коммунисты, можетъ быть, настоящая производительная работа ведется мѣстными органами, далекими отъ бумагомаранья и воодушевленными дѣловымъ рвеніемъ? Какъ многомѣсячная переписка, такъ и личное знакомство съ очень большимъ количествомъ вѣчно разъѣзжающихъ въ Москву «делегатовъ» убѣдили меня въ томъ,

что совѣтскія «мѣста» работаютъ гораздо хуже центра. Нашими «мѣстами» были: въ каждомъ губернскомъ городѣ — Гублѣскомы или Гублѣсы, въ уѣздныхъ городахъ — Уѣздлѣскомы, на заводахъ — заводоуправленія. Служащіе (помимо рабочихъ) всѣхъ этихъ учрежденій составляютъ армію въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Вотъ примѣръ работоспособности и добросовѣстности этихъ органовъ, при томъ примѣръ типическій. Владимирскій Гублѣскомъ одно время сталъ присылать въ Москву настолько аккуратные отчеты, что невольно явилось сомнѣніе въ ихъ даже приблизительной правильности; при первой же провѣркѣ оказалось, что въ отчетѣ давались свѣдѣнія о работѣ въ 1920 г. заводовъ, сгорѣвшихъ въ 1916 г. Элементарныя бухгалтерскія книги на заводахъ запущены на цѣлые годы, даже при наличности конторскаго персонала. Куда дѣваются получаемые изъ центра десятки милліоновъ — никто не можетъ сказать, — однимъ словомъ, о мѣстныхъ органахъ можно повторить все, сказанное о центрѣ, съ той разницей, что здѣсь еще больше невѣжества и наглости.

Все это не значитъ однако, что въ составѣ Главлѣскома и его органовъ находятся исключительно бездарные или лѣнивые люди; напротивъ, среди служащихъ есть много дѣйствительныхъ и усердныхъ спеціалистовъ лѣсного дѣла, но поставленная передъ ними задача — выполнить невыполнимое, да еще при невозможныхъ условіяхъ жизни и подъ руководствомъ кучки коммунистовъ и авантюристовъ, диктаторствующихъ и фантазерствующихъ какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ, — неизбѣжно приводитъ къ работѣ по описанной системѣ. Самое большее, что можетъ сдѣлать человѣкъ, силой обстоятельствъ вовлеченный въ совѣтское учрежденіе и не желающій активно участвовать въ разрушеніи остатковъ русской промышленности, это избѣгать и, по мѣрѣ возможности, предотвращать эксперименты, направленные непосредственно на разрушеніе матеріальныхъ цѣнностей будущаго, напр., вырубку на дрова лѣсныхъ площадей вокругъ лѣсопильныхъ заводовъ и т. д.

Что же является, все-таки, реальной силой, двигающей всю огромную переписку, заставляющей создавать фантастическіе смѣты и проекты и поддерживающей работу немногихъ неостановившихся станковъ?

Мнѣ мало приходилось непосредственно наблюдать настроеніе рабочихъ, но одно можно сказать опредѣленно: «коммунистическаго воодушевленія трудомъ» нигдѣ нѣтъ и въ поминѣ, такъ называемая «рабочая дисциплина» и производительность труда упали до минимума. Работа ведется или по инерціи тамъ, гдѣ сохранились остатки прежней организаціи, въ видѣ нахожденія бывшаго владѣльца или его довѣреннаго въ составѣ заводоуправленія, или въ виду того, что лѣсопилка связана съ мельницей, размалывающей за незаконные поборы натурой зерно мѣстныхъ крестьянъ, которымъ сбываютъ и доски съ завода, или же, наконецъ, въ силу отсутствія другого выбора. Необходимо также помнить и о декретированномъ прикрѣпленіи къ мѣсту работы. Несмотря на это, когда голодъ становится совсѣмъ не въ моготу, рабочіе цѣлыми партіями бросаютъ заводъ и уѣзжаютъ въ далекія губерніи за хлѣбомъ.

Среди служащихъ опредѣленно различаются три основныя группы: масса низшихъ канцелярскихъ служащихъ, средніе и высшіе «отвѣтственные» служащіе-спеціалисты, и, наконецъ, коммунисты, задающіе тонъ

всему этому концерту. Составъ массы канцелярскихъ служащихъ довольно сѣрый. Большой процентъ составляютъ «совѣтскія барышни», съ очень малой степенью грамотности и абсолютнымъ нежеланіемъ хоть сколько-нибудь вникнуть даже въ ту механическую бумажную работу, которую онѣ выполняютъ. Въ послѣднее время «Рабоче-Крестьянская» Инспекція усердно занялась насажденіемъ въ этой средѣ «трудовой дисциплины». Къ намъ въ Управленіе былъ командированъ инспекторъ-коммунистъ, записывавшій въ штрафной журналъ всѣхъ, являвшихся на службу позже 10 ч. 15 м. утра; опоздавшимъ грозила кара, въ видѣ лишенія пайка и т. д. Эти мѣры могли бы имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, если бы къ каждой барышнѣ можно было приставить на все время по коммунисту; впрочемъ, и это не помогло бы, ибо инспектора гораздо менѣе интеллигентны, чѣмъ служащіе, и не могли бы услѣдить за ними. На этихъ-то барышняхъ, въ сущности, и держится вся система совѣтскаго бюрократизма: безъ нихъ нельзя ни написать бумаги, ни отправить ея, ни выдать ордеръ, ни составить смѣты и т. д. Есть среди канцелярскихъ служащихъ и почтенные труженики, и люди, стоящіе по своему прошлому, по своимъ способностямъ и знаніямъ много выше своего нынѣшняго положенія; мнѣ кажется, однако, что такихъ людей не такъ ужъ много, ибо отсутствіе среди коммунистовъ интеллигентныхъ силъ и невыносимыя условія жизни почти механически выдвигаютъ каждаго мало-мальски дѣльнаго человѣка. При этомъ несовсѣмъ правильно, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ моего опыта, утвержденіе, что служащихъ заставляютъ записываться въ коммунисты или выдавать себя за сочувствующихъ; правда, бывали и у насъ анкеты о партійной принадлежности, но при мнѣ можно было обойтись ссылкой на безпартійность и даже на «независимость». Условія жизни канцелярскихъ служащихъ дѣйствительно ужасны. Жалованье смѣхотворно, паекъ абсолютно недостаточенъ, тѣмъ болѣе, что онъ выдается полностью только «отвѣтственнымъ», — одно изъ примѣненій принципа равенства. Передъ служащими стоитъ вѣчная дилемма: или буквально умирать съ голода, или, рискуя жизнью, заниматься спекуляціей.

Но гораздо важнѣй для пониманія пружинъ, двигающихъ совѣтскій промышленный механизмъ, является психологія «отвѣтственныхъ» чиновниковъ, въ рукахъ которыхъ находятся распорядительныя функціи, и которые создаютъ и руководятъ осуществленіемъ безчисленныхъ плановъ и проектовъ, ежедневно рождающихся въ совѣтскихъ канцеляріяхъ и направленныхъ къ достиженію полнаго коммунистическаго идеала. Это тѣ лица, которыя замѣнили бывшихъ лѣсопромышленниковъ, заводовладѣльцевъ, директоровъ и членовъ правленій, т. е. нынѣшніе члены коллегій, управляющіе и завѣдующіе всѣхъ ранговъ, уполномоченные, агенты и т. д. На высшихъ ступеняхъ этой іерархической лѣстницы (совѣтская табель о рангахъ включаетъ не менѣе 27 степеней), какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ, стоятъ коммунисты; подъ ихъ контролемъ — спецы. Соціальный составъ и стажъ всѣхъ этихъ лицъ разнообразенъ: много бывшихъ лѣсныхъ служащихъ и приказчиковъ, есть и лѣсопромышленники, много людей свободныхъ профессій и бывшихъ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, до полиціи включительно. Впрочемъ для коммуниста не требуется никакого стажа, кромѣ партійной принадлежности. Во

главѣ Украинскаго Лѣскома стоялъ студентъ одного изъ первыхъ курсовъ медицинскаго факультета Малюта, до своего новаго назначенія въ короткій срокъ провалившій лѣсозаготовительную кампанію на Уралѣ; во главѣ Гублѣскомовъ стояли и стоятъ слесаря, сплавщики и даже . . . шарманщики — предсѣдатель Витебскаго Гублѣскома Плющевъ, во время сбѣжавшій съ казенными деньгами.

Формально условія жизни отвѣтственныхъ служащихъ немногимъ лучше остальныхъ: нѣсколько лишнихъ тысячъ въ мѣсяцъ или нерегулярно выдаваемый скудный паекъ не мѣняютъ положенія. Это не относится къ коммунистамъ, которые черпаютъ полной рукой изъ остатковъ государственнаго и частнаго достоянія. Но къ двумъ возможнымъ выходамъ — умирать съ голода или спекулировать, для высшихъ и среднихъ служащихъ присоединяется и третій — злоупотребленія по службѣ, и по этому пути пошло громадное большинство. Тонъ и здѣсь задаютъ коммунисты: повидимому, l'appétit vient en mangeant.

Можно категорически утверждать, что подавляющимъ большинствомъ всѣхъ этихъ людей движетъ тотъ же могучій рычагъ личнаго интереса, который объявленъ однимъ изъ отжившихъ принциповъ капиталистическаго общества. Такъ какъ, однако, коммунистическій строй оффиціально упразднилъ личную заинтересованность въ производствѣ, связанную съ принципомъ частной собственности, то заинтересованность эта неизбѣжно направляется въ нелегальное и часто вредное для самаго производства русло: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Никакія преміи не могутъ измѣнить дѣла, ибо онѣ не въ состояніи угнаться за стоимостью жизни и за опасными, но крупными незаконными заработками.

Нѣтъ ни одной смѣты, ни одного проекта, ни одной хоть сколько-нибудь существенной бумаги, за которой не скрывался бы чей-нибудь движущій ее частный интересъ, не имѣющій ничего общаго съ предполагаемымъ интересомъ соціалистическаго производства и обычно ему совершенно противоположный. Такъ какъ каждая бумажка рождаетъ цѣлую переписку ряда учрежденій, то наблюдатель иногда не сразу можетъ опредѣлить, за какой изъ этой цѣпи бумажекъ скрывается личный интересъ, и въ чемъ онъ состоитъ; но стоитъ вглядѣться повнимательнѣй, поговорить съ участниками переписки, — и вы неизбѣжно увидите гдѣ-либо тотъ же скрытый двигатель личной выгоды.

Составляется годовая смѣта завода или цѣлаго Гублѣскома. Главлѣскомомъ отпускается по смѣтѣ громадная сумма денегъ, отчетъ въ израсходованіи которой дается, когда угодно и какъ угодно. Да дать отчетъ и не трудно. Такъ напримѣръ, въ смѣтѣ есть пунктъ расходовъ по заготовкѣ и подвозкѣ къ заводу круглаго лѣса для распиловки; разстояніе возки лѣса исчислено въ 10 верстъ, на самомъ же дѣлѣ это разстояніе равно 1 верстѣ, чаще всего лѣсъ заготовленъ еще бывшимъ владѣльцемъ и лежитъ на заводѣ уже нѣсколько лѣтъ. Получается громадная «экономія» въ расходахъ, о которой центръ ничего не знаетъ и знать не можетъ: посылать на всѣ заводы людей для провѣрки работы нѣтъ возможности и, наконецъ, и эти люди тоже только люди и хотятъ ѣсть. Формально, все въ порядкѣ: на расходы по возкѣ имѣются оправдательные документы, въ видѣ самодѣльныхъ расписокъ отъ имени крестьянъ-возчиковъ въ полученіи денегъ и, что самое главное, продовольствія за

возку. Строится новый заводъ или ремонтируется старый, и на постройку получается, при извѣстной энергіи, такое количество всякихъ станковъ, машинъ, матеріаловъ, ремней, котораго хватитъ на десятокъ заводовъ и стоимость котораго въ нынѣшней Россіи неисчислима; заводъ строится годы, а матеріалы переходятъ съ казенныхъ складовъ на нелегальный частный рынокъ, опять покупаются за громадныя деньги Отдѣломъ Снабженія того же или другого Главка и начинаютъ дальнѣйшее regreſuum mobile, обогащая всѣхъ, прикосновенныхъ къ постройкѣ завода, къ снабженію Главковъ и т. д. Подаются и утверждаются милліонныя смѣты на давно сгорѣвшіе или завѣдомо и безнадежно бездѣйствующіе заводы. Одинъ изъ Гублѣскомовъ прифронтовой полосы, при малѣйшемъ слухѣ о приближеніи къ городу фронта, отстоящаго за нѣсколько десятковъ верстъ, немедленно сворачивался; черезъ нѣсколько дней слухи оказывались неосновательными и обязанными своимъ распространеніемъ чуть ли не самому Президіуму Гублѣскома. Черезъ нѣсколько дней делегатъ Гублѣскома ѣдетъ въ Москву просить пилъ, топоровъ, продовольствія, ибо прежніе запасы Гублѣскома, разумѣется, со всѣми отчетами, исчезли при эвакуаціи. Подобныхъ «комбинацій» можно привести безконечное множество, и въ нихъ обыкновенно участвуютъ не только провинціальные головотяпы, но и «товарищи» изъ центра, разсматривающіе и утверждающіе эти смѣты и заявленія. Нѣсколько «идейныхъ» коммунистовъ, подпись которыхъ иногда требуется на нужной бумажкѣ, или не въ состояніи разглядѣть смыслъ подсовываемой имъ переписки, или, чаще всего, на время прячутъ свою идею въ карманъ. Правда, тамъ, гдѣ они чувствуютъ себя обойденными, они строго блюдутъ интересы коммунистической республики.

Независимо отъ этого непосредственнаго присвоенія и расхищенія казеннаго имущества, процвѣтаетъ и взяточничество въ собственномъ смыслѣ. Казалось бы, кто и за что станетъ давать взятки, когда частной промышленности нѣтъ и въ результатѣ работы никто не заинтересованъ; тѣмъ не менѣе, и дающихъ и берущихъ еще очень много. Въ области заготовки и вывозки дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ, гдѣ допускается, въ извращенной и хищнической формѣ, частная иниціатива, въ видѣ сдачи подрядовъ, берутъ при подписаніи договоровъ, берутъ за отводъ лѣсныхъ площадей, берутъ за выдачу авансовъ, берутъ за отпускаемое продовольствіе и инструменты, берутъ при пріемкѣ дровъ, берутъ за подлоги въ обмѣрѣ дровъ и въ указаніи разстоянія возки, — словомъ, всѣхъ возможностей взять не перечтешь. Въ деревообрабатывающей промышленности, имѣющей дѣло съ націонализированными заводами, соприкосновенія съ частными лицами меньше; но и здѣсь берутъ за отсрочку націонализаціи, за требующійся составъ Правительственнаго Правленія завода, за сдачу подрядовъ, за отпускъ лѣсныхъ матеріаловъ, и т. д. Въ послѣднее время, въ связи съ дальнѣйшими шагами въ проведеніи принциповъ чистаго коммунизма, легальная область частной иниціативы сокращена почти до нуля; однако, многіе находятъ, что новый способъ работы — «хозяйственный», по смѣтамъ, о порядкѣ составленія которыхъ уже говорилось, гораздо выгоднѣе и спокойнѣе подряднаго. Къ тому же, взятки даютъ не только частныя лица, но и учрежденія: Продрасметъ не отпуститъ Главлѣскому пилъ, Наркомпродъ продовольствія, Главкожъ —

кожи, безъ «смазки» соотвѣтствующихъ лицъ; въ свою очередь, при распредѣленіи Главлѣскомомъ этихъ предметовъ или лѣсныхъ матеріаловъ между другими учрежденіями, дѣло не обходится безъ взятокъ.

Суммы отдѣльныхъ взятокъ и хищеній варьируются, смотря по роду проводимой операціи и по чину берущаго, отъ тысячъ до милліоновъ рублей. Немудрено, что молва приписываетъ отдѣльнымъ лицамъ, коммунистамъ, стоящимъ во главѣ Главлѣскома, состоянія во много десятковъ милліоновъ, что многіе заводы, по нелегальнымъ сдѣлкамъ, перешли изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ въ собственность нынѣшнихъ фактическихъ хозяевъ. Кромѣ денежныхъ взятокъ весьма распространены и, казалось, совсѣмъ старомодныя приношенія натурой. При колоссальной дороговизнѣ въ столицахъ, нѣсколько фунтовъ сливочнаго масла, мѣшокъ муки и т. п. имѣютъ болѣе реальную цѣнность, чѣмъ цѣлыя пачки совѣтскихъ тысячныхъ билетовъ.

Берутъ и совершаютъ злоупотребленія цѣлыми организованными товариществами, берутъ и въ одиночку. Всѣ отлично понимаютъ другъ друга съ полуслова, и даже безъ словъ; атмосфера взяточничества всецѣло царитъ въ учрежденіяхъ. Соблюдается правило: не пойманъ — не воръ. Пока служащій не попадется на удочку агента-провокатора или не проворуется уже слишкомъ неловко, ни у кого не возбуждается вопросъ, какимъ образомъ этотъ человѣкъ, больше того — коммунистъ, получающій максимумъ 25—30 тысячъ въ мѣсяцъ, можетъ тратить сотни тысячъ въ вечеръ на вино, карты и т. п. Еще разъ повторяю, что во всемъ этомъ въ особенности отличаются коммунисты и полу-коммунисты, занимающіе наиболѣе отвѣтственныя мѣста членовъ коллегій, начальниковъ Управленій, предсѣдателей важнѣйшихъ мѣстныхъ органовъ.

Какъ ни парадоксально покажется подобное утвержденіе, но это колоссальное развитіе злоупотребленій имѣетъ свои положительныя стороны, какъ съ точки зрѣнія коммунистической промышленной дѣятельности, такъ и съ противоположной точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ будущей русской промышленности. Не будь замѣшаны во всѣхъ совѣтскихъ промышленныхъ комбинаціяхъ соображенія личной выгоды, отмерла бы главная часть дѣятельности учрежденій, исчезла бы или сократилась до минимума «производственная иниціатива», лишенная своего дѣйствительнаго стимула. Далѣе, если промышленность еще кое-какъ удерживается на современномъ низкомъ уровнѣ и только постепенно опускается на самое дно, если заготовка дровъ въ прошломъ году дала нѣкоторый положительный, по нынѣшнимъ условіямъ, результатъ, если незначительная часть заводовъ еще кое-какъ движется, то только благодаря этому вездѣсущему и неискоренимому личному интересу. Съ другой стороны, ему же обязана русская промышленность тѣмъ, что не всѣ заводы расхищены, не всѣ запасы лѣсныхъ матеріаловъ уничтожены, сожжены или распроданы. Такимъ образомъ, и въ коммунистическомъ «хозяйствѣ» единственной живой и организующей силой является индивидуальный интересъ. Выбитый изъ обычнаго русла, онъ продолжаетъ течь подъ почвой и обходится производству во много разъ дороже всякой «прибавочной стоимости», давая несравненно меньшіе результаты.

Въ заключеніе коснусь вопроса объ экспортѣ изъ Россіи лѣсныхъ матеріаловъ, развитіе котораго въ предѣлахъ Главлѣскома я

имѣлъ возможности наблюдать въ самой непосредственной близости. Предписаніе свыше о выясненіи возможности экспорта и подготовкѣ къ нему было дано въ началѣ 1920 г. Одновременно начатъ былъ отборъ такъ наз. ударныхъ заводовъ, предназначенныхъ для работы на экспортъ и другія первостепенныя нужды, и, съ другой стороны, опредѣленіе количества экспортныхъ матеріаловъ, какъ доставшихся большевикамъ въ Архангельскѣ, такъ и захваченныхъ у владѣльцевъ въ Петроградскомъ Порту и въ другихъ пунктахъ сѣверо-западныхъ губерній. Идея концессій, въ нынѣшнихъ широкихъ размѣрахъ, еще не всплыла вторично на поверхность. Къ сентябрю выяснилось слѣдующее. Послѣ многомѣсячныхъ споровъ и интригъ, около 150 лѣсопильныхъ, фанерныхъ и др. заводовъ были объявлены ударными. Въ ихъ числѣ есть дѣйствительно бывшіе первоклассные заводы, но входятъ туда и такія предпріятія, какъ созданіе совѣтскаго строительства, Рязанскій Государственный заводъ, усердно рекламируемый въ совѣтской прессѣ, — полу-шарлатанское предпріятіе, собранное изъ растасканнаго имущества Земскаго Союза, тратящее колоссальныя средства и изготовляющее никуда негодные фанерные бараки для солдатъ, жестяные чайники и т. п., но зато доставляющее весьма аккуратно крупу, муку, масло и прочія промышленныя произведенія того же рода на подводахъ изъ Рязани въ Москву, для Гг. членовъ коллегіи Главлѣскома. Къ ударнымъ же заводамъ отнесены и совершенно фантастическіе Сухонскіе Государственные заводы: предполагается построить около Вологды невиданныхъ размѣровъ универсальные заводы всѣхъ видовъ обработки дерева; постройка ведется невѣжественными авантюристами безъ всякаго плана, до сихъ поръ не опредѣлено точно расположеніе будущаго завода; между тѣмъ для постройки разрушено нѣсколько прекрасныхъ заводовъ (заводы Малютина и др. на р. Сухонѣ), растаскано съ различныхъ складовъ и заводовъ на много милліоновъ машинъ, ремней, гвоздей, большая часть чего расхищена, не дойдя до мѣста; объ астрономическихъ суммахъ затраченныхъ денегъ говорить не приходится.

Перспективы работы ударныхъ заводовъ въ текущемъ, да и въ будущемъ году, совершенно ничтожны. Сырье для заводовъ (бревна) не можетъ быть заготовлено и подвезено во-время и въ достаточномъ количествѣ, ибо Наркомпродъ не въ состояніи будетъ дать даже минимальнаго количества продовольствія для работы; заводы, даже лучшіе, находятся въ совершенно расшатанномъ состояніи, нѣтъ инструментовъ и техническихъ матеріаловъ (въ частности, совершенно отсутствуютъ клеевыя вещества для фанеры), рабочіе не работаютъ, управляющіе не управляютъ, — однимъ словомъ, общая картина совѣтской дѣятельности, по существу не мѣняющаяся отъ того, что данная группа заводовъ поставлена въ нѣсколько лучшія условія снабженія, чѣмъ остальная масса всецѣло заброшенныхъ предпріятій. Это скоро поняли и совѣтскіе экспортеры и обратили главное вниманіе на болѣе легкую и эффективную работу — приготовленія къ вывозу лѣсныхъ матеріаловъ — планокъ, фанеры и т. п. — захваченныхъ у частныхъ владѣльцевъ. Матеріалы эти находятся, въ количествѣ двухъ съ лишнимъ десяткомъ тысячъ стандартовъ (по совѣтскимъ даннымъ къ сентябрю мѣсяцу), что составляетъ до военный годовой оборотъ одной фирмы, — въ Петроградѣ, Архангельскѣ и другихъ

опредѣленныхъ пунктахъ и сравнительно легко поддаются учету. Когда учетъ, съ грѣхомъ пополамъ, былъ произведенъ; начались разныя экспортныя манипуляціи. Товаръ, отъ лежанія на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, сильно испортился и врядъ ли въ такомъ видѣ понравится англичанамъ: необходимо его пересортировать и отторцевать (обрѣзать потемнѣвшіе концы). Черезъ нѣсколько недѣль работа эта, за малоуспѣшностью и неутѣшительностью результатовъ, была прервана. Сомнѣваюсь, чтобы при этомъ были возвращены суммы, полученныя «за содѣйствіе» при сдачѣ подрядовъ на сортировку. Затѣмъ была придумана слѣдующая коммерческая хитрость: въ Петроградѣ товаръ лучшаго качества, чѣмъ въ сосѣднихъ губерніяхъ; нельзя ли предварительно смѣшать въ натурѣ всѣ эти матеріалы для того, чтобы незамѣтно сбыть англичанамъ и второсортныя доски. Эта первобытная хитрость, предполагающая, что иностранцы будутъ принимать товаръ не по осмотру, а по «маркѣ», для своего осуществленія потребовала бы колоссальныхъ непроизводительныхъ затратъ средствъ и обогатила бы нѣсколько лицъ. Къ концу сентября эта «работа» не была начата, точно такъ же, какъ подобная операція надъ Архангельскимъ товаромъ, намѣчавшаяся съ обратной цѣлью: предполагалось перепутать товаръ различныхъ фирмъ, чтобы сдѣлать, на всякій случай, болѣе затруднительнымъ опредѣленіе дѣйствительныхъ собственниковъ. Такимъ образомъ, уже тогда совѣтскіе экспортеры предчувствовали возможность такихъ случаевъ, какъ недавній приговоръ англійскаго суда по иску Лютера. Помню радость и гордость новоявленныхъ экспортеровъ, почувствовавшихъ себя признанной фирмой, послѣ отправки партіи Лютеровской фанеры, безпрестанные разговоры по прямому проводу съ Петроградомъ, широкіе планы на будущее и т. д. Когда я черезъ нѣсколько дней, уже оставивъ службу, задалъ вопросъ Замначупдревпрому (по русски — Замѣстителю Начальника Управленія Древообрабатывающей промышленности), не думаетъ ли онъ, что за-границей могутъ признать собственниками импортируемаго изъ Россіи товара прежнихъ владѣльцевъ, онъ улыбнулся и ничего не отвѣтилъ. Между тѣмъ, право собственности и на остальной экспортный товаръ можетъ быть точно установлено, хотя бы потому, что соотвѣтствующія русскія и иностранныя фирмы, конечно, имѣютъ гораздо болѣе полныя и точныя свѣдѣнія о количествѣ и движеніи своего товара, чѣмь всѣ Лѣскомы и наблюдающія за ними чрезвычайки вмѣстѣ.

Мои наблюденія заканчиваются сентябремъ прошлаго года и относятся только къ Главку, гдѣ я служилъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, однако, что порядки всѣхъ другихъ Главокъ и Центровъ не лучше, если только не хуже, въ чемъ меня убѣдили какъ случаи, когда приходилось непосредственно сталкиваться съ другими учрежденіями, такъ и разсказы служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ лицъ; съ другой стороны, если и произошли съ тѣхъ поръ перемѣны лицъ, названій и «организаціи», эти перемѣны не могутъ улучшить самую систему и, во всякомъ случаѣ безсильны вызвать хоть какую-нибудь созидательную работу.

Рига, 3 января 1921 г.

І. Рапопортъ

Брестъ-Литовскъ

(Изъ мемуаровъ Оттокара Чернина)

Лѣтомъ 1917 года мы получили извѣстіе, указывающее на вѣроятность заключенія мира съ Россіей. Донесеніе отъ 13 іюня 1917 года, которое я получилъ изъ одной нейтральной страны, гласило:

«Русская печать какъ буржуазная, такъ и соціалистическая отражаютъ слѣдующія явленія:

На фронтѣ и въ тылу происходятъ ожесточенные споры относительно требованія союзниковъ начать наступленіе противъ центральныхъ державъ, требованіе, которое поддерживаетъ Керенскій своими многочисленными рѣчами, произносимыми имъ на всѣхъ частяхъ фронта. Большевики, т.-е. соціалъ-демократы, подчиняющіеся руководству Ленина, и ихъ печать рѣшительно выступаетъ противъ такого наступленія. Но и большая часть меньшевиковъ, т.-е. партія Чхеидзе, въ которую входятъ и нынѣшніе министры Церетели и Скобелевъ, противъ наступленія, и это противорѣчіе мнѣній угрожаетъ и такъ лишь съ трудомъ поддерживаемому единству партіи. Часть меньшевиковъ, такъ называемые интернаціоналисты, такъ какъ они хотятъ возсоздать интернаціоналъ — ихъ также называютъ циммервальдцами или кинтальцами — подчиняющіеся руководству возвратившагося изъ Америки Троцкаго (собственно Бронштейна), а также возвратившимся изъ Швейцаріи Ларину, Мартову, Мартынову и т. д. въ этомъ вопросѣ, какъ и въ вопросѣ о вхожденіи соціалъ-демократовъ меньшевиковъ въ составъ Временнаго Правительства въ рѣшительномъ противорѣчіи съ большинствомъ партіи. Это было причиной того, что Левъ Дейчъ, одинъ изъ основателей Марксистской соціалъ-демократіи, открыто заявилъ на партійномъ съѣздѣ о своемъ выходѣ изъ партіи, которая, по его мнѣнію, является недостаточно патріотической и не требуетъ «конечной побѣды». Онъ вмѣстѣ съ Георгіемъ Плехановымъ является главной опорой группы русскихъ «соціалъ-патріотовъ», которая по названію своей газеты именуется «Единствомъ», но ни своей численностью, ни своимъ вліяніемъ не играетъ особенной роли. Такимъ образомъ, «Рабочая Газета», являющаяся офиціальнымъ органомъ меньшевиковъ, вынуждена занимать промежуточную позицію и печатаетъ больше статьи, направленныя противъ наступленія.

И въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, которую въ правительствѣ представляетъ министръ земледѣлія Черновъ, и которая б. м. является самой сильной русской партіей, т. к. ей удалось подчинить себѣ все крестьянское движеніе — на Всероссійскомъ Съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ въ Центральный Комитетъ были избраны преимущественно соціалисты-революціонеры и ни одинъ соціалъ-демократъ — и въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, какъ кажется, самая многочисленная и вліятельная группа высказывается рѣшительно противъ наступленія. Это ясно

проявляется въ главныхъ партійныхъ органахъ, въ «Дѣлѣ Народа» и въ «Землѣ и Волѣ». Только малая и, повидимому, мало вліятельная часть партіи, группирующаяся вокругъ органа «Воля Народа», безусловно высказывается, какъ и Плехановская группа и буржуазная печать, за наступленіе для облегченія положенія союзниковъ. Въ противоположность этому, партія Керенскаго — трудовики, какъ и близко къ нимъ стоящіе народные соціалисты, представителемъ которыхъ въ правительствѣ является министръ продовольствія Пѣшехоновъ, еще не составила окончательнаго мнѣнія, должна ли она въ этомъ случаѣ слѣдовать Керенскому. Устная информація, какъ и замѣтки въ русскихъ газетахъ, какъ напримѣръ въ «Рѣчи», утверждаютъ, что состояніе здоровья Керенскаго таково, что оно заставляетъ опасаться возможности его смерти въ ближайшее время. Офиціальный органъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ «Извѣстія» часто и очень настойчиво подчеркиваютъ необходимость наступленія. Характерно, что когда рѣчь министра земледѣлія Чернова на крестьянскомъ съѣздѣ получила толкованіе, что онъ противъ наступленія, то онъ былъ вынужденъ оправдываться въ этомъ толкованіи передъ своими коллегами по кабинету.

И если, такимъ образомъ, въ странѣ по вопросу о наступленіи царитъ ожесточенная борьба мнѣній, то на фронтѣ по сообщеніямъ русскихъ газетъ всѣхъ партій, — отмѣчающихъ это то съ радостью, то съ горемъ, — мало настроены начать такое наступленіе. Особенно настроена противъ наступленія пѣхота. Военное одушевленіе можно встрѣтить только среди офицеровъ, кавалеріи или по крайней мѣрѣ среди части ея и среди артилеристовъ. Характерно, что и казаки стоятъ за войну, во всякомъ случаѣ у нихъ есть для этого и другое основаніе: воспользовавшись успѣхомъ на фронтѣ, свергнуть революціонный порядокъ. Въ то время какъ большинство русскихъ крестьянъ не располагаетъ землею, превышающей 5 десятинъ, а 3 милліона ихъ безземельны, у всякаго казака 40 десятинъ, и при обсужденіи аграрнаго вопроса на эту несправедливость все время указывали. Это является достаточнымъ основаніемъ для особливаго положенія, занимаемаго казаками по отношенію къ революціи, а также и для того, почему они всегда были самой вѣрной опорой царя.

Крайне характерными для настроенія на фронтѣ являются слѣдующіе факты:

Въ засѣданіи отъ 30 мая Всероссійскаго Съѣзда офицерскихъ делегатовъ одинъ изъ представителей офицеровъ 3-го Елизаветградскаго гусарскаго полка, выступившій въ защиту наступленія, сдѣлалъ, по сообщенію „Рѣчи“ отъ 31 мая, слѣдующее характерное заявленіе: «Вы всѣ знаете, какіе размѣры приняли безпорядки на фронтѣ. Пѣхота перерѣзаетъ телефонные провода, соединяющіе ее съ артилеріей. Пѣхота заявляетъ, что солдаты б о л ь ш е м ѣ с я ц а на фронтѣ не останутся, но разойдутся по домамъ».

Очень поучительно также описаніе одного изъ делегатовъ фронта, сопровождавшаго французскихъ и англійскихъ соціалистовъ большинства въ ихъ поѣздкѣ по фронту. Это описаніе опубликовано органомъ меньшевиковъ, «Рабочей Газетой», т.-е. газетой Чхеидзе, Церетели и Скобелева въ номерахъ отъ 18 и 19 мая. Этимъ соціалистамъ Антанты было съ возможной ясностью сказано на фронтѣ, что русская армія не хочетъ и не можетъ дольше сражаться за имперіалистическія цѣли Англіи и Франціи. Положеніе транспорта, продовольствія, фуража, а также и опасность, которой подвергаются завоеванія революціи отъ затягиванія войны, требуютъ быстраго окончанія войны. Представители французскихъ и англійскихъ соціалистовъ не безъ неудовольствія столкнулись съ такимъ настроеніемъ на фронтѣ. Къ тому же, отъ нихъ еще потребовали, чтобы они обязались сообщить объ этихъ своихъ впечатлѣніяхъ и на западномъ фронтѣ (во Франціи). Очень зло отзываются также и объ Америкѣ; представители фронта открыто говорятъ о грабительской политикѣ Америки по отношенію

къ Европѣ и союзникамъ. Вмѣстѣ съ этимъ требуютъ возможно болѣе скораго созыва Интернаціональной Соціалистической Конференціи и поддержки таковой со стороны англійскихъ и французскихъ соціалистовъ большинства. На одномъ изъ собраній на фронтѣ французскіе и англійскіе соціалисты получили слѣдующій отвѣтъ: «сообщите вашимъ товарищамъ, что мы отъ вашихъ правительствъ и народовъ ждемъ твердыхъ заявленій объ отказѣ отъ аннексій и контрибуцій. Мы не прольемъ ни одной капли крови за имперіалистовъ русскихъ, нѣмецкихъ или англійскихъ. Мы ожидаемъ самаго быстраго сговора рабочихъ всѣхъ странъ относительно окончанія позорной и угрожающей русской революціи, въ случаѣ своей затяжки, войны. Мы не заключимъ сепаратнаго мира, но скажите вашимъ, чтобы они скорѣе сообщили о своихъ военныхъ цѣляхъ.»

По сообщеніямъ, французскіе соціалисты совершено измѣнили свое отношеніе. Это повидимому подтверждается извѣстіями относительно позиціи Кашена и Мутэ на съѣздѣ французскихъ соціалистовъ. Въ противоположность этому англичане не идутъ ни на какія уступки, даже и Сандерсъ, который нѣсколько сблизился съ русскими.

Согласно частному сообщенію въ здѣшнемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ министра снабженія Тома стрѣляли во время одной изъ его военныхъ рѣчей на фронтѣ.

Разруху на фронтѣ описываетъ солдатъ или офицеръ Кушинъ въ той же «Рабочей Газетѣ» отъ 24 мая слѣдующимъ образомъ: «Все яснѣе и отчетливѣе проявляется страстное стремленіе къ миру и при этомъ къ какому угодно миру, даже къ сепаратному миру съ потерей десяти губерній, избавляещему отъ страданій войны. Объ этомъ страстно мечтаютъ, хотя объ этомъ еще и не говорятъ въ собраніяхъ и резолюціяхъ, и всѣ сознательные элементы арміи борятся съ таковымъ направленіемъ стремленія въ миру». Чтобы это парализовать есть только одинъ путь: солдаты должны увидѣть упорную борьбу демократіи за миръ и быстрое окончаніе войны.

Созываемый на 1/14 іюня въ Петербургѣ Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ при участіи представителей фронтовыхъ организацій имѣетъ слѣдующій первый пунктъ порядка дня: Война. Вопросы обороны и борьба за миръ. Къ этому времени правительство навѣрное должно будетъ выступить съ сообщеніемъ относительно поступившихъ еще до начала іюня отвѣтовъ союзниковъ о цѣляхъ войны. Этотъ съѣздъ по всей вѣроятности окончательно рѣшитъ вопросъ о принятіи участія въ Стокгольмской Конференціи и назначитъ представителей. Пунктомъ четвертымъ порядка дня является національный вопросъ. Между Петербургскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и засѣдающимъ въ Кіевѣ солдатскимъ съѣздомъ произошло открытое столкновеніе по вопросу о формированіи Украинской арміи. Организація самостоятельнаго «Центральнаго Украинскаго военнаго комитета» только углубила этотъ конфликтъ. Относительно все увеличивающейся внутренней разрухи, обостренія національнаго вопроса, а также увеличивающихся аграрныхъ и заводскихъ неурядицъ послѣдуютъ дальнѣйшія систематическія сообщенія.»

Въ концѣ ноября я написалъ одному изъ моихъ друзей слѣдующее письмо, которое я привожу здѣсь in extenso и которое точно передаетъ мою тогдашнюю оцѣнку положенія.

Вѣна 17 ноября 1917 года

Дорогой другъ, послѣ долгаго дня заботъ, непріятностей и трудовъ я хочу тебѣ писать, чтобы отвѣтить на твои столь заслуживающія вниманія соображенія; сношенія съ тобой отвлекаютъ мое вниманіе и позволяютъ хоть на короткое время забывать повседневныя невзгоды.

Ты пишешь мнѣ, что ты слышалъ, что отношеніе императора ко мнѣ ухудшилось, и ты сожалѣешь объ этомъ. Да, я тоже объ этомъ сожалѣю, хотя бы уже потому, что это до невыносимости увеличиваетъ тренія повседневной работы, ибо лишь только это обнаруживается, а это обнаруживается очень скоро, какъ сейчасъ же всѣ мои враги, мужчины и женщины, съ обновленной силой устремляются въ это слабое мѣсто въ надеждѣ сбросить меня; люди похожи на хищныхъ птицъ, они на большомъ разстояніи чуютъ падаль — падаль это я, и массами слетаются. И право достойна удивленія та ложь, которую они способны выдумать, и тѣ интриги, которыя они умѣютъ сплести для того, чтобы этимъ увеличить уже начавшееся расхожденіе. Ты спрашиваешь, кто изъ моихъ враговъ самый злостный.

Прежде всего это тѣ, о которыхъ ты самъ догадываешься.

Во вторыхъ, это враги, которые есть у всякаго министра и которые въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ лицъ, желающихъ стать на его мѣсто и, наконецъ, въ третьихъ, это политическіе клоуны изъ жокей-клуба, обиженные тѣмъ, что они ожидали отъ меня всякихъ личныхъ преимуществъ, а я ихъ выгналъ вонъ. Послѣдняя группа забавна, вторая — опасна, но первая — смертельна.

Такимъ образомъ, я въ ни коемъ случаѣ долго не останусь министромъ. Благодареніе Богу, избавленіе близко. Я очень хотѣлъ бы только поскорѣе покончить съ Россіей и такимъ образомъ, быть можетъ, создать возможность общаго мира. Извѣстія изъ Россіи все настойчивѣе указываютъ, что русское правительство безусловно и какъ можно скорѣе хочетъ заключить миръ. Нѣмцы же въ этомъ случаѣ совершенно увѣрены въ успѣхѣ. Если они смогутъ перебросить свои массы на западъ, то они не сомнѣваются, что они прорвутъ фронтъ, займутъ Парижъ и Калэ и будутъ непосредственно угрожать Англіи. Такой успѣхъ, однако, м о ж е т ъ дать миръ, если тогда удастся склонить Германію отказаться отъ завоеваній. Я во всякомъ случаѣ не могу себѣ представить, чтобы Антанта послѣ потери Парижа и Калэ не согласилась бы на миръ inter pares; во всякомъ случаѣ, прійдется употребить чрезвычайныя усилія. Гинденбургъ до сихъ поръ выполнилъ все, что онъ предсказалъ, — это надо за нимъ признать, и вся Германія твердо вѣритъ въ ожидающіе ее успѣхи на западѣ — необходимой предпосылкой конечно является освобожденіе отъ восточнаго фронта, т.-е. миръ съ Россіей. Такимъ образомъ русскій миръ м о ж е т ъ б ы т ь первой ступенью на лѣстницѣ всеобщаго мира.

Въ послѣдніе дни я получилъ достовѣрные извѣстія о большевикахъ. Ихъ вожаки почти исключительно евреи, руководящіеся совершенно фантастическими идеями; и я не завидую странѣ, которой они управляютъ. Но насъ, конечно, интересуетъ, въ первую голову, ихъ желаніе мира; оно повидимому дѣйствительно существуетъ: они не могутъ продолжать войны.

Въ кабинетѣ представлены три теченія; первое изъ нихъ не хочетъ серьезно считаться съ Ленинымъ и считаетъ его недолговѣчнымъ, второе — хотя и не раздѣляетъ этого мнѣнія, но противится веденію переговоровъ съ такого рода революціонерами, и, наконецъ, третье, защищаемое, на сколько мнѣ извѣстно, мною однимъ, желаетъ вести переговоры несмотря на возможную недолговѣчность Ленина и несомнѣнную революцію. Чѣмъ кратче будетъ пребываніе Ленина у власти, тѣмъ поспѣшнѣе надо вести переговоры, ибо никакое послѣдующее русское правительство не возобновитъ войны — создать же себѣ въ качествѣ партнера русскаго Меттерниха я не могу, если его въ дѣйствительности нѣтъ.

Германцы не особенно охотно идутъ на переговоры съ Ленинымъ, повидимому руководясь вышеуказанными причинами; при этомъ они, какъ это часто съ ними бываетъ, непослѣдовательны. Германскіе военные — которые какъ извѣстно ведутъ всю германскую политику, сдѣлали, какъ кажется, все, чтобы свалить Керенскаго

и поставить на его мѣсто «что либо другое». Это «другое» смѣнило Керенскаго и хочетъ теперь заключить миръ, надо, слѣдовательно, приступить къ дѣлу, какъ ни велики сомнѣнія, внушаемыя такимъ партнеромъ.

Узнать что-либо точное о большевикахъ нельзя, или лучше сказать узнать можно очень многое, но противорѣчивое. Они начинаютъ съ того, что уничтожаютъ все, напоминающее о трудѣ, благосостояніи и культурѣ, и истребляютъ буржуазію. Они повидимому совсѣмъ уже забыли о «свободѣ и равенствѣ» и ихъ программа заключается въ звѣрскомъ подавленіи всего того, что не является пролетаріатомъ. Русская буржуазія почти также труслива и глупа, какъ и наша, и позволяетъ себя рѣзать, какъ барановъ.

Конечно, этотъ русскій большевизмъ представляетъ европейскую опасность и, если бы мы имѣли силы не только добиться для насъ сноснаго мира, но и установить упорядоченныя отношенія въ чужихъ государствахъ, то было бы правильно совсѣмъ не вступать въ переговоры съ этими людьми, пойти походомъ на Петербургъ и возстановить порядокъ; но этихъ силъ у насъ нѣтъ и мы нуждаемся въ самомъ скоромъ мирѣ для нашего спасенія; мы не можемъ получить этого мира, если германцы не возьмутъ Парижа, они же могутъ взять Парижъ только въ томъ случаѣ, если мы освободимся отъ восточнаго фронта. Такъ замыкается кругъ. Это все вещи, которыя утверждаютъ сами германскіе военные и поэтому съ ихъ стороны крайне нелогично, если они, повидимому, теперь начинаютъ говорить другое изъ за личности Ленина.

Я не могъ окончить этого письма позавчера, постараюсь это сдѣлать сегодня.

Вчера была опять сдѣлана попытка, ты, конечно, угадываешь кѣмъ, выяснить мнѣ преимущество сепаратнаго мира. Я говорилъ объ этомъ императору и сказалъ ему, что это напомнило бы мнѣ поведеніе человѣка, стрѣляющагося изъ за страха смерти. Я не могу въ этомъ принять участіе, но всегда готовъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ уйти, а онъ, конечно, найдетъ людей, готовыхъ предпринять такую попытку. Лондонская конференція постановила раздѣлить монархію и въ этомъ постановленіи заключенный нами сепаратный миръ, конечно, ничего не измѣнитъ. Румыны, сербы, итальянцы должны получить громадныя части нашей территоріи, у насъ отнимаютъ Тріестъ, а остатокъ дѣлится на рядъ государствъ: на Чешское, Польское, Венгерское и Нѣмецкое. Связь этихъ новыхъ государствъ будетъ чрезвычайно слаба и, другими словами, сепаратный миръ приведетъ къ тому, что Австро-Венгрію раньше изуродуютъ, а потомъ раздробятъ. Но прежде, чѣмъ мы придемъ къ этому результату, мы должны будемъ еще продолжать войну и прежде всего противъ Германіи, которая, конечно, сейчасъ же заключитъ миръ съ Россіей и оккупируетъ Австро-Венгрію. Германскіе генералы не будутъ такъ глупы, чтобы ждать пока Антанта нападетъ на Германію черезъ Австрію, но постараются Австрію обратить въ поле войны. Такимъ образомъ мы этимъ не закончимъ войны, но лишь перемѣнимъ противника и предоставимъ отдѣльныя, до сихъ поръ пощаженныя области, какъ Тироль и Богемію, ужасамъ войны — чтобы въ концѣ концовъ добиться собственнаго расчлененія.

Съ другой стороны, мы, быть можетъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сможемъ вмѣстѣ съ Германіей получить общій миръ — сносный, миръ соглашенія — если удастся германская оффензива. Императоръ по большей части молчитъ, а среди его приближенныхъ одни тянутъ направо, другіе налѣво; при такомъ положеніи мы ничего не выигрываемъ у Антанты и непрерывно теряемъ довѣріе въ Берлинѣ. Если хотятъ перекинуться на сторону враговъ, то пусть ужъ это сдѣлаютъ; но постоянно дѣлать видъ предателей, не рѣшаясь на предательство, такую политику я не могу признать умной.

Я думаю, что мы добьемся сноснаго, соглашательскаго мира; мы должны будемъ кое что уступить Италіи и, конечно, ничего за это не получимъ, мы должны будемъ

далѣе измѣнить всю структуру имперіи, на манеръ Fédération Danubienne, какъ этого хотятъ во Франціи — но мнѣ не вполнѣ ясно, какъ можно будетъ провести это измѣненіе противъ воли венгерцевъ и нѣмцевъ. Но я надѣюсь, что мы переживемъ войну и нашимъ врагамъ придется пересмотрѣть постановленіе ихъ Лондонской конференціи. Пусть только старый Гинденбургъ войдетъ въ Парижъ и тогда Антанта скажетъ спасительное слово, что она готова приступить къ переговорамъ. Тогда я твердо рѣшилъ пойти на крайнія мѣры, открыто обратиться къ народамъ центральныхъ государствъ и спросить ихъ, хотятъ ли они ради завоеваній продолжать войну или заключить миръ.

Какъ можно скорѣе покончить дѣло съ Россіей, затѣмъ сломать волю Антанты насъ уничтожить и заключить миръ, хотя бы съ потерями — вотъ мой планъ и та надежда, которой я живу. Конечно, послѣ взятія Парижа всѣ «руководящіе круги» — кромѣ императора Карла — потребуютъ «хорошаго» мира, а такого мира мы ни въ коемъ случаѣ не получимъ, и я возьму на себя одіумъ за то, «что испортилъ мирный договоръ».

Такъ, думаю я, выйдемъ мы съ подбитымъ глазомъ изъ войны. Но старыя времена никогда не вернутся. Новый міропорядокъ родится въ бояхъ и схваткахъ, я объ этомъ нѣсколько времени тому назадъ открыто говорилъ въ моей рѣчи въ Будапештѣ при общемъ неодобреніи.

Письмо вышло длиннымъ и теперь поздняя ночь. Будь здоровъ и не оставляй меня своими письмами.

Твой старый другъ

Чернинъ.

Описаніе мирныхъ переговоровъ въ Брестъ Литовскѣ я беру изъ своего дневника. Несмотря на кое-какія ошибочные взгляды, встрѣчающіеся въ ниже приводимыхъ запискахъ и несмотря на различныя мало важныя детали, я его не сокращаю, такъ въ этой своей формѣ онъ даетъ, какъ мнѣ кажется, ясную картину теченія переговоровъ.

19 декабря 1917 года

Отъѣздъ изъ Вѣны въ среду 19-го, въ 4 часа. Сѣверный вокзалъ. Я засталъ на вокзалѣ собравшихся раньше меня Граца, Визнера, Коллоредо, Гауча и Андріана, а также фельдмаршала-лейтенанта Чичерикса и маіора Флеккъ-фонъ-Бадена.

Во время пути я пользуюсь случаемъ, чтобы изложить фельдмаршалу-лейтенанту Чичериксу мои цѣли и необходимую для ихъ достиженія тактику. Я заявилъ ему, что по моему убѣжденію Россія предложитъ заключить всеобщій миръ и что мы, конечно, должны будемъ поддержать это предложеніе. Я сказалъ ему, что я отнюдь не потерялъ надежды, что въ Брестѣ удастся проложить путь къ общему миру. Въ случаѣ же, если Антанта не откликнется, то тогда по крайней мѣрѣ останется свободнымъ путь къ сепаратному миру. Послѣ этого я велъ продолжительную бесѣду съ начальникомъ отдѣленія Грацомъ и посланникомъ Визнеромъ. Эти разговоры заняли почти весь день.

20 декабря 1917 года

Въ 5 часовъ съ минутами мы прибыли въ Брестъ. На вокзалѣ насъ встрѣчали начальникъ штаба западнаго фронта генералъ Гофманъ со свитой, состоящей приблизительно изъ 10 человѣкъ, а также посланникъ фонъ Розенбергъ и Мерей. Я вышелъ на перронъ, чтобы поздороваться, и послѣ небольшой бесѣды вернулся въ поѣздъ вмѣстѣ съ Мерей, который изложилъ мнѣ событія послѣднихъ дней. Мерей считаетъ общее положеніе не сквернымъ и думаетъ, что, если не произойдетъ ничего непредвидѣннаго, то намъ удастся въ сравнительно скоромъ времени сѣсть за зеленый столъ.

Въ 6 часовъ я поѣхалъ къ генералу Гофману съ отвѣтнымъ визитомъ и услышалъ отъ него интересныя подробности о психологіи русскихъ делегатовъ, а также и детали, какъ ему удалось такъ счастливо заключить перемиріе. У меня было впечатлѣніе, что Гофманъ соединяетъ съ большимъ знаніемъ дѣла и энергіей большую умѣлость и спокойствіе, но также и большую прусскую грубость, что дало ему возможность добиться отъ русскихъ, несмотря на оказанное въ началѣ противодѣйствіе, чрезвычайно выгодныхъ условій перемирія. Нѣсколько времени спустя пришелъ, какъ это было и условлено, принцъ Леопольдъ Баварскій и я съ нимъ имѣлъ непродолжительную и незначительную бесѣду.

Затѣмъ мы всѣ вмѣстѣ отправились на обѣдъ, въ которомъ принимаетъ участіе весь штабъ восточнаго фронта, состоящій приблизительно изъ 100 человѣкъ. Картина этого обѣда по всей вѣроятности одна изъ любопытнѣйшихъ, какую только можно видѣть. Роль хозяина игралъ принцъ Баварскій, рядомъ съ принцемъ сидѣлъ предсѣдатель русской делегаціи, еврей, недавно выпущенный изъ Сибири, по имене Іоффе, за нимъ генералы и другіе делегаты. Кромѣ упомянутаго Іоффе, самая выдающаяся личность делегаціи это зять русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Троцкаго, по имени Каменевъ, который, также благодаря революціи, былъ выпущенъ изъ тюрьмы и теперь играетъ выдающуюся роль. Третьимъ делегатомъ является madame Биценко, это женщина съ очень богатымъ прошлымъ; ея мужъ мелкій чиновникъ, она сама очень рано примкнула къ революціонному движенію. 12 лѣтъ тому назадъ она убила генерала Сахарова, который былъ губернаторомъ въ какомъ то русскомъ городѣ и за проявленную имъ энергію былъ приговоренъ соціалистами къ смерти. Она пошла съ прошеніемъ къ генералу, держа спрятаннымъ подъ передникомъ револьверъ. Когда генералъ сталъ читать прошеніе, она выпустила въ него четыре пули и убила его на мѣстѣ. Она была сослана въ Сибирь, гдѣ провела 12 лѣтъ, отчасти въ одиночномъ заключеніи, а потомъ подъ болѣе мягкимъ арестомъ, и ей тоже революція подарила свободу. Эта замѣчательная женщина, которая въ Сибири такъ изучила французскій и нѣмецкій языки, что она можетъ читать, не умѣя однако говорить, такъ какъ она не знаетъ, какъ слова произносятся, типичная представительница русскаго интеллигентнаго пролетаріата. Она поразительно тиха и замкнута, у нея удивительно очерченная рѣшительная линія рта и иногда страстно вспыхивающіе глаза. Все, что кругомъ нея происходитъ, кажется ей совершенно безразличнымъ; только если рѣчь заходитъ о великихъ принципахъ интернаціональной революціи, она неожиданно пробуждается, у нея измѣняется все выраженіе лица и она начинаетъ напоминать хищное животное, неожиданно увидѣвшее добычу и приготавливающееся броситься на нее.

Послѣ обѣда я имѣлъ свой первый продолжительный разговоръ съ господиномъ Іоффе. Вся его теорія основывается на томъ, что надо ввести во всемъ мірѣ самоопредѣленіе народовъ на возможно болѣе широкой основѣ и затѣмъ побудить эти освобожденные народы взаимно полюбить другъ друга. Что это прежде всего приведетъ къ гражданской войнѣ во всемъ мірѣ, этого господинъ Іоффе не отрицаетъ, но полагаетъ, что такая война которая осуществитъ идеалы человѣчества — война справедливая и оправдывающаяся своей цѣлью. Я ограничился тѣмъ, что указалъ господину Іоффе, что надо было бы раньше на Россіи доказать, что большевизмъ начинаетъ новую счастливую эпоху, и лишь затѣмъ завоевывать миръ своими идеями. Прежде чѣмъ, однако, доказательство на этомъ примѣрѣ не будетъ сдѣлано, Ленину будетъ довольно трудно принудить миръ раздѣлить его воззрѣнія.

Мы готовы заключить всеобщій миръ безъ аннексій и контрибуцій, и ничего не имѣемъ противъ того, чтобы вслѣдъ за тѣмъ русскіе порядки развивались такъ, какъ это кажется правильнымъ русскому правительству. Мы также готовы научиться

чему либо у Россіи и, если ея революція будетъ сопровождаться успѣхомъ, то она принудитъ Европу примкнуть къ ея образу мыслей, хотимъ ли мы этого или нѣтъ. Но пока умѣстенъ самый большой скептицизмъ, и я указалъ ему, что мы не собираемся подражать русскимъ порядкамъ и категорически запрещаемъ всякое вмѣшательство въ наши внутреннія дѣла. Если же онъ и дальше будетъ исходить изъ своей утопической точки зрѣнія возможности пересадить свои идеи къ намъ, то было бы лучше, если бы онъ немедленно, съ первымъ же поѣздомъ уѣхалъ обратно, ибо въ такомъ случаѣ нѣтъ никакой возможности заключить миръ. Господинъ Іоффе смотрѣлъ на меня удивленно своими мягкими глазами. Онъ помолчалъ немного и затѣмъ сказалъ навсегда оставшимся у меня въ памяти дружественнымъ, я бы сказалъ, почти просящимъ тономъ: я все же надѣюсь, что намъ удастся и у васъ устроить революцію.

Въ возможность послѣдней я также вѣрю и безъ благосклоннаго участія Іоффе — это устроятъ сами народы, если Антанта будетъ по прежнему стоять на своей точкѣ зрѣнія и не захочетъ пойти на уступки.

Удивительные люди эти большевики. Они говорятъ о свободѣ и примиреніи народовъ, о мирѣ и согласіи и вмѣстѣ съ тѣмъ они являются жесточайшими тиранами, которыхъ только знала исторія, — они просто искореняютъ буржуазію и ихъ аргументами являются пулеметы и висѣлицы. Сегодняшній разговоръ съ Іоффе доказалъ мнѣ, что эти люди безчестны и въ лживости своей превосходятъ все, въ чемъ обвиняютъ цеховыхъ дипломатовъ — ибо такъ подавлять буржуазію и одновременно съ этимъ говорить объ осчастливливающей міръ свободѣ — это ложь.

21 декабря 1917 года

Днемъ я поѣхалъ съ своими сотрудниками на завтракъ къ принцу Баварскому. Онъ занимаетъ маленькій замокъ, находящійся на разстояніи получасовой ѣзды на автомобилѣ отъ Бреста. Повидимому, онъ очень интересуется военными дѣлами и много работаетъ.

Первую ночь я провелъ въ своемъ поѣздѣ и во время утренняго завтрака наши служителя перетащили вещи въ предоставленное намъ помѣщеніе. Намъ отведенъ небольшой домъ, въ которомъ помѣщаются теперь всѣ члены австро-венгерской делегаціи. Домъ стоитъ рядомъ съ офицерскимъ собраніемъ и въ немъ можно найти весь тотъ комфортъ, котораго здѣсь можно требовать. Весь день я провелъ за работой со своими сотрудниками, а вечеромъ прибыли делегаціи трехъ союзниковъ. Въ этотъ же вечеръ у меня была первая бесѣда съ Кюльманомъ съ глазу на глазъ, и я тотчасъ же твердо установилъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія, что русскіе сдѣлаютъ предложеніе заключить в с е о б щ і й м и р ъ и что мы должны принять это предложеніе. Кюльманъ. хотя и нѣсколько колеблется, но раздѣляетъ мою точку зрѣнія; конечно, формула предложенія должна гласить: «никто не имѣетъ права дѣлать аннексіи или требовать контрибуцій» — если Антанта пойдетъ на это предложеніе, то наступитъ конецъ этимъ ужаснымъ страданіямъ. Къ сожалѣнію, это мало вѣроятно.

22 декабря 1917 года

Все утро было посвящено первому совмѣстному засѣданію союзниковъ, на которомъ были академически установлены только что мною указанныя, обсужденныя съ Кюльманомъ положенія. Днемъ состоялось первое пленарное засѣданіе, оно было открыто принцемъ Баварскимъ, и на немъ предсѣдательствовалъ Кюльманъ. Было рѣшено, что предсѣдательство будетъ поочередно передаваться по латинскому алфавиту принимающихъ участіе государствъ, т.-е. Allemagne, Autriche etc. Докторъ Кюльманъ просилъ господина Іоффе изложить намъ принципы, которые по его мнѣнію должны быть положены въ основу будущаго мира и русскій делегатъ вслѣдъ

за этимъ изложилъ уже извѣстные по газетамъ 4 основныхъ положенія. Мы приняли предложеніе къ свѣдѣнію и заявили, что мы послѣ нашего взаимнаго совѣщанія дадимъ возможно болѣе скорый отвѣтъ. Таково было теченіе перваго краткаго засѣданія мирнаго конгресса.

23 декабря 1917 года

Рано утромъ мы съ Кюльманомъ выработали нашъ отвѣтъ. Онъ уже извѣстенъ изъ газетъ. Работа была чрезвычайно трудна. Кюльманъ лично стоитъ за всеобщій миръ, но онъ боится вмѣшательства военныхъ, желающихъ заключить миръ только послѣ полной побѣды; въ концѣ концовъ, намъ удалось составить отвѣтъ. Тогда начались новыя трудности съ турками. Эти заявили, что они должны настаивать, чтобы немедленно послѣ заключенія мира Россія вывела свои войска съ Кавказа. На это требованіе не могли согласиться германцы, ибо оно implicite заключало согласіе на одновременный выводъ войскъ изъ Польши, Курляндіи и Литвы, на что Германія не могла пойти. Послѣ жаркихъ споровъ и повторныхъ усилій съ трудомъ удалось заставить турокъ отказаться отъ ихъ требованій. Второе опасеніе турокъ заключалось въ томъ, что Россія не достаточно ясно отказалась отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла. Тѣмъ не менѣе, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что внутренное положеніе Австро-Венгріи представляетъ еще болѣе благопріятную почву для русскаго вмѣшательства, чѣмъ положеніе Турціи, и что, если это не вызываетъ у меня опасеній, то онъ возьметъ обратно и свои.

Болгары, главой делегаціи которыхъ является министръ юстиціи Поповъ и которые отчасти не понимаютъ по-нѣмецки, а отчасти плохо знаютъ по-французски и поэтому поняли смыслъ нашего отвѣта только потомъ, заявили, что они свое отношеніе къ нему выскажутъ только 24-го.

24 декабря 1917 года

Утромъ и днемъ чрезвычайно длительныя совѣщанія съ болгарами, во время которыхъ я съ Кюльманомъ, съ одной стороны, и болгарскіе представители, съ другой, ведемъ ожесточенные споры. Болгарскіе делегаты требуютъ включенія въ отвѣтъ спеціальнаго пункта, по которому для Болгаріи дѣлаются исключенія въ формулѣ о недопустимости аннексій и контрибуцій въ томъ смыслѣ, что пріобрѣтенія Болгаріей румынскихъ и сербскихъ областей не можетъ считаться аннексіей. Эта оговорка, само собой разумѣется, уничтожила бы совершенно всю нашу работу и мы ни подъ какимъ видомъ не могли на нее согласиться. Бесѣда одно время велась въ очень возбужденномъ тонѣ и болгарскіе делегаты дошли даже до угрозы, что они уѣдутъ, если мы не пойдемъ на уступки. Кюльманъ и моя малость оставались совершенно тверды и заявили имъ, что мы ничего не имѣемъ противъ ихъ отъѣзда, что мы не имѣемъ ничего противъ, чтобы они даже бы дали свой самостоятельный отвѣтъ, но что въ редактированномъ нами отвѣтѣ ничего не будетъ измѣнено. Въ виду того, что эти переговоры ни къ чему не привели, пленарное засѣданіе было отложено на 25-ое и болгарскіе делегаты телеграфно запросили Софію о новыхъ инструкціяхъ.

Болгары получили отрицательный отвѣтъ.

Они очень подавлены и не ставятъ больше никакихъ препятствій при выработкѣ общаго плана дѣйствій. Такимъ образомъ, пока эта сторона дѣла въ порядкѣ.

Днемъ у меня опять былъ споръ съ германцами. Германскіе военные «боятся», что Антанта можетъ согласиться на всеобщій миръ, ибо тогда она можетъ закончить войну «не безъ прибыли». Нельзя слушать этой болтовни. Если имъ дѣйствительно удастся одержать на западномъ фронтѣ большія побѣды, которыхъ такъ опредѣленно ждутъ германскіе генералы, то ихъ требованія станутъ безграничными и еще болѣе затруднятъ всякіе переговоры.

25 Декабря 1917 года

Сегодня состоялось пленарное засѣданіе, на которомъ мы сообщили русскимъ нашъ отвѣтъ на ихъ мирное предложеніе. Я предсѣдательствовалъ и прочелъ этотъ отвѣтъ, на него отвѣчалъ Іоффе. Такимъ образомъ, предложеніе всеобщаго мира сдѣлано и мы ждемъ отвѣта. Чтобы не терять времени, мы продолжаемъ наши переговоры, касающіеся Россіи. Въ этомъ отношеніи мы сдѣлали большой шагъ впередъ и, быть можетъ, прошли черезъ самое трудное. Возможно, что вчерашній день былъ рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ всемірной исторіи.

26 декабря 1917 года

Въ 9 часовъ утра начались переговоры по спеціальнымъ вопросамъ. Приготовленная Кюльманомъ программа, касающаяся экономическихъ вопросовъ и вопросовъ представительства, была такъ скоро и гладко принята, что уже въ 11 часовъ засѣданіе должно было быть прервано за отсутствіемъ матеріала. Быть можетъ, это хорошее предзнаменованіе.

Сегодняшній день будетъ использованъ моими сотрудниками тѣмъ, что они занесутъ результаты переговоровъ въ протоколъ; завтра засѣданіе будетъ продолжено, будутъ обсуждаться территоріальные вопросы.

26 декабря 1917 года

Вечеромъ передъ обѣдомъ Гофманъ сообщилъ русскимъ о германскихъ планахъ относительно окраинныхъ областей. Положеніе таково: пока продолжается война на западѣ, германцы не могутъ очистить Курляндіи и Литвы, ибо не говоря о томъ, что они хотятъ удержать ихъ въ качествѣ залога до переговоровъ о всеобщемъ мирѣ, эти области являются еще необходимыми для снабженія арміи. Желѣзнодорожный матеріалъ, фабрики и, прежде всего, продовольствіе необходимы, пока длится война. Естественно, что они не могутъ очистить эти области сейчасъ. Послѣ заключенія мира вопросъ рѣшитъ право на самоопредѣленіе этихъ областей. Но въ томъ и заключается самая большая трудность, какъ будетъ осуществлено это право на самоопредѣленіе.

Русскіе, конечно, не хотятъ, чтобы голосованіе происходило въ то время, когда въ этихъ областяхъ еще находятся германскіе штыки — а германцы, со своей стороны, утверждаютъ, что безпримѣрный большевистскій терроръ лишитъ выборы всякаго значенія, такъ какъ «буржуа» по мнѣнію большевиковъ не люди.

Моя мысль поручить контроль нейтральному государству была отклонена обѣими сторонами. Во время войны ни одно нейтральное государство не согласится на такую роль, а нѣмецкая оккупація должна прекратиться до общаго мира. De facto обѣ спорющія стороны боятся террора противника и обѣ хотятъ сами его примѣнять. —

У меня много свободнаго времени. То турки еще не готовы, то болгары, то устраиваютъ отдѣльное совѣщаніе русскіе, и засѣданія откладываются или, едва начавшись, обрываются.

Я читаю теперь мемуары изъ французской революціи. Это очень своевременное чтеніе, принимая во вниманіе то, что происходитъ теперь въ Россіи и возможно произойдетъ во всей Европѣ. Тогда не было еще большевиковъ, но тогда въ Парижѣ, какъ теперь въ Петербургѣ были люди, которые подъ лозунгами свободы тираннизировали міръ. Шарлотта Кордэ сказала: я убила не человѣка, но дикаго звѣря. — Эти большевики тоже исчезнутъ и, кто знаетъ, не найдется ли Кордэ и для Троцкаго.

Одинъ изъ русскихъ разсказывалъ мнѣ о царской семьѣ и о той обстановкѣ, въ которой она жила. Онъ съ большимъ уваженіемъ отзывался о Николаѣ Николаевичѣ, какъ о сильномъ человѣкѣ, полномъ энергіи и отваги, котораго надо уважать, даже будучи его врагомъ. Въ противоположность ему, царь, будто бы, трусливъ, лживъ и достоинъ презрѣнія. Буржуазія доказала свою неспособность тѣмъ, что она терпѣла

такого императора. Вообще по его мнѣнію всѣ монархи въ большей или меньшей степени дегенераты, и онъ не понимаетъ, какъ можно признавать такую форму правленія, при которой существуетъ опасность, что глава государства можетъ быть дегенератомъ. Я возражалъ ему, что у монархіи прежде всего то преимущество, что по крайней мѣрѣ одно мѣсто въ государствѣ не является объектомъ личнаго карьеризма; что же касается дегенераціи, то это часто дѣло точки зрѣнія; есть также дегенеративные некоронованные главы государствъ. По мнѣнію моего собесѣдника, этой опасности нѣтъ, если онъ выбирается народомъ. Я отвѣчалъ, что г-нъ Ленинъ, напримѣръ, не былъ избранъ и мнѣ кажется сомнительнымъ, былъ ли бы онъ избранъ, если бы выборы прошли свободно, безъ давленія. — Быть можетъ, и въ Россіи можно найти людей, которые со своей стороны обвиняютъ его въ дегенеративности.

27 декабря 1917 года

Русскіе въ отчаяніи; часть ихъ хочетъ уѣзжать. Они думали, что германцы просто откажутся отъ оккупированныхъ областей и отдадутъ ихъ большевикамъ. Длительныя совѣщанія между русскими, Кюльманомъ и мною. Время отъ времени въ нихъ принимаетъ участіе и Гофманъ. Я формулировалъ слѣдующія положенія:

I. Пока не заключенъ всеобщій миръ, мы не можемъ отдать оккупированныя области; онѣ являются областями, снабжающими наши арміи (фабрики, дороги, воздѣлываемыя поля и т. д.).

II. Послѣ заключенія всеобщаго мира въ Польшѣ, Курляндіи и Литвѣ должно произойти народное голосованіе, которое рѣшитъ судьбу этихъ народовъ. Форма этого голосованія подлежитъ еще обсужденію, дабы русскіе получили увѣренность, что голосованіе пройдетъ безъ принужденія. Это повидимому не удовлетворяетъ ни тѣхъ, ни другихъ. Положеніе очень ухудшилось.

Послѣ полудня. Положеніе все ухудшается. Бѣшенныя телеграммы отъ Гинденбурга объ «отказѣ» отъ всего. Лудендорфъ телефонируетъ каждый часъ; новые припадки бѣшенства. Гофманъ очень раздраженъ. Кюльманъ «холоденъ»*, какъ всегда. Русскіе заявляютъ, что неопредѣленность нѣмецкихъ заявленій относительно свободы голосованія непріемлема. Я заявилъ Кюль-и Гоф-манамъ, что я буду идти вмѣстѣ съ ними до конца, но если ихъ усилія не приведутъ ни къ чему, то я вступлю съ русскими въ сепаратные переговоры, такъ какъ ни Берлинъ, ни Петербургъ не хотятъ свободнаго голосованія; Австро-Венгрія же желаетъ получить наконецъ миръ. Кюльманъ понимаетъ мою точку зрѣнія и говоритъ, что онъ скорѣе самъ у й д е т ъ, чѣмъ допуститъ разрывъ переговоровъ. Онъ просилъ меня письменно изложить мою точку зрѣнія. Это «усилитъ» его положеніе. Просьба исполнена. Онъ протелеграфировалъ объ этомъ императору.

Вечеръ. Кюльманъ думаетъ, что завтра будетъ разрывъ или дѣло наладится.

28 декабря

Настроеніе вялое. Новые гнѣвные выпады изъ Крейцнаха**. Въ противоположность имъ въ полдень телеграмма Бушэ: Гертлингъ имѣлъ докладъ у императора Вильгельма и этотъ послѣдній вполнѣ удовлетворенъ. Кюльманъ сказалъ мнѣ: императоръ единственно разумный человѣкъ во всей Германіи.

Мы въ концѣ концовъ примирились на комиссіоной формулѣ, т.-е. въ Брестѣ должна быть создана комиссія ad hoc, которая должна выработать детальный планъ относительно очищенія и голосованія. Это tant bien que mal временный выходъ. Всѣ уѣзжаютъ домой для представленія докладовъ. Ближайшее засѣданіе назначено на 5 января 1918 года.

---

* Не поддающаяся переводу игра словъ. Kühlmann обозначаетъ «холоднаго человѣка». Прим. пер.

** Крейцнахъ — Германская Ставка. Прим. пер.

Русскіе опять немного повеселѣли.

Вечеромъ за обѣдомъ я держалъ отъ имени русскихъ и четвернаго союза благодарственную рѣчь принцу Леопольду. Онъ тотчасъ же отвѣтилъ и очень мило, но потомъ сказалъ мнѣ: это было неожиданнымъ нападеніемъ. Для меня это тоже было неожиданнымъ, ибо германцы обратились ко мнѣ съ просьбой сказать рѣчь лишь во время обѣда.

Въ 10 часовъ вечера отъѣздъ въ Вѣну.

Отъ 29 до утра 3-го я былъ въ Вѣнѣ. Двѣ продолжительныя аудіенціи у императора дали мнѣ возможность сдѣлать докладъ о Брестѣ. Онъ, конечно, совершенно одобряетъ ту точку зрѣнія, что надо, если только возможно, добиться мира.

Я отправилъ заслуживающее довѣрія лицо въ окраинныя области, чтобы установить, каково на самомъ дѣлѣ тамъ настроеніе. Онъ сообщаетъ, что всѣ, кто только не большевикъ, настроены противъ большевиковъ. Вся буржуазія, крестьяне, короче говоря, всѣ имѣющіе какую либо собственность дрожатъ передъ этими красными разбойниками и тянутся къ Германіи.

Терроръ, проводимый Ленинымъ, какъ говорятъ, не поддается описанію. Даже въ Петербургѣ всѣ страстно желаютъ вступленія нѣмецкихъ войскъ, чтобы быть освобожденными отъ этихъ людей.

3 января 1918 года

На обратномъ пути.

Въ поѣздѣ на пути въ Брестъ на одной изъ станцій я въ 6 часовъ вечера получилъ слѣдующую шифрованную телеграмму отъ оставшагося въ Брестѣ барона Гауша:

«Отъ русской делегаціи сегодня утромъ получена слѣдующая телеграмма изъ Петербурга по аппарату Юза: генералу Гофману для господъ представителей германской, австро-венгерской, болгарской и турецкой делегацій. Правительство русской республики считаетъ необходимымъ дальнѣйшіе переговоры вести на нейтральной территоріи и, со своей стороны, предлагаетъ перенести переговоры въ Стокгольмъ. Что касается отношенія къ предложеніямъ, высказаннымъ германской и австро-венгерской делегаціями въ пунктахъ первомъ и второмъ, то правительство русской республики а также и всероссійскій центральный исполнительный комитетъ совѣтовъ рабочихъ солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ въ полномъ согласіи съ высказаннымъ нашей делегаціей мнѣніемъ полагаютъ, что эти предложенія противорѣчатъ принципу самоопредѣленія націй даже въ той ограниченной формулировкѣ, которая была дана въ пунктѣ третьемъ отвѣтной декларациіи четверного союза отъ 12-го предыдущаго мѣсяца Предсѣдатель русской делегаціи А. Іоффе.» Майоръ Бринкманъ уже сообщилъ по телефону объ этомъ находящейся на пути въ Брестъ германской делегаціи. Господинъ фонъ Кюльманъ велѣлъ по телефону же дать отвѣтъ, что онъ продолжаетъ свою поѣздку и прибудетъ сегодня вечеромъ въ Брестъ.

Я, конечно, также не прерываю своего путешествія и считаю маневръ русскихъ блеффомъ; если они и не пріѣдутъ, то мы будемъ вести переговоры съ украинцами, которые должны быть уже въ Брестѣ.

Въ Вѣнѣ я видѣлся изъ политическихъ дѣятелей съ Беккомъ, Бернрейтеромъ, Гаузеромъ, Векерле, Зейдлеромъ и нѣкоторыми другими. Всѣ единогласно заявляютъ: миръ долженъ быть заключенъ, но сепаратный миръ — безъ Германіи — невозможенъ.

Но какъ я этого долженъ добиться, если ни Германія, ни Россія не захотятъ образумиться, этого мнѣ никто не сказалъ.

4 января 1918 года

Ночью была ужасная снѣжная метель. Отопленіе въ поѣздѣ замерзло и пребываніе въ немъ мало пріятно. Утромъ, когда я проснулся въ Брестѣ на

запасныхъ путяхъ стояли поѣзда болгаръ и турокъ. День изумительный, холодно, воздухъ, какъ въ С. Морицѣ. Я пошелъ къ Кюльману, завтракалъ съ нимъ и обсуждалъ обстановку въ Берлинѣ. По его словамъ, въ Берлинѣ всѣ страшно возбуждены. Кюльманъ предложилъ Людендорфу, чтобы онъ поѣхалъ съ нимъ въ Брестъ и принялъ участіе въ переговорахъ. Но послѣ многочасовой бесѣды выяснилось, что самъ Людендорфъ собственно толкомъ не знаетъ, чего онъ хочетъ, и онъ самъ заявилъ, что находитъ свою поѣздку въ Брестъ излишней, «все что онъ можетъ тамъ сдѣлать, это напортить». Боже милостивый, дай этому человѣку почаще такія минуты просвѣтлѣнія. Производитъ такое впечатлѣніе, что все озлобленіе вызвано скорѣе ревностью къ Кюльману, чѣмъ существомъ дѣла. Міръ не долженъ думать, что «дипломатическое искусство», а не военные успѣхи, привели къ заключенію мира. Генералъ Гофманъ повидимому былъ очень отличенъ императоромъ Вильгельмомъ, и онъ, какъ и Кюльманъ даютъ понять, что они довольны результатами своей поѣздки.

Мы обсудили отвѣтную телеграмму въ Петербургъ, въ которой отклоняется конференція въ Стокгольмѣ, и нашу тактику на будущее время. Мы сошлись на томъ, что если русскіе не пріѣдутъ, то мы заявимъ о прекращеніи перемирія, и должны будемъ пойти на рискъ ожиданія, какъ къ этому отнесутся въ Петербургѣ. Въ этомъ вопросѣ между мною и Кюльманомъ царило полное согласіе. Тѣмъ не мнѣе, настроеніе, какъ у насъ, такъ и у германцевъ было очень подавленное. Не подлежитъ сомнѣнію, что если русскіе окончательно прервутъ переговоры, то положеніе будетъ очень тяжелое. Единственное спасеніе положенія въ быстрыхъ и энергичныхъ переговорахъ съ украинской депутаціей и мы приступили поэтому къ этой работѣ тотчасъ же днемъ. Такимъ образомъ, есть еще надежда, что въ этомъ отношеніи въ ближайшее время мы добьемся положительныхъ результатовъ.

Вечеромъ послѣ обѣда пришла телеграмма изъ Петербурга, извѣщавшая о прибытіи делегаціи вмѣстѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Троцкимъ. Было любопытно видѣть, какая радость охватила германцевъ и эта неожиданная и столь бурно проявившаяся веселость доказала, какъ тяжела была для нихъ мысль, что русскіе могутъ не пріѣхать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это означаетъ большой шагъ впередъ и у насъ всѣхъ чувство, что мы теперь дѣйствительно находимся на пути къ заключенію мира.

5 января 1918 года

Въ 7 часовъ утра нѣкоторые члены делегаціи вмѣстѣ съ принцемъ Леопольдомъ Баварскимъ отправились на охоту. Мы проѣхали по желѣзной дорогѣ отъ 20 до 30 километровъ, а потомъ въ открытыхъ автомобиляхъ поѣхали въ замѣчательный дѣвственный лѣсъ, занимающій площадь отъ 200 до 300 кв. километровъ. Погода очень холодна, но прекрасна. Много снѣга и пріятное общество. Дичи противъ всѣхъ ожиданій очень мало. Адъютантъ принца загналъ кабана, другой подстрѣлилъ двухъ зайцевъ. Вотъ и все. Возвратились въ 6 час вечера.

6 января 1918

Сегодня происходили первые переговоры съ украинскими делегатами; присутствовали они всѣ вмѣстѣ со своимъ шефомъ. Украинцы рѣзко отличаются отъ русскихъ делегатовъ. Они значительно менѣе революціонны и питаютъ несравненно больше интереса къ своей странѣ, и менѣе интереса къ всеобщему соціализму. Они собственно не интересуются Россіей, но исключительно Украиной и всѣ ихъ усилія направлены къ тому, чтобы какъ можно скорѣй добиться самостоятельности. А должна ли быть эта самостоятельность полной, международной или только въ рамкахъ русскаго федеративнаго государства — это, повидимому, для нихъ не ясно. Очевидно, что очень умные украинскіе делегаты желаютъ использовать насъ какъ трамплинъ, оттолкнувшись

отъ котораго, они надѣются обрушиться на большевиковъ. По ихъ тактикѣ мы должны признать ихъ самостоятельность, тогда они поставятъ большевиковъ передъ этимъ fait accompli и принудятъ ихъ признать за ними ихъ полное равноправіе въ вопросѣ обсужденія и заключенія мира. Въ нашихъ же интересахъ, принудить украинцевъ согласиться на наши основы мира, или же отколоть ихъ отъ петербуржцевъ. На ихъ желаніе самостоятельности мы имъ заявили, что мы готовы признать ихъ самостоятелность, если украинцы со своей стороны признаютъ слѣдующіе три пункта: во первыхъ, окончаніе переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ, а не въ Стокгольмѣ, признаніе старой государственной границы между Австро-Венгріей и Украиной и, въ третьихъ, невмѣшательство одного государства во внутреннія дѣла другого. Характерно, что на это предложеніе не получено еще никакого отвѣта.

7 января 1918

Утромъ прибыли всѣ русскіе подъ предводительствемъ Троцкаго. Они просили тотчасъ передать, что они извиняются, что не смогутъ принимать участіе въ общихъ трапезахъ. Да и кромѣ этого ихъ не видно. И повидимому, теперь дуетъ совсѣмъ другой вѣтеръ, чѣмъ въ послѣдній разъ. Германскій офицеръ, привезшій русскую делегацію изъ Минска, полковникъ баронъ Ламецанъ разсказывалъ интересныя детали объ этомъ путешествіи. Прежде всего, онъ утверждаетъ, что окопы передъ Двинскомъ совершенно пусты и что кромѣ нѣсколькихъ постовъ тамъ вообще нельзя встрѣтить русскихъ. Далѣе, что на безчисленныхъ станціяхъ делегатовъ ожидали депутаты, единогласно требовавшіе мира. Троцкій отвѣчалъ всѣмъ въ высшей степени искусно и дружественно, но это на него производило все болѣе подавляющее впечатлѣніе. У барона Ламецана создалось впечатлѣніе, что русскіе делегаты находятся въ совершенно отчаянномъ положеніи, такъ какъ они могутъ выбирать только между двумя возможностями, вернуться или безъ мира, или со сквернымъ миромъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ они будутъ прогнаны. Кюльманъ сказалъ: Ils n'ont que le choix à quelle sauce ils se feront manger. На это я отвѣтилъ ему: Tout comme chez nous.

Только что пришла телеграмма изъ Будапешта о враждебныхъ демонстраціяхъ по отношенію къ Германіи. Въ германскомъ консульствѣ были выбиты окна; ясный симптомъ, каково было бы настроеніе, если бы миръ не удался изъ за нашихъ требованій.

8 января 1918 года

Турецкій великій визирь Талаатъ Паша прибылъ въ ночь на сегодня и только что былъ у меня. Онъ повидимому всецѣло за то, чтобы заключить миръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ склоняется къ тому, чтобы въ случаѣ возможнаго конфликта съ Германіей выдвинуть меня впередъ, а самому остаться на заднемъ планѣ. Талаатъ Паша одинъ изъ способнѣйшихъ и, быть можетъ, самый энергичный изъ всѣхъ турецкихъ дѣятелей.

До революціи онъ былъ маленькимъ телеграфнымъ чиновникомъ и входилъ въ революціонный комитетъ. Въ качествѣ чиновника онъ перехватилъ правительственную телеграмму, доказывавшую ему, что революціонныя стремленія открыты и игра проиграна, если тотчасъ же не выступить. Онъ задержалъ телеграмму, предупредилъ Революціонный Комитетъ и убѣдилъ его тотчасъ же выступить. Это удалось, султанъ былъ низложенъ и Талаатъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ. Съ желѣзной энергіей въ свою очередь, началъ онъ бороться съ противоположными тенденціями. Позднѣе онъ сталъ великимъ визиремъ и вмѣстѣ съ Энверъ-Пашой онъ олицетворялъ волю и мощь Турціи.

Сегодня днемъ состоится бесѣда пяти руководителей делегацій союзниковъ и Россіи, послѣ этого — пленарное засѣданіе.

Только что засѣданіе отложено, такъ какъ украинцы еще не кончили своихъ приготовленій. Поздно вечеромъ у меня была бесѣда съ Кюльманомъ и Гофманомъ, во время которой мы довольно хорошо спѣлись по вопросу о тактикѣ. Я имъ вновь заявилъ, что я пойду вмѣстѣ съ ними и до послѣдней возможности буду защищать ихъ требованія, но въ тотъ моментъ, когда германцы окончательно порвутъ съ русскими, я сохраню за собою полную свободу дѣйствій. У меня было впечатлѣніе, что оба они достаточно ясно поняли мою точку зрѣнія, особенно Кюльманъ, который если бы это отъ него зависѣло, навѣрное, не далъ бы переговорамъ окончиться ничѣмъ. Въ частности мы сошлись на томъ, что мы въ ультимативной формѣ будемъ требовать продолженіе переговоровъ въ Брестъ-Литовскѣ.

9 января 1918

Руководясь принципомъ, что ударъ является лучшей защитой, мы рѣшили не дать русскому министру иностранныхъ дѣлъ даже возможности высказаться, но немедленно предъявить ультиматумъ.

Троцкій явился съ большой рѣчью, но успѣхъ нашего нападенія былъ столь великъ, что онъ тотчасъ просилъ отложить засѣданіе, такъ какъ новое положеніе требуетъ новыхъ рѣшеній. Перенесеніе конференціи въ Стокгольмъ было бы нашей гибелью, такъ какъ въ этомъ случаѣ было бы совершенно невозможно устранить оттуда большевиковъ всѣхъ странъ и все то, что мы съ самаго начала съ громадными усиліями старались избѣжать-какъ бы у насъ не были вырваны возжи и эти элементы не взяли на себя руководство, это неминуемо бы случилось. Теперь нужно обождать, что принесетъ намъ завтрашній день: или побѣду, или полный крахъ переговоровъ.

Троцкій несомнѣнно интересный и ловкій человѣкъ и очень опасный противникъ. У него совершенно исключительный ораторскій талантъ, быстрота и находчивость репликъ, которые мнѣ рѣдко приходилось наблюдать и при этомъ рѣдкая наглость, соотвѣтствующая его расѣ.

10 января 1918

Засѣданіе только что кончилось. Троцкій въ большой, разсчитанной на всю Европу и въ своемъ родѣ дѣйствительно красивой рѣчи уступилъ по всѣмъ пунктамъ. Онъ принимаетъ, какъ онъ заявилъ, германско-австрійско-венгерскій «ультиматумъ» и остается въ Брестъ-Литовскѣ, такъ какъ онъ не хочетъ намъ доставить удовольствіе свалить вину за продолженіе войны на Россію. Въ связи съ рѣчью Троцкаго тотчасъ была конструирована комиссія, которая займется обсужденіемъ непріятныхъ территоріальныхъ вопросовъ. Я старался попасть въ комиссію, такъ какъ я хотѣлъ непрерывно контролировать ходъ столь важныхъ переговоровъ. Это было не такъ легко, такъ какъ эти вопросы по существу касались только Курляндіи и Литвы, т. е. не насъ, а Германіи.

Вечеромъ у меня была продолжительная бесѣда съ Кюль- и Гоф-маномъ, во время которой генералъ и стаатсъ-секретарь довольно рѣзко разошлись другъ съ другомъ. Упоенный успѣхомъ нашего, предъявленнаго Россіи, ультиматума Гофманъ хотѣлъ продолжать въ томъ же тонѣ и дать русскимъ «еще одинъ хорошенькій ударъ по головѣ». Кюльманъ и я стояли на противоположной точкѣ зрѣнія и требовали приступа къ спокойнымъ и дѣловымъ переговорамъ, гдѣ каждый параграфъ одинъ за другимъ были бы разъяснены, а неясные отложены. Лишь послѣ того, какъ будетъ окончена эта работа очищенія, надо будетъ по телеграфу запросить у обоихъ императоровъ директивъ для рѣшенія вопроса объ остающихся невыясненныхъ и собранныхъ вмѣстѣ параграфахъ. Это несомнѣнно самый вѣрный путь для того, чтобы избѣжать крушенія и схода съ рельсъ.

Новый конфликтъ съ украинцами. Эти послѣдніе требуютъ признанія ихъ самостоятельности и заявляютъ, что они уѣдутъ, если это не будетъ сдѣлано.

Адлеръ разсказывалъ мнѣ въ Вѣнѣ, что Троцкій оставилъ свою библіотеку, которую онъ очень цѣнитъ, какъ кажется, у нѣкоего Бауера въ Вѣнѣ. Я сказалъ Троцкому, что я распоряжусь о присылкѣ ему его библіотеки, если бы онъ этого хотѣлъ. Вслѣдъ за тѣмъ я просилъ его облегчить положеніе нѣкоторыхъ военноплѣнныхъ, такъ напримѣръ, Л. К. и В., относительно которыхъ были свѣдѣнія, что съ ними со всѣми болѣе или менѣе скверно обращаются; Троцкій принялъ это къ свѣдѣнію, заявилъ, что онъ противъ сквернаго обращенія съ военно-плѣнными и обѣщалъ навести справки; но онъ подчеркнулъ, что его готовность пойти навстрѣчу не стоитъ ни въ какой связи съ вопросомъ о библіотекѣ. Онъ при всякихъ обстоятельствахъ обратилъ бы вниманіе на мою просьбу. Библіотеку онъ хотѣлъ бы получить.

11 января 1918.

Утромъ и днемъ продолжительныя засѣданія комиссіи по территоріальнымъ вопросамъ. Съ нашей стороны въ комиссіи принимали участіе Кюльманъ, Гофманъ, Розенбергъ, одинъ изъ секретарей, далѣе моя малость, Чичериксъ, Визнеръ и Коллоредо. Русскіе присутствовали въ полномъ составѣ, однако безъ украинцевъ. Я заявилъ Кюльману, что я хочу присутствовать лишь въ качествѣ секунданта, такъ какъ германскіе интересы въ этомъ вопросѣ несравненно болѣе затронуты, чѣмъ наши. Я лишь время отъ времени вмѣшиваюсь въ обсужденіе.

Троцкій сегодня днемъ совершилъ тактическую ошибку. Въ своей доходящей до рѣзкости рѣчи, заявилъ онъ намъ, что мы играемъ фальшивую игру, мы хотимъ аннексій и придаемъ этимъ аннексіямъ видъ права на самоопредѣленіе. Никогда онъ на это не согласится и скорѣе прервetъ переговоры, чѣмъ будетъ ихъ продолжать въ такомъ духѣ. Если бы мы были честны, то мы позволили бы пріѣхать въ Брестъ представителямъ Польши, Курляндіи и Литвы, чтобы здѣсь независимо отъ нашего вліянія они высказали свои взгляды. Къ этому надо прибавить, что съ начала переговоровъ идетъ споръ о томъ, правомочны ли нынѣ существующіе въ оккупированныхъ областяхъ законодательные органы говорить отъ имени своихъ народовъ. Мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно, русскіе отрицательно. Мы тотчасъ же приняли предложеніе Троцкаго пригласить представителей этихъ народностей въ Брестъ, но присовокупили къ этому, что признавая ихъ свидѣтельства, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ ихъ заявленія для насъ рѣшающими.

Интересно было наблюдать, какъ охотно Троцкій взялъ бы обратно то, что онъ сказалъ, но онъ тотчасъ же нашелся въ новомъ положеніи, сохранилъ свою выдержку и попросилъ прервать засѣданіе на 24 часа, такъ какъ онъ долженъ обсудить со своими коллегами вновь создавшееся положеніе послѣ нашего столь многозначительнаго отвѣта. Я думаю, что Троцкій не будетъ дѣлать никакихъ трудностей. Если бы поляки могли быть привлечены, то это было бы хорошо; трудность заключается въ томъ, что и германцы не хотятъ поляковъ, такъ какъ знаютъ и ихъ антипрусское настроеніе.

11 января 1918

У Радека вышла ссора съ германскимъ шоферомъ, что имѣло и свой эпилогъ. Генералъ Гофманъ предоставилъ русскимъ автомобиль, они пользовались имъ для прогулокъ; на этотъ разъ автомобиль не былъ своевременно поданъ. Радекъ устроилъ шоферу грубую сцену, послѣдній пожаловался и Гофманъ взялъ шофера подъ свое покровительство. Троцкій, повидимому, призналъ точку зрѣнія Гофмана правильной и онъ вообще з а п р е т и л ъ всей делегаціи катаніе. Они получили свое, получили по заслугамъ.

Никто не пикнулъ. Они вообще всѣ трепещутъ передъ Троцкимъ и на засѣданіяхъ въ присутствіи Троцкаго никто не смѣетъ рта открыть.

12 января 1918

Гофманъ произнесъ свою несчастную рѣчь. Онъ работалъ надъ ней много времени и очень гордился ожидающимъ его успѣхамъ. Кюльманъ и я не скрыли отъ него, что онъ этой рѣчью достигнетъ лишь того, что страна начнетъ насъ травить. Это произвело на него извѣстное впечатлѣніе, которое однако было заглажено быстро пришедшей похвалой Людендорфа. Положеніе, во всякомъ случаѣ, обострилось, что было излишнимъ.

15 января 1918

Сегодня я получилъ письмо отъ одного изъ нашихъ намѣстниковъ, обращающее мое вниманіе на то, что намъ непосредственно угрожаетъ катастрофа, вызываемая недостаткомъ питанія.

Я тотчасъ же протелеграфировалъ императору слѣдующее: «Я получилъ только что письмо намѣстника N. N., которое подтверждаетъ всѣ мои постоянно повторяемыя Вашему Величеству опасенія, и констатируетъ, что въ вопросѣ продовольствія намъ угрожаетъ непосредственная катастрофа. Положеніе, вызванное легкомысліемъ и неспособностью министровъ — ужасно и я боюсь, что уже поздно предупредить катастрофу, которую мы должны ожидать въ ближайшіе же дни. Мой освѣдомитель пишетъ мнѣ слѣдующее: «Изъ Венгріи мы получаемъ только незначительныя количества, изъ Румыніи лишь 10 000 вагоновъ маиса. Намъ не хватаетъ, по крайней мѣрѣ, 30 000 вагоновъ зерна, безъ которыхъ мы просто должны погибнуть. Я отправился, узнавъ о таковомъ положеніи дѣлъ, къ министру президенту, чтобы переговорить съ нимъ объ этомъ. Я сказалъ ему каково положеніе: черезъ нѣсколько недѣль остановится наша военная промышленность, движеніе желѣзныхъ дорогъ, снабженіе арміи сдѣлается невозможнымъ, армію ждетъ катастрофа, и эта катастрофа приведетъ къ полному крушенію Австріи, и, вслѣдствіе этого, также и Венгріи. Онъ отвѣчалъ на всѣ мои отдѣльные вопросы словами: «да, положеніе таково», и прибавлялъ, что дѣлается все возможное, чтобы исправить это положеніе, особенно въ отношеніи венгерскихъ поставокъ. Но никому, даже Его Величеству, не удалось чего либо добиться. Можно только надѣяться, что Deus ex machina спасетъ насъ отъ окончательной гибели».

Я прибавилъ къ этому:

«Я не нахожу словъ для того, чтобы правильно характеризовать апатію Зейдлера. Какъ часто и какъ настоятельно я просилъ Ваше Величество своимъ энергичнымъ вмѣшательствомъ принудить съ одной стороны Зейдлера, а съ другой Гадика привести дѣла въ порядокъ. Еще отсюда я письменно заклиналъ Ваше Величество дѣйствовать, пока еще есть время. Но все напрасно».

Я развивалъ далѣе ту мысль, что единственное спасеніе могло бы заключаться въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе получить временную помощь изъ Германіи и затѣмъ реквизировать несомнѣнно находящіеся еще въ Венгріи запасы; въ заключеніе я просилъ императора освѣдомить австрійскаго министра президента объ этой телеграммѣ.

16 января 1918 года

Отчаянные крики о помощи и требованія продовольствія изъ Вѣны. Я долженъ тотчасъ обратиться съ просьбой о помощи въ Берлинъ, въ противномъ случаѣ мы наканунѣ катастрофы. Я отправилъ слѣдующій отвѣтъ генералу Ландверу:

«Докторъ Кюльманъ отправилъ телеграмму въ Берлинъ, но мало надѣется на успѣхъ. Единственная надежда въ томъ, что Его Величество, слѣдуя моему совѣту, немедленно и срочно протелеграфируетъ императору Вильгельму.

Послѣ моего возвращенія я изложу Его Величеству мою точку зрѣнія, заключающуюся въ томъ, что невозможно продолжать руководить внѣшней политикой, если продовольственный аппаратъ столь скверно функціонируетъ. Ваше превосходительство еще нѣсколько недѣль тому назадъ положительно утверждало, что мы сможемъ продержаться до ближайшаго урожая.»

Одновременно съ этимъ я отправилъ телеграмму императору: «Поступающія телеграммы доказываютъ, что положеніе у насъ начинаетъ становиться критическимъ. Что касается продовольствія, то мы сможемъ избѣжать катастрофы только при двухъ условіяхъ: во первыхъ, если намъ временно поможетъ Германія, и во вторыхъ, если мы используемъ эту временную поддержку для того, чтобы привести въ порядокъ нашъ функціонирующій ниже всякой критики продовольственный аппаратъ и захватимъ находящіеся еще въ Венгріи запасы.

Я только что описалъ доктору Кюльману все положеніе и онъ отправитъ телеграмму въ Берлинъ. Однако, онъ смотритъ очень пессимистически, такъ какъ сама Германія терпитъ большой недостатокъ. Я думаю, что единственная надежда на успѣхъ нашихъ шаговъ заключалась бы въ томъ, что Ваше Величество тотчасъ черезъ военное управленіе отправило бы по юзовскому аппарату непосредственно телеграмму императору Вильгельму, въ которой Вы его настойчиво просили бы самому вмѣшаться и, посылкой зерна воспрепятствовать — въ противномъ случаѣ неизбѣжному — взрыву революціи. Я особенно обращаю вниманіе еще и на то, что начало безпорядковъ у насъ въ тылу сдѣлаетъ совершенно невозможнымъ заключеніе мира здѣсь. Лишь только русскіе представители замѣтятъ приближеніе революціи, они откажутся отъ заключенія мира, такъ какъ всѣ ихъ разсчеты основаны на этомъ.

17 января 1918 года

Скверныя извѣстія изъ Вѣны и ея окрестностей; большія забастовки, вызываемыя уменьшенной выдачей муки и затяжнымъ характеромъ Брестскихъ переговоровъ. Слабость Вѣнскаго министерства превосходитъ всякія ожиданія.

Я отправилъ въ Вѣну телеграмму, въ которой я выражалъ надежду, что мнѣ удастся въ скоромъ времени обезпечить доставку продовольствія изъ Украины, если ближайшія недѣли въ тылу пройдутъ спокойно и заклиналъ сдѣлать все возможное, чтобы не воспрепятствовать заключенію здѣсь мира. Въ тотъ же день вечеромъ я отправилъ министру-президенту доктору Зейдлеру слѣдующую телеграмму:

«Я глубоко сожалѣю, что у меня нѣтъ власти исправить всѣ ошибки, совершенныя учрежденіями, завѣдующими продовольствіемъ.

Германія категорически заявляетъ, что она не можетъ прійти на помощь, такъ какъ у нея и для себя продовольствія слишкомъ мало.

Если бы Ваше превосходительство, или подчиненныя вамъ учрежденія своевременно обратили на это вниманіе, то была бы еще возможность подвезти румынскіе запасы. При настоящемъ положеніи вещей, я не вижу никакого другого выхода, какъ примѣненіе грубѣйшаго насилія въ реквизиціи и въ отправкѣ въ Австрію венгерскихъ запасовъ, до тѣхъ поръ, пока не будутъ подвезены румынскіе и, какъ я надѣюсь, украинскіе.»

20 января 1918 года

Переговоры привели къ тому результату, что Троцкій заявилъ, что непріемлемыя для него требованія германцевъ, онъ передастъ на обсужденіе въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ категорически обязался вернуться обратно. Онъ согласенъ на привлеченіе представителей окраинныхъ областей только въ томъ случаѣ, если ему будетъ предоставлено право выбора лицъ. Это непріемлемо. Съ украинцами, которые, несмотря на свою молодость, обнаружили достаточную зрѣлость, чтобы использовать благопріятное для нихъ

положеніе, переговоры подвигаются впередъ съ большимъ трудомъ. Сначала они потребовали восточной Галиціи для новой «Украины». Этого нельзя было даже поставить на обсужденіе. Тогда они сдѣлались скромнѣе, но съ тѣхъ поръ, какъ у насъ начались безпорядки, они знаютъ, каково наше положеніе и что мы д о л ж н ы заключить миръ, чтобы получить продовольствіе. Теперь они требуютъ предоставленія восточной Галиціи особыхъ правъ. Вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ Вѣнѣ и австрійское министерство должно сказать рѣшающее слово.

Зейдлеръ и Ландверъ еще разъ телеграфно заявили, что безъ украинскаго продовольствія катастрофа въ ближайшее время неминуема. Въ Украинѣ есть продовольственные продукты; если намъ удастся ихъ получить, то мы избѣгнемъ катастрофы.

Положеніе слѣдующее: безъ подвоза извнѣ — такъ утверждаетъ Зейдлеръ — черезъ нѣсколько недѣль начнется повальный моръ. Германія и Венгрія не даютъ больше ничего. Всѣ посланцы сообщаютъ, что на Украинѣ большіе избытки, вопросъ лишь въ томъ, сможемъ ли мы ихъ своевременно заполучить. Я надѣюсь на это. Но если мы не добьемся с к о р о мира, то у насъ повторятся безпорядки, а съ каждой новой демонстраціей въ Вѣнѣ намъ приходится дороже платить за миръ, такъ какъ господа Севрюкъ и Левицкій — по этимъ безпорядкамъ, какъ по термометру, точно опредѣляютъ степень нашего голода. Если бы люди, устроившіе эти демонстраціи, знали только, какъ они ими затруднили подвозъ украинскаго продовольствія! Мы были такъ близки къ подписанію договора!

Восточно-галиційскій вопросъ я передамъ австрійскому министерству; онъ долженъ быть рѣшенъ въ Вѣнѣ. Но холмскій вопросъ я беру на свою отвѣтственность, Я не могу и не имѣю права для сохраненія польскихъ симпатій смотрѣть, какъ сотни тысячъ умираютъ съ голоду, когда есть еще возможность помочь.

21 января 1918 года

Поѣздка въ Вѣну. Впечатлѣніе отъ вѣнскихъ безпорядковъ большее, чѣмъ я предполагалъ и дѣйствуетъ подавляюще. Украинцы не ведутъ больше переговоровъ. они д и к т у ю т ъ.

Въ пути, при чтеніи прежнихъ протоколовъ, я нашелъ замѣтки относительно бесѣдъ, имѣвшихъ мѣсто съ Михаэлисомъ 1-го августа. По этимъ замѣткамъ помощникъ статсъ секретаря фонъ-Штуммъ говорилъ слѣдующее: «Министерство иностранныхъ дѣлъ стоитъ въ связи съ украинцами и сепаратистское движеніе на Украинѣ очень сильно. Для поддержанія ихъ движенія украинцы просили, чтобы имъ было обѣщано присоединеніе Холмской губерніи и населенныхъ украинцами областей восточной Галиціи. Поскольку Галиція принадлежитъ Австріи, постольку стремленіе присоединить восточную Галицію не выполнимо. Иначе обстояло бы дѣло, если бы Галиція соединена была съ Польшей — тогда бы уступка восточной Галиціи была возможна».

Повидимому, возбуждающій споры, вопросъ уже давно предрѣшенъ германцами. 22 января имѣло мѣсто совѣщаніе, на которомъ былъ рѣшенъ украинскій вопросъ. Императоръ открылъ совѣщаніе, послѣ чего предоставилъ слово мнѣ. Я указалъ прежде всего на трудности, противостоящія заключенію мира съ Петербургомъ, трудности уже извѣстныя по предыдущимъ замѣткамъ моего дневника. Я выразилъ свои сомнѣнія въ возможности заключенія для насъ и нашихъ союзниковъ мира съ Петербургомъ. Вслѣдъ за этимъ я изложилъ ходъ переговоровъ съ украинцами. Я сообщилъ, что украинцы первоначально потребовали уступки восточной Галиціи, что я отклонилъ. Они также поставили категорическія требованія, касающіяся русинскихъ областей, но и эти требованія разбились о мой отказъ. Теперь они требуютъ раздѣленія Галиціи и созданія самостоятельной Австрійской провинціи изъ Восточной Галиціи и Буковины. Я подчеркнулъ тѣ важныя послѣдствія, которыя можетъ имѣть принятіе украинскаго

требованія на дальнѣйшее развитіе австрійско-польскихъ отношеній. Компенсаціей украинцевъ является то, что въ самомъ мирномъ договорѣ будетъ заключаться и соглашеніе по торговымъ вопросамъ, дающее намъ возможность немедленно получить продовольствіе. Кромѣ того, Австро-Венгрія потребуетъ примѣненіе принципа полной взаимности къ живущимъ въ Украинѣ полякамъ.

Я настойчиво подчеркивалъ, что считаю своимъ долгомъ изложить ходъ мирныхъ переговоровъ, такъ какъ окончательное рѣшеніе не можетъ входить въ мою компетенцію, но только въ компетенцію всего министерства и прежде всего австрійскаго министра — президента. Австрійское правительство должно рѣшить, слѣдуетъ ли принести эту жертву, или нѣтъ, но при этомъ я, конечно, не оставилъ никакого сомнѣнія у всѣхъ присутствовавшихъ, что при отклоненіи украинскихъ пожеланій мы по всей вѣроятности, не сможемъ и въ переговорахъ съ Украиной прійти ни къ какимъ результатамъ и будемъ вынуждены, не заключивши въ Брестъ-Литовскѣ никакого мира, вернуться домой.

Послѣ меня слово взялъ министръ-президентъ, докторъ Зейдлеръ. Онъ прежде всего подчеркнулъ необходимость немедленнаго заключенія мира, а затѣмъ освѣтилъ вопросъ о созданіи Украинской имперской провинціи, преимущественно съ парламентарной точки зрѣнія. Министръ президентъ полагалъ, что несмотря на ожидаемую ярую оппозицію поляковъ с о с т а в и т с я большинство въ двѣ трети для принятія соотвѣтственнаго законопроэкта. Онъ не скрываетъ отъ себя, что таковое рѣшеніе вызоветъ ожесточенную парламентскую борьбу, но еще разъ подчеркиваетъ свою надежду на сохраненіе большинства въ двѣ трети даже противъ голосовъ польской делегаціи. Послѣ Зейдлера говорилъ венгерскій министръ-президентъ докторъ Векерле. Онъ привѣтствовалъ прежде всего, что украинцамъ не были сдѣланы уступки относительно живущихъ въ Венгріи русинъ. Правильное раздѣленіе національностей въ Венгріи невозможно, кромѣ того венгерскіе русины, въ культурномъ отношеніи, стоятъ слишкомъ низко для того, чтобы имъ была предоставлена національная самостоятельность. Докторъ Векерле настойчиво предостерегалъ отъ допущенія вмѣшательства въ австрійскія дѣла извнѣ, опасность подобнаго шага очень велика, мы становимся при немъ на покатую плоскость и должны твердо стоять на той точкѣ зрѣнія, что имперія должна послѣдовательно отклонять какое бы то ни было вмѣшательство извнѣ. Резюмируя свою рѣчь Векерле высказался противъ точки зрѣнія австрійскаго министра-президента.

Послѣ этого, я вторично взялъ слово, чтобы заявить, что я прекрасно понимаю громадное значеніе и великія опасности, таящіяся въ моей точкѣ зрѣнія. Это правда, что принимая ее мы становимся на покатую плоскость, но если я не сильно ошибаюсь, мы уже долгое время, благодаря войнѣ, находимся на этой покатой плоскости и не можемъ еще знать, какъ низко скатимся мы. Я поставилъ доктору Векерле прямой вопросъ, что долженъ дѣлать отвѣтственный руководитель иностранной политики, если ему австрійскій министръ президентъ и оба министра продовольствія единогласно заявляютъ, что венгерская помощь продовольственными продуктами можетъ помочь намъ пережить не болѣе двухъ мѣсяцевъ, а послѣ этого катастрофа совершенно неминуема, если мы не получимъ продовольствія откуда нибудь еще. Докторъ Векерле прервалъ своими возраженіями мои заявленія. Я заявилъ тогда, что если онъ, Векерле, снабдитъ Австрію продовольствіемъ, то я первый съ радостью стану на его точку зрѣнія; но, поскольку онъ упорствуетъ въ своемъ категорическомъ отказѣ и утверждаетъ, что не можетъ ничѣмъ намъ помочь, постольку мы находимся въ положеніи человѣка, который вынужденъ для своего спасенія выпрыгнуть изъ окна четвертаго этажа. Этотъ человѣкъ не можетъ думать, сломаетъ ли онъ при этомъ себѣ ноги, или нѣтъ, и предпочитаетъ возможную смерть неотвратимой. Если положеніе дѣйствительно

таково, что по истеченіи двухъ мѣсяцевъ мы останемся безъ всякаго продовольствія, то мы должны сдѣлать выводы изъ этого положенія. Послѣ этого вторично взялъ слово докторъ Зейдлеръ и совершенно согласился со всѣми высказанными мною положеніями.

Во время дальнѣйшаго обсужденія подверглась разсмотрѣнію вѣроятность окончательной неудачи австро-польскаго рѣшенія польскаго вопроса, въ связи съ украинскимъ миромъ. Говорили также, какая ситуація создастся вслѣдствіе этого. Начальникъ отдѣленія, докторъ Грацъ взялъ слово, чтобы сдѣлать докладъ по этому вопросу. Докторъ Грацъ подчеркнулъ, что австро-польское рѣшеніе и въ случаѣ непріятія украинскихъ требованій все равно не можетъ увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ ему препятствуютъ германскія требованія. Германцы требуютъ, не говоря о громадномъ территоріальномъ урѣзываніи конгрессовой Польши, подавленіе польской промышленности, право совладѣнія польскими желѣзными дорогами и государственными имуществами, а также перенесеніе части военнаго долга на Польшу. Столь ослабленную и едва жизнеспособную Польшу, которая естественно должна будетъ быть недовольной, мы не можемъ присоединять къ намъ. Докторъ Грацъ защищалъ ту точку зрѣнія, что было бы правильнѣе вернуться къ обсуждавшейся уже однажды въ общей формѣ программѣ, по которой объединенная Польша предоставляется Германіи и за это Румынія присоединяется къ имперіи. Докторъ Грацъ подробно развилъ связанные съ этой программой вопросы. Императоръ вслѣдъ за этимъ резюмировалъ высказанные взгляды въ томъ смыслѣ, что прежде всего надо стремиться къ миру съ Петербургомъ и Украиной и что съ Украиной надо вести переговоры на основѣ раздѣленія Галиціи. Вопросъ о томъ, не должно ли быть окончательно оставлено австро-польское рѣшеніе, не былъ окончательно рѣшенъ, но пока оставленъ открытымъ.

Въ заключеніе взялъ слово общій министръ финансовъ Буріанъ, который такъ же, какъ и докторъ Векерле предостерегалъ отъ австрійской точки зрѣнія. Буріанъ подчеркивалъ, что если война должна измѣнить внутреннюю структуру имперіи, то это преобразованіе должно прійти изнутри, а не извнѣ, ибо только въ этомъ случаѣ оно можетъ способствовать процвѣтанію имперіи. Онъ подчеркнулъ далѣе, что если австрійская точка зрѣнія о раздѣленіи Галиціи будетъ осуществлена, то въ высшей степени важна ф о р м а проведенія этого раздѣленія. Баронъ Буріанъ совѣтовалъ относящіеся къ этому вопросу параграфы не включать въ мирный договоръ, но въ его секретное приложеніе. Въ этой формѣ, по мнѣнію Буріана, заключается единственная возможность ослабить тяжелыя послѣдствія предпринимаемыхъ австрійскимъ правительствомъ шаговъ. —

Таковы сохранившіяся въ моемъ дневникѣ записи о совѣщаніи. Такимъ образомъ, австрійское правительство было не только своевременно освѣдомлено о проэктируемомъ соглашеніи съ Украиной, но это соглашеніе было предпринято согласно его прямой волѣ, по его настоянію и на его отвѣтственность.

28 января 1918

Вечеромъ пріѣхалъ въ Брестъ.

29 января 1918

Пріѣхалъ Троцкій.

30 января 1918

Первое пленарное засѣданіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что революціонныя выступленія въ Австріи и Германіи колоссально усилили надежду у петербуржцевъ на возможность переворота, и мнѣ кажется, что совершенно невозможно прійти съ русскими къ какому бы то ни было результату. Со стороны русскихъ явно просвѣчиваетъ, что они разсчитываютъ на взрывъ міровой революціи въ ближайшія недѣли и ихъ тактика направлена на то, чтобы выиграть время и дождаться этого момента.

Засѣданіе не привело ни къ какому результату. Кюльманъ и Троцкій только обмѣнялись колкостями. Сегодня первое засѣданіе комиссіи, обсуждающей территоріальные вопросы, въ которой я приму на себя предсѣдательствованіе и буду говорить объ интересующихъ насъ территоріальныхъ вопросахъ.

Въ теперешнемъ положеніи единственно интереснымъ является то, что отношенія между Петербургомъ и Кіевомъ значительно ухудшились и кіевская комиссія вообщя не признается большевиками за самостоятельную.

1 февраля 1918

Засѣданіе подъ моимъ предсѣдательствомъ о территоріальныхъ вопросахъ съ петербургскими русскими. Я стремлюсь къ тому, чтобы использовать вражду петербуржцевъ и украинцевъ и заключить, по крайней мѣрѣ, миръ съ первыми или со вторыми. При этомъ у меня есть еще слабая надежда, что заключеніе мира съ одной изъ сторонъ окажетъ столь сильное вліяніе на другую, что мы быть можетъ добьемся мира съ обѣими.

Какъ и слѣдовало ожидать, Троцкій на мой вопросъ, признаетъ ли онъ, что украинцы самостоятельно могутъ вести переговоры о своей границѣ съ нами, отвѣтилъ категорическимъ отрицаніемъ. Послѣ этого мы обмѣнялись незначительными замѣчаніями и я предложилъ отложить засѣданіе и созвать пленарное засѣданіе, дабы кіевскіе и петербургскіе представители могли совмѣстно обсудить вопросъ.

2 февраля 1918 года

Я просилъ украинцевъ открыто, наконецъ, высказать свою точку зрѣнія петербуржцамъ и успѣхъ былъ даже слишкомъ великъ. Грубости, высказанныя украинскими представителями петербуржцамъ сегодня, были просто комичными и доказали, какая пропасть отдѣляетъ оба правительства, и что не наша вина, если мы не можемъ заключить съ ними одного договора. Троцкій былъ въ столь подавленномъ состояніи, что вызывалъ сожалѣніе. Совершенно блѣдный, съ широко раскрытыми глазами, онъ нервно что то рисовалъ на пропускной бумагѣ. Крупныя капли пота текли съ его лица. Онъ повидимому глубоко ощущалъ униженіе отъ оскорбленій, наносимыхъ ему его же согражданами въ присутствіи враговъ.

Здѣсь только что были оба брата Рихтгофены. Старшій изъ нихъ сбилъ около 60-ти, а младшій «только» около 30-ти вражескихъ летчиковъ въ воздушныхъ бояхъ. У старшаго лицо, какъ у молодой красивой дѣвушки. Онъ разсказывалъ мнѣ, «какъ это дѣлается». По его словамъ это очень просто. Надо только близко подлетѣть сзади къ вражескому летчику и затѣмъ стрѣлять въ упоръ — тогда противникъ падаетъ внизъ. Надо только побороть въ себѣ «собственнаго негодяя» и не бояться очень близко подлетѣть къ противнику. Современные герои.

Два интересныхъ случая разсказали мнѣ по поводу пріѣзда обоихъ Рихтгофеновъ.

Англичане назначили премію за голову старшаго. Когда объ этомъ узналъ Рихтгофенъ, онъ заявилъ имъ въ сброшенной запискѣ, что, чтобы они легче могли его узнать, съ завтрашняго дня онъ выкраситъ свой аппаратъ ярко красной краской. На слѣдующее утро всѣ аппараты, бывшіе подъ его начальствомъ, были выкрашены въ красную краску. Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного.

Второй случай: Рихтгофенъ и одинъ англичанинъ вертѣлись другъ около друга и, какъ сумасшедшіе, обстрѣливали одинъ другого. Они все больше сближались и совершенно отчетливо могли уже видѣть лицо другъ друга. Неожиданно, что то портится въ пулеметѣ Рихтгофена и онъ не можетъ больше стрѣлять. Англичанинъ смотритъ удивленно на него: и понявъ въ чемъ дѣло, привѣтствуетъ его рукой и улетаетъ . . . Я хотѣлъ бы познакомиться съ этимъ англичаниномъ, чтобы .сказать ему, что въ моихъ глазахъ онъ выше героевъ древности.

3 февраля 1918.

Отъѣздъ въ Берлинъ. Кюльманъ, Гофманъ, Коллоредо.

4 февраля 1918.

Пріѣздъ въ Берлинъ. Днемъ ничего не было, германцы совѣщаются отдѣльно.

5 февраля 1918

Въ продолженіе всего дня засѣданія. У меня было нѣсколько острыхъ столкновеній съ Людендорфомъ. Желаемая ясность, если и не достигнута, то мы во всякомъ случаѣ на пути къ ней. Кромѣ выясненія тактики въ Брестѣ идетъ вопросъ о томъ, чтобы, наконецъ, письменно установить, что мы обязаны сражаться только за сохраненіе до-военныхъ границъ Германіи. Людендорфъ рѣзко возражалъ и сказалъ: «если Германія заключитъ миръ безъ прибыли, то она проиграла войну.»

Когда разнорѣчіе все больше обострялось, ко мнѣ подошелъ Гертлингъ и тихо сказалъ: «Оставьте его. Мы сдѣлаемъ это вдвоемъ безъ Людендорфа.»

Я сейчасъ выработаю проектъ и пошлю Гертлингу. Вечеръ: обѣдъ у Гогенлоэ.

6 января 1918 года

Вечеромъ пріѣхали въ Брестъ. Визнеръ отлично и безъ устали работалъ; положеніе сдѣлалось яснѣе еще и потому, что вчера пріѣхалъ лидеръ австрійскихъ русиновъ, Николай Василько и хотя онъ, очевидно увлеченный той ролью, которую теперь играютъ въ Брестѣ его русско-украинскіе товарищи, высказывается здѣсь много болѣе національно шовинистически, чѣмъ раньше въ Вѣнѣ, намъ все же удалось окончательно выяснить минимумъ украинскихъ требованій. Я совѣтовалъ въ Берлинѣ закончить переговоры съ украинцами, какъ можно скорѣе. Послѣ этого я отъ имени Германіи началъ бы переговоры съ Троцкимъ и увидѣлъ бы, нельзя ли путемъ разговора съ глазу на глазъ окончательно выяснить, возможно ли соглашеніе или нѣтъ. Это мысль Граца. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій съ этимъ согласились и

7 февраля 1918 года

произошла моя бесѣда съ Троцкимъ. Я взялъ съ собою Граца, который превзошелъ всѣ мои ожиданія. Я началъ съ того, что сказалъ Троцкому, что по моему впечатлѣнію мы находимся наканунѣ разрыва и возобновленія войны; я хотѣлъ бы знать, прежде чѣмъ предпринять этотъ тяжкій по своимъ послѣдствіямъ шагъ, дѣйствительно ли это является совершенно неизбѣжнымъ. Я поэтому прошу г-на Троцкаго мнѣ откровенно и ясно высказать тѣ условія, которыя онъ можетъ принять. Въ отвѣтъ на это Троцкій очень откровенно и ясно заявилъ, что онъ отнюдь не столь наивенъ, какъ мы повидимому это предполагаемъ, что онъ отлично знаетъ, что сила является самымъ сильнымъ аргументомъ, и что центральныя державы могутъ отнять у Россіи окраинныя области. Онъ уже неоднократно въ засѣданіяхъ хотѣлъ помочь Кюльману и говорилъ ему, что вопросъ идетъ не о правѣ свободнаго самоопредѣленія народовъ въ окупированныхъ областяхъ, но о грубыхъ и голыхъ аннексіяхъ, и что передъ силой онъ долженъ склониться. Никогда онъ не откажется отъ своихъ принциповъ и никогда онъ не заявитъ, что онъ признаетъ это толкованіе права самоопредѣленія народовъ. Германцы могутъ коротко и ясно заявить, каковы тѣ границы, которыя они требуютъ, тогда онъ установитъ передъ всей Европой, что дѣло идетъ о грубыхъ аннексіяхъ, но что Россія слишкомъ слаба, чтобы сопротивляться. Только Моондзунскіе острова кажутся для него непереваримымъ кускомъ. Вслѣдъ за этимъ, и это очень характерно, Троцкій заявилъ, что онъ никогда не согласится на то, что мы заключимъ миръ съ Украиной, такъ какъ Украина не находится больше въ рукахъ Рады, но въ рукахъ его войскъ. Украйна является частью Россіи и заключеніе мира съ нею означало бы вмѣшательство во внутреннія дѣла Россіи. Положеніе дѣлъ повидимому таково, что приблизительно 10 дней тому назадъ дѣйстви-

тельно русскія войска захватили Кіевъ, но затѣмъ были вновь прогнаны оттуда и Рада теперь вновь держитъ власть въ своихъ рукахъ. Освѣдомленъ ли Троцкій объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ или говоритъ сознательно неправду, трудно установить, но кажется вѣрно первое.

Пропала послѣдняя надежда придти къ соглашенію съ Петербургомъ. Въ Берлинѣ схваченъ призывъ петербургскаго правительства, въ которомъ оно возбуждало германскихъ солдатъ, призывало ихъ къ убійству императора и генераловъ и къ братанію съ совѣтами. Вслѣдъ за этимъ пришла телеграмма отъ императора Вильгельма къ Кюльману съ приказомъ немедленно прервать переговоры и потребовать кромѣ Курляндіи и Литвы также и неоккупированыя области Лифляндіи и Эстляндіи, — не обращая вниманія на право самоопредѣленія народовъ.

Низость этихъ большевиковъ дѣлаетъ переговоры невозможными. Я не могу обвинять Германію въ томъ, что она возмущается такимъ поведеніемъ; но приказъ изъ Берлина все же не можетъ быть исполненъ. Мы не хотимъ увеличивать наши трудности еще Лифляндіей и Эстляндіей.

8 февраля 1918 года

Сегодня вечеромъ должно состояться подписаніе мира съ Украйной. Первый миръ въ эту ужасную войну. Но сидитъ ли Рада дѣйствительно въ Кіевѣ? Василько показалъ мнѣ телеграмму по аппарату Юза, датированную 6 сего мѣсяца изъ Кіева и адресованную мѣстной украинской делегаціи, и Троцкій отклонилъ мое предложеніе послать въ Кіевъ австрійскаго офицера генеральнаго штаба съ тѣмъ, чтобы онъ намъ принесъ аутентическія извѣстія. Очевидно, что его утвержденіе, что большевики являются господами Украйны, было только хитростью. Кромѣ того, Грацъ сказалъ мнѣ, что Троцкій, съ которымъ онъ говорилъ сегодня утромъ, очень подавленъ тѣмъ, что мы все же сегодня заключаемъ миръ съ Украйной. Это укрѣпляетъ меня въ рѣшеніи подписать его. Грацъ условился съ Петербуржцами устроить завтра засѣданіе. На немъ будетъ выяснено, возможно ли соглашеніе или неизбѣженъ разрывъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Брестское интермеццо большими шагами приближается къ своему концу.

Послѣ заключенія мира съ Украйной я получилъ отъ императора слѣдующую телеграмму:

Императорскій поѣздъ 9 февраля 1918 года.

Глубоко взволнованный и обрадованный извѣстіемъ о заключеніи мира съ Украйной, выражаю я вамъ, дорогой графъ Чернинъ, отъ всего сердца благодарность за вашу цѣлесообразную и успѣшную работу. Вашими усиліями Вы создали прекраснѣйшій день моего до сихъ поръ столь богатаго заботами правленія и я молю Всемогущаго Бога, чтобы онъ и далѣе поддерживалъ васъ на трудномъ пути — на благо имперіи и ея народовъ.

Карлъ».

11 февраля 1918 года

Троцкій отказывается подписать миръ. Ни миръ, ни война.

Разрушительное дѣйствіе вѣнскихъ безпорядковъ выясняется изъ слѣдующаго сообщенія г-на фонъ Скржинскаго, изъ Монтрё, 12 февраля 1918 г. Скржинскій пишетъ: я узналъ изъ достовѣрнаго источника, что Франція встала на слѣдующую точку зрѣнія: «Мы были уже готовы приступить къ предварительнымъ переговорамъ съ Австріей. Но теперь возникаетъ вопросъ, достаточно ли она прочна для той роли, которую ей хотѣли дать играть. Опасно класть въ основу новаго направленія политики государство, которому, быть можетъ, уже угрожаетъ судьба Россіи»:

Къ этому Скржинскій прибавляетъ: въ самые послѣдніе дни я слышалъ: «Рѣшено выждать нѣкоторое время».

Наше положеніе во время переговоровъ съ Петербургомъ было такимъ образомъ слѣдующее: было невозможно заставить германцевъ стать на точку зрѣнія отказа отъ Курляндіи и Литвы. Физической силы у насъ не было. Съ одной стороны давленіе, оказываемое высшимъ командованіемъ, а съ другой нечестная игра русскихъ сдѣлала это невозможнымъ. Мы стояли поэтому передъ альтернативой, или при подписаніи мира отдѣлиться отъ Германіи и подписать сепаратный мирный договоръ, или же совмѣстно съ тремя союзниками подготовить миръ, заключающій въ себѣ въ скрытомъ видѣ аннексію русскихъ окраинныхъ областей.

Первая часть альтернативы включала въ себя большую опасность, что уже замѣтная въ четверномъ союзѣ трещина разрастется въ пропасть. Четверной союзъ не могъ болѣе выносить такихъ экспериментовъ. Мы стояли наканунѣ грандіознаго послѣдняго военнаго напряженія и замкнутость четвернаго союза ни подъ какимъ видомъ не могла быть поколеблена. Съ другой стороны, угрожала опасность, что Вильсонъ, единственный государственный человѣкъ въ мірѣ, готовый поддержать мысль о компромиссномъ мирѣ, получитъ въ нашемъ мирномъ договорѣ неправильную картину нашихъ намѣреній. Я надѣялся тогда — и въ этомъ я не ошибся — что этотъ выдающійся человѣкъ пойметъ положеніе и увидитъ, что мы дѣйствовали подъ давленіемъ принужденія. Его рѣчи, которыя онъ произнесъ по нашему адресу послѣ заключенія Брестскаго договора, подтвердили правильность моего предположенія.

Миръ съ Украйной былъ заключенъ подъ давленіемъ начинающагося голода. Онъ носитъ на себѣ характерныя черты своего происхожденія. Это несомнѣнно. Но также несомнѣнно, что мы не смотря на то, что изъ Украйны мы получили гораздо меньше, чѣмъ ожидали, безъ украинскаго продовольствія вообще не могли бы дотянуть до новаго урожая. По подсчету, весною и лѣтомъ 1918 года къ намъ изъ Украйны прибыли сорокъ двѣ тысячи вагоновъ. Было невозможно получить это продовольствіе откуда нибудь еще. Милліоны людей были спасены благодаря этому отъ голодной смерти. Пусть помнятъ объ этомъ тѣ, кто осуждаетъ Брестскій миръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что при большихъ запасахъ, находившихся въ Украйнѣ, несравненно большее количество могло бы быть доставлено въ Австрію, если бы лучше функціонировалъ аппаратъ собиранія и транспорта.

Документы и дневники

Журналъ Засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства

16 Апрѣля 1919 года на Суднѣ „Надежда"*

Предсѣдательствуетъ: С. С. КРЫМЪ.

Присутствуютъ: В. Д. НАБОКОВЪ, М. М. ВИНАВЕРЪ, С. А. НИКОНОВЪ, А. А. СТЕВЕНЪ, А. П. БАРТЪ, П. С. БОБРОВСКІЙ.

Совѣтъ Министровъ, не имѣя возможности въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль въ виду тревожнаго времени подробно изложить въ журналѣ мотивы принимаемыхъ имъ спѣшно рѣшеній, постановилъ—составить настоящій общій журналъ о событіяхъ послѣднихъ двухъ недѣль, каковыя событія представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ пятницу 28 марта на совѣщаніи Совѣта Министровъ съ Командующимъ Добровольческой Арміей ген. Боровскимъ и Начальникомъ его Штаба ген. Пархомовымъ послѣдніе заявили Правительству, что положеніе на фронтѣ въ общемъ твердое и Добровольческая Армія будетъ всѣми силами защищать Крымъ, но что, къ сожалѣнію, только что получены свѣдѣнія объ оставленіи ст. Салъково, что, по словамъ ген. Боровскаго, объясняется слабостью той части, на которую возложена была защита Салъкова. А на слѣдующій день утромъ ген. Пархомовъ запросилъ по телефону, можетъ ли застать Министровъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, явился въ помѣщеніе Совѣта Министровъ и заявилъ, что Армія отступила къ мосту, отдавъ весь Чонгарскій

---

* Печатаемый здѣсь журналъ засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства отъ 16 апрѣля 1919 г.. освѣщаетъ одинъ историческій эпизодъ, который въ силу разныхъ случайныхъ обстоятельствъ остался неизвѣстнымъ широкимъ слоямъ русскаго общества. Въ этомъ эпизодѣ, какъ увидитъ читатель, весьма много характерныхъ чертъ, — характерныхъ, между прочимъ, потому, что онѣ неизмѣнно повторялись каждый разъ, когда измѣнившаяся обстановка ставила передъ нашими бывшими союзниками опредѣленныя требованія, удовлетворить которымъ они не хотѣли или не могли. Въ такихъ случаяхъ неизмѣнно вина въ неудачѣ сваливалась на русскихъ. Крымскій эпизодъ отличается отъ другихъ, пожалуй, только тѣмъ, что здѣсь проявлена была высшая степень безцеремонности и грубаго презрѣнія къ личности. Для пережившихъ эту исторію она навсегда останется однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній.

«Крымское краевое правительство» первоначально создано было въ періодъ германской оккупаціи и возглавлялось ген. Сулькевичемъ. Въ началѣ Ноября 1918 г., по требованію общественныхъ организацій, ген. Сулькевичъ сложилъ съ себя свои обязанности, причемъ на мѣсто его былъ избранъ (совѣщаніемъ земскихъ и городскихъ гласныхъ) извѣстный крымскій дѣятель С. С. Крымъ. Образованное имъ краевое правительство просуществовало до вторичнаго вторженія большевиковъ въ Крымъ, весною 1919 года. Оно опиралось на мѣстные демократическіе элементы и имѣло поддержку добровольческой арміи и союзныхъ силъ, занимавшихъ съ января 1919 г. Севастополь. Въ рѣшительный моментъ эти поддержка оказалась недостаточной . . .

полуостровъ, нѣсколько пушекъ и бронированный поѣздъ, что мостъ не подготовленъ для взрыва и что Правительству необходимо приступить къ эвакуаціи.

Правительство рѣшило, что необходимо принять срочныя мѣры для защиты перешейковъ, которые оказались гораздо менѣе защищенными, чѣмъ Правительство имѣло основаніе предполагать по прежнимъ заявленіямъ Командованія Добровольческой Арміи.

Вслѣдствіе сего Правительство назначило инженера С. Н. Чаева Главноуполномоченнымъ по снабженію Арміи въ распоряженіе Командующаго Арміей, ассигновавъ въ его распоряженіе на указанную цѣль одинъ милліонъ рублей.

Что же касается эвакуаціи, то Правительство рѣшило лишь избрать лицо, которому поручить разработать планъ эвакуаціи и на всякій случай сдѣлать къ ней всѣ приготовленія; однако самой эвакуаціи не производить. И когда возникли слухи о предположеніи Правительства оставить Симферополь и слухи эти вызвали даже запросъ французскаго Командованія, обращенный къ Министру Внѣшнихъ Сношеній, послѣдній въ бесѣдѣ, напечатанной во всѣхъ Крымскихъ газетахъ, выяснилъ истинную точку зрѣнія Правительства, и поднявшаяся было паника значительно успокоилась.

Нѣсколько дней спустя въ Симферополь прибылъ Командующій союзными войсками въ Крыму полковникъ Труссонъ, выѣхавшій на слѣдующій день вмѣстѣ съ командующимъ Арміей и Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ на позиціи у Сиваша. Всѣ исполненныя Чаевымъ работы на Сивашѣ полковникъ Труссонъ призналъ вполнѣ удачными — мостъ къ тому времени удалось уже взорвать — но на обратномъ пути въ Джанкоѣ получено было извѣстіе объ отступленіи нашей Арміи отъ Перекопа. Полковникъ Труссонъ заявилъ, что онъ окажетъ нашей Арміи всякое содѣйствіе — техническими средствами и живою силою какъ греческою, такъ и французскою, но при условіи, если она удержитъ вторую линію у озеръ. Въ противномъ случаѣ онъ никакой помощи оказать не сумѣетъ и большевики будутъ черезъ 3—5 дней въ Симферополѣ, а онъ стянетъ всѣ союзныя (собственно греческія) войска обратно въ Севастополь.

Въ субботу вечеромъ получено было извѣстіе, что вторая линія сдана и одновременно съ этимъ извѣстіе изъ Севастополя о томъ, что полковникъ Труссонъ, въ виду такого положенія дѣла, никакой больше помощи не окажетъ. Совѣтъ Министровъ рѣшилъ командировать немедленно въ Севастополь Министра Внѣшнихъ Сношеній для выясненія вопроса о защитѣ Севастополя; затѣмъ, исходя изъ указаній полковника Труссона объ оставшемся 3—5 дневномъ срокѣ, назначилъ отъѣздъ Правительства на понедѣльникъ. А въ воскресенье утромъ Начальникъ Штаба Добровольческой Арміи сообщилъ, что большевики приближаются уже къ Дюрменю, что до прихода войскъ въ Симферополь остается только два-три дня и что по приказу ген. Деникина Штабъ Добровольческой Арміи въ Симферополѣ долженъ закончить эвакуацію къ средѣ 9 Апрѣля. При такихъ условіяхъ Правительство рѣшило переѣхать и перевести весь Правительственный аппаратъ въ Севастополь, съ тѣмъ чтобы оттуда управлять той частью территоріи Крыма, которая будетъ свободна отъ большевиковъ, если только союзники будутъ защищать Севастополь. Въ Симферополѣ же рѣшено возложить всю гражданскую власть на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который долженъ былъ оставаться въ Симферополѣ въ качествѣ представителя гражданской власти до самой послѣдней минуты.

Въ засѣданіи Совѣта Министровъ, происходившемъ 8 Апрѣля вечеромъ въ Севастополѣ въ помѣщеніи Министерства Внѣшнихъ Сношеній, было доложено:

1. Министръ Внѣшнихъ Сношеній, выѣхавшій по порученію Правительства изъ Симферополя въ ночь съ 5-го на 6-ое Апрѣля, тотчасъ по полученіи свѣдѣній о томъ, что французское командованіе въ виду сдачи нашими войсками второй линіи позицій у озеръ, рѣшило отозвать союзныя войска, сообщилъ Правительству телеграммою отъ 6 Апрѣля и дополнилъ свое сообщеніе устно въ настоящемъ засѣданіи о ходѣ своей бесѣды съ полковникомъ Труссономъ, къ которому онъ отправился тотчасъ по

прибытіи въ Севастополь для выясненія вопроса о томъ, будутъ ли французскія власти защищать Севастополь. Полковникъ Труссонъ заявилъ Министру, что онъ ожидаетъ на дняхъ прибытія батальона въ 1000 человѣкъ и что, если онъ прибудетъ, Севастополь можетъ держаться въ теченіе 7 дней. А для того, чтобы прочно защищать Севастополь, нужно не менѣе 10.000 человѣкъ, которыхъ у него нѣтъ. Полковникъ Труссонъ обнаруживалъ во время бесѣды большое волненіе по поводу того, что Добровольческая Армія не удержала второй позиціи, что посланный въ качествѣ арьергарда греческій отрядъ былъ выдвинутъ впередъ и понесъ большія потери, въ виду бѣгства добровольцевъ; причемъ заявилъ, что онъ готовъ былъ помочь арміи хотя и малочисленной, но желающей драться, но совершенно не желаетъ помогать арміи, бѣгущей съ поля битвы; а въ отвѣтъ на указаніе, что среди добровольцевъ имѣется 300 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, заявилъ, что никто этихъ цифръ не провѣрялъ.

2. Министръ-Предсѣдатель, Министръ Внѣшнихъ Сношеній и Министръ Юстиціи доложили, что въ понедѣльникъ, по полученіи извѣстія, что отрядъ полк. Слащова подошелъ къ Армянску и что наша отступившая Армія предприняла наступленіе, они явились къ полковнику Труссону и заявили какъ ему, такъ и вслѣдъ за этимъ Адмиралу Амету на суднѣ «Jean Bart», что Правительство оставило Симферополь на время, въ виду указаній военныхъ властей, въ томъ числѣ и самаго полк. Труссона, согласно коимъ съ момента оставленія нашими войсками второй линіи позицій до занятія большевиками Симферополя пройдетъ не болѣе 3—5 дней, что эвакуація Правительству была предложена Добровольческой Арміей, которая сама назначила срокъ для эвакуаціи штаба на среду, 9 Апрѣля, но что, какъ только наступленіе увѣнчается успѣхомъ, и противникъ будетъ откинутъ на вторую линію, Правительство вернется въ Симферополь. Полковникъ Труссонъ, нисколько не возражая противъ принятой Правительствомъ мѣры, заявилъ, что никакихъ распоряженій относительно защиты Севастополя у него нѣтъ, что удерживать Севастополь онъ можетъ въ теченіе 3 дней, и что надо стараться выиграть время (gagner du temps). Адмиралъ Аметъ первоначально выразилъ неудовольствіе по поводу того, что Правительство оставило Симферополь, но затѣмъ, выслушавъ объясненія Министровъ, призналъ, что они были правы (vous avez eu raison), и въ заключеніе предложилъ Правительству сдѣлать нѣчто практическое, а именно образовать коммиссію по эвакуаціи. Полковникъ Труссонъ выразилъ готовность поѣхать на слѣдующій день въ Симферополь вмѣстѣ съ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ для свиданія съ генераломъ Боровскимъ и съ организаторами нѣмецкой стрѣлковой бригады — для того, чтобы послѣ удачи наступленія, приняться за организацію единой Арміи со включеніемъ въ нее какъ годныхъ частей Добровольческой Арміи, такъ и союзныхъ отрядовъ — не только греческихъ, но и французскихъ, а также новыхъ мѣстныхъ формированій (нѣмецкихъ, татарскихъ и другихъ).

3. Предсѣдатель Совѣта Министровъ сообщилъ, что онъ утромъ 8 Апрѣля выѣхалъ вмѣстѣ съ полковникомъ Труссономъ въ Симферополь, но что въ Симферополѣ получилось извѣстіе о неудачѣ нашего наступленія и объ отходѣ нашихъ частей на Джанкой, вслѣдствіе чего поѣздка полковника Труссона оказалась безцѣльной, и полковникъ заявилъ, что онъ считаетъ положеніе безвозвратно потеряннымъ и потребуетъ немедленно возвращенія всѣхъ греческихъ войскъ.

4. Министры Торговли, Финансовъ и Труда сообщили, что въ исполненіе возложеннаго на нихъ наканунѣ порученія организовать, согласно пожеланію адмирала Амета, коммиссію по эвакуаціи, они созвали утромъ 8 Апрѣля въ помѣщеніи Начальника Округа совѣщаніе, въ которомъ приняли участіе, кромѣ названныхъ Министровъ, Министръ Внѣшнихъ Сношеній и Министръ Народнаго Просвѣщенія, Товарищъ Министра Внутреннихъ дѣлъ Винбергъ, Начальникъ Штаба Крѣпости ген. Рербергъ, Главноуполномоченный по эвакуаціи Каринскій и Начальникъ Округа Рыбарскій. На совѣщаніи выяснилось, что еще наканунѣ образована была по требованію французскихъ властей эвакуаціонная коммиссія, т. н. франко-русская, подъ предсѣдательствомъ Коменданта крѣпости ген. Субботина, въ составѣ представителей какъ русскаго

морского командованія, такъ и французскаго командованія Морского и Сухопутнаго, вслѣдствіе чего совѣщаніе рѣшило ограничиться откомандированіемъ въ составъ указанной коммиссіи, въ качествѣ представителя гражданской власти, главноуполномоченнаго по эвакуаціи Каринскаго и Начальника Округа Рыбарскаго; засѣданіе Коммиссіи должно было состояться въ 7 час. вечера.

5. Министръ Юстиціи и Министръ Внѣшнихъ Сношеній заявили, что узнавъ, въ отсутствіе Министра-Предсѣдателя, уѣзжавшаго въ Симферополь, объ образованіи указанной франко-русской коммиссіи и желая, въ виду ожидавшагося отплытія адм. Амета, переговорить съ нимъ о судьбѣ выраженнаго имъ Правительству пожеланія, рѣшили предварительно свидѣться съ ген. Субботинымъ. Запросивъ въ 5 час. дня по телефону, могутъ ли они увидѣть ген. Субботина, они получили отвѣтъ, что генералъ находится уже въ засѣданіи франко-русской коммиссіи въ штабѣ командующаго флотомъ. Отправившись туда, министры вызвали изъ засѣданія ген. Субботина, который имъ заявилъ, что дѣйствительно сейчасъ происходитъ засѣданіе, въ которомъ кромѣ него участвуютъ Главный Командиръ Порта Адмиралъ Саблинъ, замѣститель адмирала Амета командиръ судна «Vergniaud» Команд. Вуазенъ, Комендантъ Base Navale Pelle-Desforges и представитель полковника Труссона; что ими распредѣляются транспорты для эвакуаціи, что дѣло съ транспортами для насъ обстоитъ очень плохо, такъ какъ французы и греки забираютъ для себя самые лучшіе транспорты — повидимому, для отправки своихъ войскъ. Къ адмиралу Амету Министрамъ, въ виду поздняго времени, уже не удалось поѣхать.

6. Наконецъ Военный Министръ заявилъ отъ имени предсѣдателя коммиссіи ген. Субботина ходатайство объ отпускѣ 500.000 рублей на «эвакуацію и на оборону», а Морской Министръ адмиралъ Канинъ заявилъ отъ имени адмирала Саблина ходатайство объ ассигнованіи $2^1/_2$ милліоновъ рублей для оплаты труженниковъ флота, мотивируя это ходатайство тѣмъ, что безъ такой оплаты эвакуація неосуществима.

Обсудивъ при указанныхъ условіяхъ общее положеніе, Совѣтъ Министровъ въ засѣданіи 8 Апрѣля пришелъ къ заключенію, что эвакуація не только предуказана командованіемъ Добровольческой Арміи и предложеніями, исходящими отъ адм. Амета, но и осуществляется уже дѣйствіями коммиссіи, назначенной по соглашенію между военнымъ командованіемъ русскимъ и французскимъ — какъ морскимъ, такъ и сухопутнымъ —, и что это мѣропріятіе вполнѣ соотвѣтствуетъ разъясненіямъ, даннымъ полковникомъ Труссономъ о необходимости выиграть время и о предположеніи защищать Севастополь не болѣе 3—7 дней. Въ виду сего Совѣтъ Министровъ призналъ своимъ долгомъ обезпечить населенію возможность спастись отъ опасности, грозящей ему при приближеніи большевиковъ и при беззащитности послѣдняго убѣжища, какимъ являлся до того времени Севастополь въ представленіи Правительства и значительной части населенія. Совѣтъ Министровъ ассигновалъ потому въ распоряженіе предсѣдателя франко-русской коммиссіи ген. Субботина 500.000 рублей и въ распоряженіе адм. Саблина авансомъ 500.000 рублей. Выслушавъ затѣмъ сообщеніе явившагося къ концу засѣданія Главноуполномоченнаго по эвакуаціи Н. С. Каринскаго о состоявшемся только что съ его участіемъ засѣданіи Коммиссіи по эвакуаціи, Совѣтъ Министровъ принялъ къ свѣдѣнію, что въ Коммиссіи Главноуполномоченному удалось съ большимъ трудомъ обезпечить на транспортѣ «Ріонъ» 1000 мѣстъ для эвакуаціи правительственныхъ чиновъ, и то лишь при условіи, что Главноуполномоченный возьметъ на себя заботу по погрузкѣ на тотъ же транспортъ 500 легко раненыхъ. Всѣ другіе транспорты взяты въ распоряженіе коменданта крѣпости ген. Субботина, который заявилъ, что эвакуація всего гражданскаго населенія, за исключеніемъ указанныхъ 1000 человѣкъ, должна быть предоставлена ему. Вслѣдъ затѣмъ разрѣшенъ былъ вопросъ о выдачѣ служащимъ эвакуаціоннаго содержанія, причемъ предложеніе о примѣненіи въ полномъ объемѣ закона о 6-мѣсячномъ содержаніи было отклонено, въ виду состоянія кассы, и рѣшено было выдать служащимъ лишь 3-мѣсячное эвакуаціонное содержаніе. На слѣдующее утро, по случаю прибытія на Севастопольскій рейдъ греческаго адмиральскаго судна «Килькисъ», Ми-

нистръ Внѣшнихъ Сношеній сдѣлалъ командующему судномъ адмиралу Какулидису визитъ, во время котораго возбужденъ былъ вопросъ о принятіи Правительства на суда, въ виду опасности, грозящей ему не только отъ появленія большевиковъ извнѣ, моментъ котораго можно болѣе или менѣе учесть, но главнымъ образомъ отъ единичныхъ покушеній со стороны возбужденныхъ приближеніемъ большевиковъ большевистски настроенныхъ массъ. Предположеніе это осуществилось на слѣдующій день: въ четвергъ 10 Апрѣля члены Правительства съ ихъ семьями за исключеніемъ Н. Н. Богданова и М. М. Бутчика, сѣли на находившееся подъ греческимъ командованіемъ судно «Трапезондъ». Предварительно члены Правительства сочли нужнымъ оповѣстить о своемъ рѣшеніи какъ морское, такъ и сухопутное французское командованіе. Съ этою цѣлью Министръ Внѣшнихъ Сношеній и Министръ Юстиціи, по порученію Совѣта Министровъ, отправились на флагманское судно «Jean Bart», гдѣ, въ виду отъѣзда адмирала Амета въ Одессу, были приняты старшимъ по рангу командиромъ судна Вуазенномъ и начальникомъ штаба ген. Амета, Казнавомъ. Оба они никакихъ возраженій противъ перехода Правительства на союзное судно и противъ предположеннаго отъѣзда Правительства на этомъ суднѣ въ Константинополь не встрѣтили, обусловивъ, однако, окончательный свой отвѣтъ согласіемъ полк. Труссона. Надлежитъ указать, что къ этому времени французское командованіе рѣшило объявить въ Севастополѣ осадное положеніе, не войдя, однако, съ Правительствомъ ни въ какое по этому поводу соглашеніе и не предложивъ ему взять на себя гражданскую власть при военномъ губернаторѣ, каковымъ объявилъ себя полк. Труссонъ. При такихъ условіяхъ Правительственная власть, и безъ того ограниченная уже предѣлами одного Севастополя, превращалась въ нѣчто, лишенное всякаго реальнаго содержанія. Оба Министра отправились къ полк. Труссону, которому объяснили, что при создавшемся положеніи, при переходѣ почти всей власти въ руки его, Труссона, какъ военнаго губернатора, и назначеннаго имъ себѣ въ помощники ген. Субботина, остатокъ власти, сводящійся исключительно къ рѣшенію въ масштабѣ городского хозяйства финансовыхъ и продовольственныхъ вопросовъ, можетъ быть переданъ городскому самоуправленію. Полк. Труссонъ вполнѣ согласился съ планами Правительства, не встрѣтивъ никакихъ возраженій противъ отъѣзда, и просилъ лишь послѣ посадки Правительства на судно, сообщить ему объ этомъ, для того, чтобы онъ могъ тотчасъ сдѣлать свое оффиціальное сообщеніе. Въ четвергъ, 10 Апрѣля, Совѣтъ Министровъ перешелъ на пароходъ «Трапезондъ» и тамъ составилъ опредѣленіе, коимъ объявляя объ оставленіи территоріи Крыма, предложилъ органамъ городского и земскаго самоуправленія принять на себя исполненіе обязанностей гражданской власти, каковое постановленіе Министръ Внѣшнихъ Сношеній при особомъ письмѣ немедленно препроводилъ полк. Труссону. Въ пятницу, 11 Апрѣля, около 5 час. вечера на пароходъ «Трапезондъ» явился русскій офицеръ, предъявившій Правительству писанную карандашемъ записку ген. Субботина, коею онъ предлагалъ офицеру немедленно отправиться на «Трапезондъ» и пригласить всѣхъ членовъ Правительства явиться къ военному губернатору полк. Труссону въ Морскія Казармы, съ тѣмъ что въ случаѣ неявки министры будутъ отвѣчать по закону и ни одно судно не будетъ выпущено изъ порта. Министры отправились на берегъ, гдѣ въ сопровожденіи офицера явились къ полк. Труссону. Послѣдній указалъ, что за израсходованіемъ значительныхъ суммъ на эвакуацію, въ кассѣ не осталось никакихъ средствъ и потому онъ требуетъ, чтобы Правительство немедленно вернуло всѣ деньги, розданныя имъ чиновникамъ, иначе онъ не выпуститъ ни одного парохода изъ рейда. А когда Правительство указало, что часть расходовъ (на уплату жалованья) произведена была во исполненіе закона, котораго Правительство не могло не исполнить, а другая часть была ассигнована Правительствомъ по требованію франко-русской эвакуаціонной коммиссіи, при чемъ ген. Субботинъ, независимо отъ ассигнованныхъ ему 500.000 руб. самовольно взялъ изъ Банка еще 500.000 рублей, пригрозивъ и съ своей стороны Правительству въ случаѣ сопротивленія запрещеніемъ выѣзда — полк. Труссонъ отвѣтилъ, что законъ нашъ онъ уничтожаетъ (je l'annule) и онъ его не смущаетъ; что ген. Субботина и адм. Саблина онъ въ тотъ же день посадитъ въ тюрьму, а Правительству даетъ срокъ для вне-

сенія денегъ до 11 часовъ утра слѣдующаго дня. Предсѣдатель Совѣта Министровъ обратилъ при этомъ вниманіе полк. Труссона на то, что форма приглашенія членовъ Правительства съ угрозою примѣненія репрессивныхъ мѣръ представляется совершенно неумѣстной. Во время бесѣды полк. Труссонъ, между прочимъ, указалъ, что по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ему финансовымъ Коммиссаромъ французской эскадры Шардономъ, у Крымскаго Правительства имѣлось дней 5 тому назадъ 11 милліоновъ, и всѣ эти деньги израсходованы. Въ виду рѣшительныхъ возраженій Министра Финансовъ, указавшаго, что въ кассѣ недѣлю тому назадъ имѣлось не болѣе 7 милліоновъ, и что изъ нихъ болѣе $2^1/_2$ милліоновъ взято по текущимъ счетамъ, полк. Труссонъ предложилъ Министру Финансовъ снестись по этому поводу непосредственно съ Коммиссаромъ. На слѣдующее утро въ 8 часовъ, Министръ Финансовъ, въ сопровожденіи Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Министра Внѣшнихъ Сношеній и Министра Юстиціи отправились на судно «Jean Bart», предполагая не только объясниться съ Коммиссаромъ по поводу сообщенныхъ имъ неточныхъ свѣдѣній, но и указать лично адмиралу Амету на совершенную недопустимость пріемовъ полк. Труссона, какъ по существу, такъ и по формѣ ихъ. Адмиралъ Аметъ отказался принять делегацію, финансовый же Коммиссаръ, получивъ отъ Министра Финансовъ точныя, по днямъ, свѣдѣнія о движеніи суммъ въ кассѣ Краевого банка и Краевого Казначейства за весь послѣдній мѣсяцъ, причемъ выяснилось, что 11 милліоновъ имѣлось въ кассѣ только 18 Марта, послѣ чего наличность, подъ вліяніемъ усиленныхъ требованій владѣльцевъ текущихъ счетовъ, постепенно таяла и къ 5 Апрѣля упала до 7 милліоновъ, — заинтересовался вопросомъ объ эвакуированныхъ Правительствомъ цѣнностяхъ, причемъ Министромъ Финансовъ было указано, что въ числѣ эвакуированныхъ цѣнностей, находящихся на суднѣ «Кагулъ» и въ Севастопольскомъ Казначействѣ, должно находиться около 25 милліоновъ краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства, подъ обезпеченіе коихъ выпущено Правительствомъ свыше 20 милліоновъ рублей размѣнныхъ знаковъ и кромѣ того имѣется около 700.000 рублей денегъ Министерства Продовольствія и еще нѣкоторыя другія цѣнности, и что если Правительственной власти требуются средства на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ, она можетъ позаимствовать ихъ изъ указанныхъ источниковъ. Въ 11 часовъ утра делегація Совѣта Министровъ, въ составѣ Предсѣдателя Совѣта Министровъ, Министра Финансовъ, Министра Внѣшнихъ Сношеній и Министра Юстиціи, ознакомившись предварительно съ движеніемъ по всѣмъ счетамъ за послѣднюю недѣлю въ Государственномъ Банкѣ и въ Казначействѣ, вручила полк. Труссону ноту за подписью всѣхъ Министровъ (см. приложеніе), доказывающую правильность всѣхъ мѣръ, принятыхъ Правительствомъ, и всѣхъ расходовъ, имъ произведенныхъ. Полк. Труссонъ, принявъ делегацію чрезвычайно рѣзко отказался было даже прочитать ноту и приложенный къ ней расчетъ и кратко заявилъ: «гдѣ деньги, дайте деньги, иначе не уѣдете. Мнѣ нужны деньги, а не ваши разъясненія». На указанія Министровъ, что у Крымскаго Правительства остались деньги въ другихъ мѣстахъ, гдѣ имѣются отдѣленія банка (въ Керчи, Ялтѣ, Ѳеодосіи), а въ Севастополѣ касса естественно изсякла, ибо изъ нея пришлось уплачивать жалованіе чиновникамъ всего Крыма, полк. Труссонъ отвѣтилъ, что ссылка на Керчь, Ѳеодосію и Ялту его не удовлетворяетъ, но что онъ согласенъ получить нужные ему на расходы по Севастополю 8—10 милліоновъ рублей изъ Государственныхъ цѣнностей Крыма, эвакуированныхъ въ Севастополь; а до полученія этихъ денегъ онъ Правительства не выпуститъ. Делегація 4-хъ Министровъ заявила, что никакихъ другихъ денегъ у нея нѣтъ, что она готова передать всѣ спасенныя Правительствомъ цѣнности на храненіе французскимъ властямъ, съ тѣмъ, чтобы имъ расходовались необходимыя суммы на нужды Края, а остатокъ былъ бы затѣмъ переданъ въ одну изъ русскихъ Миссій въ Европѣ, но никоимъ образомъ не попалъ бы въ руки большевиковъ. О такомъ согласіи делегаціи составленъ былъ особый актъ на русскомъ и французскомъ языкахъ (приложенія II и III) и оба экземпляра вручены тутъ же полк. Труссону. Послѣдній принялъ актъ, направилъ его къ начальнику штаба адм. Амета, на предметъ производства ревизіи эвакуированныхъ цѣнностей, съ тѣмъ, чтобы до перевода денегъ на «Jean Bart» Ми-

нистры не были выпущены. Въ тотъ же день начался осмотръ цѣнностей на «Кагулѣ» и въ казначействѣ, закончившійся однако лишь на слѣдующій день. Вечеромъ въ тотъ же день 12 Апрѣля, Морское Союзное Командованіе предъявило къ Министрамъ, находящимся на «Трапезондѣ» требованіе покинуть судно, и перейти на другое, стоящее на рейдѣ судно «Надежда», такъ какъ «Трапезондъ» долженъ уйти въ Константинополь, а Министры выпущены быть не могутъ. Черезъ часъ на судно «Надежда», гдѣ были уже собраны всѣ члены Правительства, явился французскій морской офицеръ отъ имени адм. Амета и заявилъ, что адм. Аметъ желалъ бы быть въ курсѣ движеній г. г. Министровъ (être au courant des mouvements des m. m. les ministres). На слѣдующій день въ 1 часъ дня возобновилась ревизія; къ тремъ часамъ дня въ результатѣ ея обнаружено въ составѣ эвакуированныхъ цѣнностей, кромѣ весьма значительнаго количества $^0/_0{}^0/_0$-ныхъ бумагъ, 5 милліоновъ краткосрочныхъ обязательствъ, 750.000 рублей денежныхъ знаковъ Министерства Продовольствія и на 1 милліонъ обязательствъ Краевого Казначейства. О вѣроятномъ мѣстѣ нахожденія остальныхъ краткосрочныхъ обязательствъ Министръ Финансовъ доложилъ Совѣту Министровъ особымъ письмомъ на имя Предсѣдателя Совѣта Министровъ, переводъ какого письма сообщенъ былъ полк. Труссону (приложеніе IV). Тѣмъ не менѣе ни въ день 13 Апрѣля, ни въ слѣдующій день 14 Апрѣля, ни, наконецъ, 15 Апрѣля никакихъ распоряженій объ отъѣздѣ Правительства дано не было, а Правительство оставалось на суднѣ въ Севастопольскомъ рейдѣ, пока 15 Апрѣля подъ вечеръ на высотахъ, окружающихъ Севастополь не раздалась пушечная и пулеметная стрѣльба большевистскихъ войскъ. Канонада все болѣе приближавшаяся къ рейду продолжалась уже 4 часа, когда, наконецъ, въ 10 часовъ вечера 15 Апрѣля отданъ былъ приказъ «Надеждѣ» уйти въ море.

Совѣтъ Министровъ постановилъ:

1. Дѣйствія Министровъ, о коихъ изложено въ семъ журналѣ, и въ частности актъ, подписанный делегаціей 4-хъ министровъ 12-го Апрѣля о передачѣ цѣнностей французскимъ властямъ, утвердить;
2. Все изложенное занести въ журналъ и копію его сообщить, какъ союзнымъ Правительствамъ, такъ и русскимъ посламъ при нихъ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Министръ Земледѣлія (Подп.): С. КРЫМЪ.
Министръ Юстиціи (Подп.): Влад. НАБОКОВЪ.
Министръ Внѣшнихъ Сношеній (Подп.): П. ВИНАВЕРЪ.
Министръ Народнаго Просвѣщенія (Подп.): С. НИКОНОВЪ.
Министръ Финансовъ (Подп.): А. БАРТЪ.
Министръ Торговли (Подп.): А. СТЕВЕНЪ.
Министръ Труда, Краевой Секретарь (Подп.): П. БОБРОВСКІЙ.

АКТЪ

Тысяча девятьсотъ девятнадцатаго года Апрѣля 12-го дня составленъ настоящій актъ въ томъ, что Крымское Краевое Правительство передаетъ французскимъ властямъ въ Севастополѣ цѣнности, вывезенныя изъ Краевого Банка на крейсеръ «Кагулъ», а равно цѣнности, находящіяся въ зданіи Казначейства въ Севастополѣ, съ тѣмъ, что мы предоставляемъ французскимъ властямъ расходовать эти цѣнности на нужды края по ихъ усмотрѣнію, а остатокъ, который окажется, передать одному изъ россійскихъ посольствъ въ Европѣ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ С. КРЫМЪ.
Управляющій Министерствомъ Финансовъ А. БАРТЪ.
Министръ Внѣшнихъ Сношеній М. ВИНАВЕРЪ.
Министръ Юстиціи Влад. НАБОКОВЪ.

ACTE

1919. Le 12 Avril. Par le present acte le Gouvernement de Crimée remet aux autorités françaises à Sébastopol les valeurs emportées de la Banque d'Etat et embarquées à bord de cuirassé «Kagoul» et les valeurs déposées dans la Caisse d'Etat (trésor) à Sébastopol.

Les autorités françaises sont autorisées de disposer de ces valeurs pour subvenir aux besoins de la Crimée dans la mesure qu'elles trouveront nécessaire. Le restant après que les dépenses seront effectuées, devra être remis à l'une des Ambassades de Russie en Europe.

(Suivent les signatures.)

Изъ секретнаго доклада

О причинахъ неудачи борьбы съ большевиками на сѣверо-западномъ фронтѣ

1919 годъ былъ для всѣхъ русскихъ патріотовъ, чаявшихъ возрожденія Единой Великой Россіи изъ пепла большевизма, годомъ самыхъ тяжелыхъ разочарованій. Въ началѣ года Колчакъ, хотя и отступилъ отъ Вятки и Перми, но твердо держался на Уралѣ. Деникинъ подготовлялъ свое наступленіе съ юга и продвинулся до линіи Кіевъ-Курскъ-Царицынъ.

На сѣверѣ ген. Миллеръ, поддерживаемый англичанами, продвигался медленно, какъ казалось, на соединеніе съ Колчакомъ. На западѣ боролись съ большевиками поляки, литовцы, латыши съ помощью германскихъ оккупаціонныхъ войскъ и эстонцы съ помощью вновь сформированной сѣверо-западной русской арміи ген. Юденича. Финляндія уже въ 1918 году очистила свою территорію отъ красныхъ и твердо обороняла свои границы. Кольцо вокругъ Совѣтской Россіи, какъ будто, смыкалось и надежды на скорое освобожденіе Петрограда и Москвы казались основательными.

Но вмѣсто того, большевики въ этомъ генеральномъ сраженіи, ведомомъ на четыре фронта, оказались побѣдителями и къ началу 1920 года вся Россія и Сибирь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отколовшихся окраинъ, оказались вновь въ рукахъ Совѣтскихъ властей.

Не мѣсто здѣсь изслѣдовать причины развала, такъ называемыхъ, бѣлыхъ армій, не мѣсто здѣсь взводить на кого бы то ни было своихъ или чужихъ обвиненія — объ этомъ вынесетъ свой приговоръ безпристрастный историкъ, а не участникъ въ этой борьбѣ, какимъ является докладчикъ.

Задача этого доклада — зафиксировать событія послѣдняго года на побережіи Балтійскаго моря, чтобы дать будущему историку матеріалъ для того, чтобы разобраться въ тѣхъ чрезвычайно сложныхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали событія на этомъ, такъ называемомъ, сѣверо-западномъ фронтѣ.

Во время великой всемірной войны Прибалтика являлась второстепеннымъ театромъ войны, но была въ то же время важнымъ плацдармомъ для обороны Петрограда и всего праваго фланга нашего западнаго фронта.

Въ Апрѣлѣ 1915 года германцы взяли Либаву и продвинулись въ Курляндіи до линіи рѣки Виндавы. Въ Іюлѣ они предприняли энергичное наступленіе своимъ лѣвымъ флангомъ и послѣ тяжелыхъ боевъ за обладаніе узловымъ пунктомъ, Шавлями, продвинулись до рѣки Курляндская Аа, занявъ губернскій городъ Митаву.

Въ Августѣ шли бои вокругъ гор. Вильны, во время которыхъ германская кавалерія произвела глубокій прорывъ у Свѣнцянъ. Послѣ удачной ликвидаціи

нами этого прорыва, наша оборонительная линія твердо укрѣпилась по линіи озеръ отъ Дрисвятъ до Иллукста, затѣмъ по рѣкѣ Зап. Двинѣ съ сохраненіемъ сильныхъ предмостныхъ укрѣпленій на западномъ берегу этой рѣки впереди Крейцбурга и Икскуля и большого плацдарма на западѣ отъ Риги въ знаменитыхъ болотахъ Тируль. Война изъ полевой обратилась въ позиціонную и наши 12-ая, 5-ая и 1-ая арміи держали крѣпко означенную линію два цѣлыхъ года.

Въ 1917 г. наступила революція, повлекшая за собою развалъ нашихъ армій съ печальнымъ явленіемъ братанія на фронтѣ. Безъ всякихъ особыхъ причинъ нами было оставлено Икскульское предмостное укрѣпленіе съ знаменитымъ «Орлинымъ гнѣздомъ», объ которое до тѣхъ поръ разбивались всѣ попытки нѣмцевъ къ наступленію. Это событіе послужило сигналомъ къ общему ослабленію линіи, обороняемой нашей 12-й арміей.

1 Сент. (нов. ст.) германцы у Икскуля предприняли переправу черезъ рѣку Зап. Двину. Наша артиллерія геройски защищалась, но не поддержанная пѣхотою, покинувшей позиціи, не могла задержать германцевъ, которые, переправившись, угрожали Ригѣ обходомъ съ тыла.

Наши войска, стоявшія впереди Риги, обойденныя съ тыла, едва успѣли въ поспѣшномъ и безпорядочномъ отступленіи черезъ гор. Ригу вырваться изъ этого охвата; но внутренній порядокъ частей и связь между собою были нарушены и отступленіе на востокъ отъ Риги приняло характеръ паническаго бѣгства съ потерею всего имущества и съ производствомъ грабежей и насилія на всѣхъ путяхъ отступленія.

Армейскіе комитеты и комиссары тщетно старались возстановить порядокъ, большевистскій элементъ въ арміи взялъ верхъ и привелъ къ полному ея развалу.

Отступавшая въ безпорядкѣ армія остановилась только тогда, когда выяснилось, что германцы вовсе ея не преслѣдуютъ и что между нею и непріятелемъ образовалось пустое пространство верстъ въ 20—30. Армія заняла такъ называемыя Венденскія позиціи, но послѣдствія ея разгрома выразились въ значительномъ усиленіи большевистскаго вліянія во всѣхъ ея комитетахъ, приведшемъ вскорѣ къ полному ея разложенію.

Вслѣдъ за взятіемъ Риги послѣдовалъ въ томъ же Сентябрѣ второй ударъ со стороны непріятеля. Занятіе острова Эзеля германцами представляло угрозу всему нашему правому флангу и даже столицѣ. Во всякое другое время это событіе считалось бы чрезвычайно серьезнымъ, но «товарищамъ» было не до этого. Правительство Керенскаго, это «крупнѣйшее недоразумѣніе русской революціи», какъ остроумно выразился Троцкій, со дня на день теряло подъ собою почву и безболѣзненно уступило мѣсто правительству Совѣтовъ солдатскихъ, рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ.

Начался періодъ большевизма, ознаменовавшійся заключеніемъ перемирія съ германцами. Начались переговоры, принявшіе въ декабрѣ 1917 г. и въ январѣ 1918 г. затяжной характеръ.

Военныя событія тяжело отразились на населеніи Балтійскаго побережія и разорили страну до самаго основанія ея экономической и политической жизни.

Послѣ захвата власти большевиками условія въ Прибалтикѣ еще ухудшились, все болѣе приближаясь къ анархіи. Можно ли тутъ удивляться, что все мѣстное населеніе всѣхъ національностей, стоявшее за порядокъ, съ нетерпѣніемъ ждало прибытія нѣмцевъ.

18 февраля 1918 г. нѣмцы начали быстро наступать на сѣверо-востокъ отъ своихъ рижскихъ позицій. Армію охватила паника и солдаты бѣжали, бросая на

мѣстахъ орудія, обозы и все имущество, которое они не успѣли распродать. Сравнительно лучшую дисциплину сохранили латышскіе полки. Сформированные еще въ 1916 году по иниціативѣ латышскаго члена Думы Гольдмана для защиты родного края, они храбро участвовали въ оборонѣ Риги и въ началѣ января 1917 г. при трескучемъ морозѣ въ 30 градусовъ прорвали германскія позиціи и дошли до предмѣстьевъ гор. Митавы, произведя тревогу по всему германскому фронту. Но нѣмцы сумѣли ликвидировать этотъ прорывъ.

Въ началѣ революціи эти полки сохранили нѣкоторую долю дисциплины и даже извѣстнаго монархическаго чувства. Разложеніе ихъ шло медленнѣе остальныхъ частей 12-ой арміи. Даже большевизмомъ они заразились позже, но зато, отступивъ отъ нѣмцевъ въ февр. 1918 г. за предѣлы родной земли, сдѣлались самыми ярыми защитниками Совѣтскаго Правительства, оставаясь и тамъ наиболѣе дисциплинированными частями красной арміи. Они сдѣлались тѣлохранителями Ленина въ Кремлѣ и исполнителями самыхъ террористическихъ приказаній Троцкаго.

Сила ихъ при отходѣ изъ Лифляндіи была въ 8 полковъ, въ совѣтской Россіи число это было удвоено. Полки до 1918 года были трехбатальоннаго состава, изъ коего одинъ батальонъ былъ резервный.

Одновременно съ отступленіемъ арміи изъ предѣловъ Прибалтійскаго Края бѣжали и большевики, успѣвъ предварительно арестовать болѣе 600 лицъ обоего пола, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій и національностей въ видѣ заложниковъ для огражденія оставшихся въ странѣ большевиковъ отъ карательныхъ репрессій германцевъ, т. к. продвиженіе послѣднихъ имѣло болѣе характеръ карательной экспедиціи, чѣмъ военнаго похода. Заложники въ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ были вывезены въ Сибирь и размѣщены по тюрьмамъ въ Красноярскѣ и Екатеринбургѣ. Только въ Апрѣлѣ (1918 г.) на основаніи спеціальной статьи Брестъ-Литовскаго договора эти заложники были возвращены изъ Сибири въ Прибалтійскій Край.

Начался періодъ германской оккупаціи. Къ чести оккупаціонныхъ властей слѣдуетъ сказать, что спокойствіе и безопасность были быстро возстановлены; пути сообщенія были приведены въ исправность и изъ Берлина черезъ Ригу и Ревель было установлено до Гельсингфорса сравнительно быстрое и удобное сообщеніе. Города пообчистились послѣ большевистскаго режима и жизнь стала протекать въ болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ. Но этого же, къ сожалѣнію, нельзя было сказать объ экономической жизни. Война, эвакуація, большевизмъ и оккупація въ конецъ разорили страну, и германскія оккупаціонныя власти оказались не на высотѣ, для возстановленія мало-мальскихъ нормальныхъ условій. Необыкновенно тяжело ложились на, и безъ того разоренное, сельское населеніе постоянныя повторныя реквизиціи лошадей, скота, хлѣба, молочныхъ скоповъ, шерсти, фруктовъ и яицъ. Все отбиралось по невѣроятно низкимъ цѣнамъ, не оставляя земледѣльческому населенію достаточно для существованія. Очевидно, продукты скрывались и настроеніе населенія противъ оккупаціонныхъ властей со дня на день ухудшалось. Этому способствовало еще то обстоятельство, что весь низшій персоналъ мѣстной германской военной администраціи оказался склоннымъ къ взяточничеству и вымогательству. Даже и среди офицеровъ были многіе, оставившіе въ этомъ отношеніи печальную по себѣ славу. Необыкновенно озлобляло населеніе то обстоятельство, что всѣ германскіе военно-служащіе отправляли постоянно почтою къ себѣ домой посылки съ продуктами, которыхъ и безъ того едва хватало въ странѣ. Даже многіе бывшіе ярые германофилы начали желать возвращенія въ страну старыхъ русскихъ порядковъ.

Международное положеніе прибалтійскихъ губерній, несмотря на Брестъ-Литовскій миръ, оставалось неопредѣленнымъ. Германское имперское Правительство вслѣдствіе разлада германскихъ политическихъ партій не могло найти удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса. Между Курляндіей, завоеванной раньше, и территоріей, занятой въ 1918 году, дѣлалось различіе. Въ вопросѣ присоединенія Курляндіи къ Германской Имперіи въ формѣ личной уніи съ Пруссіей или особаго герцогства, мнѣнія въ Германіи мало расходились, остальной же территоріей они скорѣе тяготились и желали дать ей самостоятельность подъ протекторатомъ имперіи.

Одинъ очень умный и образованный германскій офицеръ генеральнаго штаба еще въ Апрѣлѣ 1918 г. въ Минскѣ въ разговорѣ сказалъ, что онъ считалъ бы присоединеніе прибалтійскихъ губерній величайшимъ несчастіемъ для Германіи. Онъ высказался въ томъ смыслѣ, что Германія никогда не умѣла справляться съ инородцами и колоніями. «Россія, прибавилъ онъ, тоже этого не умѣла, но она только отъ времени до времени ударами нагайки наносила имъ болѣзненное ощущеніе скоро проходящее, мы же, нѣмцы, дѣйствуемъ на самолюбіе инородцевъ постоянными уколами шпильки и это гораздо непріятнѣе.» Онъ полагалъ, что послѣ возстановленія порядка въ Россіи сѣверную часть Прибалтійскаго Края слѣдовало бы вернуть Россіи съ сохраненіемъ за Германіей лишь Курляндіи. На послѣднюю они всѣ смотрѣли, какъ на страну, особенно подходящую для заселенія нѣмцами изъ избытка населенія имперіи. Въ Курляндіи они чувствовали себя полными хозяевами и предпринимали постройку путей сообщенія, казармъ и фабрикъ на солидныхъ основаніяхъ.

Прибалтійское дворянство стояло на юридической точкѣ зрѣнія, что послѣ торжества большевизма въ Россіи оно уже не связано болѣе присягой, а потому хлопотало о полученіи отъ германскаго правительства возможно болѣе выгодныхъ условій. Хлопоты эти, однако, успѣхомъ не увѣнчались въ виду недовѣрія германскаго правительства, подпавшаго подъ сильное вліяніе лѣвыхъ партій Рейхстага, къ слишкомъ консервативнымъ тенденціямъ дворянскихъ корпорацій. И тутъ послѣдовало для Балтовъ одно разочарованіе за другимъ. Всѣ ихъ надежды рушились въ моментъ паденія германской монархіи, совпавшаго съ заключеніемъ общаго перемирія съ державами согласія.

Оккупаціонная армія на русскомъ фронтѣ уже давно была заражена большевизмомъ и только слѣпые не хотѣли видѣть, что уже съ момента заключенія мира съ большевиками (Мартъ 1918 г.) ядъ большевизма заразилъ солдатъ. Уже задолго до германской революціи солдаты, въ особенности въ тылу, стали по своему наружному неряшливому виду походить на своихъ русскихъ товарищей. Приказанія офицеровъ исполнялись неохотно и въ ихъ отсутствіи ихъ открыто и громко ругали.

Результатомъ всего этого было, что ноябрьская революція 1918 г. застала германскихъ солдатъ вполнѣ подготовленными къ роли «сознательныхъ товарищей». Началась распродажа ими казеннаго имущества и оружія, каждый торопился нажиться возможно скорѣе и устроиваться такъ, чтобы какимъ нибудь образомъ вернуться на родину. Повторялись всѣ знакомыя картины русской революціи, даже извѣстная прическа нашихъ сѣрыхъ героевъ революціи нашла быстро распространеніе среди нѣмцевъ.

Особенно критическимъ было положеніе германской арміи на восточныхъ окраинахъ. На основаніи дополнительнаго соглашенія между Германіей и Совѣтскимъ Правительствомъ германцы должны были осенью 1918 г. эвакуировать области, лежащія восточнѣе границъ трехъ прибалтійскихъ губерній. Сюда входили города Двинскъ и Псковъ съ соединяющей ихъ желѣзною дорогою.

Германское военное командованіе, хотя и заключило миръ съ большевиками, но не сочувствуя имъ, благосклонно отнеслось къ формированію небольшой русской арміи, поставившей себѣ задачу охранить Псковскую область отъ вторженія большевиковъ послѣ ухода германцевъ. Къ командованію этой арміи предназначался ген. графъ Келлеръ, впослѣдствіи убитый въ январѣ 1919 г. въ Кіевѣ. Но онъ въ Псковъ не прибылъ и командованіе взялъ на себя ген. Вандамъ.

Германцы снабдили армію оружіемъ и снаряженіемъ и предполагали оставить при уходѣ еще и другое военное имущество, необходимое ей. Но формированіе арміи, точно также, какъ и организація Областнаго Управленія, не были окончены къ моменту германской революціи.

Большевики воспользовались безпорядками въ германской арміи и 25 Ноября начали наступленіе на Псковъ. Русская небольшая армія, численностью около 3000 человѣкъ, занимала позиціи восточнѣе Пскова. Рядомъ съ нею стояли германскія части. Командованіе русскими силами принялъ на себя за недѣлю до боя полковникъ Неффъ. Положеніе этихъ выдвинутыхъ частей сдѣлалось отчаяннымъ, когда онѣ вдругъ узнали, что германцы не только безъ предупрежденія покинули свои позиціи, но и самый городъ Псковъ, отчасти распродавъ свое имущество, отчасти бросивъ его на произволъ судьбы или, вѣрнѣе сказать, ворвавшихся въ городъ большевиковъ.

При такой обстановкѣ русскія части конечно держаться не могли и имъ пришлось уличными боями пробить себѣ дорогу черезъ городъ и подъ обстрѣломъ непріятеля переправиться отчасти по мостамъ, отчасти на лодкахъ черезъ рѣку Великую на лѣвый (западный) берегъ, бросивъ въ Псковѣ все личное имущество свое и имущество своихъ частей. Большевики же ознаменовали свою побѣду многочисленными разстрѣлами въ городѣ, начиная съ владѣльцевъ гостинницъ и кофеенъ, гдѣ бывали офицеры, и кончая рабочими тѣхъ мастерскихъ и заводовъ, которые работали на армію. По оффиціальнымъ даннымъ, опубликованнымъ въ мѣстныхъ большевистскихъ газетахъ, число ихъ жертвъ въ первые же дни превосходило 300 убитыхъ.

На западъ же отъ Пскова длинными рѣдкими колоннами растянулись отступавшія русскія части, враждебно встрѣчаемыя большевистски настроенными мѣстными жителями. Много отставшихъ было перебито. Въ самомъ плачевномъ состоянии остатки арміи достигли Валка, гдѣ полковнику Неффу удалось ихъ собрать и перейти на эстонскую территорію. Часть же штаба и масса офицеровъ докатились поѣздами прямо до Риги. Такъ какъ большевики, не встрѣчая сопротивленія, быстро подвигались и, оттѣснивъ армію полковника Неффа на сѣверъ, заняли Валкъ, то находившіеся въ Ригѣ офицеры и чины Штаба оказались отрѣзанными отъ своихъ частей и при дальнѣйшемъ наступленіи на Ригу большевиковъ уѣхали по желѣзной дорогѣ отчасти въ Либаву, отчасти прямо въ Германію.

Полковникъ же Неффъ въ серединѣ Декабря заключилъ договоръ съ Эстонскимъ Правительствомъ, сосредоточилъ свои части у Ревеля и помогъ отстоять этотъ городъ отъ большевиковъ.

Въ теченіе Декабря положеніе въ Ригѣ дѣлалось изо дня въ день все болѣе критическимъ. Германскія войска категорически отказывались сражаться противъ своихъ русскихъ товарищей, продавали имъ за безцѣнокъ все что могли и уступали имъ за извѣстную мзду одинъ городъ за другимъ.

Въ Ригѣ всполошились, и жители принялись за организацію отрядовъ земской обороны, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ балтійскаго Ландесвера. Наскоро формировались роты латышскія, нѣмецко-балтійскія и русскія. Изъ германскихъ добровольцевъ, желавшихъ поддержать дисциплину въ развалившейся германской арміи, была сформирована такъ наз. Желѣзная дивизія.

Но при общемъ развалѣ, при полной растерянности германскаго высшаго командованія и при полной неподготовленности молодыхъ добровольческихъ частей, задержать наступленіе большевиковъ восточнѣе Риги не удалось. Въ городѣ началась паника. Кто могъ попасть въ поѣздъ, бѣжалъ въ Германію или въ Либаву. Одна изъ латышскихъ ротъ въ городѣ взбунтовалась и была окружена и разоружена другими частями, поддержанными артиллерійскимъ огнемъ съ англійскихъ военныхъ судовъ, стоявшихъ на рѣкѣ Зап. Двинѣ. Въ оборонѣ города флотъ, несмотря на неоффиціальное о томъ обѣщаніе адмирала, по приказанію изъ Лондона не участвовалъ, но помогъ эвакуировать въ Данію и Англію нѣкоторое количество бѣженцевъ.

2-го Янв. 1919 г. городъ былъ брошенъ на произволъ судьбы и начался четырехъ съ половиною мѣсячный режимъ большевиковъ, ознаменовавшійся чрезвычайно сильнымъ терроромъ.

Отступившія отъ Риги ландесверныя и германскія добровольческія части еще разъ задержались въ Митавѣ на линіи рѣки Курляндской Аа, но 8 Января эвакуировали и этотъ городъ, отступая при невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ снабженія и снаряженія при сильныхъ январьскихъ морозахъ до линіи рѣки Виндавы, гдѣ и задержались.

Одновременно въ тылу въ Либавѣ происходило переформированіе всѣхъ добровольческихъ частей и подготовка ихъ къ новому походу. Сюда же прибыло Латвійское Правительство съ премьеръ-министромъ Ульманисомъ во главѣ. Въ виду того, что германцы по условіямъ перемирія обязаны были эвакуировать Курляндію, организація всѣхъ добровольческихъ частей шла отъ имени и за счетъ молодого латвійскаго правительства. Однако, въ виду того обстоятельства, что у этого Правительства не было никакихъ средствъ, Германія согласилась отпускать взаимообразно Латвійскому Правительству, какъ денежныя средства, такъ и обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе. Германскіе добровольцы и весь командный составъ считались на службѣ Латвіи. По особому соглашенію между представителями Германской Имперіи и Временнымъ Правительствомъ Латвіи, заключенному еще въ Ригѣ 29 Дек. 1918 г. (§ 1) «Временное Правительство Латвіи согласно признать по ходатайству о томъ всѣ права гражданства въ Латвіи за всѣми иностранцами, состоящими въ арміи и прослужившими не менѣе 4-хъ недѣль въ добровольческихъ частяхъ, сражающихся за освобожденіе латвійской территоріи отъ большевиковъ.» Соглашеніе это подписано съ германской стороны Виннигомъ, а съ латвійской Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ К. Ульманисомъ и министрами Р. Паэгле и Я. Залитомъ.

По этому соглашенію германскіе добровольцы, пріобрѣтая права гражданства въ Латвіи, несомнѣнно пріобрѣтали право на покупку земельныхъ участковъ въ предѣлахъ республики. Впослѣдствіи Латвійское Правительство Ульманиса отказалось отъ исполненія обязательствъ, взятыхъ на себя этимъ соглашеніемъ, мотивируя свой отказъ ссылкою на Версальскій миръ, по которому всѣ обязательства, данныя кѣмъ либо германцамъ или Германіи, считаются недѣйствительными и не имѣющими силы. Такое отношеніе Латвійскаго Правительства къ вопросу вызвало лѣтомъ 1919 года сильное броженіе среди германскихъ добровольцевъ, желавшихъ поселиться въ предѣлахъ Курляндіи.

Одновременно съ переформированіемъ Ландесвера въ Январѣ 1919 г. началось и формированіе русскаго отряда, принявшаго названіе «Либавскій добровольческій стрѣлковый отрядъ», но болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Ливенскаго отряда. День основанія отряда былъ 15-ое Января, когда былъ выпущенъ приказъ № 1. Поводомъ къ формированію его подало то обстоятельство, что въ Либавѣ сосредоточилась

масса русскихъ офицеровъ-бѣженцевъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ Прибалтійскому Краю, а потому не поступившихъ въ ряды добровольческихъ формированій Ландесвера. Генералъ Родзянко уже въ Ригѣ, а затѣмъ въ Либавѣ хлопоталъ объ организаціи русскихъ. Вмѣстѣ съ кн. Ливеномъ онъ нѣсколько разъ ѣздилъ къ командирамъ англійскаго флота, сперва къ адмиралу Сэн-Клэръ, а затѣмъ къ Сэру Коанъ. Встрѣчаемые весьма любезно, русскіе не могли однако добиться отъ союзниковъ, чтобы организація русскихъ была матеріяльно поддержана союзниками. Въ виду безнадежности дѣла ген. Родзянко переѣхалъ въ Ревель, гдѣ принялся за переформированіе спасшейся въ Эстонію Псковской арміи, въ составъ которой входилъ и отрядъ Балаховича.

Авторъ этого доклада остался въ Либавѣ и, послѣ безнадежныхъ попытокъ получить помощь отъ союзниковъ, энергично поддержанный группою русскихъ офицеровъ-патріотовъ, оставшихся въ Либавѣ и не послѣдовавшихъ за тѣми, которые бѣжали въ болѣе спокойную Германію, вошелъ въ соглашеніе съ балтійскимъ Ландесвером. По этому соглашенію Либавскій отрядъ, не входя въ составъ Ландесвера, обязался временно подчиниться командиру Ландесвера, за что получилъ полное снабженіе, снаряженіе, вооруженіе и довольствіе. Соглашеніе это должно было длиться до момента, когда отряду возможно будетъ идти на соединеніе съ сѣверозападной арміей, т. е. по предположенію вслѣдъ за взятіемъ гор. Риги.

Отрядъ былъ чисто русскій, принципы его были тѣ же, что и въ добровольческой арміи, т. е. борьба съ большевиками для возстановленія Единой Великой Россіи и для доведенія ея до Учредительнаго Собранія. Въ мѣстную политику Прибалтійскаго края отрядъ не вмѣшивался и въ случаѣ недоразумѣній въ этомъ краѣ обязался оставаться нейтральнымъ. На службу въ отрядъ принимались только офицеры русской службы и добровольцы русско-подданные, какъ раньше служившіе въ арміи, такъ и не служившіе вовсе. Служившіе раньше въ германской арміи отъ пріема въ отрядъ были исключены.

Вступавшіе въ отрядъ поступали на дѣйствительную службу Россійскаго государства и обязывались подчиняться всѣмъ уставамъ военной службы и законамъ Россійскаго государства, изданнымъ до 29 Февраля 1917 года. Срокъ службы добровольцевъ обсуловливался сроками, введенными въ балтійскомъ Ландесверѣ, т. е. первоначально по 1 Іюня, затѣмъ по 1 Окт. 1919 года. Для офицеровъ служба была по самому смыслу своему безсрочная. О формированіи отряда черезъ русскую миссію въ Стокгольмѣ былъ поставленъ въ извѣстность Деникинъ, которому отрядъ считалъ себя подчиненнымъ, точно также какъ и адмиралу Колчаку. Лишь въ Іюнѣ пришло отъ Колчака оффиціальное извѣщеніе, что князь Ливенъ назначается командиромъ русскихъ стрѣлковыхъ частей въ Курляндіи съ подчиненіемъ генералу Юденичу, какъ главнокомандующему фронтомъ.

Обмундированіе въ отрядѣ было германское, но съ русскими погонами и по мѣрѣ возможности русскими пуговицами. Фуражка имѣла голубой околышекъ съ русской кокардой. На лѣвомъ рукавѣ носилась угловая нашивка бѣло-сине-краснаго цвѣта, а подъ ней бѣлый четырехгранный крестъ.

Численность отряда была ограничена германскимъ командованіемъ, боявшимся усиленія русскаго вліянія въ краѣ, въ 400 человѣкъ, но даже это число долгое время не могло быть достигнуто. 31 Января 1919 года, когда отрядъ безъ кавалеріи и безъ обоза срочно получилъ задачу занять къ сѣверу отъ Либавы фронтъ въ 30 верстъ, отъ имѣнія Априкенъ Газенпотскаго уѣзда до Сакенгаузена на берегу моря, боевой составъ его былъ всего 65 штыковъ.

Дѣйствительно, положеніе Либавы въ эти дни было критическимъ. Большевики только что заняли города Гольдингенъ и Виндаву, угрожая Либавѣ съ сѣвера. При серьезномъ наступленіи большевиковъ, конечно, и думать нельзя было объ удержаніи Либавы, а потому въ порту уже все было приготовлено для эвакуаціи добровольческихъ частей, кого въ Германію, а кого въ Ревель.

Но большевики наступать не могли; продвигаясь весьма быстро отъ Пскова до Виндавы, они выдохлись. Въ особенности латышскіе полки, уже раньше сильно потрепанные Колчакомъ на Уралѣ, вернувшись на родину, распылились, расходясь по домамъ. Сила нѣкоторыхъ полковъ не достигала 100 человѣкъ. Началась въ Лифляндіи и Курляндіи мобилизація, но даже при большевистскихъ пріемахъ подвигалась она медленно и новобранцы, неодѣтые, необученные и плохо вооруженные, для наступательныхъ дѣйствій вовсе не годились, для обороны же только постолько, посколько наступленіе добровольческими частями не велось энергично.

Главныя силы свои большевики сосредоточили по рѣкѣ Виндавѣ южнѣе Гольдингена и здѣсь оборона энергично велась небольшими ландесверными частями, въ особенности Митавской ротой, русской ротой капитана Дыдерова и латышскими ротами полковника Колпака, павшаго на этомъ участкѣ смертью героя. Команду надъ латышскими частями принялъ доблестный и симпатичный полковникъ Баллодъ. Южнѣе латышскихъ частей стояла германская добровольческая Желѣзная дивизія маіора Бишофъ, еще южнѣе уже въ Литвѣ (бывш. Ковенской губ.) находился присланный изъ Германіи VI Резервный корпусъ, въ составъ котораго входила гвардейская резервная дивизія.

Общее руководство всѣмъ фронтомъ сосредоточено было въ рукахъ генерала графа фонъ-деръ-Гольца, штабъ-квартира коего была въ Либавѣ.

Въ виду того обстоятельства, что большевики не нажимали, высшему командованію удалось переформировать балтійскій ландесверъ на новыхъ началахъ. Нельзя забыть, что части были наскоро сформированы изъ бывшихъ русскихъ офицеровъ прибалтійскаго края и добровольцевъ молодыхъ и старыхъ, никогда не служившихъ на военной службѣ. Надо удивляться, какъ при такихъ обстоятельствахъ эти мало сплоченныя части безъ всякой подготовки, увлекаемые лишь восторженной любовью къ родинѣ, совершили сравнительно удачно отступленіе отъ Риги до рѣки Виндавы съ постоянными аръергардными боями и засадами въ лѣсахъ.

Командный языкъ былъ русскій и вообще настроеніе военной молодежи было явно руссофильское. Германцы рѣшили подчинить ландесверъ своему вліянію и начали ломку съ вопроса командnаго состава, языка и метода обученія. Командиромъ Ландесвера вмѣсто русскаго генерала барона Фрейтагъ-Лорингофена назначенъ былъ сперва германскій полковникъ Розенъ, затѣмъ весьма талантливый, храбрый и симпатичный маіоръ Флетчеръ, который быстро сумѣлъ завоевать себѣ довѣріе и преданность, какъ офицеровъ, такъ и добровольцевъ.

Старшіе офицеры Ландесвера, полковники русской службы перешли отчасти въ русскій отрядъ, отчасти въ Ревель. Масса офицеровъ Ландесвера хотѣла также демонстративно перейти въ русскій отрядъ, но лишь немногимъ это удалось, большинству въ этомъ было отказано.

Для обученія строю въ каждую роту были назначены инструкторами германскіе унтеръ-офицеры. Молодежь завопила, но въ концѣ концовъ подчинилась и надо отдать германцамъ справедливость, что никто кромѣ нихъ не сумѣлъ бы изъ этихъ разрозненныхъ добровольческихъ частей въ нѣсколько недѣль сформировать хорошо обученныя и сплоченныя воинскія части.

Особенно выдѣлялся ударный отрядъ (Stoßtrupe), составъ котораго былъ наполовину германскій съ исключительно германскими офицерами.

Этотъ отрядъ силою приблизительно въ 1200 штыковъ несомнѣнно представлялъ собою въ боевомъ смыслѣ самую лучшую часть не только Ландесвера, но всего фронта, но одновременно онъ являлся и носителемъ наиболѣе яраго крайняго германофильства. Командиромъ его былъ лейтенантъ баронъ Гансъ Мантейфель, храбрый и талантливый офицеръ, павшій геройской смертью во главѣ своего отряда при взятіи Риги 22 мая 1919 г. Отрядъ имѣлъ двѣ великолѣпныя батареи и свою саперную роту. Всѣ остальныя роты были объединены подъ командованіемъ графа Эйленбурга, храбраго офицера и симпатичнаго, идейнаго человѣка. Сила его отряда была въ 800 штыковъ. Въ его отрядъ входилъ эскадронъ барона Гана, штабъ-ротмистра 12-го Ахтырскаго гусарскаго полка. Это была наилучшая кавалерійская часть всего фронта, съ хорошимъ конскимъ составомъ, т. к. большинство лошадей принадлежали офицерамъ и добровольцамъ эскадрона.

Кромѣ того, въ составъ Ландесвера входили два самостоятельныхъ эскадрона, а именно барона Драхенфельса, подполковника 19-го Архангелогородскаго драгунскаго полка, и вольный эскадронъ барона Энгельгарда, помѣщика Илукстскаго уѣзда Курляндской губ. Первый эскадронъ силою въ 100 коней участвовалъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ фронта уже въ Литвѣ, а второй эскадронъ силою въ 80 коней занимался болѣе карательными экспедиціями, чѣмъ боевыми задачами.

Латыши были объединены подъ командою полковника Колпака, а послѣ его смерти полковника Баллода. Сила ихъ была приблизительно въ 2000 штыковъ. Тактически они были подчинены командиру Ландесвера, но имѣли свою отличительную форму—красный околышъ на фуражкѣ и красныя петлицы съ бѣлой полоской. Командный языкъ былъ латышскій. Между нѣмецко-балтійскими и латышскими частями отношенія все время были самыя коректныя; заслуга принадлежитъ какъ высокимъ нравственнымъ качествамъ полковника Баллода, такъ и тактичности маіора Флетчера.

Отношенія между ландесверными частями и русскими добровольцами были въ началѣ натянутыя, но по мѣрѣ продвиженія и вообще совмѣстной работы, это чувство уступило мѣсто самому честному товарищескому отношенію. И опять заслуга принадлежитъ какъ боевой доблести русскаго отряда, такъ и тактичности маіора Флетчера, который открыто выражалъ свое восхищеніе передъ боевой работой русскихъ.

За Февраль мѣсяцъ боевая обстановка на фронтѣ начала измѣняться постепенно въ пользу добровольческихъ частей. Рекрутское депо въ Либавскомъ военномъ порту (бывшемъ имени Императора Александра III) посылало пополненіе за пополненіемъ на фронтъ и за это время удалось его укрѣпить на востокъ настолько, что лѣвый флангъ могъ начать продвиженіе на сѣверъ, причемъ задача русскаго отряда была продвигаться на сѣверъ, занимая пространство между лѣвымъ флангомъ Ландесвера и моремъ.

2-го Марта русскій отрядъ силою въ 120 штыковъ впервые участвовалъ съ нѣкоторыми ландесверными частями въ налетѣ на гор. Виндаву. Въ операціи участвовалъ ударный отрядъ Мантейфеля 800 штыковъ при 2-хъ орудіяхъ, рота Радена—150 штыковъ, рота Клейста—200 штыковъ и эскадронъ Гана.

Для этого части, находившіяся въ 40—50 верстахъ южнѣе Виндавы, были посажены на подводы и продвинулись въ одной колоннѣ до имѣнія Зурсъ, на берегу рѣки въ 15 верстахъ отъ Виндавы. Тутъ произошелъ ночью первый авангардный

бой, во время котораго командиръ Ландесвера маіоръ Флетчеръ, былъ раненъ въ голову и въ бокъ, но, послѣ перевязки, остался въ строю и продолжалъ руководить операціей.

Въ семь часовъ утра главныя силы подошли къ городу съ юга, рота Клейста произвела обходное движеніе съ востока по правому берегу рѣки Виндавы, а эскадронъ Гана шелъ по берегу моря и долженъ былъ войти въ городъ съ запада.

Бой продолжался около 3-хъ часовъ. Большевики стрѣляли изъ пулеметовъ и винтовокъ изъ-за заборовъ и изъ домовъ. Артиллеріи у нихъ не было, а потому они долго обороняться не могли и уже въ полдень городъ былъ въ рукахъ добровольческихъ частей. Насколько неожиданно было это наступленіе на Виндаву, видно изъ того, что въ лютеранской киркѣ на тотъ же вечеръ большевиками былъ назначенъ маскированный балъ.

На четвертый день послѣ взятія Виндавы получено было извѣстіе, что большевики перешли рѣку Виндаву сѣвернѣе города Гольдингена, гдѣ оставлено было очень мало войска подъ командою графа Эйленбурга. Красные обходомъ города съ запада грозили захватить весь небольшой гарнизонъ. Маіоръ Флетчеръ оставилъ тогда въ Виндавѣ только роту Радена, а самъ отправился на выручку Гольдингена, посадивъ свои части на обывательскія подводы. Несмотря на поспѣшность отправки, большевики узнали объ этомъ и, когда наши части подошли, положеніе города оказалось уже обезпеченнымъ. Большевики уже очистили западный берегъ рѣки и въ окрестностяхъ слѣдъ ихъ простылъ и только значительныя поврежденія центра города и колокольни свидѣтельствовали о силѣ большевистскаго артиллерійскаго обстрѣла.

Но уже черезъ нѣсколько дней большевики вновь произвели энергичное наступленіе на городъ Виндаву. Донесенія оттуда давали мало надежды на возможность гарнизону удержаться въ городѣ. Въ проливной дождь наши части вновь были посажены на подводы и отправлены на выручку Виндавы. Но на полъ-пути было получено сообщеніе, что гарнизону Виндавы удалось не только отстоять городъ, но и удачнымъ обходнымъ движеніемъ лѣсными дорогами обойти бронированный поѣздъ и разрушить на востокъ отъ него желѣзнодорожный путь, послѣ чего поѣздъ большевиками былъ брошенъ.

Наши части вернулись вновь въ Гольдингенъ. Къ этому моменту русскій Либавскій отрядъ усилился влитіемъ въ него русской роты балтійскаго Ландесвера подъ командою капитана Дыдерова. Изъ слившихся частей были сформированы двѣ роты, рота Дыдерова и пулеметная рота шт.-кап. Эшкольцъ. Кромѣ того, къ отряду прибыло изъ Либавы два взвода кавалеріи, кадръ для формированія батареи и необходимый обозъ. Благодаря неимовѣрнымъ усиліямъ и умѣлости завѣдующаго хозяйствомъ отряда, подполковника Бириха, матеріальная часть значительно улучшилась.

Усиленный, такимъ образомъ, отрядъ могъ уже получить самостоятельную задачу при слѣдующей самой крупной операціи, начавшейся 13 Марта наступленіемъ отъ Гольдингена на востокъ до Туккума и закончившейся 18 Марта взятіемъ города Митавы.

Наступленіе велось одновременно отдѣльными колоннами, причемъ начальникамъ отдѣльныхъ колоннъ давалась только задача достиженія извѣстныхъ цѣлей съ предоставленіемъ самой широкой иниціативы.

Сѣверная колонна, силою въ 1200 штыковъ, подъ командою лейтенанта Мантейфеля съ его ударнымъ отрядомъ должна была подойти къ Туккуму по дорогѣ ведущей сѣвернѣе Московско-Виндавской ж. д.

Вторая колонна Эйленбурга силою въ 800 штыковъ шла южнѣе и должна была подойти къ Туккуму съ юго-запада.

Русскій отрядъ силой въ 250 человѣкъ долженъ былъ идти еще южнѣе въ восточномъ направленіи и выйти на дорогу изъ Туккума къ Митавѣ верстъ 20 на югъ отъ Туккума.

Еще правѣе шелъ латышскій отрядъ Баллода силой въ 2000 штыковъ, черезъ мѣстечко Фрауенбургъ на уѣздный городъ Добленъ.

Связь между русскимъ и латышскимъ отрядами должна была бы быть поддержана вольнымъ эскадрономъ Энгельгарда. Но онъ не будучи военнымъ, этой связи установить не сумѣлъ и она была установлена независимо отъ него, но съ запозданіемъ въ три дня.

Правѣе Баллода, по линіи желѣзной дороги отъ Муравьева къ Альтъ-Аутцу продвигалась германская Желѣзная дивизія маіора Бишофа, силою въ 4000 штыковъ, южнѣе его шла гвардейская резервная дивизія.

Быстрѣе всѣхъ продвинулась сѣверная колонна и уже 15 Марта въ 9 часовъ утра вошла въ Туккумъ, откуда большевики бѣжали въ паническомъ страхѣ.

Вторая колонна Эйленбурга встрѣтила сопротивленіе у мызы Самитенъ, гдѣ большевиками былъ разрушенъ мостъ, вслѣдствіе этого они въ ночь съ 14-го на 15-ое Марта нѣсколько часовъ здѣсь задержались.

Русскій отрядъ, наткнувшись уже въ 25 верстахъ отъ Гольдингена на передовые посты большевиковъ, преслѣдовалъ въ первый же день похода красныхъ отъ Вормена до мызы Шедена. Здѣсь они задержались. Въ 11 часовъ вечера отрядъ съ боемъ продвинулся къ имѣнію, но большевики, пользуясь темнотою, успѣли бѣжать, бросивъ много имущества и нѣсколько пулеметовъ. На слѣдующій день, поддерживая влѣво — вплоть до боя у мызы Самитенъ — связь съ колонною Эйленбурга, русскій отрядъ весь день и всю слѣдующую ночь не останавливаясь продвигался впередъ, не встрѣчая по лѣснымъ дорогамъ сопротивленія. Послѣ дождей предыдущихъ дней наступили сильные морозы до 15 Р. Дороги обледенѣли и движеніе орудій, кухонь и обоза было весьма затруднено. Часто приходилось останавливать всю колонну, чтобы вытащить изъ канавы орудіе или подводу. Несмотря на эти задержки, колонна къ разсвѣту подошла къ рѣкѣ Абау южнѣе Туккума, потерявъ связь влѣво съ отставшей вслѣдствіе боя колонной Эйленбурга и не установивъ связи вправо съ колонной Баллода, отставшей предположительно верстъ на 30.

На берегу рѣки Абау удалось окружить имѣніе Фридрихсбергъ, гдѣ большевистскій комитетъ укладывалъ свои архивы на подводы для бѣгства. Члены комитета защищались оружіемъ, но домъ былъ скоро взятъ добровольцами. Въ домѣ оказалось двое убитыхъ, одинъ покончилъ съ собою самоубійствомъ, остальные были арестованы и переданы военно-полевому суду, который вынесъ шестерымъ смертный приговоръ, а двухъ оправдалъ. Этотъ комитетъ, какъ было установлено, руководилъ въ свое время разграбленіемъ сосѣдняго имѣнія, причемъ арендаторъ и его дочь были разстрѣляны. Вещи убитаго арендатора были найдены въ канцеляріи комитета.

На рѣкѣ Абау отрядъ задержался до возстановленія связи съ Эйленбургомъ, который послѣ удачнаго боя продвинулся впередъ, а на слѣдующій — третій день похода перешелъ рѣку и продвинулся на востокъ до станціи Шлампенъ Московско-Виндавской ж. д., 16 верстъ южнѣе Туккума.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этой станціи оказалось единственное имѣніе, въ которомъ помѣщикъ уцѣлѣлъ. Онъ былъ своими рабочими допущенъ въ члены коммуны, причемъ ему въ виду его образованія и лѣтъ былъ предоставленъ постъ секретаря коммуны съ правомъ пользоваться для себя и для дочери двумя комнатами въ своемъ барскомъ домѣ. По его словамъ коммунистическое ученіе, въ началѣ встрѣ-

ченное рабочими восторженно, потерпѣло полное крушеніе, когда рабочимъ было объяснено, что поросята, рождающіеся отъ ихъ собственныхъ свиней, не составляютъ ихъ частной собственности, а подлежатъ раздачѣ равномѣрно между всѣми членами коммуны. Коммунистамъ послѣ этого не удалось возстановить своего вліянія и рабочіе сами желали возвращенія къ нормальнымъ условіямъ.

Изъ Шлампена русскій отрядъ установилъ вновь твердую связь со штабомъ маіора Флетчера, находившагося уже въ Туккумѣ. Онъ вошелъ въ городъ вмѣстѣ съ первой колонной и, узнавъ, что большевики только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ увели изъ Туккумской тюрьмы значительное число лицъ изъ интеллигенціи и мелкихъ собственниковъ, походнымъ порядкомъ по дорогѣ къ Шлоку послалъ имъ въ догонку добровольцевъ, которые ихъ нагнали и освободили. Но масса труповъ, наскоро зарытыхъ въ городѣ и въ окрестностяхъ, громко говорили о жестокомъ террорѣ, который господствовалъ здѣсь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

Между тѣмъ положеніе русскаго отряда, выдвинувшагося впередъ, становилось въ Шлампенѣ весьма критическимъ. Телефонъ на станціи не былъ разрушенъ и удалось установить телефонную связь со станціями южнѣе лежащими, гдѣ находились еще большевики. Изъ подслушанныхъ разговоровъ можно было установить, что въ Митаву прибылъ какой-то русскій кавалерійскій полкъ изъ Казани и что онъ направленъ на Туккумъ. Явно было изъ телефонныхъ разговоровъ, что потеря Туккума, гдѣ раньше находился ихъ штабъ, очень всполошила большевиковъ.

Разъѣзды упомянутаго выше полка уже въ слѣдующую ночь появились у нашей передовой заставы и начали насъ обходить съ праваго фланга. Опасность обхода была тѣмъ болѣе велика, что вольный эскадронъ Энгельгарда не выполнилъ своей задачи наблюденія за пространствомъ между русскимъ отрядомъ въ Шлампенѣ и отрядомъ Эйленбурга, стоявшимъ 15 верстъ сѣверо-западнѣе, поэтому, когда этотъ отрядъ безъ достаточной развѣдки означеннаго эскадрона продвинулся южнѣе, то наткнулся на засаду и потерялъ при этомъ нѣсколько добровольцевъ убитыми.

Въ виду полной неустойчивости всего положенія выдвинувшихся до Туккума ландесверныхъ частей, маіоръ Флетчеръ рѣшилъ молніеноснымъ ударомъ нагрянуть на Митаву и взять ее врасплохъ, не дожидаясь подхода съ запада вдоль желѣзной дороги Желѣзной дивизіи Бишофа. Въ ночь съ 17 на 18 Марта походная колонна добровольческихъ частей выступила изъ Туккума, имѣя въ головѣ русскій отрядъ.

У водяной мельницы Малеймуйже въ 10 верстахъ южнѣе Шлампена головной взводъ кавалеріи наткнулся на засаду большевистской спѣшенной кавалеріи, засѣвшей въ оврагѣ по обѣ стороны отъ дороги и открывшей въ 10 часовъ вечера при лунномъ освѣщеніи огонь изъ пулеметовъ и винтовокъ по походной колоннѣ. Произошло среди обывательскихъ подводъ нѣкоторое замѣшательство, но присутствіе духа командира батареи, капитана Андерсона, быстро спасло положеніе. Онъ сразу приказалъ выкатить на поле одно орудіе и началъ прямой наводкой стрѣлять по непріятельской цѣпи.

Одновременно часть роты съ пулеметами разсыпалась въ цѣпь и вскорѣ непріятельскій огонь началъ слабѣть и прекратился. Когда мельница была занята, то и слѣдъ отъ большевиковъ простылъ. Засимъ русскій отрядъ былъ направленъ на востокъ къ Кальнецемскому мосту чрезъ рѣку Курляндская Аа заслономъ и имѣлъ здѣсь на слѣдующій день продолжительный бой съ укрѣпившимися въ старыхъ окопахъ военнаго времени большевиками. Защищаемая такимъ образомъ съ фланга и съ тыла колонна Ландесвера могла ускореннымъ аллюромъ продвинуться прямо на Митаву. Въ шести верстахъ отъ Митавы произошелъ небольшой бой, но вскорѣ большевики, охваченные паническимъ страхомъ, бѣжали, оставивъ въ Митавѣ массу

имущества и санитарный поѣздъ. Единственное, что они успѣли сдѣлать — это арестовать заново и вывезти массу заложниковъ изъ тюремъ изъ числа интеллигенціи. Слѣдующая ночь была чрезвычайно холодная и заложниковъ вели пѣшкомъ по мерзлому шоссе въ той одеждѣ, въ которой ихъ застали. Многіе старики и старухи не выдержали и падали въ пути; ихъ приканчивали выстрѣлами или прикладами. Очень немногимъ удалось въ пути бѣжать и скрыться въ лѣсу. Остальные въ неимовѣрно истощенномъ состояніи, пройдя 40 верстъ безъ остановокъ, были брошены въ Рижскія тюрьмы. Здѣсь свирѣпствовалъ сыпной тифъ и немедленно интеллигентныя женщины изъ числа заложниковъ были назначены на работы стирки бѣлья тифозныхъ больныхъ.

Послѣ взятія Митавы первый день прошелъ спокойно. Производилась чистка города и разыскивались многочисленные трупы разстрѣлянныхъ большевиками, которые, едва зарытые въ землю, заполняли дворы и сады вокругъ губернской тюрьмы.

Однако, положеніе города оставалось весьма критическимъ. Онъ былъ взятъ налетомъ. Въ тылу на западъ отъ Митавы находились большевистскія войска, отступавшіе отъ Альтъ-Аутца и Доблена подъ давленіемъ желѣзной дивизіи и латышей. Положеніе этихъ частей было бы безвыходнымъ, если бы имѣлось больше добровольческихъ частей для окруженія ихъ; теперь они, охваченные паникой, ринулись въ юго-восточномъ направленіи черезъ г. Баускъ къ Западной Двинѣ, но до того момента, когда опредѣлилось направленіе ихъ отступленія, они представляли серьезную угрозу Митавѣ. Отколовшіяся отъ большевистскихъ силъ банды долго еще мѣшали сообщеніямъ между Митавой и Туккумомъ, гдѣ оставленъ былъ весьма незначительный гарнизонъ, находившійся постоянно подъ угрозой нападенія со стороны Шлока.

Дѣйствительно, большевики произвели нападеніе на Туккумъ съ востока. Гарнизонъ города состоялъ изъ 35 штыковъ сборной команды и 50 человѣкъ саперной роты Штромберга. Большевики заняли высоту, господствующую надъ городомъ съ сѣвера, и поставили одинъ пулеметъ. Случайно одинъ изъ саперъ выстрѣлилъ въ направленіи наступавшихъ ружейной гранатой. Граната разорвалась въ 20-ти шагахъ отъ пулемета съ присущимъ ей трескомъ, но безъ дальнѣйшаго вреда. Прислуга большевистскаго пулемета сразу прилегла, а затѣмъ бѣжала, бросивъ пулеметъ. Саперы съ криками ура бросились на высоту, захватили пулеметъ и повернули его на бѣгущихъ большевиковъ, послѣ чего послѣдніе туда больше не возвращались.

На второй день послѣ взятія Митавы большевики неожиданно повели наступленіе на городъ съ востока, подойдя къ самому предмѣстію съ двумя бронированными поѣздами и нѣсколькими броневиками.

Митавскій гарнизонъ только что расположился отдыхать послѣ боевъ и переходовъ послѣднихъ дней, когда его вызвали къ мостамъ по тревогѣ. Оборона шоссейнаго моста была поручена русскому отряду, которому удалось отбить двѣ серьезныя атаки, послѣ чего большевики уже ограничивались обстрѣломъ города изъ своихъ поѣздовъ.

Городъ былъ на этотъ разъ спасенъ и русскій отрядъ за это дѣло сталъ пользоваться большой популярностью среди жителей Митавы.

Позже пріѣзжалъ къ начальнику отряда министръ Внутреннихъ Дѣлъ Латвіи Д-ръ Вальтерсъ и передалъ оффиціально благодарность Латвійскаго Правительства за спасеніе Митавы.

Но уже черезъ два дня было установлено появленіе новой угрозы городу съ сѣвера. Большевики, перейдя ниже Митавы рѣку по льду, начали накапливаться въ лѣсахъ, окружающихъ городъ. 22-го марта туда былъ направленъ русскій отрядъ, къ которому была придана германская добровольческая пулеметная рота. Бой начался въ пяти верстахъ отъ города около мызы Шведгофъ.

Противникъ, засѣвшій на опушкѣ лѣса, сперва открылъ оживленный ружейный огонь, но, благодаря значительному превосходству нашего пулеметнаго огня, принужденъ былъ сперва отступить, а затѣмъ бѣжать. Преслѣдованіе велось энергично на разстояніи 12 верстъ и привело къ полному очищенію западнаго берега рѣки. Удалось установить, что наши двѣ небольшія роты привели въ паническое бѣгство весь 15-й латышскій совѣтскій полкъ, который, войдя въ деревню, гдѣ стоялъ батальонъ 10-го полка, увлекъ и его въ свое бѣгство.

Теперь всѣ части ожидали немедленнаго наступленія на Ригу. Большевики въ эти дни были настолько убѣждены въ этомъ, что спѣшно начали эвакуировать Ригу. Улицы, по которымъ большевики предполагали отступать, очищались отъ всѣхъ жильцовъ-буржуевъ. Послѣдніе всѣ выводились на улицу, гдѣ распредѣлялись на три категоріи: первая къ немедленному разстрѣлу, вторая къ заключенію въ тюрьмѣ и третья къ выселенію въ предмѣстія, въ концентраціонные лагеря и на низменные острова на Двинѣ. Въ эти дни свирѣпствовалъ въ городѣ самый жестокій терроръ. Разстрѣловъ было столько, что солдаты отказывались производить ихъ и эта работа поручалась коммунистическимъ дѣвушкамъ-добровольцамъ, которыя находили особое удовольствіе въ истязаніи своихъ жертвъ до окончательнаго ихъ разстрѣла.

Во всякомъ случаѣ настроеніе большевиковъ въ это время было таково, что о серьезной оборонѣ Риги они не только думать не могли, но и не хотѣли, войска же добровольческихъ частей рвались въ бой, т. к. у каждаго были близкіе родственники или друзья въ Ригѣ.

Несмотря на такое настроеніе мы провели цѣлыхъ два мѣсяца на позиціяхъ по лѣвому берегу Курляндская Аа отъ Бауска до Шлока съ небольшими тэтъ-де-понами впереди Митавы и Кальнецема на правомъ, восточномъ, берегу рѣки. Митава съ упомянутымъ тетъ-де-пономъ занята была желѣзной дивизіей маіора Бишофа, со штабомъ въ Митавѣ. Южный участокъ отъ Митавы до Бауска занимала германская гвардейская резервная дивизія со штабомъ въ имѣніи Гроссъ-Платенъ. Сѣверный же участокъ отъ Митавы до Шлока оборонялся добровольческими частями, причемъ латыши занимали Кальнецемскій тэтъ-де-понъ. Ландесверъ стоялъ сѣвернѣе до моря, а русскій отрядъ имѣлъ сторожевое охраненіе по рѣкѣ Курляндская Аа отъ Кальнецема до Митавы. Штабъ маіора Флетчера находился въ Туккумѣ.

Во время этой стоянки удалось опредѣлить тѣ большевическія силы, которыя защищали фронтъ рижскаго плацдарма отъ моря до западной Двины у Фридрихштадта. Сѣвернѣе Митаво-Рижскаго шоссе стояли почти исключительно латышскіе полки силою въ среднемъ въ 800 человѣкъ, всего приблизительно 6 полковъ или двѣ дивизіи съ соотвѣтствующей артилеріей. Послѣдняя была русская, батареи были 4-хъ орудійныя и не болѣе двухъ на дивизію, стрѣляли онѣ хорошо, но снарядовъ было очень мало.

На фронтѣ противъ Митавы имѣлись по крайней мѣрѣ двѣ батареи гаубичныя. На участкѣ южнѣе шоссе стояли русскіе совѣтскіе полки, а именно 97-й, 98-й и 99-й, составлявшіе Новгородскую дивизію. Тутъ же находилось и два или три латышскихъ полка. Артиллеріи при этихъ частяхъ было мало, не болѣе батареи на дивизію. Равномѣрно по всему фронту распредѣлены были коммунистическія роты, хорошо одѣтыя, оборудованныя и вооруженныя, чего нельзя было сказать про мобилизованныя латышскія части. Задача этихъ ротъ состояла, главнымъ образомъ, въ принужденіи мобилизованныхъ частей держаться на позиціяхъ. Кромѣ того, у большевиковъ сформированъ былъ интернаціональный батальонъ, какъ говорятъ, подъ командою германскаго матроса. Этотъ батальонъ появлялся на Олай-

скомъ фронтѣ противъ Митавы. Всего можно полагать, что рижскій плацдармъ защищался арміей силою приблизительно въ 10—14 тысячъ человѣкъ на фронтѣ. Сила же наступавшихъ «бѣлыхъ», включая ландесверъ, желѣзную дивизію и германскую гвардейскую дивизію едва ли достигала 10.000 на фронтѣ, въ тылу же находилось несоотвѣтственно большое число людей на довольствіе, такъ напримѣръ, ландесверъ, имѣя на фронтѣ въ лучшемъ случаѣ 3500 людей, довольствовалъ изъ котла въ тылу около 20.000, включая сюда всякія хозяйственныя и санитарныя учрежденія.

Причинъ для задержки добровольческихъ частей на линіи Митавы было нѣсколько:

Во 1-хъ, нельзя забывать, что Митава была взята налетомъ, что тылъ поэтому не былъ обезпеченъ отъ нападенія бандъ.

Во 2-хъ, требовалось извѣстное время для исправленія путей сообщенія, для налаживанія снабженій и присылки пополненій.

Въ 3-хъ, вопросъ о снабженіи изголодавшейся Риги продовольствіемъ въ случаѣ взятія города не нашелъ еще удовлетворительнаго разрѣшенія, въ особенности въ виду невозможности пользоваться морскимъ путемъ, такъ какъ благодаря холодной веснѣ, въ морѣ было еще много льда.

Въ 4-хъ, германское правительство не желало, при создавшихся политическихъ обстоятельствахъ, разрѣшить германскимъ частямъ идти далѣе линіи рѣки Курляндская Аа, т. к. оно смотрѣло на всю операцію лишь, какъ на средство обезпечить свои восточныя границы отъ нападенія со стороны большевиковъ, а эта цѣль была уже достигнута взятіемъ Митавы въ достаточной мѣрѣ.

Въ 5-хъ, наконецъ, правительства Антанты не могли согласиться на вопросѣ, кому и когда освободить Ригу. Инструкціи, которыя ими давались германскому командованію на мѣстахъ, были крайне противорѣчиваго характера.

Позиціонная война, пока рѣка была покрыта льдомъ, являлась для добровольческихъ частей, растянувшихся въ одну длинную линію, почти безъ резервовъ въ тылу, очень утомительной задачей.

Поздно наступившій разливъ облегчилъ задачу, но одновременно появились случаи сыпного тифа, грозившаго принять характеръ эпидеміи. Умеръ отъ тифа помощникъ начальника русскаго отряда — полковникъ Раръ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ всѣхъ чиновъ отряда. Въ серединѣ апрѣля отрядъ уведенъ былъ въ тылъ для дезинфекціи и приведенія себя въ порядокъ. Къ тому времени стали подходить пополненія изъ Либавы и Виндавы, были получены орудія, началось формированіе гаубичной батареи, отъ Латвійскаго Правительства получены по реквизиціи лошади изъ Добленскаго уѣзда, вообще, отрядъ началъ видимо усиливаться. Необходимо было еще наладить полученіе пополненій изъ бывшихъ русскихъ военноплѣнныхъ, находившихся въ Германіи. Попытки вывезти ихъ оттуда, несмотря на разрѣшеніе державъ согласія и на содѣйствіе германскихъ властей, всегда разбивались объ какое-нибудь мелкое препятствіе, а потому командиръ русскаго отряда рѣшилъ ѣхать лично въ Берлинъ для организаціи дѣла.

Неожиданно въ Либавѣ въ серединѣ апрѣля разыгрались политическія событія, имѣвшія серьезныя послѣдствія на развитіе дальнѣйшихъ событій въ Прибалтикѣ. Ударный батальонъ балтійскаго ландесвера, отведенный въ Либаву на отдыхъ, 16 апрѣля свергъ министерство Ульманиса и арестовалъ нѣкоторыхъ членовъ министерства. Поводомъ послужило недовѣріе балтійскихъ фронтовыхъ частей къ министерству вообще и къ двумъ министрамъ Залиту и Гольдману, въ особенности. Послѣдніе обвинялись въ сношеніяхъ съ большевиками, а потому войска желали

удаленія ихъ. «Бунтъ», совершенно неподготовленный, руководимый нѣкоторыми очень молодыми, политически неопытными офицерами ударнаго отряда ландесвера, во главѣ котораго стояли нѣкоторые члены семьи Мантейфелей, оказался ударомъ въ пустую. На мѣсто свергнутаго министерства нельзя было найти новаго. Военныя и дипломатическія миссіи союзниковъ явно стояли на сторонѣ министерства Ульманиса и въ началѣ не желали вовсе разговаривать съ другими группами. Только американская миссія заняла болѣе примирительную точку зрѣнія и старалась создать коалиціонное министерство между сторонниками Нѣдриса, латышскаго писателя и націоналиста, выдвинутаго ландесвероиъ, и свергнутаго Ульманисомъ. Но коалиція не удалась, министерство Нѣдриса, поддержанное германскими окупаціонными властями, не было признано союзниками, а Ульманисъ продолжалъ играть роль изгнанника. Дѣло не прошло безъ столкновеній. Въ первый день переворота солдаты одной германской добровольческой части ворвались въ расположеніе латышскихъ частей въ районѣ военнаго порта и, обезоруживъ латышей, ограбили ихъ. Съ другой стороны латыши арестовали Нѣдриса, тайно увели его за городъ, откуда ему съ различными приключеніями удалось бѣжать въ одной рубашкѣ и добѣжать въ такомъ видѣ къ ближайшему германскому посту.

Всѣ эти событія не могли не усилить вражды между различными національностями и вызвать недовѣріе союзниковъ къ ландесверу и прибалтійскимъ нѣмцамъ вообще. Озлобленіе латышей было особенно сильно противъ ландесвера и семьи Мантейфелей, изъ которыхъ командиръ ландесвера палъ при взятіи Риги въ маѣ 1919 г., а его отецъ былъ убитъ какой-то бандой осенью того же года.

Событія въ Либавѣ, къ счастью, мало отразились непосредственно на фронтѣ. Въ переворотѣ участвовалъ только ударный отрядъ Мантейфеля, стоявшія на фронтѣ ландесверныя части въ немъ не участвовали и отношенія между ними и латышскими частями остались и послѣ этихъ событій корректными.

Между тѣмъ, начальнику Либавскаго отряда удалось въ Берлинѣ, при содѣйствіи объединившихся для этой цѣли русскихъ въ Берлинѣ, организовать отправку русскихъ пополненій изъ концентраціонныхъ лагерей въ Германіи. Сенаторъ Бельгардъ взялъ на себя тяжелый трудъ руководить этимъ дѣломъ, требовавшимъ большого дипломатическаго такта, чтобы умѣть примирить требованія представителей Антанты съ требованіями германскихъ военныхъ властей.

Со второй половины мая перевозка пополненій наладилась и отрядъ началъ разростаться.

Между тѣмъ, на фронтѣ опять начались военныя операціи. 16-го мая русскій отрядъ, смѣнивъ часть латышскихъ ротъ, занялъ совмѣстно съ латышами Кальнецемскій тэтъ-де-понъ. Съ 18 по 20 мая большевики сильными повторными атаками старались сбить насъ, направляя главныя свои силы противъ праваго участка, занимаемаго русскими. Всѣ атаки были отбиты съ большими потерями для большевиковъ. Изъ показаній плѣнныхъ выяснилось, что непосредственно отъ Троцкаго былъ полученъ категорическій приказъ занять мостъ, т. к. большевики вполнѣ правильно оцѣнивали значеніе Кальнецема, какъ угрозы Ригѣ. На 22 мая, по собраннымъ развѣдкою свѣдѣніямъ, ожидалось новое наступленіе большевиковъ. Командиръ ландесвера рѣшилъ предупредить это неожиданнымъ переходомъ въ наступленіе со своей стороны.

Въ 1 часъ 30 мин. ночи 22 мая балтійскій ландесверъ, имѣя ударный отрядъ во главѣ, неожиданно атаковалъ большевиковъ и уже къ 3 часамъ ночи, пробившись къ нимъ въ тылъ, началъ ускореннымъ маршемъ походъ на Ригу съ такимъ расчетомъ, чтобы занять городскіе мосты черезъ Двину раньше, чѣмъ отступавшія большевистскія

части могли поспѣть туда. Русскій отрядъ вмѣстѣ съ латышами подъ командою полковника Баллода пошелъ обходнымъ путемъ по южному берегу озера Бабитъ. По рѣкѣ Курляндская Аа направилась сильно вооруженная рѣчная флотилія на спеціально приспособленныхъ для сего рѣчныхъ пассажирскихъ и буксирныхъ пароходахъ. Сѣвернѣе рѣки по берегу моря отъ Шлока двинулись латышскія и ландесверныя части. Одновременно двинулась изъ Митавы по шоссе желѣзная дивизія Бишофа. Германскія части не имѣли отъ своего Правительства разрѣшенія участвовать въ Рижской операціи, но, въ виду наступленія ландесвера, принуждены были для обезпеченія своего фланга продвинуться на новыя позиціи, что ими и было исполнено.

Въ два часа дня Мантейфель съ ударнымъ отрядомъ подошелъ къ деревянному городскому, бывшему понтонному, мосту, одновременно по Митавскому шоссе къ желѣзнодорожному мосту стали подходить бронированные автомобили маіора Бишофа. Большевики въ Ригѣ были застигнуты врасплохъ. Они узнали о приближеніи бѣлыхъ лишь, когда они съ боемъ вошли въ западныя предмѣстья города. На деревянномъ мосту произошелъ короткій бой, причемъ палъ командиръ эскадрона графъ Рейтернъ-Нолькенъ. Ударники ворвались въ городъ съ Мантейфелемъ во главѣ, который при этомъ былъ убитъ, и поспѣшно направились къ ближайшей тюрьмѣ, чтобы спасти заключенныхъ тамъ заложниковъ, въ другихъ же тюрьмахъ большевики успѣли многихъ перебить, въ томъ числѣ женщинъ, нѣсколькихъ пасторовъ, другихъ же увезли изъ города на грузовикахъ для отправки въ Москву заложниками, откуда они вернулись лишь въ маѣ 1920 года.

Къ шести часамъ дня въ городъ вступилъ русскій отрядъ и занялся очищеніемъ сѣверныхъ частей города, включая и Царскій Лѣсъ, куда собралась масса большевиковъ. Трудно было организовать съ утомленными войсками фактическую охрану частнаго имущества отъ грабежа. Это болѣе или менѣе удалось несмотря на нахожденіе именно въ сѣверномъ участкѣ холодильника съ припасами и виннаго склада на водочномъ заводѣ Вольфшмидта.

На слѣдующій день работа по очисткѣ сѣверныхъ предмѣстій отъ большевиковъ продолжалась и распространилась до устья рѣки Двины у Мюльграбена, Магнусгофа и на лѣвомъ берегу рѣки Больдераа, причемъ была захвачена значительная военная добыча, въ томъ числѣ и одинъ вполнѣ исправный броневикъ.

Плѣнныхъ была масса, т. к. большая часть мобилизованныхъ большевиками солдатъ бѣжали изъ своихъ частей и сотнями сдавались въ плѣнъ.

Ихъ всѣхъ сконцентрировали на заводѣ «Проводникъ».

26-го мая русскій отрядъ покинулъ Ригу для преслѣдованія большевиковъ, отходившихъ по Псковскому шоссе. Задача отряда состояла въ обходѣ лѣсными дорогами станціи Роденпойсъ для содѣйствія отряду Эйленбурга, направившагося туда же по шоссе. Недалеко отъ станціи Роденпойсъ коммунистическая рота, засѣвъ въ густомъ лѣсу, произвела неожиданное нападеніе на продвигавшуюся по гати колонну. Несмотря на своевременное предупрежденіе дозорными, часть не успѣла по мѣстнымъ условіямъ во время развернуться и имѣла сравнительно значительныя потери ранеными и въ особенности лошадьми. Убитъ былъ командиръ эскадрона ротм. Родзевичъ и нѣсколько артиллеристовъ и выбылъ изъ строя вслѣдствіе раненія начальникъ отряда.

Но бой, благодаря доблести батареи, стрѣлявшей прямой наводкой подъ градомъ пуль, окончился въ нашу пользу и большевики, прекративъ огонь, бѣжали. Вскорѣ къ намъ подоспѣли подкрѣпленія изъ латышскихъ частей, по шоссе продвинулся Эйленбургъ и ст. Роденпойсъ къ вечеру была въ нашихъ рукахъ.

Преслѣдованіе большевиковъ продолжалось и въ слѣдующіе дни до линіи рѣки Лифляндская Аа.

Въ городѣ въ это время быстро возстановлялась жизнь. Впечатлѣніе при взятіи Риги отъ душевнаго и физическаго состоянія горожанъ было удручающее. Разсказы о большевистскомъ режимѣ, о террорѣ и о лишеніяхъ превосходили все, что проникло до тѣхъ поръ въ печать. Разсказы эти подтверждались при находкѣ массы разстрѣлянныхъ и изуродованныхъ труповъ. Ко всѣмъ бѣдствіямъ присоединились форменный голодъ и эпидемія тифа.

На фонѣ всеобщаго бѣдствія особенно яркаго выдѣляется картина празднествъ въ дворянскомъ домѣ по поводу свадьбы дочери главнаго комиссара Стучки. Масса гостей съѣхалась по этому поводу со всѣхъ концовъ Россіи и, говорятъ, никогда еще и нигдѣ, ни въ одномъ залѣ не видно было такого ослѣпительнаго количества дорогихъ камней и драгоцѣнностей, какъ на гостяхъ товарища Стучки.

Послѣ взятія Риги маіоръ Флетчеръ, какъ главнокомандующій, назначилъ градоначальника и начальниковъ отдѣльныхъ управленій города. Сюда вернулись многіе полицейскіе чины, служившіе во время германской оккупаціи. Къ сожалѣнію, одновременно вернулись и многіе нежелательные элементы, своими дѣйствіями подрывавшіе авторитетъ вновь назначенныхъ высшихъ чиновъ. Почти одновременно прибыли въ Ригу и военныя миссіи союзныхъ державъ и американская продовольственная комиссія. Послѣдняя начала сразу снабжать жителей давно невиданнымъ бѣлымъ хлѣбомъ и организовала образцовыя кухни для дѣтей младшаго и школьнаго возрастовъ. Вскорѣ переѣхало въ Ригу и правительство Нѣдриса. Но уже черезъ двѣ недѣли вся обстановка рѣзко измѣнилась. Въ началѣ іюня при преслѣдованіи большевиковъ, ландесверныя части неожиданно наткнулись южнѣе г. Вендена на передовые посты эстонцевъ, уже очистившихъ сѣверную часть Венденскаго и Вольмарскаго уѣздовъ отъ большевиковъ. Ландесверъ полагалъ, что встрѣтитъ у эстонцевъ поддержку. Но не то случилось. Послѣ нѣсколькихъ случайныхъ выстрѣловъ между передовыми постами, эстонцы выдвинули свой бронированный поѣздъ, началась перестрѣлка и ландесверъ, перейдя въ наступленіе, прогналъ эстонцевъ изъ города и занялъ Венденъ. Одновременно начались съ помощью союзныхъ миссій переговоры между сторонами, приведшіе 9-го іюня къ соглашенію, оформленному протоколомъ, подписаннымъ обѣими сторонами съ согласія представителей англійской, французской и американской военныхъ миссій. По этому соглашенію эстонцы обязались очистить латвійскую территорію и отойти къ своимъ этнографическимъ границамъ.

Этотъ протоколъ былъ посланъ въ Ревель на утвержденіе главы всѣхъ союзныхъ миссій, англійскаго генерала Гоффа. Совершенно неожиданно для всѣхъ, онъ, вмѣсто утвержденія протокола, прислалъ отъ себя 15-го іюня въ ультимативной формѣ новыя требованія къ балтійскому ландесверу, которыя этотъ считалъ для себя непріемлемыми. Требовалось, чтобы балтійскія добровольческія части отошли на рижскія позиціи и чтобы министерство Нѣдриса было смѣщено и замѣнено министерствомъ Ульманиса.

Требованія эти, сами по себѣ тяжелыя, могли послужить однако базой для дальнѣйшихъ переговоровъ. Положеніе ландесвера, если бы онъ отошелъ на рижскія позиціи, было чрезвычайно выгодное для продолженія переговоровъ и слѣдовало предоставить эстонцамъ иниціативу наступленія на Ригу. И матеріальное и моральное преимущество было бы на сторонѣ ландесвера. Вмѣсто того, маіоръ Флетчеръ подъ сильнымъ давленіемъ крайнихъ германофиловъ и редактора газеты «Rigaesche Zeitung» Д-ра Серафима рѣшилъ предупредить готовившихся къ наступленію

эстонцевъ и самъ въ день окончанія перемирія, 20-го іюня, у Вендена перешелъ въ наступленіе.

Русскій отрядъ, сформированный для борьбы съ большевиками, съ обязательствомъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Прибалтики, объявилъ себя нейтральнымъ и былъ уведенъ съ фронта. Первый и третій батальонъ были по просьбѣ союзныхъ миссій отправлены въ Либаву для поддержанія порядка въ этомъ городѣ послѣ ухода германскихъ окупаціонныхъ войскъ, а второй батальонъ оставленъ въ Ригѣ для содѣйствія мѣстнымъ гражданскимъ властямъ.

На фронтѣ дѣла пошли не важно для ландесвера. Эстонцы, хорошо вооруженные и снабженные англичанами, оказались противникомъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ большевики. Броневой ихъ поѣздъ оказался живой крѣпостью, съ которою балтійскіе добровольцы справиться не могли. Началось отступленіе. Духъ добровольцевъ, быстро поднимавшійся при успѣхахъ, также рѣзко началъ падать при неудачѣ. Война съ эстонцами была чрезвычайно непопулярна и большинству изъ балтійскихъ добровольцевъ непонятна. Отступленіе приняло безпорядочный характеръ и едва не привело къ полному развалу ландесвера. Эстонцы, поддержанные латышами сѣверныхъ уѣздовъ Лифляндіи, подъ командой полковника Замитана стали подходить къ Ригѣ, обстрѣливая уже предмѣстія. Испорченъ былъ снарядомъ главный водопроводъ и городъ остался безъ воды. Шайки германскихъ солдатъ производили въ городѣ грабежи. Настроеніе латышскихъ солдатъ полковника Баллода по отношенію германцевъ и балтійцевъ со дня на день ухудшалось. На улицахъ происходили столкновенія, при которыхъ пускались въ дѣло ручныя гранаты. Полковникъ Баллодъ имѣетъ великую заслугу, что сумѣлъ сдержать свои части настолько, что дѣла не приняли болѣе крупныхъ размѣровъ. Въ Ригѣ вновь началась паника. Всѣ боялись вторженія эстонцевъ въ городъ и производства ими грабежей и избіеній. Вмѣшались союзныя миссіи и, чтобы спасти городъ, уговорили эстонцевъ заключить перемиріе, по которому германскія части должны были отойти на западъ отъ Риги до линіи рѣчки Миссы на полъ-пути между Митавой и Ригой. Балтійскій же ландесверъ, впредь до разрѣшенія его судьбы, былъ отведенъ и сосредоточенъ въ Туккумѣ.

Лишь послѣ этого и послѣ того, какъ всѣ временныя учрежденія городского управленія были эвакуированы изъ Риги, войска Замитана и эстонцы торжественно вступили въ городъ. Порядокъ, поддержанный до тѣхъ поръ совмѣстно латышскими войсками Баллода и 2-мъ батальономъ русскаго отряда, нигдѣ не былъ нарушенъ.

По договору, заключенному между балтійскимъ командованіемъ и эстонцами, балтійскій ландесверъ долженъ былъ быть очищенъ отъ всѣхъ чиновъ германской службы и командованіе перешло къ англійскому полковнику Александру.

По окончаніи переформированія ландесверъ изъ Туккума былъ отправленъ на противо-большевическій фронтъ у Крейцбурга, откуда, принимая участіе во всѣхъ боевыхъ дѣйствіяхъ, продвинулся совмѣстно съ латышами и поляками до линіи Рѣжица-Люценъ-Двинскъ, въ такъ называемой Летгаллiи.

Лишь въ февралѣ 1920 г. ландесверъ, какъ таковой, былъ расформированъ, англійскій полковникъ Александръ уволенъ и ландесверъ переименованъ въ 13-й Туккумскій полкъ подъ командою латышскихъ офицеровъ.

Германцы, отступивъ отъ Риги, укрѣпились на линіи рѣчки Миссы и рѣки Курляндская Аа до Шлока. Между германскими и латышскими передовыми постами лежала нейтральная зона. Для проѣзда изъ Риги въ Митаву и обратно требовалось на каждый разъ разрѣшеніе, какъ германскихъ, такъ и латышскихъ властей. Поѣзда между этими городами не ходили вовсе. Въ Ригѣ уже лѣтомъ постоянно распространялись тревожные слухи о предстоящемъ наступленіи нѣмцевъ на Ригу.

Пока происходили всѣ эти событія, въ іюнѣ силы русскаго отряда стали быстро расти. Изъ Германіи и изъ Польши, гдѣ была организована цѣлая система вербовки и отправки русскихъ военно-служащихъ, еженедѣльно прибывали пополненія. Вслѣдствіе этого роты могли быть переименованы въ батальоны. Сила батальоновъ была: 1-й бат. — 800 штыковъ, 2-й — 400 штыковъ, а 3-й — 300 штыковъ. Кромѣ того сформированъ стрѣлковый дивизіонъ изъ 250 спѣшенныхъ кавалеристовъ. При отрядѣ имѣлся эскадронъ въ 100 коней, одна 4-хъ орудійная полевая и такая же гаубичная батарея, броневой взводъ съ однимъ броневикомъ и авіаціонный отрядъ съ тремя аппаратами. Сформированъ былъ кадръ желѣзнодорожнаго батальона и бригада по эксплоатаціи жел. дорогъ. Всего отрядъ разросся до 3500 человѣкъ.

Прибыли также изъ Германіи полковники Бермондъ и Вырголичъ съ предложеніемъ сформировать собственные отряды съ подчиненіемъ высшему командованію начальника русскаго отряда. Формированіе этихъ отрядовъ происходило въ Митавѣ. Полковникъ Бермондъ далъ своему отряду названіе отряда имени Графа Келлера. По своимъ принципамъ формированія Бермондъ расходился съ принципами, принятыми въ русскомъ Либавскомъ отрядѣ. Между тѣмъ, какъ въ послѣднемъ штаты штабовъ были сокращены до минимума, въ отрядъ принимались офицеры исключительно русской службы и то съ большимъ разборомъ, тыловыя учрежденія были доведены до минимальныхъ размѣровъ и всѣ пополненія по полученіи обмундированія немедленно отправлялись на фронтъ, гдѣ вливались въ строевыя роты, полковникъ Бермондъ считалъ цѣлесообразнымъ начать съ формированія многочисленныхъ штабовъ, принималъ добровольцами, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ германской службы, русскихъ же офицеровъ принималъ безъ всякаго разбора, гоняясь за количествомъ въ ущербъ качества, и полагалъ, что формированія должны производиться всѣ въ глубокомъ тылу до момента, когда отрядъ разростется въ крупную единицу. Благодаря такой системѣ формированіе отряда не было закончено лѣтомъ, въ періодъ, когда климатическія условія могли бы позволить предпринять наступленіе на большевиковъ, хотя номинальная сила отряда уже дошла въ августѣ до 4-хъ или 5000 человѣкъ.

Тоже самое слѣдуетъ сказать о полковникѣ Вырголичѣ, который, начавъ формированіе въ Митавѣ, продолжалъ его въ Шавляхъ. Сила его отряда была не болѣе 1500 человѣкъ.

Всѣ три отряда, а именно Либавскій (Ливенскій), 2) имени Графа Келлера (Бермонда) и 3) полковника Вырголича объединились въ одинъ западный корпусъ сѣверо-западной добровольческой арміи. Штабъ корпуса началъ въ іюлѣ формироваться въ Митавѣ.

Но организація корпуса еще не была доведена до конца, когда 9 Іюля получено было отъ генерала Юденича письменное приказаніе о немедленномъ переводѣ на Нарвскій фронтъ всего отряда по очищеніи его отъ германофильскихъ элементовъ. Первый Ливенскій отрядъ, не имѣя въ своихъ рядахъ германцевъ, могъ быть весьма быстро отправленъ на сѣверъ, требовалось лишь около 10 дней для приведенія матеріальной части въ исправность. Но тутъ, къ удивленію всѣхъ, было получено изъ Либавы извѣстіе, что распоряженіемъ ген. Гоффа первый и 3-й батальоны безъ обозовъ и безъ артиллеріи и безъ приказанія командующаго отрядомъ поспѣшно были посажены на англійскій транспортъ и отправлены въ Нарву. Трудно объяснить себѣ эту поспѣшность, связанную съ безтактностью ген. Гоффа, иначе, какъ его желаніемъ скорѣе освободить Либаву отъ присутствія весьма популярнаго въ городѣ русскаго отряда. Эта безцеремонность вызвала сильное броженіе среди всѣхъ чиновъ отряда и повліяло на настроеніе въ весьма отрицательномъ смыслѣ.

Полковникъ Бермондъ и Вырголичъ отказались исполнить приказаніе Юденича перейти на Нарвскій фронтъ, если союзники не пожелаютъ гарантировать полученія отъ союзниковъ снабженія, снаряженія и довольствія въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ это получалось до тѣхъ поръ отъ германцевъ. Такъ какъ союзныя миссіи отказались отъ выдачи такого обязательства, то эти два отряда остались въ Курляндіи. Они были затѣмъ исключены изъ состава добровольческаго корпуса и только штабъ корпуса вмѣстѣ съ командиромъ прослѣдовали съ однимъ изъ эшелоновъ Ливенскаго отряда въ Нарву.

Здѣсь отрядъ былъ переименованъ въ дивизію, а именно въ 5-ую (Ливенскую). Батальоны переименованы въ полки, получившія слѣдующія наименованія:

1) 17-й Либавскій	(1 Ливенскій полкъ)	850 штыковъ.
2) 18-й Рижскій	(2-й „ „)	450 „
3) 19-й Полтавскій	(3-й „ „)	350 „
4) Стрѣлковый дивизіонъ	. . . . .	250 „
Тяжелыхъ орудій	. . . . .	2 „
Легкихъ „	. . . . .	6 „
Броневиковъ	. . . . .	2 „

Исполняющимъ должность Начальника дивизіи въ виду выбытія вслѣдствіе раненія начальника отряда, назначенъ былъ полк. Дыдеровъ, беззавѣтно храбрый, преданный своему дѣлу, безупречной честности офицеръ, пользовавшійся искреннимъ довѣріемъ всѣхъ чиновъ бывшаго отряда.

Чтобы правильно понять всѣ событія, происходившія въ это время въ Прибалтикѣ, надо уяснить себѣ тѣ силы, которыя вліяли на ходъ событій въ этомъ краѣ въ теченіе этого года. До заключенія Германіей общаго перемирія, единственнымъ вліяніемъ здѣсь было германское. Казалось, что край такъ или иначе связанъ съ судьбою германской имперіи. Только немногіе, болѣе дальновидные, сомнѣвались въ побѣдѣ германцевъ и предвидѣли, что при возстановленіи Россіи вопросъ о Прибалтикѣ будетъ подлежать пересмотру.

Положеніе рѣзко измѣнилось, когда, послѣ германской революціи и развала фронта, германское правительство наскоро организовало двѣ новыя республики: Эстонію и Латвію, и передало наскоро сформированнымъ правительствамъ этихъ республикъ соотвѣтствующія территоріи. Все это дѣлалось подъ давленіемъ событій на фронтѣ съ такою поспѣшностью, что объ упорядоченіи условій будущей политической и экономической организацій и рѣчи быть не могло. Эстонія уже съ декабря 1918 г. была отрѣзана отъ германскаго вліянія вторгнувшимися въ Латвію большевиками, а сама Латвія не успѣла организоваться, когда правительству пришлось бѣжать изъ Риги. Въ той и другой республикѣ власть перешла къ партіи, національно-шовинистически настроенной, что прежде всего въ Эстоніи отразилось тяжело на помѣстномъ дворянствѣ, земли коего были націонализированы. Въ Латвіи благодаря военнымъ событіямъ обостреніе отношеній началось позже и не приняло такого крайняго характера, какъ въ Эстоніи.

Вскорѣ въ Балтійскомъ морѣ появились союзные флоты и вліяніе Антанты въ особенности же Англіи сдѣлалось рѣшающимъ факторомъ на Балтійскомъ побережьи.

Только явная опасность большевистскаго продвиженія заставила державы согласія допустить до поры, до времени дальнѣйшее пребываніе германскихъ войскъ въ Курляндіи.

Съ этого момента всѣ дальнѣйшія событія станутъ понятными, если смотрѣть на нихъ, какъ на продолженіе состязанія между Антантой и Германіей на бывшей русской территоріи. При этомъ, борьба съ большевизмомъ является лишь предлогомъ для

тѣхъ или иныхъ мѣръ. Державами согласія опасность большевизма была недооцѣнена, германская же опасность переоцѣнивалась и внушала больше опасеній, чѣмъ угроза большевиковъ.

Германцы же, со своей стороны, боролись съ большевиками только постолько, посколько послѣдніе представляли угрозу восточнымъ границамъ германскаго государства. Поэтому они не брезговали пользоваться большевиками тамъ, гдѣ они могли непосредственно или косвенно нанести вредъ державамъ согласія.

Одинъ высокопоставленный германскій генералъ объяснилъ это откровенно одному русскому офицеру генеральнаго штаба и прибавилъ, что онъ, къ своему великому сожалѣнію, поставленъ въ необходимость вести дѣло такъ, чтобы его правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая.

Одинъ изъ высшихъ офицеровъ германской оккупаціонной арміи объяснилъ, что германскіе патріоты въ виду невыполнимости условій мира, предлагаемыхъ Германіи, согласны были бы впустить въ страну большевиковъ; конечно, прибавилъ онъ, большевики разорили бы Германію, но несомнѣнно заразили бы и государства Согласія, причемъ вредъ, нанесенный послѣднимъ, настолько превосходилъ бы вредъ, нанесенный Германіи, что послѣдняя могла бы политически и экономически возродиться раньше другихъ и вновь взять на себя руководящую роль въ Европѣ.

Одно стало теперь ясно всѣмъ русскимъ патріотамъ, а именно, что при такихъ взглядахъ на положеніе, какъ державъ Согласія, такъ и Германіи, интересы Россіи обязательно должны будутъ страдать. Несомнѣнно, изъ всѣхъ странъ Германія была та, которая для собственнаго благополучія была наиболѣе заинтересована въ возстановленіи единой Россіи, но при этомъ она бдительно слѣдила, чтобы это возсозданіе не случилось съ помощію союзниковъ бывшей царской Россіи. Изъ этого станетъ ясно то недоброжелательство, которое Германія обнаруживала къ тѣмъ русскимъ арміямъ, которыя боролись съ большевиками при поддержкѣ въ той или иной мѣрѣ союзниками. Германія неоднократно предлагала русскимъ свою помощь, но при создавшейся политической обстановкѣ это означало для Россіи отказъ отъ поддержки союзниками, а на это анти-большевистская Россія, считавшая, что она союза съ державами не нарушала и что союзъ еще въ силѣ, идти не могла. Русскіе патріоты надѣялись, что большевистская опасность заставитъ государства Согласія и Германію найти общую почву для общей борьбы съ все болѣе угрожающимъ міровымъ пожаромъ. Русскіе патріоты, которые не были ни антантофилы, ни германофилы, а просто русскими, надѣялись именно на совмѣстную работу всѣхъ въ борьбѣ противъ большевизма для спасенія всего міра. Но къ сожалѣнію, союзническая политика по отношенію къ Россіи была неопредѣленная и мѣнялась въ зависимости отъ обстоятельствъ. Вѣрнѣе можно сказать, что союзнической политики по отношенію къ Россіи вовсе не было, а была политика той или иной страны, или выражаясь точнѣе, того или иного военнаго или дипломатическаго представителя одной изъ союзныхъ странъ. Нерѣдко случалось даже, что политика дипломатовъ расходилась съ политикой военныхъ одной и той же миссіи. Какъ общее правило можно сказать, что отношеніе военныхъ представителей союзныхъ миссій было болѣе благосклонное къ русскому вопросу, чѣмъ отношеніе дипломатовъ, въ особенности, если эти военные знали лично дореволюціонную Россію и ея старую армію.

На отношеніе союзныхъ миссій къ вопросу возсозданія Россіи всегда вліяли тѣ или иныя событія, какъ то: выступленія у себя дома соціалистическихъ партій, забастовки или угрозы забастовокъ и успѣхъ или неуспѣхъ совѣтской красной арміи. На вопросъ вооруженнаго вмѣшательства вліяло также чувство неувѣренности въ возможности пустить въ дѣло войска, утомленныя войною. Этимъ объясняется, что

обѣщанія, данныя одинъ день, на другой же день брались обратно, снабженія, обѣщанныя къ извѣстному сроку, не приходили, или приходили съ запозданіемъ или приходили въ негодномъ состояніи. Напримѣръ, аэропланы, присланные въ Сѣверо-западную армію, прибыли съ неподходящими къ этимъ аппаратамъ моторами, танки, кромѣ одного исправнаго, всѣ прибыли въ такомъ состояніи, что не могли быть во-время пущены въ дѣло.

Нельзя отрицать факта, что среди представителей союзныхъ миссій было много горячихъ друзей Россіи и они болѣе другихъ страдали отъ чувства невозможности помочь своимъ русскимъ друзьямъ болѣе энергично, но какъ общее правило, конечно, надо сказать, что руководители союзной международной политики доказали, что они не были заинтересованы въ возстановленіи сильной Россіи, а наоборотъ были заинтересованы въ ослабленіи русскаго вліянія на Балтійскомъ морѣ. Такъ, напримѣръ, когда два русскихъ миноносца большевистскаго флота изъ Кронштадта передались англичанамъ, то они передали суда эстонцамъ. Это такъ озлобило русскихъ, что уже другіе суда большевистскаго флота рѣшили не переходить къ такъ называемымъ бѣлымъ, хотя этотъ переходъ уже былъ подготовленъ. Вмѣсто того, чтобы облегчить переходъ, англичане удивительно лихимъ налетомъ быстроходными моторными лодками аттаковали стоявшія на Кронштадскомъ рейдѣ суда русскаго большевистскаго флота и попытались его уничтожить. Ясно, что въ интересахъ русской арміи было не уничтоженіе цѣннаго русскаго флота, а облегченіе его перехода, чѣмъ былъ бы предрѣшенъ и вопросъ о взятіи Петрограда.

Когда русскими былъ возбужденъ вопросъ о полученіи отъ англичанъ разрѣшенія временно создать въ Либавскомъ военному порту базу для пополненій, предназначенныхъ для Сѣверо-западной арміи, то англійская миссія генерала Гоффа поторопилась ускорить отправку въ Нарву русскихъ частей, стоявшихъ въ Либавѣ, даже съ нарушеніемъ основныхъ правилъ приличія, передавъ русскимъ батальонамъ приказаніе грузиться помимо ихъ прямого начальства.

Всюду, гдѣ усиливалось на балтійскомъ побережьи русское вліяніе, англійская дипломатія принимала мѣры для ослабленія его. Французы и, въ особенности, американцы относились благосклоннѣе къ русскому вопросу и они это, гдѣ могли, горячо доказывали, но вліяніе ихъ въ балтійскомъ раіонѣ было ограниченное.

Много близорукости союзники проявили въ исторіи съ генераломъ графомъ фонъ-деръ Гольцемъ и русскимъ полковникомъ Бермондомъ. Еще въ іюлѣ 1919 года, когда Ливенскій отрядъ былъ переправленъ изъ Курляндіи къ Юденичу въ Нарву, а Бермондъ остался въ Митавѣ, можно было легко заставить его съ его русскими частями перейти на сѣверъ, обезпечивъ его изъ средствъ союзниковъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ его до тѣхъ поръ обезпечивали нѣмцы. Сила послѣднихъ состояла именно въ томъ, что они фактически выдавали довольствіе, снаряженіе и все необходимое частямъ, между тѣмъ какъ союзники отъ словъ не переходили къ дѣлу.

Близоруко также было отношеніе союзныхъ миссій къ вопросу о принятіи небольшого количества германскихъ добровольцевъ въ русскіе отряды.

Гольцъ, по настоянію Верховнаго Совѣта въ Парижѣ, былъ отозванъ изъ Курляндіи и въ его отсутствіи произошелъ въ концѣ августа военный мятежъ среди германскихъ добровольцевъ, требовавшихъ для себя исполненія обязательства относительно отведенія имъ земель для поселенія въ Курляндіи. Отъ этого возстанія пострадали тѣ небольшія латышскія части, которыя находились въ Митавѣ и которыхъ добровольцы, пользуясь случаемъ, ограбили.

Очевидно, какъ Латвійское Правительство, такъ и союзныя миссіи въ Ригѣ съ все возрастающимъ недовѣріемъ относились къ Гольцу и Бермонду, передовые посты

которыхъ стояли лишь въ 20 верстахъ отъ Риги. Но справиться съ ними никто не могъ бы, если бы Бермондъ самъ не далъ повода къ вооруженному столкновенію.

Это неопредѣленное и чреватое послѣдствіями положеніе въ Латвіи не могло не отразиться невыгодно и на русскомъ сѣверо-западномъ фронтѣ.

Какъ выше было упомянуто, въ февралѣ 1919 года ген. Родзянко отправился изъ Либавы въ Ревель, гдѣ взялся за переформированіе и организацію бывшей Псковской арміи полк. Нефа. Съ помощью русскихъ, эстонцамъ удалось до мая всю свою территорію очистить отъ большевиковъ и къ началу лѣта русскія части стояли уже въ предѣлахъ Петроградской губерніи на позиціяхъ впереди Нарвы. Большую заслугу имѣлъ въ это время Балаховичъ, со своимъ отрядомъ постоянно тревожившій большевиковъ удалыми набѣгами на нихъ.

Фронтъ этотъ офиціально былъ подчиненъ ген. Юденичу, но послѣдній сидѣлъ въ Гельсингфорсѣ и на ходъ событій Эстонскаго фронта имѣлъ самое незначительное вліяніе. Вокругъ Юденича собралась масса русскихъ офицеровъ, изъ которыхъ онъ намѣревался сформировать кадръ для русской арміи, долженствовавшей съ помощью Финляндіи начать одновременно съ арміей Родзянко наступленіе на Петроградъ.

Переговоры между русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ С. Д. Сазоновымъ и финляндскимъ правительствомъ и генераломъ Маннергеймомъ затянулись и не достигли своей цѣли. Въ іюнѣ ген. Маннергеймъ подалъ въ отставку и надежда на выступленіе Финляндіи исчезла. Генералъ Юденичъ со штабомъ въ іюлѣ переѣхалъ въ Нарву.

Но уже до его прибытія армія Родзянко въ концѣ мая и началѣ іюня предприняла наступленіе на Ямбургъ и восточнѣе его. Псковъ тоже былъ очищенъ отъ большевиковъ. Одновременно произошло на Красной Горкѣ 12 іюня возстаніе, ингерманландцы подъ руководствомъ финскихъ офицеровъ присоединились къ движенію, но благодаря обстоятельствамъ, судить о которыхъ еще рано за неимѣніемъ всего матеріала, это выступленіе кончилось ничѣмъ. Единственнымъ плюсомъ для сѣверо-западной арміи надо отмѣтить присоединеніе къ ней всего гарнизона Красной Горки, силою въ 6500 человѣкъ, который послѣ 52 часоваго обстрѣла большевистскимъ флотомъ, не получивъ во-время ожидаемой помощи извнѣ отъ англійскаго флота съ моря и отъ арміи Родзянко съ суши, отошелъ отъ приведеннаго въ негодность форта къ сѣверо-западной арміи.

Генералъ Юденичъ, по прибытіи въ Нарву, нашелъ положеніе чрезвычайно запутаннымъ. Съ одной стороны, онъ находился въ полной зависимости отъ союзниковъ, которые при малѣйшемъ расхожденіи съ ними во взглядѣ, грозили прекратить снабженіе, съ другой стороны, онъ, какъ и армія, всецѣло зависѣлъ отъ эстонцевъ, обозленныхъ тѣмъ, что русское правительство имени Колчака не желало признать ихъ независимости. Наконецъ, въ самой арміи Юденичъ, какъ совсѣмъ ей чужой, не пользовался ни довѣріемъ, ни авторитетомъ, психологическій же моментъ играетъ въ добровольческой арміи гораздо болѣе рѣшающую роль, чѣмъ въ войскахъ регулярной арміи. Къ этому надо прибавить еще массу интригъ, явныхъ и подпольныхъ, среди высшаго командnаго состава и ихъ многочисленныхъ штабовъ.

Снабженіе арміи было самое плачевное. О теплой пищѣ уже давно не было помина. Единственное, что выдавалось, это было 2 фунта американскаго бѣлаго хлѣба и полъ фунта американскаго же сала. Жалованіе не было выдано за два и за три мѣсяца. Можно ли удивляться тому, что при такихъ обстоятельствахъ армія, перешедшая къ позиціонной войнѣ, начала грабить на мѣстахъ, чѣмъ, конечно, возбуждала противъ себя непріязненныя чувства населенія, еще недавно встрѣчавшаго восторженно бѣлую армію, какъ освободительницу отъ ига большевиковъ.

Снабженіе, обѣщанное еще въ іюнѣ англичанами, все не прибывало и настроеніе, конечно, падало, въ особенности когда въ серединѣ іюля изъ Либавы прибылъ первый эшелонъ ливенцевъ, великолѣпно одѣтыхъ, обутыхъ и снаряженныхъ изъ германскихъ источниковъ и получавшихъ, какъ всѣмъ было извѣстно, свое жалованіе совершенно правильно 1-го, 11-го и 21-го числа каждаго мѣсяца. Контрастъ между ними и войсками, снабженными союзниками, говорилъ не въ пользу послѣднихъ; англичане поняли это и черезъ 10 дней послѣ прибытія ливенцевъ прибылъ 5 августа первый пароходъ съ оружіемъ и снаряженіемъ.

Во всѣхъ распоряженіяхъ англійскихъ представителей чувствовалась сильная нервность подъ вліяніемъ страха передъ усиленіемъ германскаго вліянія. Эта нервность особенно рельефно выразилась въ приказаніи генерала Марча, переданномъ ген. Юденичу въ ультимативной формѣ о сформированіи въ Ревелѣ сѣверо-западнаго русскаго правительства, причемъ данъ былъ списокъ лицъ, долженствовавшихъ войти въ составъ правительства съ угрозою, что если это правительство не будетъ сформировано въ теченіе 40 минутъ, то всякая поддержка русской арміи будетъ немедленно прекращена. Такъ создалось сѣверо-западное русское правительство Ліанозова.

Видя такое безвыходное положеніе Юденича, и эстонцы стали обращаться съ нимъ все съ большимъ нахальствомъ. Былъ даже такой случай, что вагонъ генерала Юденича, вызваннаго англичанами въ Ревель на совѣщаніе, распоряженіемъ мѣстнаго эстонскаго коменданта былъ отцѣпленъ отъ поѣзда на ст. Нарва. Эстонская армія, за исключеніемъ нѣсколькихъ хорошихъ полковъ на фронтѣ, недоброжелательно, даже враждебно смотрѣла на русскихъ и устраивала имъ, гдѣ могла, непріятности. Довѣрія не было никакого. Благодаря ненадежности эстонскихъ частей, въ концѣ августа нами былъ потерянъ Псковъ. За нѣсколько дней до того уже, Ямбургъ былъ занятъ большевиками.

Положеніе арміи было весьма стѣсненное на небольшой территоріи Гдовскаго и Ямбургскаго уѣздовъ съ угрозою справа отъ Пскова, съ Чудскимъ озеромъ въ тылу, съ моремъ на лѣвомъ флангѣ и съ эстонцами въ Нарвѣ и за рѣкой Наровою. Какъ штабъ главнокомандующаго въ Нарвѣ, такъ и правительство Ліанозова въ Ревелѣ находились на территоріи республики Эстоніи.

Настроеніе сразу поднялось, когда въ сентябрѣ стало обильно прибывать отъ англичанъ снабженіе и жалованіе было выдано въ денежныхъ знакахъ сѣверо-западнаго правительства. Армія обулась, одѣлась и вооружилась. Съ громаднымъ подъемомъ духа армія перешла 28 сент. въ частичное, а 10 октября въ общее наступленіе. Уже черезъ нѣсколько дней Луга, Гатчино, Красное Село, а затѣмъ и Царское Село были въ нашихъ рукахъ. Казалось, что взятіе Петрограда неминуемо съ часу на часъ. Вмѣсто того, армія принуждена была начать отступленіе. Ея лѣвый флангъ былъ обойденъ благодаря тому, что онъ не былъ должнымъ образомъ обезпеченъ эстонцами и англійскимъ флотомъ. Правый флангъ у Царскаго Села попалъ въ тяжелое положеніе благодаря тому, что вслѣдствіи недостиженія нашими частями ст. Тосно на Николаевской жел. дор. Троцкій со свойственной ему энергіей сумѣлъ подвезти наскоро громадные красные резервы. Взятіе Гдова большевиками явилось серьезной угрозой глубокому тылу. Неисправленіе моста чрезъ Лугу у Ямбурга, взорваннаго еще въ августѣ нами же, имѣло катастрофическое вліяніе на невозможность организовать подвозъ всего необходимаго для арміи.

Словомъ, все казалось сложилось такъ, что армія должна была погибнуть. Ей удалось еще вырваться изъ охвата большевиковъ, но дни ея были сочтены.

Въ январѣ 1920 года эстонцы начали мирные переговоры съ большевиками. Сѣверо-западная армія была оттѣснена въ Эстонію, гдѣ ее преслѣдовали, оскорбляли

и разоружали. Дошло до ареста самого Юденича, котораго только спасло энергичное вмѣшательство французскаго военнаго представителя.

Русскихъ начали убивать на улицѣ, запирать въ тюрьмы и концентраціонные лагеря, вообще притѣснять всякими способами. Съ бѣженцами изъ Петроградской губ., число коихъ было болѣе 10 000, обращались хуже, чѣмъ со скотомъ. Ихъ заставляли сутками лежать при трескучемъ морозѣ на шпалахъ желѣзной дороги. Масса дѣтей и женщинъ умерло. Всѣ переболѣли сыпнымъ тифомъ. Средствъ дезинфекціи не было. Врачи и сестры при такихъ условіяхъ также заражались и умирали. Вообще картина бѣдствія такова, что если бы это случилось съ армянами, а не съ русскими, то вся Европа содрогнулась бы отъ ужаса. Американскій и датскій Красные Кресты дѣлали, что могли, но помочь въ крупныхъ размѣрахъ никто не могъ. Кто былъ крѣпокъ — выдержалъ, остальные померли. Началась ликвидація. Начальство уѣхало. Ликвидаціонная Комиссія сдѣлала, что могла, но судьба героевъ бывшей сѣверо-западной арміи еще не опредѣлилась и они понемногу разсѣивались по всѣмъ странамъ свѣта. Значительная часть однако находится еще въ неимовѣрно тяжелыхъ условіяхъ въ Эстоніи и долгъ чести былъ бы для нашихъ союзниковъ совмѣстно съ бывшимъ русскимъ высшимъ командованіемъ обезпечить имъ эвакуацію въ какую нибудь страну, гдѣ герои неимовѣрно тяжелаго похода нашли бы возможность для дальнѣйшаго существованія для себя и своихъ семей.

Не мѣсто здѣсь разбираться въ причинахъ, приведшихъ къ этому печальному результату. Критика событій можетъ быть цѣнной только, если она безпристрастна, а для этого нужно имѣть въ рукахъ матеріалы, которые сейчасъ еще недоступны. Но, что уже теперь можно сказать, это, что вину нельзя сваливать на одного, а что мы должны принять во вниманіе стеченіе всѣхъ обстоятельствъ. Конечно, очень сомнительную роль при наступленіи на Петроградъ сыграли эстонцы, въ особенности, тѣмъ, что они не обезпечили лѣваго фланга и не сумѣли вести переговоровъ съ гарнизономъ Красной Горки. Только уже при отступленіи присутствіе ихъ на лѣвомъ флангѣ спасло армію отъ охвата съ этой стороны.

Отсутствіе англійскаго флота, задача коего былъ обстрѣлъ Кронштадта и Красной Горки и обезпеченіе лѣваго фланга арміи отъ дессантовъ съ моря, имѣло катастрофическія послѣдствія. Отсутствіе его объясняется тѣмъ, что онъ былъ отозванъ для участія въ оборонѣ Риги отъ наступленія Бермонда.

ПочемуБермондъ рѣшился выступить, вообще, и въ данный моментъ въ особенности, конечно, всегда останется загадочнымъ. Еще за мѣсяцъ до наступленія на Петроградъ ген. Юденичъ былъ лично въ Ригѣ и вызывалъ къ себѣ Бермонда, но Бермондъ къ нему не явился, послѣ чего Юденичъ его объявилъ измѣнникомъ русскаго дѣла.

Полковникъ Бермондъ, называвшій самъ себя также княземъ Аваловымъ, былъ человѣкомъ весьма тщеславнымъ и воображалъ, что можетъ идти противъ большевиковъ только во главѣ собственной арміи, которой онъ далъ наименованіе западной добровольческой. Германцы и, въ особенности, ген. графъ ф. д. Гольцъ, великолѣпно учитывая эту черту его характера, сумѣли воспользоваться ею, чтобы уговорить его предпринять наступленіе на Ригу съ русскими его войсками именно въ то время, когда Юденичъ началъ свое наступленіе на Петроградъ. Въ германскихъ интересахъ, какъ ихъ понимали германскіе военные, лежало, чтобы наступленіе Юденича не удалось, т. к. освобожденіе Петрограда съ помощью союзниковъ означало бы укрѣпленіе ихъ вліянія въ столицѣ, а слѣдовательно и въ организаціи будущаго русскаго правительства. Можно поэтому предполагать, даже если этого нельзя доказать документально, что Бермондъ сознательно или безсознательно (это безразлично) дѣйствовалъ въ интересахъ германской политики во вредъ интересамъ Россіи. Почему его правительство, во главѣ

котораго стоялъ человѣкъ безупречной честности, несомнѣнно преданный Россіи, сенаторъ графъ К. К. Паленъ, тоже пошло по тому же пути, можно объяснить лишь непониманіемъ общаго положенія, политической близорукостью и слишкомъ большимъ довѣріемъ къ полководческимъ талантамъ Бермонда.

Но вина лежитъ также и въ общемъ руководствѣ, гдѣ чувствовался недостатокъ сильной воли. Нельзя не упомянуть о неладахъ и интригахъ среди высшаго командnаго состава и ихъ штабовъ. Снабженіе арміи, когда она быстро продвигалась, технически было плохо налажено въ особенности благодаря отсутствію желѣзнодорожнаго моста у Ямбурга. Конечно, и дисциплина въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи была не на должной высотѣ и вообще къ арміи примкнуло масса элементовъ нравственно нечистыхъ, запачкавшихъ своими дѣйствіями доброе имя арміи. Но честь героямъ, положившимъ за высокую идею возсозданія Россіи свою жизнь. Могилы ихъ въ Красномъ Селѣ и Гатчинѣ громко говорятъ объ этихъ богатыряхъ, которые носили съ честью бѣлый крестъ на рукавѣ, являясь истинными идейными крестоносцами, положившими жизнь свою, чтобы освободить родную землю отъ господства преступныхъ изверговъ человѣчества — коммунистовъ и ихъ споспѣшниковъ и наймитовъ. Честь всѣмъ героямъ этого похода, которые вновь доказали, къ чему способенъ русскій солдатъ при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, его окружающихъ. Но стыдъ и срамъ тѣмъ, которые въ минуты общаго подъема опозорили имя добровольческой сѣверо-западной арміи и осквернили тотъ крестъ, которымъ армія гордится. Да пойметъ, наконецъ, будущая Русь, что противъ изверговъ и преступниковъ, какими являются вожаки коммунистовъ, можно бороться лишь съ чистыми руками, доказывая не словами, а дѣломъ, что идейные крестоносцы приходятъ единственно для того, чтобы сломить ту нечистую антихристіанскую силу, которая временно восторжествовала на Руси. Побѣда надъ большевиками изъ побѣды военной должна обратиться въ побѣду нравственную; пока этого не будетъ, никакія военныя побѣды, какъ бы блестящи онѣ ни были, не дадутъ Россіи того возрожденія, ради котораго ведется братоубійственная война.

Результатъ неудачной борьбы съ большевиками въ 1919 году означаетъ для Россіи дальнѣйшее расчлененіе ея, усиленіе новыхъ окраинныхъ государствъ, распространеніе власти совѣтовъ на всю русскую территорію отъ Бѣлаго и Балтійскаго морей до Чернаго и Каспійскаго и укрѣпленіе въ Россіи системы, приводящей страну къ полному истощенію ея благосостоянія.

Для Западной Европы успѣхъ большевиковъ означаетъ усиленіе крайне-лѣвыхъ революціонно настроенныхъ партій, тормозящихъ постоянными забастовками возвращеніе народовъ послѣ войны къ нормальной жизни. Если оцѣнить убытки уже понесенные Западной Европой и еще предстоящія ей, то ясно будетъ, что даже съ дѣловой точки зрѣнія выгодно было бы истратить своевременно хотя бы и крупныя суммы на побѣдную борьбу съ большевизмомъ въ Россіи, чѣмъ дать большевической заразѣ въ Европѣ принять затяжной характеръ.

Для Россіи, быть можетъ, этотъ печальный исходъ окажется цѣлебнымъ. Русскіе патріоты поймутъ, наконецъ, что противъ крайнихъ элементовъ коммунизма нельзя бороться во имя какихъ нибудь расплывчатыхъ неопредѣленныхъ либеральныхъ лозунговъ. Необходимо выдвинуть противъ анархіи лозунгъ сильной власти, а противъ антихристіанскаго соціализма — лозунгъ христіанства. Послѣдній лозунгъ предполагаетъ высокій нравственный уровень русскихъ патріотовъ, и если послѣдняя година испытанія приведетъ Россію къ нравственному возрожденію на христіанскихъ началахъ, то можно будетъ сказать, что и это время не прошло безъ пользы для человѣчества и для Россіи.

„Изъ моей тетради“

С. В. Милицынъ

(Послѣдніе дни Преображенскаго полка)

Іюнь 1917 года

Я все еще не могу осмыслить революціи. Въ головѣ засѣли слова: «одни поторопились придти, другіе ужъ очень поспѣшили уйти». Я ждалъ перемѣнъ. Старый строй становился невыносимымъ. Ну, а теперь? Развѣ каждый толковый русскій человѣкъ не вправѣ задать вопросъ: Куда мы идемъ? А другіе вопросы . . . Напримѣръ: зачѣмъ нашъ министръ Керенскій все время топчетъ въ грязь престижъ Временнаго Правительства? Зачѣмъ онъ такъ часто твердитъ толпѣ, что онъ одинъ только соціалистъ въ кабинетѣ, что онъ тамъ находится, какъ заложникъ и какъ контролеръ. Вѣдь отсюда такъ легко сдѣлать выводъ, что остальные члены кабинета неблагонадежны, настроены противъ народа, что имъ вѣрить нельзя.

Наша юрисконсультская часть ворчитъ. Такъ всѣ хотѣли работать надъ укрѣпленіемъ новаго строя. Но какой же это строй, когда Министръ Юстиціи и Генералъ-Прокуроръ Республики всѣмъ истерично выкрикиваетъ, что Временное Правительство должно быть взято подъ надзоръ черни. Мнѣ кажется, что Керенскій сказался весь при первомъ посѣщеніи министерства. Онъ, говорятъ, вбѣжалъ, пожалъ руку швейцару и нашему Сигизмунду и пренебрежительно бросилъ: «Ну что, чинушки еще не пришли?» Наши сторожа сразу перемѣнили свой тонъ, тоже онъ продѣлываетъ и по отношенію своихъ коллегъ по кабинету. Что это? Планъ или недомысліе?

Да. Нужно что то дѣлать, иначе крахъ. А что? Вотъ который уже разъ задаю этотъ вопросъ и все же продолжаю тянуть министерскую лямку, участвуя въ этой неразберихѣ.

Нѣтъ, сегодня нужно рѣшить.

Оглянулся. Кажется, я только одинъ остался на Елагиномъ. Всѣ уже разбрелись, ночь проходила. Прощальная бѣлая ночь. Взморье вѣяло влагой и чуть-чуть лизало берегъ, кругомъ было пустынно и тихо.

Пошелъ и я.

Городъ еще не спалъ. На Каменностровскомъ и у Троицкаго моста стояли еще группы углубляющихъ революцію. И когда они спятъ? Я уже не спрашиваю: Когда работаютъ? Нѣтъ, спятъ то когда? И все одни и тѣ же вопросы: воевать или не воевать, и требуется ли эту самую революцію углублять?

«Углубляй, углубляй ее, пока не зароешь, что ей и не вылѣзть будетъ» — вспомнилъ я слова какого-то гражданина Республики, оброненныя на летучемъ митингѣ около Екатерининскаго сада.

Ну, а всетаки, что же дѣлать? Брошу все и пойду въ армію.

Я давно объ этомъ думалъ, но какъ-то не додумывалъ. Рѣшилъ и стало легче, даже радостно. И планы начали рождаться въ утомленной головѣ.

Подойти къ солдатской средѣ, слиться съ ней и попробовать на нее воздѣйствовать. У насъ у всѣхъ въ крови болѣзненная тяга къ народу.

Итакъ рѣшено. Первый день новой жизни. А онъ нарождался такой яркій и красивый. Тамъ далеко, у грани домовъ небо уже пылало, зажженое близкимъ, но еще невидимымъ солнцемъ. Горящее золото поднималось все выше и выше. Вотъ оно сейчасъ захватитъ и расплавитъ неподвижно застывшіе клочки лиловатыхъ облачковъ. Небо быстро свѣтло зеленѣло. Только Нева еще темная, но и она мѣстами уже отливала синевой рѣдкихъ сапфировъ. Какъ красива эта рѣка въ раннее утро!

Любуюсь. Смотрю на стройный рядъ дворцовъ, оживающій Лѣтній садъ и на далекія деревья заброшеннаго сада Михайловскаго дворца. Какое это мрачное мѣсто! Проклятье времени повисло надъ нимъ.

Удивительно много было совпаденій въ этотъ день.

Въ министерствѣ я рѣшительно заявилъ, что ухожу въ полкъ. Начальство не возражало, только поставило условіемъ, чтобы я не прерывалъ работъ въ совѣщаніяхъ, куда я былъ командированъ представителемъ отъ министерства и чтобы я исполнялъ нѣкоторыя текущія дѣла. Завтра обо мнѣ будетъ сдѣланъ докладъ товарищу министра Зарудному. Сослуживцы къ моему шагу отнеслись снисходительно-насмѣшливо.

«Донъ-Кихотство, дорогой мой» сказалъ мнѣ Н. Н. Р. «Сдѣлать тамъ ничего не сдѣлаете, только нервы себѣ испортите, да какой-нибудь мерзостью заразитесь. Солдаты распоясались, митингуютъ и съмечки жрутъ. Самое меньшее — они васъ вышибутъ, тутъ, батенька, нужна желѣзная дисциплина. Палка, и больше ничего.»

«А что здѣсь дѣлать? Мы вѣдь на сучкѣ сидимъ.»

«Ну, кто какъ», сострилъ Р.

Скоро я долженъ былъ идти на совѣщаніе, образованное подъ предсѣдательствомъ С. А. Котляревскаго для обсужденія общихъ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, поставленныхъ на очередь происшедшимъ измѣненіемъ государственнаго строя.

Я вышелъ изъ министерства и наткнулся на манифестацію офицерскихъ депутатовъ съ фронта. Шли къ Казанскому собору. Шли стройно. Какія лица! Загорѣлыя, исхудалыя, видно много видавшія. Какія-то особенныя морщины заботливости. Я смѣшался съ толпой и простоялъ весь чинъ панихиды по павшимъ воинамъ. Слышалъ оригинальное слово священника съ фронта. Видъ у него тоже особенный: коротко остриженъ, безъ бороды. Говорилъ онъ голосомъ обыкновеннаго оратора. Послѣ панихиды говорилъ мѣстный протоіерей Орнатскій, но уже съ интонаціями и выговоромъ, принятыми для церковныхъ проповѣдниковъ, и по-моему это портило проповѣдь.

Неужели и этотъ день есть шагъ къ гибели?

Совѣщаніе было назначено въ залѣ совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Проходя по Екатерининскому саду, я увидѣлъ Л. І. Петражицкаго. Онъ сидѣлъ противъ памятника. Я такъ и бросился къ нему.

«Помните, г. профессоръ, я писалъ . . .»

«Какже, какже. Я васъ сразу по голосу узналъ.»

Разговорились. Л. І. тоже шелъ на совѣщаніе, было еще рано и мы остались сидѣть въ саду. Говорили о состояніи Россіи. Онъ былъ полонъ мрачныхъ предчувствій. У меня особенно въ памяти его страдальческія слова: «ночей не сплю. Все мысль работаетъ. Вѣдь гибнетъ русское государство . . . И какъ это русскіе могутъ заниматься своими дѣлами! Я полякъ, мнѣ все равно . . . но не могу. Мучаюсь.»

Онъ сжималъ мучительныя складки, эти морщины думъ, словно хотѣлъ изъ головы, мозга изгнать эти думы.

Эти слова дорогого для меня человѣка еще болѣе укрѣпили мое намѣреніе идти въ полкъ.

Совѣщаніе оказалось очень интереснымъ. Участвовали такіе люди, какъ Петражицкій, Кони, Карташевъ, Кузьминъ-Караваевъ, Маціевичъ . . .

Вечеромъ видѣлся съ полковникомъ Ш., капитаномъ Н. Они поздравили меня съ поступленіемъ въ ихъ полкъ. Раздобыли вина и весело провели время на Каравайной, и затѣмъ въ квартирѣ Б., бывшаго присяжнаго повѣреннаго, а теперь товарища прокурора Петербургскаго суда и приближеннаго Керенскаго. Возвращаясь домой, я на углу Невскаго и Михайловской оказался свидѣтелемъ забавной сценки.

Стояла кучка спорящихъ: нѣсколько солдатъ, бабы и какой-то интеллигентъ въ соломенной шляпѣ.

Онъ горячо и толково доказывалъ необходимость продолженія войны. Стоявшій противъ него высокій солдатъ все время ему поддакивалъ, и какъ только тотъ кончилъ, солдатъ быстрымъ движеніемъ руки сдвинулъ свою фуражку, скрестилъ руки и съежившись въ сторону оратора, озлобленно заговорилъ:

«Такъ, такъ, воевать говоришь надо. Такъ. Вотъ мы три года воевали, въ окопахъ мерзли и мокли. А почему ты, шляпа, не воевала? Ты здоровый и годы у тебя призывные, гдѣ же ты былъ? Не подарки ли на фронтъ возилъ, да у солдатъ георгіевскія медали отбивалъ. Много васъ такихъ видали. Почему не воевалъ?»

«Да я еще пойду» — смущенно оправдывалась шляпа.

«Врешь, не пойдешь. Языкомъ трепать будешь. Много васъ такихъ . . .»

Бабы смѣялись и поддакивали. Не знаю, какъ онъ отъ нихъ отдѣлался.

Эта стычка на меня произвела впечатлѣніе и многое сказала.

Іюль

Наконецъ, я оправился. Такъ и не знаю, что за болѣзнь была у меня. Генрихъ Ивановичъ назвалъ тифоидомъ. Пусть будетъ такъ.

А какой день! Тихій, жаркій. Первый день, когда тяготитъ платье. Песокъ нагрѣлся и жжетъ ноги. Море густо переливается, какъ расплавленный свинецъ.

Хорошо здѣсь у Финскаго залива, но неудержимо тянетъ въ Петербургъ. Вѣдь тамъ многое произошло. Ликвидировано вооруженное выступленіе большевиковъ. Власть такъ и лѣзла въ ротъ Керенскому. Только пользуйся и доканчивай начатое.

Нѣсколько дней живу въ Петербургѣ. Впечатлѣнія нерадостныя. Преображенцы бранятъ Керенскаго за то, что онъ не учелъ, какъ слѣдуетъ событій 3—5 іюля, не сумѣвъ воспользоваться свалившеюся на него властью. Ему въ вину ставятъ освобожденіе большевиковъ и увольненіе генерала Половцева. Думаютъ, что послѣдній уволенъ только потому, что Керенскій испугался начавшей расти его популярности.

«Ну, а смогъ бы Половцевъ ликвидировать Керенскаго и Керенщину?»

Т. улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

«Не преждевременно ли объ этомъ думать?»

«А когда же по вашему? Когда окончательно разложится армія и погибнетъ дисциплина?»

Августъ

Опять сталъ посѣщать совѣщанія. На одномъ изъ нихъ — по единовѣрческимъ дѣламъ — представитель Московскихъ поморцевъ, Онуфріевъ проектировалъ предоставить совѣту поморской церкви право издавать обязательныя постановленія для Христіанъ этой общины. Вотъ яркій примѣръ правоваго вырожденія, результатъ полицейскаго строя, гдѣ такъ охотно законъ замѣняли обязательными постановленіями. Съ такимъ политически извращеннымъ населеніемъ далеко не ускачешь.

У Земеля столкнулся съ Б. В. С. Растались мы студентами, а встрѣтились — онъ управляющій военнымъ министерствомъ, а я вольноопредѣляющійся гв. преображенскаго полка. Онъ серьезенъ и почти важенъ. Разсказывалъ, какъ его одолѣваютъ разные просители. Въ комичныхъ тонахъ онъ передалъ свой разговоръ съ вдовой вице-адмирала Макарова.

«Она мнѣ нѣсколько разъ повторила: я вдова вице-адмирала Макарова, а я свое: сударыня не могу.»

По уходѣ его мнѣ С. С. шепнула: «Тутъ недоразумѣніе. Макарова, какъ я слышала, способствовала его освобожденію. Она видимо на это ему и намекала».

Полкъ выступаетъ на Корниловскій фронтъ. Будущее загадочно и тревожно. Весь день страшный вѣтеръ. По небу ползутъ зловѣщія тучи. Тамъ тоже полчища и наступленіе.

А вдругъ? Боюсь вѣрить.

О тяжелыхъ переживаніяхъ послѣднихъ дней мнѣ не хочется писать. Да и что писать? Я совершенно не знаю тайны происшедшаго. Что это? Игра въ провокацію, или преступная попытка Керенскаго на чужой крови обновить свою популярность? Ничего не понимаю.

Сентябрь

Постепенно втягиваюсь въ казарменную жизнь. Сначала я былъ зачисленъ въ пятый, затѣмъ третій и наконецъ въ четвертый взводъ 10-ой роты. Рота эта очередная на фронтъ. 9-ая только что ушла. Каждый день встаю въ 7 часовъ. Въ 9-мъ у насъ молитва и повѣрка, затѣмъ до 11 строевыя занятія. Обѣденный перерывъ до 2-хъ часовъ и опять занятія до 4—5 часовъ. Во всемъ Петербургѣ, кажется, только мы и занимаемся. Нѣсколько разъ были на Марсовомъ полѣ, производили аттаки и перебѣжки. Отношеніе солдатъ сносное и даже хорошее. Никакой грубости, никакого звѣрства я не замѣчаю. Одно непріятно — это матершина. Ругаются при всякомъ поводѣ и безъ повода. Это даже не брань, а манера выражаться. Къ политическимъ вопросамъ равнодушны. Мало ихъ трогаютъ и вопросы о судьбѣ родины. Можетъ быть они увѣрены въ ея безопасности. Сравнивая солдатъ съ чиновниками, я прихожу къ заключенію, что они въ своемъ равнодушіи къ судьбѣ Россіи, совершенно одинаковы. На первомъ планѣ свои интересы, свое корыто.

Рота наша состоитъ главнымъ образомъ изъ бѣлобилетчиковъ. Вольноопредѣляющихся только трое. Есть нѣсколько интеллигентовъ: присяжный повѣренный фонъ-Денъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Муйжнекъ, младшій дѣлопроизводитель кредитной канцеляріи Кречинъ, банковскій служащій Минквицъ, студентъ Бушъ и Кашинъ. Нѣкоторые изъ нихъ мнѣ прямо заявляли, что имъ противно бывать въ казармѣ. По-моему солдаты это чувствуютъ и какъ-то особенно недоброжелательны именно къ этимъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ.

Вотъ уже нѣсколько дней въ ротѣ царитъ оживленіе. Наши интеллигенты сорганизовались и рѣшили добиться перевыборовъ ротнаго комитета. Главнымъ козыремъ въ ихъ борьбѣ является обвиненіе стараго комитета, что онъ до сихъ поръ не выхлопоталъ зимняго обмундированія, и ничего не сдѣлалъ въ культурно-просвѣтительномъ отношеніи для солдатъ. Ежедневно въ 3-мъ взводѣ устраиваются послѣ повѣрки ротныя собранія. Муйжнекъ уже нѣсколько разъ выступалъ. Изъ его рѣчей я узналъ, что онъ соціалистъ-революціонеръ и сидѣлъ при царскомъ режимѣ въ тюрьмѣ. Такимъ образомъ шансы на избраніе у него несомнѣнно есть. Денъ предсѣдательствуетъ на собраніяхъ и очень удачно. И голосъ, и фигура и спокойный тонъ какъ разъ ему даны для предсѣдательствованія. Онъ тоже, конечно, будетъ избранъ.

Изъ-за этихъ собраній совершенно забросили строевыя занятія, чѣмъ очень недоволенъ ротный командиръ Осадчій.

«Ну-съ вотъ и мы въ разговоры пустились. Такъ къ фронту не подготовимся» какъ-то онъ съ горечью замѣтилъ. Его успокаиваютъ, увѣряя, что новый комитетъ явится ярымъ для него помощникомъ для проведенія дисциплины и занятій.

Выборы состоялись. Муйжнекъ, Денъ, Минквицъ прошли первыми по числу голосовъ. Далѣе прошли солдаты. Въ результатѣ Муйжнекъ оказался предсѣдателемъ комитета, а Денъ членомъ и секретаремъ ротнаго суда.

«Образованные теперь устроились, ни въ наряды, ни на занятія ходить не надо» — острили у насъ въ взводѣ солдаты.

«Удивительно, какъ они не любятъ нарядовъ.»

«А видѣли когда-нибудь, чтобы они казармы убирали?»

«За бѣлымъ хлѣбомъ такъ первые, а какъ взводъ мести, такъ утекаютъ.»

«Ничего, еще заставимъ.»

Все это я слушалъ и принималъ къ свѣдѣнію. Въ первую же субботу (у насъ взводъ убирался по субботамъ) я уговорилъ Буша заняться уборкой, но какъ только мы взялись за метла, подошелъ солдатъ Виноградовъ и вырвавъ у меня метлу, сказалъ: «не ваше это дѣло. Ужъ дайте намъ, мы уберемъ». Мы охотно уступили. А въ слѣдующую субботу тотъ же Виноградовъ заставилъ Кречина убирать взводъ. Вотъ тутъ и разбирайся.

Второй день обсуждаемъ на общемъ собраніи роты сочиненную Деномъ инструкцію для ротнаго суда. Солдаты стараются понять написанное, но видимо плохо. Говорятъ только интеллигенты.

Открыли клубъ. Значитъ, танцовать будемъ, а строевыя занятія все еще не возобновились. Осадчій ходитъ хмурымъ и видимо что-то замышляетъ.

Какъ то подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Ну что скучно?»

«Да. Хорошо бы на Марсово поле сходить.»

«Скоро я опять возьмусь.»

Наконецъ намъ новичкамъ дали винтовки. Мнѣ попала съ №. 17 000. Стало веселѣе, цѣлые дни возимся съ ними, разбираемъ, чистимъ и изучаемъ отдѣльныя части.

Осадчій снова за насъ взялся. На дняхъ неожиданно послѣ повѣрки онъ выкликнулъ по особому списку человѣкъ сто изъ роты и сказалъ, чтобы изъ названныхъ никто не отлучался. Я тоже значился въ этомъ спискѣ. Начали гадать. Одни увѣряли, что мы войдемъ въ маршевую роту, другіе, что насъ пошлютъ на охрану финляндскаго побережья. Въ дѣйствительности же оказалось совсѣмъ иное. Часть зачислили въ команду пѣшихъ развѣдчиковъ и отправили въ Красное Село. Другихъ откомандировали на телефонные курсы, а насъ остальныхъ повели на учебную стрѣльбу. Я выпустилъ три пули. Одна попала въ мишень, другая въ щитъ и только третья «поѣхала за молокомъ», какъ говорятъ солдаты. Мое попаданье — простая случайность. Я почти не цѣлясь, выпустилъ всѣ три пули. А Бушъ, хорошій охотникъ, и долго бралъ на прицѣлъ и ни одной не попалъ.

На обратномъ пути въ казармы произошелъ неожиданный обмѣнъ мнѣній. На углу Спасской и Надеждинской мы остановились отдохнуть и покурить. Улицы были грязны и вотъ, когда мы кучкой стояли, мимо насъ пролетѣлъ автомобиль и окатилъ грязью — въ особенности отдѣленнаго Соловьева.

«Фу ты чортъ! И когда же мы избавимся отъ буржуевъ. И свободу мы завоевали и революцію устроили, а все въ рожу грязью плюютъ.»

«А ты что отъ свободы то получилъ? Солдатъ былъ, имъ и остался. Только что товарищемъ стали называть. На фронтъ — ты иди. Внутри что спасать — ты же. Вотъ хоть взять въ нашей образованныхъ, изъ господъ то, они все наверху. Какъ поплавки, сколь не топи, все наверхъ выскочатъ.»

«А забылъ, что намъ жалованье увеличили. Теперь пять цѣлкашей въ мѣсяцъ заколачиваемъ.»

«Чего смѣешься! А тебѣ на даровыхъ то хлѣбахъ сколько еще надо? Сразу, братъ, ничего не дается, нонѣ ужъ тѣмъ хорошо, что при умѣ ты можешь всего достичь. Пути тебѣ не заказаны. Раньше тебя забивали. Того не смѣй, этого не смѣй, туда не суйся. А нонѣ ты воленъ свою линію вести.»

«Ну ка поведи.»

«И поведу, и никто мѣшать не смѣетъ.»

«А слышалъ ты, что большевики говорятъ?»

«Ну?»

«Мы должны все въ свои руки взять. И землю, значитъ, и фабрики и капиталы.»

«А какъ на счетъ автомобилей?»

«Чего ты зубоскалишь?»

«Я тебя въ серьезъ спрашиваю. И чего обижаешься.»

«И автомобили конечно. Что-жъ ѣздить развѣ не сумѣемъ. Еще какъ развалимся.»

«И другихъ грязью забрасывать будемъ?»

«Коли кто подвернется.»

Октябрь

Я оказался оторваннымъ отъ роты. Меня и другихъ юристовъ откомандировали въ военно-окружной судъ для защиты подсудимыхъ. Я впервые столкнулся съ институтомъ присяжныхъ засѣдателей при военныхъ судахъ. Вотъ крайне жалкая и неудачная реформа, а главное ненужная. Ея, кажется, никто не просилъ и не требовалъ. Почему она проведена? Не по соображеніямъ ли чисто програмнаго характера и либеральной моды? Я всегда былъ сторонникомъ суда присяжныхъ, но не могъ не соглашаться съ нѣкоторыми доводами противъ этого института нѣмецкаго ученаго Іеринга. Какими бы онъ сверкнулъ сарказмами, еслибы при его жизни въ какой-нибудь странѣ додумались до учрежденія присяжныхъ засѣдателей при военныхъ судахъ. Въ самомъ дѣлѣ! Давать перевѣсъ бытовымъ и инымъ соображеніямъ надъ требованіями закона тамъ, гдѣ все держится строгой, неумолимой дисциплиной — развѣ это не недоразумѣніе? Да еще давать это во время начавшагося разложенія арміи!

Дни, проведенные въ судѣ, были для меня самыми тягостными за это время. Я слабѣлъ физически и морально. Меня тянуло въ роту, и я буквально отдыхалъ только тамъ. Вечерами въ казармѣ бывало тихо и уютно. Солдаты сидѣли кучками, обыкновенно около печекъ. Нѣкоторые читали, или учили уроки. Въ нашемъ взводѣ трое посѣщали гимназическіе курсы на Кирочной. Карты не были въ модѣ; боялись Осадчаго. Иногда впрочемъ картежники рисковали собираться въ уборной. Но и туда налеталъ ротный и «урезонивалъ».

Въ послѣдніе дни все чаще и чаще стали поговаривать о готовящемся выступленіи большевиковъ. Нѣкоторые изъ нашего взвода были на собраніяхъ и вынесли впечатлѣніе, что выступленіе неизбѣжно. Я вслушиваюсь въ разговоры, разспрашиваю и прихожу къ убѣжденію, что среди нашихъ солдатъ почти нѣтъ сторонниковъ большевизма. Но и за Временное Правительство они не пойдутъ. Имя Керенскаго слишкомъ ненавистно. Странно, ему въ особенности ставятъ въ вину, что онъ спитъ на царской кровати. Объ этомъ кто то пустилъ сплетню, и она попала въ цѣль. Если авторъ этой сплетни учитывалъ психику солдата, то онъ несомнѣнно тонкій психологъ. Хотя русскій солдатъ и сталъ товарищемъ и гражданиномъ республики, но въ тайникахъ души у него еще сохранилось испуганное обаяніе нѣкоторыхъ предметовъ и символовъ. Конечно, я говорю не о всѣхъ. Есть и много отъявленныхъ мерзавцевъ среди солдатъ, для которыхъ ничего святого и запретнаго нѣтъ. Я имѣю въ виду преображенцевъ, которыхъ знаю. И я увѣренъ, что ни одинъ изъ нихъ не рѣшился бы осквернить кровать Александра III. «А Керенскій, говорятъ, на ней валяется.» И солдаты негодуютъ. «А можетъ самъ въ цари мѣтитъ». Сплетня своего достигла.

«Юнкерами, бабами себя окружилъ. Намъ видно не довѣряетъ» — эти фразы я уже нѣсколько разъ слышалъ. Я пробовалъ говорить съ нѣкоторыми изъ болѣе вдумчивыхъ солдатъ. И что же? Они также не склонны защищать Временное Правительство. «Но вѣдь тогда у власти Ленинъ и компанія?»

«А развѣ хуже будетъ?» спрашивали они меня. Я имъ объяснялъ, но они мало, повидимому, мнѣ вѣрили и часто отдѣлывались фразой: «Не посмѣютъ они этого сдѣлать.»

Таковъ былъ отвѣтъ на всѣ мои указанія на послѣдствія торжества большевиковъ. Я подѣлился своими впечатлѣніями съ нѣкоторыми изъ кадровыхъ офицеровъ. У нихъ только одно желаніе — удержать полкъ отъ выступленія. А тамъ будущее покажетъ какъ дѣйствовать.

Зашелъ какъ-то въ Министерство. Тамъ большое оживленіе. Оказывается поднятъ вопросъ объ эвакуаціи министерства въ Москву. Работаетъ особая комиссія для выясненія и опредѣленія нормъ пособій. У насъ уже составленъ списокъ лицъ, которыя должны получить пособія.

Сегодня съ трудомъ пробрался въ казармы. Всѣ подступы на Дворцовую площадь заняты Павловцами. Въ казармахъ оживленіе. Скоро Павловцы пойдутъ въ аттаку на Дворецъ. Осадчій и комитетъ противъ выступленія. Меня скоро послали на Кирочную. Когда я подходилъ къ Литейному, услышалъ винтовочные залпы и таканье пулеметовъ. Значитъ началось.

Переворотъ совершился. Преображенцы всетаки выбѣжали, но участія не принимали. Такъ увѣряли очевидцы. Пострадалъ изъ Преображенцевъ одинъ только Ивановъ, членъ нашего комитета, и то не отъ пуль, а отъ матросскаго приклада. Оказывается, юнкера были отведены въ залъ нашей учебной команды, и вотъ, когда завоеваніе дворца свершилось и побѣда была вполнѣ одержана, Ивановъ сталъ юнкеровъ группами выпускать на свободу. Объ этомъ какъ-то узнали матросы, явились въ казармы и побили Иванова. Преображенцы къ стыду своему его не отстояли.

Жуткіе дни. Городъ полонъ слуховъ о кровавыхъ расправахъ большевиковъ съ юнкерами и женщинами изъ батальона смерти. Неистовствуютъ матросы и красногвардейцы. Первые и съ виду-то звѣри. Особенно противное впечатлѣніе у меня осталось отъ трехъ матросовъ, которыхъ я встрѣтилъ на углу Невскаго и Садовой. Они конвоировали юнаго, черненькаго, небольшого артиллериста-офицера. Онъ шелъ гордо, руки за спиной, съ презрѣніемъ къ своей стражѣ. Я не вытерпѣлъ, сошелъ съ панели и откозырялъ ему. Одинъ изъ матросовъ посмотрѣлъ на меня пьяными, заплывшими глазами и что-то грубое пробормоталъ, похожее на «брысь».

Грязные звѣрскіе люди, а вѣдь и они когда то были чистыми дѣтьми, вѣрующими и любящими. Что и кто ихъ сдѣлалъ звѣрьми, жадными къ чужой собственности и жизни? Кто-то соблазнилъ, но кто-то не замѣтилъ этого и не помѣшалъ. Кто же въ этомъ болѣе виноватъ?

Ноябрь и Декабрь

Былъ цѣлые сутки въ караулѣ въ б. Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Всего насъ было 12 человѣкъ. Изъ нашего взвода я и Лукьяновъ. Разговоръ сразу завязался на политическую тему. Началъ Аршанскій.

«Слышали новость? Крыленко издалъ приказъ о правѣ представителей полковъ заключать перемиріе и представлять договоры на утвержденіе совѣтской власти?»

«Что же! Значитъ сколько полковъ, столько и мирныхъ договоровъ? Украинскій полкъ заключитъ одинъ миръ, Великорусскій другой и такъ далѣе. Да и дѣйствителенъ ли приказъ Крыленко для украинскихъ частей?»

«Ему это наплевать. Ему одного нужно — заключайте миръ и расправляйтесь со своими начальниками. Вотъ прапорщику, что нужно.»

«Ерунды еще много будетъ», мрачно замѣтилъ Мироненко.

«Наобѣщали то они много. Ну дураки и повѣрили. Все горе наше въ томъ, что въ Россіи дураковъ много, довѣрчивыхъ, темныхъ много», не унимался Аршанскій.

«Вотъ они тутъ крутятъ, а отвѣчать народу придется», тихо съ ноткой грусти вставилъ Лукьяновъ.

«А ну ихъ къ чорту. Давайте лучше чай пить. Чья очередь за кипяткомъ?»

Пошелъ Аршанскій и я. Мнѣ можно было и не идти, но захотѣлось поближе познакомиться съ Аршанскимъ. Я не раскаялся. Онъ ярый противникъ большевиковъ, по убѣжденіямъ соціалъ-демократъ. Аршанскій — Витебскій еврей, много въ жизни скитался и терпѣлъ. Въ ротѣ у него есть сторонники и такимъ образомъ одна противобольшевистская группа готова. Онъ тоже того мнѣнія, что у насъ въ ротѣ большевиковъ нѣтъ.

Караулъ нести было легко. Съ вечера мы долго не спали и все разговаривали. Много я наслушался интереснаго въ эту ночь. Еще разъ я увидѣлъ, что мы чиновники и интеллигенція просмотрѣли народъ. Отъ насъ многое ускользнуло, а главнымъ образомъ, тотъ душевный надломъ, который съ одной стороны далъ людей, сознательно желающихъ новыхъ формъ жизни, а съ другой — хулигановъ, бороться съ которыми мы пробовали одними обязательными постановленіями.

Съ двухъ часовъ ночи до четырехъ мнѣ пришлось нести караулъ на главномъ подъѣздѣ. Со мной милостиво поговорилъ старый швейцаръ. Очевидно ему не спалось, онъ и рѣшилъ отвести душу съ солдатомъ. Конечно бесѣда началась съ вопроса: какой губерніи, давно ли служитъ и т. п. Затѣмъ оханье надъ порядками. Его ужасало, главнымъ образомъ, то, что въ Министерствѣ никого изъ порядочныхъ не осталось. Всѣ лучшіе ушли, а вотъ самая дрянь «шантрапа» осталась и дѣлами хочетъ вертѣть.

«Толку мало будетъ», убѣжденно заключилъ старикъ.

Невольно пришло на мысль, что я еще ни одного защитника большевизма не встрѣтилъ. Вотъ развѣ только моя знакомая, Ольга Павловна, съ которой я на-дняхъ видѣлся. Она ихъ не ругаетъ, и беззаботно увѣряетъ, что ихъ кафе послѣ переворота стало лучше торговать, и что матросы совсѣмъ не звѣри. Напротивъ такіе забавные. Что то хотятъ разыграть, какихъ то новыхъ джентльменовъ, но ничего у нихъ не выходитъ. «Неуклюжіе, смѣшные такіе. И знаете! Они насъ стѣсняются. Да, да! Чувствуютъ наше превосходство! Подождите, мы ихъ еще образуемъ. Вѣдь есть такое русское слово? Нѣтъ, большевики вовсе не страшны. Жить съ ними можно. Николай Владимировичъ тоже говоритъ» . . .

Николай Владиміровичъ — конный гренадеръ. Въ кафе Ольги Павловны сотрудничаютъ нѣсколько офицеровъ. Посмотримъ, что дальше будетъ . . .

Конецъ ночи я прекрасно проспалъ на деревянномъ диванѣ для курьеровъ, положивъ подъ голову всѣ попавшіеся портфели.

Утромъ явились власти. Тутъ былъ и Обнорскій, съ которымъ я сталкивался въ совѣщаніяхъ. Онъ меня не узналъ. Ждали пріѣзда Троцкаго. Бывшіе служащіе министерства явились, кажется, только для сдачи дѣлъ. Большевикамъ служить пока согласился одинъ Чельцовъ, зять министра Протопопова.

Изъ роты бѣгутъ. Кто въ отпускъ, кто на комиссію. Но это отчасти хорошо: уходитъ элементъ ненадежный и трусливый, на смѣну же имъ вливаются кадровые преображенцы съ фронта. Комитетъ почти весь исчезъ. Мнѣ пришлось выставить свою кандидатуру и я прошелъ въ члены и предсѣдатели комитета. Кречинъ и Бушъ перекочевали въ полковую канцелярію на должности писарей. Другіе тоже полѣзли. Солдаты обратили на это бѣгство вниманіе и хотятъ постановить на ротномъ собраніи потребовать ихъ въ строй. Интеллигенты опять провалились въ глазахъ солдатъ. Мнѣ откровенно тоже не нравится это отлыниваніе отъ строя. Какой даютъ примѣръ и вправѣ ли послѣ этого обвинять солдатъ, что они ничего не дѣлаютъ, распустились и жрутъ сѣмечки? А потомъ, неужели пріятнѣе сидѣть въ полковой канцеляріи, чѣмъ въ казармѣ?

Аршанскій, Шутровичъ, Борисовъ и др. усиленно агитируютъ за то, чтобы солдаты подождали Учредительнаго Собранія и не уходили домой. Ихъ увѣщанія

какъ будто имѣютъ успѣхъ. Во всякомъ случаѣ все больше и больше выясняется группа, которая не уйдетъ.

Начались пьяные погромы. Наши уже разъ напились въ Зимнемъ дворцѣ. Ахъ, эта глупая, фальшивая, полицейская трезвость. Она имѣла только одно послѣдствіе — непреодолимую жадность напиться.

«Во всю!» — какъ говорятъ солдаты, «все время сосало. Вотъ бывало на позиціи зимой, или въ мокроту, сырость, какъ хотѣлось выпить. Не напиться, нѣтъ, зачѣмъ, дай, какъ прежде, чарку, да я тебѣ пятнадцать окоповъ возьму. Эхъ и зачѣмъ эту глупую трезвость ввели. Русскому человѣку и не пить.»

«И придумалъ то — говорятъ — пьяница Распутинъ. Онъ царю шепнулъ, а тотъ и давай и дума тоже.»

«Вѣдь въ прежнія войны пили и побѣждали, а вотъ тебѣ и трезвая война, во какъ закончили. Отъ трезвости и революція пошла.»

«А сколько черти добра испортили. Бывало займемъ какое мѣстечко, али имѣніе, сейчасъ къ погребу караулъ, а потомъ давай выливать. Дорогія вина, медъ въ пруды спускали.»

«Да, напиться бы не мѣшало. Душу отвести.»

Я увѣренъ что солдаты проникнутъ во дворецъ. Ихъ не удержать. Стыдно, а долженъ сознаться — мнѣ и не хотѣлось удерживать. Вотъ грабить цѣнныя вещи во дворцѣ, осквернять его не пойдутъ, а за коньякомъ полѣзутъ.

Собираются кучками, перешептываются. «Говорятъ, винища то сколько» съ искорками въ глазахъ шепчетъ южанинъ, недавно прибывшій съ фронта, «что страсть. И всякаго. Керенскій каждый день по бутылкѣ мадеры высасывалъ» . . . Новая сплетня про Керенскаго. Не даетъ онъ покоя солдатамъ. Все къ нему сведутъ.

Повидимому сегодня сдѣлаютъ попытку проникнуть въ винные погреба. Приказано принять мѣры. Меня и еще двухъ солдатъ назначили ночными дневальными у воротъ. Роздали по пяти боевыхъ патроновъ.

Тихая, зимняя ночь. Вчера только выпалъ снѣгъ — такой онъ чистый и гладкій. Небо безъ облаковъ, чуть подернуто легкой бѣлесоватой дымкой. Чувствуется мечтательная ласка Петербургской зимы. Въ такія ночи въ былыя времена тройки позвякивали и петербуржцы первопутокъ справляли. И Милліонная не была такой пустынной, какъ сейчасъ, и такой темной. Свѣтъ только у канавки. Тамъ горитъ одинокій фонарь и костеръ, разведенный красногвардейцами. А дальше въ обѣ стороны темнѣющій рядъ домовъ и черная мгла. Дворецъ чуть замѣтенъ. Ни одного огня въ окнахъ. А внутри? Затоптанный паркетъ, изорванная штыками мебель, разбитые бутылки, расплесканное вино. Здѣсь пиръ былъ недавнихъ побѣдителей, разгулъ потерявшей узду черни. А вѣдь еще такъ недавно онъ былъ смущающей, пугающей тайной для вѣрноподданныхъ.

«Великій царь, твои чертоги
Смущаютъ бѣднаго раба» . . .

Въ пятомъ часу я опять у воротъ. Якунинъ, котораго я смѣнилъ, сказалъ мнѣ, что нѣсколько солдатъ вышло изъ казармъ, переговорили съ красногвардейцами и ушли по Зимней канавкѣ къ Невѣ. Казалось непонятнымъ, почему они пошли на Набережную. Въ погреба раньше проникали съ площади. Значитъ они пошли не туда. Въ мое дневальство еще нѣсколько нашихъ солдатъ прошло въ томъ же направленіи. Туда же убѣжали нѣкоторые изъ красногвардейцевъ.

Послѣ все разъяснилось. Они проломали окно и рѣшетки съ канавки и проникли въ погреба. Къ утру большинство было пьяно. У дворца гудѣли и шумѣли. Иногда слышались винтовочные выстрѣлы. Въ казармахъ и во дворѣ валялись пьяные. Орали пѣсни, кричали и бранились.

Трезвые старались навести порядокъ: вязали особенно буйныхъ, спьянѣвшихъ укладывали спать и отнимали вино.

Вечеромъ я былъ во Дворцѣ. Въ подвальныхъ корридорахъ валялись бутылки и всюду виднѣлись мокрые слѣды. Много народу видно тутъ перебывало. Но погреба! . . . вотъ сразу чувствовалось, что было дѣло. Полы были залиты виномъ — въ особенности въ первыхъ корридорахъ — съ краснымъ виномъ и мадерой выдержки 1913—1914 гг. Мнѣ объяснили, что не разбираясь въ названіяхъ, грабители разбивали бутылки, чтобы узнать, какое это вино. Искали все водокъ и коньяку. Масса крѣпкихъ напитковъ была захвачена матросами, погружена и куда-то увезена.

Винные погромы разростаются. Въ пьяницъ стрѣляютъ, а они все таки лѣзутъ и грабятъ. Большевики видятъ въ этомъ козни контръ-революціонеровъ.

У насъ на винной почвѣ разыгралась цѣлая исторія. Нашъ каптенармусъ Бѣлянинъ, старый преображенецъ и Георгіевскій кавалеръ, возвращаясь на-веселѣ въ казармы, не могъ снести, что красногвардейскіе оборванцы (или, какъ у насъ говорятъ, краснооборванцы) стоятъ съ винтовками. Рѣшилъ ихъ обезоружить. Уже заканчивалъ свои операціи, но тутъ одинъ изъ красногвардейцевъ, воспользовавшись моментомъ неосторожности Бѣлянина, ударилъ его штыкомъ въ животъ и нанесъ тяжкое пораненіе. На шумъ выбѣжали наши пулеметчики, захватили красногвардейцевъ, жестоко ихъ избили и арестовали. Въ особенности одного. Преображенцы, конечно, взволновались, устроили собраніе въ залѣ учебной команды, на которое прибыли власти и членъ исполнительнаго комитета совѣта солдатскихъ, крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ, Стецкій. Ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ онъ увѣрялъ, что преображенцы ссорами съ рабочими губятъ революцію, что играютъ въ руку контръ-революціи и становятся врагами народа. Затѣмъ избитый красногвардеецъ демонстрировалъ свои ушибы. Парень искренно плакалъ, разсказывая, какъ съ нимъ раздѣлались. Но все это не помогло. Солдаты стояли на своемъ и требовали снятія красногвардейскихъ карауловъ.

Видя такое настроеніе преображенцевъ, предсѣдатель полковаго комитета, Прилипинъ, пошептавшись со Стецкимъ, объявилъ, что вопросъ о столкновеніи передать лучше всего на обсужденіе полкового комитета при участіи представителей отъ красногвардейцевъ и отъ 10-ой роты.

Засѣданіе было назначено въ часъ дня. Отъ 10-й роты былъ командированъ я, причемъ рота уполномочила меня добиваться снятія караула и преданія суду красногвардейца, ранившаго нашего каптенармуса. Но я жестоко провалился. Не понявъ и не учтя, что переносъ дѣла въ комитетъ былъ сдѣланъ исключительно въ цѣляхъ его провалить, я, поощренный успѣхомъ на собраніи, взялъ сразу тотъ же обвинительный и рѣзкій тонъ. Ну мнѣ и попало. Прилипинъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ со Смольнымъ и имѣлъ въ комитетѣ много единомышленниковъ, получавшихъ оттуда субсидіи. Они теперь всѣ на меня и обрушились. Не только не прошли мои предложенія о преданіи суду красногвардейца и снятіи карауловъ, но былъ поднятъ вопросъ о принятіи мѣръ противъ «господъ», которые стараются сѣять рознь между солдатами и рабочими. Къ концу засѣданія пріѣхалъ Луначарскій и сообщилъ «товарищамъ преображенцамъ», что Австро-Венгрія приняла совѣтское предложеніе о заключеніи мира безъ аннексій и контрибуцій. Это была ложь, но комитетъ аплодировалъ и былъ очень доволенъ.

Наши остались недовольными исходомъ дѣла и ворчали. Это настроеніе не осталось секретомъ для верховъ и постепенно стало зрѣть намѣреніе о смѣнѣ президіума полкового комитета. Поводы къ этому были еще и другіе: какія то подозрительныя комбинаціи съ полковыми свиньями и продуктами.

Ко мнѣ какъ-то подошли члены полкового комитета отъ пулеметной команды и сказали, что они будутъ проводить меня въ товарищи предсѣдателя, а въ предсѣдатели капитана Путилова. Скоро состоялись выборы и мы оба прошли, измѣнился и составъ

самаго комитета. Прошло нѣсколько прапорщиковъ — ярыхъ противниковъ большевизма. Мы скоро всѣ спѣлись.

Путиловъ мнѣ нѣсколько разъ уже намекаетъ, что есть группы, ставящія себѣ цѣлью сверженіе большевиковъ вооруженной силой. Очевидно, онъ хочетъ узнать мои намѣренія. Я откровенно высказалъ свои взгляды. Онъ увѣрилъ меня, что дѣло серьезное, и что онъ уже нѣсколько разъ имѣлъ свиданіе съ однимъ военнымъ атташе. Свиданія эти происходили въ ресторанѣ Дононъ, кабинетъ No. 17.

Послѣ одного изъ засѣданій полкового комитета, онъ просилъ меня зайти къ нему. Тамъ я засталъ трехъ семеновцевъ: Максимова, Корнфельда (кажется, сотрудникъ «Сатирикона») и еще одного, фамилія котораго у меня не осталась въ памяти. Былъ еще одинъ человѣкъ. Онъ сидѣлъ отдѣльно на диванѣ, не снимая своей дорогой шубы. Я принялъ его за близкаго знакомаго Путилова. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ Филоненко, бывшій главный комиссаръ фронта при Керенскомъ.

Вопросъ шелъ о готовности полковъ къ выступленію противъ большевиковъ. Я мало принималъ участія въ разговорѣ. Бесѣда продолжалась недолго. Скоро семеновцы и я ушли. Путиловъ съ Филоненко видимо собирались куда-то ѣхать, такъ какъ у воротъ стояла наша полковая выѣздная лошадь, которой пользовались командиръ полка и предсѣдатель комитета.

На дняхъ мнѣ Путиловъ сообщилъ, что повидимому въ распоряженіи соціалистовъ-революціонеровъ никакихъ организованныхъ силъ не имѣется. «Они предложили мнѣ, говорилъ онъ, встать во главѣ противобольшевистскихъ отрядовъ, увѣряя, что въ Петергофѣ есть готовыя части къ выступленію. Очередь за Преображенскимъ и Семеновскимъ полками. Когда же я пожелалъ сначала познакомиться съ этими частями и поѣхалъ въ Петергофъ, то тамъ никакихъ отрядовъ не нашелъ.»

Замѣчаю, что среди нашихъ соціалисты-революціонеры ведутъ агитацію, но пока успѣха не имѣютъ. Осторожны до трусливости, таинственны и очень туманны въ своихъ планахъ. Все хотятъ дать понять, что они знаютъ какой то секретъ народнаго счастья, котораго у большевиковъ нѣтъ. Все дѣло только въ томъ, что нужно всецѣло довѣриться имъ, соціалистамъ-революціонерамъ. А большевики плюютъ на всякіе секреты и таинственности и говорятъ солдату: бери все, что хочешь. И землю, и миръ, и хлѣбъ, а по пути и все, что понравится, по душѣ придется. Конечно, для зауряднаго солдата такая проповѣдь ближе и понятнѣе.

Пусть пока эти двѣ партіи борются. Наша задача объединить и организовать убѣжденныхъ противниковъ большевизма, такіе среди солдатъ есть и ихъ мы не должны уступать ни большевикамъ, ни соціалистамъ-революціонерамъ.

Въ послѣднее время произошелъ рядъ столкновеній и интересныхъ событій.

На собраніе полкового комитета явились представители крестьянскихъ депутатовъ и просили дать караулъ въ ихъ клубъ, которому большевики угрожаютъ разгромомъ. Рѣчь держалъ Овчинниковъ. Преображенцы недоумѣвали. Впервые предъ ними всталъ вопросъ: кого же защищать? Раньше было ясно: народъ и пролетаріатъ шли противъ буржуевъ. Ну а теперь? Значитъ братъ на брата? Долго волновались. Характерна была рѣчь солдата Маслягина. Онъ говорилъ о томъ, что каждая партія тянетъ къ себѣ солдатскую винтовку, что отъ рѣчей и убѣжденій затуманилась и безъ того темная наша солдатская голова, что Учредительное Собраніе можетъ превратиться въ говорильню, и что въ концѣ концовъ народъ, для котораго вся революція затѣвалась, ничего не получитъ и будетъ такимъ же подвластнымъ, какъ и раньше. Только имена и фамиліи владыкъ перемѣнятся.

Еще болѣе возбужденнымъ прошло собраніе по поводу попытокъ смѣнить нашъ и Семеновскій караулы въ Таврическомъ дворцѣ. Къ концу засѣданія, когда вырабатывалась резолюція о неправомѣрности этихъ попытокъ, прибѣжалъ изъ Таврическаго

дворца преображенецъ съ извѣстіемъ, что караульный начальникъ по распоряженію Подвойскаго арестованъ, и что для смѣны караула вызваны финляндцы. И дѣйствительно скоро мы увидѣли финляндцевъ съ оркестромъ, заворачивающихъ съ Кирочной къ дворцу. Спѣшно туда командировали Щетинина, Войцека, Иванова и меня. Мы пробрались съ преображенцемъ изъ караула ко дворцу съ Кирочной черезъ паркъ, смутили своимъ появленіемъ часового семеновца и до прихода финляндцевъ уже были въ кабинетѣ у Подвойскаго. Онъ началъ было съ приказанія, чтобы мы удалились, но мы твердо заявили, что не уйдемъ, пока не получимъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ для доклада полковому комитету, сюда насъ пославшему. Комиссару по военнымъ дѣламъ пришлось уступить, и онъ, удаливъ всѣхъ постороннихъ изъ комнаты, повелъ съ нами «товарищескую» бесѣду. Много непріятныхъ словъ ему наговорилъ Войцекъ. Въ результатѣ финляндцы ушли домой, вопросъ же объ арестѣ караульнаго начальника былъ рѣшенъ отрицательно. Комитетъ послѣ нашего доклада вынесъ еще болѣе рѣзкую резолюцію, указывающую на незакономѣрность дѣйствій Подвойскаго.

Какъ-то надняхъ меня вызвала В. В. Ш. Ея братъ, бывшій преображенецъ сидѣлъ въ Кронштадской тюрьмѣ. Она принимала мѣры къ его освобожденію и теперь только нужно было, чтобы за него поручился полкъ, и тогда онъ на свободѣ. Мы это быстро устроили: наша рота и команда конныхъ развѣдчиковъ дала свои поручительныя грамоты, написали командировочный мандатъ Шутровичу и онъ въ два дня добился освобожденія Б. В. Ш.

«Теперь мы начнемъ дѣйствовать», заявилъ мнѣ К. «Штабъ нашъ будетъ въ экономическомъ клубѣ. Первое — нужно удалить изъ комитета Путилова.»

«Почему?»

«Онъ держится оріентаціи на соціалистовъ-революціонеровъ. Б. В. достанетъ средства. Мы уже ведемъ переговоры съ центральнымъ комитетомъ партіи народной свободы и представителемъ Кривошеина И. И. Т. Приходите къ намъ сегодня на Таврическую. Тамъ вы увидите очень интересную личность. Присмотритесь внимательнѣй.»

Личностью этой оказался Филоненко.

Говорили о выступленіи. Б. В. предлагалъ рѣшительныя мѣры. Павловскій полкъ споить, въ Литовскій пустить проститутокъ, кого подкупить и т. д. Но на это на все нужны деньги. Слѣдовательно прежде всего и необходимо принять шаги въ этомъ направленіи. Нашъ полкъ трактовался, какъ несомнѣнный сторонникъ выступленія. Эта увѣренность меня нѣсколько смущала. Но я подумалъ, что К. и В. Б., можетъ быть, лучше меня знаютъ настроеніе перваго батальона. Нужно провѣрить.

Почти каждый день захожу въ клубъ. К. настроенъ очень оптимистически. Увѣряетъ, что управленіе почти сформировано: В. Б. что-то въ родѣ диктатора, К. при немъ адъютантомъ, далѣе еще рядъ назначеній . . .

Смотрю я на его исхудалое, блѣдное лицо, большіе черные воспаленные глаза, на эту постоянную нервную жестикуляцію и думаю: «Больной ты, нервный человѣкъ. И зачѣмъ такъ много и быстро говоришь. Передохни и одумайся.»

Да, несомнѣнно всѣмъ намъ нужно одуматься и передохнуть. Ужъ очень быстрый аллюръ сразу взяли.

Опять столкновеніе. Наши и семеновцы начали издавать газету «Сѣрая шинель». Она не понравилась Смольному и теперь большевики хотятъ захватить редакцію. Наша рота выставила караулъ. Послѣдовалъ запросъ: на какомъ основаніи онъ выставленъ. А одинъ солдатъ Смородиновъ даже увѣрялъ, что караулу платятъ и что деньги отъ буржуевъ. Смородинова заставили замолчать, а относительно караула рѣшили, что если находятся желающіе его нести, то это ихъ дѣло. На этомъ же засѣданіи вырабатывались и обсуждались лозунги, съ которыми долженъ выступить

полкъ предъ Учредительнымъ Собраніемъ. Говорили, конечно, о землѣ, волѣ, мірѣ, а Зюзя внесъ предложеніе о націонализаціи банковъ. Этотъ человѣкъ умѣлъ убѣждать. Всегда говорилъ улыбаясь и съ шуточками. Такъ и теперь, онъ многихъ сбилъ съ толку, и назрѣвало опасеніе, что предложеніе будетъ принято. Я это замѣтилъ по выкрикамъ и выраженіямъ лицъ. Тогда я пустился на хитрость. Попросилъ слова и заявилъ, что я присоединяюсь къ заявленію товарища Зюзи, только для меня неясно: Какихъ банковъ? Русскихъ только или и иностранныхъ, дѣйствующихъ въ Россіи?

Начались безтолковыя пренія. Въ концѣ рѣшили націонализировать всѣ банки.

Тогда я опять поставилъ вопросъ: «А какъ вы полагаете, иностранцы, напримѣръ, нѣмцы, такъ и согласятся на это и скажутъ: если хотите насъ раззорить, то пожалуйста, мы ничего противъ не имѣемъ.»

Зюзя качалъ головой и улыбался.

«Ну такъ какже?»

«Не надо о банкахъ.»

Пошла полоса митинговъ. Приближается день открытія Учредительнаго Собранія. Партіи стараются во-всю. На нашихъ собраніяхъ обыкновенно выступаютъ соціалисты-революціонеры и большевики. Я былъ отъ преображенцевъ на митингѣ у семеновцевъ, предсѣдательствовалъ у насъ на митингахъ и пришелъ къ заключенію, что наши начинаютъ окончательно обалдѣвать, и въ этомъ виноваты эсъ-эры. Сначала позиція была ясна, Учредительное Собраніе необходимо для авторитетнаго закрѣпленія завоеваній революціи и окончательнаго разрѣшенія всѣхъ основныхъ вопросовъ народной жизни. Это солдаты понимали и этого желали. «Скажетъ Учредительное Собраніе и баста. Никакихъ разговоровъ, тогда и порядокъ будетъ.» Такъ на этомъ они и стояли и заявляли о своей готовности защищать Учредительное собраніе.

Большевики же увѣряли, что Учредительное Собраніе не нужно, и безъ его штемпелей народъ все получитъ. Штемпеля — это лишь проволочка, да еще какая, вѣдь въ Учредительное Собраніе попали люди, противъ которыхъ мы боролись, которыхъ свергали оружіемъ. Развѣ Керенскій туда не попалъ? Развѣ онъ тамъ не будетъ тянуть ту же канитель? Тогда для чего же мы старались, проливали кровь? Опять быть въ дуракахъ и ждать? Учредительное Собраніе лишь подмѣна воли народной. Выходитъ, что оно скажетъ, т. е., Керенскій, кадеты и другіе буржуи, и конецъ. Народъ же молчи.

Чтобы разбить эти доводы, эсъ-эры на послѣднихъ митингахъ выдвинули понятіе о референдумѣ, объ обращеніи къ народу въ случаѣ, если Учредительное Собраніе пойдетъ по пути, неугодному народу. Оно, какъ заявилъ эсъ-эръ Поповъ, не собирается узурпировать волю народа, а поможетъ волѣ этой правильно выявиться. Роль его — разработать законы.

Вотъ тутъ солдаты и обалдѣли. «Что же, коли какой законъ не понравится, то будутъ всю Россію опрашивать. Вотъ волынку то заведутъ. Тутъ земли и до второго пришествія не получишь.»

Соціалисты-революціонеры явно проваливались. Да и съ внѣшней стороны они уступали большевикамъ. Эти, какъ говорится, жарили во-всю, лгали, все обѣщали и орали до-хрипоты.

Эсъ-эры же больше ныли. И обязательно, почти каждый ораторъ начиналъ съ того, что онъ былъ на каторгѣ, или въ тюрьмѣ при царскомъ режимѣ. Буревой даже такъ увлекся, что выходило, что онъ шести лѣтъ уже сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Наши рѣдко выступали, но за то всегда удачно. Принципіальныхъ вопросовъ они не затрагивали, а пользовались опрометчивыми и противорѣчивыми заявленіями большевиковъ и этимъ ихъ били.

Памятенъ послѣдній митингъ наканунѣ открытія Учредительнаго Собранія. Ждали Чернова, но онъ не пріѣхалъ. Меня поразила рѣчь сибирскаго депутата, на другой день убитаго красногвардейцами на Марсовомъ полѣ. Онъ какимъ то зловѣщимъ, проникновеннымъ шопотомъ закончилъ свою рѣчь словами: «сегодня страшная

ночь, преображенцы, отъ васъ русскій народъ многаго ждетъ»; я замѣтилъ по нѣкоторымъ лицамъ, что эти слова произвели впечатлѣніе. Напрасно большевикъ Шубинъ пытался вышутить этого оратора, сравнивъ его съ Керенскимъ, который тоже все пугалъ и даже нѣсколько разъ предлагалъ стрѣляться и перейти черезъ его трупъ, а самъ въ критическую минуту преспокойно удралъ. Впечатлѣніе не разсѣялось. Я и сейчасъ помню это лицо — большое, сѣро-блѣдное, съ длинными прямыми волосами и большой русой бородой. Лицо склоненно-протянутое къ слушателямъ съ застывшимъ жестомъ правой руки и этотъ предсмертный шопотъ. Что чувствовалъ въ ту минуту этотъ трагически погибшій за свободу народа человѣкъ? Можетъ быть уже видѣлъ вѣяніе смерти надъ своей головой и гибель великаго освобожденія. Была полная тишина. Всѣ какъ то сразу насторожились. Что, еслибы тогда они знали, что завтра эта голова будетъ раздроблена винтовочнымъ залпомъ и мозги будутъ валяться растоптанными, смѣшанными съ грязью на Марсовомъ полѣ? Не дрогнули бы ихъ сердца еще болѣе и не зажглись бы желаніемъ подвига и служенія великому дѣлу? И какъ знать! Не пошли бы ли они за нимъ?

Въ концѣ митинга, когда большинство уже разошлось, какіе то лѣвые эсъ-эры хотѣли навязать новую резолюцію въ большевистскомъ духѣ, въ отмѣну ранѣе принятой нашимъ полкомъ и оглашенной въ печати. Напрасно я убѣждалъ оставшихся, что они не вправѣ этого дѣлать, что прежняя резолюція прошла черезъ роты и команды и что только этимъ порядкомъ можетъ быть принята новая. Лѣвые ораторы брали верхъ, аргументируя ссылками на то, что настоящее собраніе столь же правомочно, какъ роты и команды вмѣстѣ взятыя, и предлагали провѣрить, отъ всѣхъ ли частей полка есть представители. Преображенцы ужъ начали выкрикивать, что отъ всѣхъ. «Я отъ пятой» . . . «Я изъ девятой» . . . Чувствую, что дѣло проиграно. Студентъ, лѣвый эсъ-эръ уже началъ читать предлагаемую резолюцію. Мнѣ оставалось одно, я это и сдѣлалъ: взялъ свою папаху, бумаги и ушелъ изъ собранія. Криковъ я не послушался, а остановить силой никто не захотѣлъ.

Я шелъ по пустыннымъ, вымершимъ улицамъ столицы. Зима была во-всю. По новому стилю уже январь. Стояли свѣтлыя лунныя ночи. Слегка морозило, сыропротивно морозило. Вѣтерокъ всюду загонялъ холодокъ. Хотѣлось въ уютъ, тепло.

На углу Фонтанки меня кто-то окликнулъ. Смотрю, бѣжитъ за мной какая то сѣрая шинель.

«Фу, чортъ, усталъ. Ты откуда?»

«Съ митинга.»

«Ну, что опять товарищи грызлись? И когда эта сволочь замолчитъ.»

Я вспомнилъ увѣренія К. относительно полка и рѣшилъ провѣрить. Войцекъ командовалъ второй ротой и, конечно, зналъ о настроеніи перваго батальона.

«Какъ у васъ въ батальонѣ?»

«Хочешь знать — выступятъ ли завтра?»

«Нѣтъ, не то, мнѣ вообще интересно настроеніе батальона.»

«А понимаю . . . У насъ много дѣльныхъ солдатъ, но они скоро разбѣгутся по домамъ. Вотъ, если имъ платить.»

«Ахъ, опять деньги» . . .

«Да, да, безъ денегъ ничего не выйдетъ. Ужъ время такое. Или деньги, или такое . . . явное сочувствіе. Общій крикъ: вы наши спасители, и цвѣты, улыбки . . .

Я засмѣялся.

«Что ты? Я правду говорю. Большевики этимъ и берутъ. Посмотри на Прилипина. Откуда у него деньги, брилліантовое кольцо? Отъ свиней нашихъ немного нажилъ. Или у Спицына. Вотъ этотъ поганый трусъ теперь дѣлами вертитъ, а передъ первымъ боемъ сумасшедшимъ представился. Его въ обозъ отправили. Разстрѣлять бы гадину надо. Все миндальничали. Такъ вотъ у нихъ деньги. Придутъ они въ Смольный, или куда въ другое мѣсто къ большевикамъ — свои люди, къ нимъ внимательны, ласковы. Товарищи . . . И коммунистки руки жмутъ. А у насъ? Куда

мы можемъ, къ кому пойти? Мы все еще въ черномъ тѣлѣ. Все еще должны для кого-то работать. Опротивѣли мнѣ наши высшіе классы. Гроша мѣднаго не хотятъ собрать для общаго дѣла. И настоящаго, искренняго сочувствія нѣтъ, единенія настоящаго. Такъ, использовать хотятъ. А потомъ опять на черную работу. Въ околоточные ступай. Ты знаешь, я въ Москвѣ былъ околоточнымъ. Я тогда тоже чувствовалъ, что теперь. Служишь, жертвуешь собой, чтобы этимъ хорошо и безопасно жилось, — онъ показалъ рукой на большой домъ, мимо котораго мы проходили — а они тебя презираютъ, считаютъ оскверненіемъ руку подать, да что . . . тебя же травятъ, молъ, свободѣ мѣшаешь. Вотъ я сегодня былъ у нашего рыжаго въ клубѣ. Сидятъ, ѣдятъ, пьютъ, въ карты играютъ и ждутъ, когда мы большевиковъ свергнемъ. А чтобы . . .

Онъ вдругъ рѣзкимъ движеніемъ схватилъ меня за плечо.

«Смотри, смотри, что это?»

Мимо насъ тихо проѣзжали простыя дровни. Я недоумѣвалъ.

«Развѣ не видишь?» шепталъ надъ моимъ ухомъ Войцекъ. Я испугался его лица— поблѣднѣвшее съ остановившимися, расширенными полными ужаса глазами. Луна бросала свѣтъ прямо на него.

«Не видишь? Да вѣдь это ноги торчатъ изъ подъ рогожи. Онъ трупы везетъ. Растрѣлянные.»

Мужикъ беззаботно посвистывилъ на лошаденку. Она еле плелась. А изъ подъ рогожи дѣйствительно торчали ноги, труповъ было нѣсколько. «Фу, чортъ» тяжело и глубоко вздохнулъ Войцекъ.

«Какъ дохлую скотину возятъ. Ну и времена!»

Не знаю почему, но у меня тогда явилась мысль, что Войцекъ будетъ разстрѣлянъ.

Путиловъ сказался больнымъ и мнѣ пришлось дежурить въ комитетѣ въ день открытія Учредительнаго Собранія и исполнять обязанности предсѣдателя. Послѣ пришелъ Путиловъ, но въ должность не вступилъ. Въ комитетѣ все время оставались я и комиссаръ полка Хазовъ. Приходили депутаціи отъ эсъ-эровъ членовъ Учредительнаго Собранія и просили полкъ выступить на защиту народа и собранія. Говорились громкія рѣчи, и дѣлались кѣмъ то подозрительныя попытки вывести полкъ на улицу. Такъ къ намъ нѣсколько разъ звонили, что Семеновскій полкъ уже выступилъ и ведетъ бой съ латышами, а въ Семеновскій сообщали, что Милліонныя казармы окружены тѣми же латышами, а у Кирочныхъ идетъ перестрѣлка съ красногвардейцами и литовцами. Я все время держалъ телефонную связь съ адъютантомъ Семеновскаго полка, и всякій слухъ мы провѣряли. Къ концу дня установили живую связь съ Семеновскимъ и 9-мъ запаснымъ кавалерійскимъ полками, а затѣмъ съ 14 Донскимъ.

Къ вечеру въ комитетъ пришли Котельниковъ и еще одинъ преображенецъ-большевикъ, фамиліи не помню, и начали въ шутливыхъ тонахъ разсказывать о происшедшихъ столкновеніяхъ манифестантовъ съ красногвардейцами.

«И шли то все буржуи, чиновники. Ну и попало.»

«Зачѣмъ врать», рѣзко оборвалъ Котельникова вошедшій Климовъ. Съ нимъ былъ и Аршанскій. «Никакихъ буржуевъ тамъ не было. Мы съ Аршанскимъ все время тамъ были. Народъ, простой русскій народъ и нашу интеллигенцію разстрѣливали. Вотъ ту, которая рабочихъ и народъ просвѣщала. Вотъ кого. На углу Знаменской и Кирочной простую дѣвушку подстрѣлили. Горничная, или работница. За что убили, кому она угрожала? А вы тутъ что говорите? Стыдно сознаться, что своихъ убили. Эхъ, вы . . .»

«Надо же имъ людей морочить. Это имъ приказали.»

«Кто намъ приказалъ?»

«Кто? Смольный.»

«А ты его не слушаешься?»

«Зачѣмъ ему слушаться? Онъ православный.»

Аршанскій вспылилъ: «что? ты намекаешь, что я еврей. Да я еврей, но я свободный еврей, и подошвъ Троцкаго лизать не буду. А вы уже лижете и будете лизать. Вы холопы, рабы, а главное тупые, оболтанные люди. Развѣ вы можете быть иными?»

«Ну, ну потише!»

«Что? Хотите стращать. Не запугаете.»

«Какой храбрый. Не хуже Столыпина.»

Котельниковъ, отшучиваясь, искалъ сочувствія, но сторочниковъ себѣ тогда онъ не нашелъ.

Я слушалъ этотъ споръ и думалъ: вотъ во что вылилась давнишняя мечта всѣхъ нашихъ свободолюбцевъ объ Учредительномъ Собраніи. Толпа, идущая привѣтствовать это собраніе, разстрѣливается не царскими полицейскими, а русскими рабочими и народъ молчитъ и не встаетъ на защиту своихъ избранниковъ. Какая же цѣна этому народу и какое у него можетъ быть будущее?

Путиловъ ушелъ изъ предсѣдателей. По указанію изъ штаба мы провели Войцека. К. по-прежнему настроенъ оптимистически. Еще съ кѣмъ то завязалъ сношенія. Бранитъ Путилова и Филоненко. Я понялъ, что они мѣтаютъ получить денежныя средства отъ одного представителя военной иностранной миссіи. К. даже сказалъ, что противъ Путилова придется принять мѣры. Послѣ я узналъ, что къ Путилову являлось нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ Панютинъ, и угрожая браунингами, заявили, что если онъ будетъ мѣшать дѣлу, то съ нимъ покончатъ. Я начинаю опасаться, что штабъ взялъ не вѣрный курсъ. Рѣшилъ, что буду содѣйствовать дѣйствительно продуманнымъ и разумнымъ мѣрамъ и въ тоже время продолжать свою работу. Я себѣ намѣтилъ планъ дѣйствій. Работа должна сводиться исключительно къ объединенію противниковъ большевизма. При этомъ никакихъ партійныхъ программъ, никакихъ реставраціонныхъ затѣй. Цѣль одна, — если представится возможнымъ, — взять власть въ солдатскія руки и установить порядокъ. На это солдаты могутъ пойти. Имъ не чужда мысль, что пора винтовки для себя использовать. Практически я предлагалъ установить связь между полками и создать объединенный органъ изъ представителей полковъ съ постояннымъ предсѣдателемъ. Этотъ объединенный органъ — войсковой комитетъ — и взялъ бы власть въ свои руки, еслибы удалось. Съ переходомъ къ нему власти, возстанавливаются временно всѣ министерства и учрежденія, во главѣ которыхъ назначаются временно-управляющіе изъ болѣе дѣятельныхъ служащихъ. Общественныя организаціи обязательно запрашиваются о всѣхъ кандидатахъ на мѣста управляющихъ министерствами. Самъ же войсковой комитетъ остается лишь органомъ наблюдающимъ и охраняющимъ порядокъ. Его роль намъ казалась лишь временной. Въ душѣ мы думали, что логически придемъ къ военной диктатурѣ, хотя бы даже только скрытой. Кто будетъ диктаторомъ — мы вопроса не поднимали, но всетаки имѣли въ виду два имени изъ военной среды, зарекомендовавшихъ себя какъ во время войны, такъ и въ періодъ развала арміи твердостью характера и государственнымъ чутьемъ.

Въ общемъ это были забавныя мечты, но только этимъ путемъ можно было заинтересовать солдатъ и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые выплыли на верхъ, достигли офицерскихъ чиновъ и другихъ званій.

Скоро завязались сношенія почти со всѣми полками и комитетъ сорганизовался. Въ него вошли пока представители полковъ нашего, Семеновскаго, Финляндскаго, Волынскаго, Петербургскаго и Московскаго. Въ предсѣдатели попалъ я. Собираться было рѣшено разъ въ недѣлю по средамъ у насъ на Милліонной.

Штабъ предлагаетъ сдѣлать: провести Ш. въ помощники командира полка и уговорить преображенцевъ встрѣтить на Николаевскомъ вокзалѣ Патріарха. Это необходимо для полученія денежныхъ средствъ. «Ш. провести — это пустяки», по мнѣнію К., «его преображенцы любятъ.» Онъ съ восторгомъ разсказываетъ, какъ Ш. умѣетъ подтягивать. На дняхъ онъ встрѣтилъ преображенца въ растегнутой шинели, остановилъ, распекъ, а затѣмъ расцѣловалъ. Солдатъ смутился, сейчасъ же привелъ себя въ порядокъ и вытянулся.

Все это, конечно, очень хорошо. Но насколько я успѣлъ подмѣтить, популярность Ш. особенная. Преображенцы его дѣйствительно любятъ, вспоминаютъ, какимъ онъ былъ хорошимъ командиромъ, какъ ругался, но какъ то шутливо, улыбаясь любятъ. А вотъ пойти съ нимъ противъ большевиковъ — это еще для нихъ большой вопросъ. Въ глазахъ ихъ онъ всетаки старорежимецъ. А полнаго возврата къ старому они не хотятъ.

Рѣшили объединяться. Сегодня Ш. обѣдаетъ у Донона въ кабинетѣ No. 17 съ Лисовымъ, Плутенко, Войцекомъ и др., и затѣмъ устраиваемъ кутежъ всѣмъ прапорщикамъ. Въ кабинетѣ дѣло сошло прекрасно: всѣ обѣщали поддержку въ проведеніи Ш. въ помощники командира полка. Относительно же встрѣчи Патріарха было условлено — уговорить преображенцевъ его встрѣтить, но безъ оружія. Къ счастью Патріархъ не пріѣхалъ.

Январь—мартъ 1918 года

Попойкой для прапорщиковъ распоряжался Лисовъ. Устроена она была въ собраніи на Милліонной. Изъ кадровыхъ офицеровъ никого не было.

Застольныя пѣсни, воспоминанія о быломъ, о побѣдахъ Преображенскаго полка настроили всѣхъ патріотично. Вспоминали посѣщенія государемъ полка, его любовь и привязанность къ нему. И чувствовалось, вотъ, вотъ сорвутся слова о желаніи отдать свои силы для возстановленія старой славы. Но нѣтъ, что-то недосказанное чувствовалось въ словахъ этихъ людей, какая то скрытая боязнь. Можетъ быть, боязнь потерять достигнутое. Вотъ они бывшіе солдаты сидятъ въ собраніи, куда раньше не смѣли входить. Сидятъ въ этой стильной билліардной, гдѣ бывалъ государь. Сидятъ, пьютъ спиртъ, запихиваютъ въ ротъ пальцами закуски и при случаѣ рыгаютъ. А вѣдь все герои, рѣдкіе народные самородки. Новые люди!

Я вспомнилъ прежнее изящество, лоскъ и красоту, здѣсь царившія. Какъ понятно брезгливое негодованіе кадровыхъ. А безъ этихъ новыхъ людей ничего не сдѣлаешь. Тогда то въ этотъ вечеръ я понялъ, чего они боятся. Лисовъ мнѣ разъяснилъ.

Подъ конецъ пирушки онъ разоткровеничался. Сталъ вспоминать свое прошлое.

«Знаешь, когда я больше всего болѣлъ душой? Вотъ, когда меня государь сдѣлалъ пропорщикомъ. Отъ своихъ то я отсталъ, а туда не приняли. Бывало послѣ парада гг. офицеры къ себѣ въ собраніе, солдаты въ казармы. А я куда? Такъ и не знаю. Обидно было. А разъ! Ты знаешь капитана Н. Ты вѣдь давно въ дружбѣ съ нимъ. Такъ вотъ онъ и поручикъ Ч. какъ то звонятъ ко мнѣ въ Красное, что пріѣдутъ. Я былъ дежурнымъ. Я для нихъ завтракъ приготовилъ, вышелъ встрѣтить. Н. то мнѣ руку подалъ, а Ч. нѣтъ. Я такъ и остался съ протянутой рукой. При солдатахъ это. Такъ вѣришь ли? Я ночью плакалъ, какъ ребенокъ. Я? Ты видишь, я какой?»

Онъ ударилъ въ свою могучую грудь.

«Я, который ничего не боялся. Спроси солдатъ. Руку въ бояхъ потерялъ. Готовъ эту послѣднюю отдать. Но чтобы Ч. не было. А думаешь, это будетъ? Переродятся они? Поймутъ насъ, подойдутъ къ намъ? Вотъ теперь? Ты думаешь, я и вотъ всѣ они пойдемъ за рыжимъ? Онъ тогда намъ — мнѣ, Плутенко, Войцеку обѣщалъ . . . тамъ въ кабинетѣ полковничьи чины. Дадутъ? Не вѣримъ. Да и кто дастъ? Да если и дадутъ, то все же я Лисовымъ останусь, и чувствовать это придется. О! чувствовать они умѣютъ давать. Такъ за что же мы пойдемъ? Еслибы мы повѣрили, что старому конецъ. Да, тогда. А то можетъ, и изъ квартиръ казенныхъ выгонятъ и опять въ черное тѣло.»

Я его успокаивалъ, увѣряя, что о поворотѣ къ старому никто не думаетъ. Но онъ видимо мало мнѣ довѣрялъ.

Но все таки какъ же разсѣять эти опасенія — этотъ вопросъ все время меня занималъ. Ясно, что К. и другимъ нужно на время забыть выдвигать себя впередъ на несуществующіе еще посты, а давать дорогу Лисовымъ. Самимъ же оставаться въ роли

совѣтчиковъ и незамѣтныхъ руководителей. Хитрость и осторожность должны быть на первомъ планѣ. А потомъ — будущее покажетъ, что дальше дѣлать.

Разрывъ Брестскихъ переговоровъ и новое наступленіе нѣмцевъ. Проходя по Невскому въ казармы, я встрѣтилъ у Казанскаго собора офицера съ кокардой и шпорами, продающаго газеты. Позвякивая шпорами онъ выкрикивалъ: «движеніе нѣмцевъ на Петроградъ.» Помнится, добавлялъ даже слово: «успѣшное». Весело, бодро такъ покрикивалъ. А у казармъ плачущая русская простая женщина. «Зачѣмъ моего взяли? Онъ не на учетѣ. А взяли. А кто на учетѣ, тѣхъ не взяли», причитывала она. «Да онъ самъ записался.» «Да, когда разстрѣломъ грозили.» «Ну, плачь, плачь. Ничего. Поплачешь и пройдетъ.»

Кто же правъ — офицеръ съ кокардой и шпорами или этотъ красноармеецъ - доброволецъ? Кому изъ нихъ исторія и грядущія поколѣнія поставятъ плюсъ и минусъ?

У насъ въ помѣщеніи четвертой роты большевики открыли вербовочный пунктъ для красной арміи. Поступаетъ все молодежь. Ее одѣваютъ и необученной посылаютъ на фронтъ. Какіе же они защитники Россіи? Прямо жаль ихъ.

Вотъ они идутъ, какъ ни какъ на защиту страны, а интеллигенція (не вся конечно) ждетъ съ нетерпѣніемъ прихода нѣмцевъ. Мой сослуживецъ по сенату, баронъ К. какъ-то сообщилъ мнѣ, какъ самую радостную вѣсть, что нѣмецкая оккупація Петербурга рѣшена и что нѣмцы первымъ долгомъ обязательно возстановятъ сенатъ. Злорадничали также и нѣкоторые офицеры: «Теперь попробуютъ нѣмецкой палки. Будутъ подъ каблукомъ оберъ-лейтенантовъ.» Что это? Я отказываюсь понимать. Временное затменіе, или послѣдняя степень вырожденія.

Слухи о быстромъ продвиженіи нѣмцевъ ростутъ. Сегодня ночью какой то большевикъ пріѣхалъ на автомобилѣ изъ Пскова и клялся, что Псковъ занятъ горсточкой нѣмцевъ. «Одна рота преображенцевъ и ихъ бы прогнали. Красная же армія бѣжитъ.»

Я разбудилъ девятую роту, говорилъ имъ о положеніи вещей, но ихъ это мало тронуло.

Пріѣзжалъ Подвойскій, уговаривалъ преображенцевъ выступить. Сейчасъ вызываетъ къ себѣ командира полка, комиссара и предсѣдателя комитета.

Онъ просилъ насъ откровенно сказать: выступитъ ли полкъ?

«Весь нѣтъ, но если бы вы позволили намъ образовать отрядъ изъ добровольцевъ и демобилизовать уставшихъ отъ войны, то мы бы быстро вамъ дали боевую единицу.»

«Разрѣшаю, дѣйствуйте.»

И когда уходили, онъ вышелъ за нами изъ кабинета и, еще разъ насъ удержавъ, сказалъ: «я увѣренъ, что Преображенскій полкъ впишетъ въ свою исторію еще одну блестящую страницу. Когда я у васъ вчера былъ и увидѣлъ стѣны учебнаго зала, всѣ увѣшанныя знаками былыхъ побѣдъ и походовъ, я былъ подавленъ величіемъ полка и въ тоже время восхищенъ. Да, такъ . . .»

Онъ еще разъ простился и когда пожималъ руку Ш. неожиданно проговорилъ: «вамъ, полковникъ, я хочу предложить отвѣтственное назначеніе.»

Ш. смутился отъ этого неожиданнаго предложенія и самой формы обращенія.

Я вмѣшался: «Нѣтъ, товарищъ народный комиссаръ. Ужъ если полку суждено будетъ выступить, то мы не отдадимъ вамъ нашего командира. Полкъ пойдетъ только съ нимъ.»

«Ну хорошо, хорошо.»

Ш. благодарилъ меня. Мы всѣ трое, несясь на нашей лошади въ казармы, ликовали. Теперь, такъ сказать, на законномъ основаніи будемъ вышибать изъ полка нежелательный элементъ и принимать своихъ.

Въ комитетѣ я нашелъ боевой приказъ о томъ, что нашъ, Семеновскій, Волынскій и Гренадерскій полки должны сегодня же къ 8 часамъ вечера прибыть на Балтійскій вокзалъ и погрузиться. Посадка для остальныхъ полковъ была назначена на Вар-

шавскомъ вакзалѣ. Приказъ былъ подписанъ Еремѣевымъ. И тутъ же другой приказъ, подписанный Юреневымъ, о немедленной демобилизаціи полка. Рѣшили собрать комитетъ. Засѣданіе было назначено въ 6 часовъ. До этого времени нужно было опросить другіе полки, куда и были командированы члены комитета. Самъ я пошелъ въ штабъ командующаго округомъ. Тамъ я засталъ какихъ то двухъ товарищей и передалъ имъ, что въ 8 ч. не можетъ быть произведена посадка полка. Показалъ два противорѣчивыхъ приказа.

«Чортъ знаетъ что такое. И чего Юреневъ суется. Вы, товарищъ, слушайтесь нашихъ приказовъ. А мы уже съ Юреневымъ раздѣлаемся. Хоть нѣсколько преображенцевъ пусть выступитъ. За ними другіе пойдутъ. Лишь бы только можно было слухъ пустить, что вы выступаете.»

Дорогой на Кирочную я обдумалъ положеніе и пришелъ къ выводу, что нужно уговорить полкъ выступить. Натиска нѣмцевъ, конечно, не остановимъ, да мнѣ почему то казалось, что они на Петербургъ и не пойдутъ. Зачѣмъ имъ лѣзть сюда? Выведя нашъ и другіе полки изъ Петербурга, можно будетъ отвести ихъ въ другое мѣсто, напримѣръ, въ Вологду и тамъ еще болѣе объединиться и столковаться. Было одно для меня ясно, что если мы не выступимъ и нѣмцы столкуются съ большевиками, насъ демобилизуютъ. Въ душѣ я надѣялся на Лисова и рѣшилъ съ нимъ тотчасъ же поговорить, но къ сожалѣнію опоздалъ: засѣданіе уже началось и мнѣ сразу пришлось выступить съ докладомъ, и не зная, о чемъ тутъ говорилось до меня, я началъ съ призыва выступить на фронтъ. Какъ я ни старался, но по лицамъ видѣлъ, что слова мои никакого впечатлѣнія не производятъ. Я видѣлъ тупые, недоумѣвающіе взгляды, а по временамъ даже враждебные. Нѣкоторые же сидѣли, опустивъ головы, словно имъ было стыдно за меня. «Что то тутъ было», мелькнуло у меня въ головѣ. Оборвалъ свою рѣчь призывомъ. И ни одного хлопка. Провалъ былъ полный.

«Чортъ возьми», думалъ я, «вѣдь долженъ же быть кто-нибудь за меня. Вѣдь я же звалъ на фронтъ! Значитъ игралъ въ руку большевикамъ. И никто не поддержалъ.»

Потомъ то я все узналъ и понялъ. Оказывается, только что предъ моимъ приходомъ выступалъ командиръ полка и заявилъ, что при настоящихъ условіяхъ состоянія полка, онъ считалъ бы для себя тягчайшимъ преступленіемъ вести его на фронтъ. А ему вѣрили и его любили. Конечно, я долженъ былъ провалиться. Я потомъ передалъ свои планы Лисову и Ш., и мы стали готовиться къ выступленію.

Пришлось пережить нѣсколько отвратительныхъ минутъ. Въ послѣднее время, хотя я еще числился предсѣдателемъ ротнаго комитета, въ ротѣ почти не бывалъ. И вотъ за это время большевистски настроенный Смородиновъ, часто бывавшій въ Смольномъ, такъ какъ состоялъ депутатомъ совѣта, успѣлъ вооружить противъ меня нѣкоторыхъ солдатъ. Онъ имъ внушилъ, что я человѣкъ подозрительный по своимъ убѣжденіямъ. «Зачѣмъ онъ пошелъ въ полкъ?» — спративалъ Смородиновъ — «ему 43 года, чиновникъ, никто его не тянулъ, а онъ пошелъ. Теперь къ власти пробрался и вершитъ дѣлами.» Обо всемъ этомъ меня предупредили. Я явился въ роту, созвалъ общее собраніе и прямо обратился къ Смородинову: «Ну въ чемъ же я виноватъ?» Онъ обрушился на меня съ цѣлымъ рядомъ обвиненій. Тутъ было и про подозрительное поступленіе въ полкъ, про стремленіе къ власти, про мое поведеніе во время столкновенія съ красногвардейцами, про исторію съ карауломъ въ редакціи «Сѣрая Шинель» и еще что-то. Во всемъ этомъ виноватъ только я. Онъ оралъ на меня, злобно выпучивъ глаза и сжимая кулаки. Кажется, стой я около него, онъ ударилъ бы меня, но я былъ высоко, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, т. е., на нарахъ третьяго взвода и съ увѣсистымъ звонкомъ въ рукѣ.

Я слушалъ его, оглядывалъ собравшихся и не видѣлъ ни одного сочувствующаго взгляда. Всѣ были противъ. Даже Сухихъ, Шутровичъ, Лукьяновъ, Борисовъ старались не смотрѣть на меня и опускали глаза, когда я оборачивался въ ихъ сторону. Я рѣшилъ разомъ все кончить. Уловивъ моментъ, когда Смородиновъ утомился и сдѣлалъ передышку, я крикнулъ: «Къ власти я не стремился. Это ложь. Четвертый

взводъ долженъ подтвердить, что я два раза отказывался баллотироваться въ комитетъ. Въ товарищи предсѣдателя полковаго комитета я пошелъ по просьбѣ пулеметчиковъ. Они это должны подтвердить. И разъ вы всѣ теперь не хотите, чтобы я былъ въ комитетѣ у васъ предсѣдателемъ, то я отказываюсь отъ этой чести и ухожу. Объявляю засѣданіе закрытымъ.»

Взялъ предсѣдательскій колокольчикъ, спустился съ наръ и быстро вышелъ изъ казармы. Мнѣ что-то вслѣдъ кричали, но я не повернулся и не остановился.

Конечно, я былъ обезкураженъ и подавленъ.

Что же! Значитъ, я ошибся въ солдатахъ. Это сѣрыя, неблагодарныя скотины, продавшіе за сѣмечки родину и свободу. Значитъ всѣ, кто меня отговаривалъ отъ поступленія въ полкъ, правы?

Я переживалъ отвратительныя минуты . . .

Я на Невскомъ. Смѣшался съ толпой. Повстрѣчались знакомые. Беззаботное, веселое настроеніе. Оказывается, получены достовѣрныя свѣдѣнія, что нѣмцы все-таки оккупируютъ Петербургъ. Это одно изъ условій мирнаго договора. Большевики, конечно, это скрываютъ. Петербургъ будетъ объявленъ вольнымъ городомъ. Ну, а остальная Россія? Это, повидимому, не такъ интересно. Лишь бы Петербургъ зажилъ прежнею жизнью.

Зашелъ въ кафе къ Ольгѣ Павловнѣ. Торговля идетъ во-всю. Она сіяетъ и также весело болтаетъ, кокетничая своими непринужденно-изящными жестами и изгибами. Оказывается — поступила въ комиссаріатъ соціальнаго обезпеченія и какія-то тамъ реформы проводитъ. Она теперь этимъ также гордится, какъ знакомствомъ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Павловичемъ.

Неунывающіе люди. Неунывающій городъ. Невскій полонъ. Тамъ вдали догораетъ весенній закатъ. На дома и улицы падаютъ первыя тѣни. Замигали и разгорѣлись гирлянды огней. И еще наряднѣй сталъ городъ. Неужели ему суждено жалкое будущее? Мерзость запустѣнія и гибель всей этой вѣковой красоты? Вотъ куда доскакалъ твой огненный конь, Великій Петръ! Какими геніальными представились мнѣ эти два памятника! Тутъ вся исторія Императорской Россіи. На площади у Сената молодая, только что воспрянувшая страна. Куда она устремится? Какую красоту и мощь выявитъ? А тамъ въ концѣ Невскаго тоже Россія — но уже другая, перенесшая полицейскій режимъ. Она еще сильна, черноземно-могуча и сдерживаемая сильной рукой, застыла въ упрямой, тупой позѣ. Куда она шагнетъ своей лапищей, если ослабнутъ или лопнутъ повода? Не раздавитъ ли она на своемъ пути все красивое и разумное и тихо, тяжело, съ животной тупостью пойдетъ къ своему безславному концу?

«Народъ — богоносецъ!» «Великій страстотерпецъ!» Гдѣ же онъ?

Да, въ этотъ мартовскій вечеръ я переживалъ отвратительныя минуты. Мнѣ казалось, что я все потерялъ, что будущее стало безпросвѣтнымъ. Осталось лишь одно — въ нищетѣ и безправіи доживать свои дни. Говорилъ себѣ: «Вѣдь я никогда, ни-разу еще не чувствовалъ себя свободнымъ гражданиномъ, обладающимъ суммой неприкосновенныхъ правъ. Ни разу!»

Что же намъ остается русскимъ, намъ, желающимъ мыслить и работать? Терпѣть, еще смиряться и находить утѣшеніе въ думахъ о суетности всего земного? Убѣждать себя, что эта жизнь временна, что міръ лишь квартира, и стоитъ ли ее устраивать, отдавать этому всѣ свои силы и помыслы. Не суета ли это? Не пошлое ли мѣщанство, котораго мы всѣ такъ боялись. Идеи, идеи на первомъ планѣ. Мечты и устремленія.

Я въ Казанскомъ соборѣ. Смотрю — кругомъ все упавшіе на колѣни люди. Крѣпко, крѣпко прижимаютъ пальцы къ своему челу, словно хотятъ вспомнить все, не забыть излить всѣ скорби, накопившіяся въ измученной душѣ.

«Азъ рекъ. Господи, услыши мя . . .» Нѣжно молится хоръ.

Ахъ, сколько мольбы и слезъ въ этихъ устремленныхъ въ золотую высь глазахъ. Какъ изстрадалась русская душа!

Боже! Неужели Ты не услышишь ихъ?

«Господи, къ Тебѣ прибѣгохъ, научи мя творити Болю Твою . . .»

И это послѣднее желаніе русской души. А какже этотъ безграничный идеалъ: «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.» «Будьте сынами Божіими.» Это оказалось не по плечу бѣдному человѣку.

И онъ — жертва вечерняя, «агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра», онъ завѣщалъ такой идеалъ.

Я вспомнилъ слова Римскаго проконсула: «Его никто не видѣлъ смѣющимся, но часто плачущимъ. Онъ съ длинными вьющимися волосами цвѣта каштана и грустнымъ взоромъ.»

Спаситель міра! Какая великая жертва. Какія неизмѣримыя страданія.

«Отецъ мой, да минуетъ меня чаша сія, если же нѣтъ, то да будетъ Твоя Боля, а не моя.»

Кровавый потъ струился по его лицу. Онъ вернулся къ своимъ излюбленнымъ ученикамъ. А они спали.

Принести себя въ жертву за грѣхи всего міра!

Смотрю на это пригвожденное ко кресту тѣло, съ упавшей на грудь головой, и ужасная мысль сверлитъ мой мозгъ: «Неужели ты не былъ? Неужели только мифъ?»

Какой ужасъ! Какая осиротѣлая жизнь! Какъ несчастны, безгранично жалки эти молящіеся люди. Мнѣ стало холодно. Я испуганно оглянулся. Служба кончалась, издалека слышалось невнятное торопливое чтеніе. Народъ началъ расходиться. Уже гасли огни. Только предъ распятымъ Богомъ еще горѣлъ лѣсокъ чистенькихъ, бѣленькихъ стволиковъ. Они ласково, несмѣло мигали и тянулись своими огоньками въ высь, тоже моля творца міра о дарованіи милости всѣмъ плачущимъ и обиженнымъ и примиреніи всякой душѣ скорбящей и озлобленной.

Тревожно спалъ эту ночь. Вѣрнѣе, я не спалъ: забывался на мигъ и тотчасъ просыпался отъ какой то гнетущей тоски и сразу же вставалъ мучительный вопросъ: что случилось?

Ахъ, да эта сцена въ ротѣ . . . Силился успокоиться. Зажегъ электричество. Хотѣлъ читать. Нѣтъ, отъ себя вѣрно не уйдешь. Только подъ утро заснулъ. Все плавалъ по какимъ то невѣдомымъ, безбрежнымъ морямъ. Искалъ чего то. Потомъ видѣлъ нашу лошадь. Мы ее дѣтьми «Гнѣдухой» звали. Подходила ко мнѣ, скалила зубы и все хотѣла куда то меня тащить. Проснулся успокоеннымъ. Странно, я нѣсколько разъ замѣчалъ, что «Гнѣдуха» мнѣ часто снится предъ перемѣнами въ моей жизни. Увидѣлъ ее и успокоился. Смѣшно, а это было такъ.

Въ роту пришелъ рано, до молитвы и повѣрки. Вошелъ и въ темнотѣ корридора кто-то около меня шмыгнулъ. Еще. Родилась испуганная мысль — не бить ли хотятъ. Невольно опустилъ руку въ карманъ, гдѣ лежалъ револьверъ. Но нѣтъ, слышу несмѣлое привѣтствіе. Здороваются . . . Лукьяновъ, Сухихъ. Они идутъ со мной рядомъ. Другіе подходятъ.

Ну, значитъ, одумались.

Просятъ собрать роту.

«Да я же не предсѣдатель.»

«Ну, зачѣмъ же! Мы всѣ просимъ остаться. Это Павлушка вчера наерундилъ. Дикій онъ. Ему и досталось за это отъ пулеметчиковъ.»

Рота собралась. Смородиновъ конфузливо молчалъ. Пришли изъ пулеметной команды и сразу все повернулось. Смородинову еще разъ пришлось выслушать много рѣзкихъ и непріятныхъ словъ. Онъ несмѣло оправдывался, почти извинялся за вчерашнее. Я все же предложилъ переизбрать комитетъ. Подавляющимъ большинствомъ былъ преизбранъ старый и я остался предсѣдателемъ.

Нашъ штабъ заработалъ во-всю. «Теперь мы вольемъ въ полкъ надежныхъ бѣлогвардейцевъ», воскликнулъ Ш. И стали вливать. Пополненія шли главнымъ образомъ въ нашу роту и во 2-ую, къ Войцеку. Условными знаками, по которымъ

мы могли узнать посланныхъ вербовщиками штаба, были перо и скрипичный ключъ. Показалъ человѣкъ перо, или нарисовалъ ключъ — значитъ, нашъ. Пріемъ шелъ успѣшно. Начались строевыя занятія. По корридору 10 роты маршировали, щелкали затворами и стучали прикладами. Однимъ словомъ готовились къ выступленію. А этажомъ выше работали вербовщики красной арміи. И оттуда забѣгали посмотрѣть, что дѣлается въ 10 ротѣ. Стали ходить слухи, что затѣвается бѣлогвардейская организація. Главнымъ доводомъ служило указаніе на то, что обучаютъ пріему: на караулъ. Раза два въ комитетъ забѣгали Черновъ и Грибасъ — наши большевики и организаторы красной арміи.

«Что это, товарищъ, у васъ организуется?» Я объяснилъ.

«А почему же учатъ пріему: смирно, на-караулъ?»

«Развѣ?»

«Мы сами видѣли!»

«А скажите: этотъ пріемъ запрещенъ? А какъ-же встрѣчать народнаго комиссара по военнымъ дѣламъ, или главнокомандующаго?»

«Только не командой: смирно, на-караулъ. Это старый режимъ.»

По уходѣ ихъ я сейчасъ же написалъ докладъ Подвойскому, что вотъ тогда то вы разрѣшили формировать добровольческій отрядъ для выступленія на фронтъ. Нынѣ отрядъ этотъ сформированъ, а потому ждемъ вашихъ дальнѣйшихъ указаній. Докладъ отвезъ полковой комиссаръ Плутенко. Онъ былъ возвращенъ съ резолюціей Подвойскаго: «Отрядъ немедленно расформировать, какъ неудовлетворяющій требованіямъ, предъявляемымъ къ соціалистической арміи.» Намъ только этого и нужно было. Теперь онъ письменно удостовѣрилъ, что отрядъ формировался по его приказанію. Этотъ документъ я взялъ себѣ и спряталъ за голенище.

Распустить мы отрядъ не распустили, а только прекратили строевыя занятія. Принимать добровольцевъ продолжали.

Мои опасенія сбылись. Съ исчезновеніемъ опасности нѣмецкаго наступленія, началась наша ликвидація. Получили предписаніе очистить Милліонныя казармы и передать ихъ особой комиссіи. Постановили очистить пока еще одинъ корридоръ для нуждъ красной арміи. Солдаты уходить не хотятъ и было уже столкновеніе съ красноармейцами. По этому поводу Лисова и меня вызывалъ Подвойскій. Мы увѣрили его, что дѣлается все, чтобы уговорить солдатъ перейти въ Кирочныя казармы. Подвойскій далъ три дня сроку.

Становится все тревожнѣе. Черновъ и компанія устроили общее собраніе и хотѣли вынести порицаніе комитету за саботажъ въ дѣлѣ очищенія казармъ. На комитетъ лили помои, даже намекали на прошлое Войцека. Мнѣ пришлось отдуваться за всѣхъ. Меня спасали и поддерживали фельдфебель А. Н. Лебедевъ и Маслягинъ. Послѣдній сказалъ горячую и рѣзкую рѣчь, полную нападокъ на совѣтскую власть. Онъ говорилъ, что никакихъ перемѣнъ для народа нѣтъ, что встали лишь другіе люди у власти, а мы по-прежнему безъ правъ. У царя была гвардія, у Керенскаго бабьи батальоны и юнкера, у Ленина и Троцкаго красногвардейцы. А мы опять въ черномъ тѣлѣ. Солдаты ему неистово аплодировали. Представитель изъ Смольнаго заинтересовался Маслягинымъ и дивился, что онъ состоитъ членомъ совѣта солдатскихъ, крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ. Лебедевъ и Маслягинъ спасли комитетъ и предложеніе о порицаніи было провалено.

Войцекъ ушелъ изъ предсѣдателей и комитета. Пришлось мнѣ принять предсѣдательствованіе, хотя я искренно отказывался отъ баллотировки.

Опять пріѣзжалъ Подвойскій и снова вопросъ объ очищеніи казармъ. Пока я съ нимъ объяснялся, Сѣмашко и еще одинъ какой-то большевикъ съ испитымъ лицомъ и безцвѣтными воспаленными глазами все время цѣдили сквозь зубы: «нужно рѣши-

тельнѣй дѣйствовать. Разстрѣлять нѣкоторыхъ для примѣра, дѣло сразу наладится.» Подвойскій укоризненно качалъ головой и успокаивалъ ярыхъ своихъ сотрудниковъ. Въ концѣ объясненій я предложилъ: «Я не могу рѣзко идти противъ воли солдатъ. Власти никакой надъ ними не имѣю. Вотъ гораздо было бы лучше, если бы въ предсѣдатели комитета согласился пойти товарищъ Черновъ.»

«А въ самомъ дѣлѣ! Это идея.»

Черновъ отказывался, ссылаясь на обиліе работы по формированію красной арміи. Я его увѣрялъ, что комитетъ немного у него отниметъ времени. Ему придется давать лишь общія руководящія указанія, а всю работу буду нести я.

«Нѣтъ, вы не имѣете права отказываться» — рѣшительно заявилъ Подвойскій.

Черновъ согласился.

Теперь мнѣ оставалось только уговорить членовъ комитета подать за него голоса. Это было не такъ легко. Его презирали солдаты за трусость и ничтожество. Я объяснилъ, почему это нужно сдѣлать. Онъ будетъ лишь фирмой, фактически ему ничего не удастся провести, такъ какъ руководителями дѣла останемся мы. И для солдатъ будетъ ясно, кто ихъ врагъ. Кое-какъ убѣдилъ. Черновъ прошелъ двумя голосами. Непосвященные изумлялись — и негодовали.

Черновъ явился въ комитетъ. Прицѣпилъ какую то кавказскую шашку и надѣлъ огромную папаху. Солдаты переглядывались и улыбались. Попробовалъ предсѣдательствовать, но несовсѣмъ удачно. Бѣдный совсѣмъ не можетъ формулировать, да къ тому же еще заикается.

Сославшись, что ему нужно въ Смольный, онъ скоро покинулъ засѣданіе комитета. Я увѣренъ, что онъ больше не явится.

Ш. набросился на меня изъ-за Чернова. Увѣряетъ, что это позоръ для Преображенскаго полка, что теперь онъ потеряетъ кредитъ во всѣхъ общественныхъ кругахъ. Я объяснялъ ему, почему это сдѣлано, но онъ не придавалъ значенія моимъ указаніямъ и вполнѣ опредѣленно потребовалъ переизбранія. Пришлось согласиться. Было внесено нѣкоторыми ротами предложеніе о переизбраніи всего комитета. Черновъ выставилъ свою кандидатуру по музыкантской командѣ, но не прошелъ. Предсѣдателемъ опять попалъ я. Чувствую, что этими перевыборами мы приближаемъ развязку и что Подвойскій теперь поведетъ рѣзкую аттаку противъ насъ. Я не понималъ политики Ш. Да, если мы готовы и сильны, на разрывъ нужно идти, но вѣдь мы же слабы и не сплочены.

Опять приказъ о демобилизаціи и очищеніи казармъ. Я теряюсь. Штабъ опредѣленныхъ указаній не даетъ. Появился на горизонтѣ Спицынъ. Бѣгаетъ и раскрываетъ контръ-революцію. Всѣ признаки за то, что съ нами расправятся. Въ комитетѣ трется провокаторъ Антипинъ. Удивительно, какъ Ш. довѣрчивъ и не умѣетъ разбираться въ людяхъ. Я на сторожѣ и на всѣ попытки Антипина получить свѣдѣнія о нашихъ планахъ дѣлаю безсмысленно-вопрошающее лицо и обнаруживаю полное незнаніе. Онъ мнѣ нѣсколько разъ скрипичный ключъ рисовалъ и какъ бы невзначай показывалъ лампасъ донского казака, а я все недоумѣваю. Онъ, кажется, начинаетъ убѣждаться, что я не въ курсѣ дѣла.

На послѣднихъ собраніяхъ представителей полковъ мы все ставили и обсуждали вопросъ — какъ отнестись къ попыткамъ упраздненія старыхъ полковъ. Представители должны были изучить настроенія солдатъ и ихъ отношеніе къ этой мѣрѣ.

Сегодня вопросъ этотъ долженъ получить полное освѣщеніе. Собрались всѣ представители. Явились даже два матроса съ крейсеровъ «Діана» и «Аврора». Были приняты два рѣшенія: требовать сохраненія гвардейскихъ полковъ и дать винтовки той части Волынскаго полка, которая отказалась войти въ составъ V совѣтскаго полка и была разоружена. Отвезти винтовки поручено было Кононову при содѣйствіи

командира перваго батальона Путилова. При провозѣ винтовокъ произошло столкновеніе съ красноармейцами и каша заварилась. Меня всю ночь разыскивалъ Спицынъ. Звонилъ, оказывается, на квартиру, въ которой я жилъ, но такъ какъ квартира принадлежала не мнѣ, то на его вопросъ — это квартира предсѣдателя комитета — ему естественно отвѣтила прислуга, что нѣтъ. Такъ онъ ничего и не добился. Прибѣгалъ въ комитетъ, тамъ меня искалъ. А я черезъ комнату отъ комитета спалъ на писарскомъ столѣ.

Сегодня во время обѣда въ нашей столовой я былъ арестованъ какимъ то матросомъ по ордеру чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей и спекуляціей. Когда меня туда отправляли, ко мнѣ все время приставалъ Антипинъ и шепталъ: «нѣтъ ли у васъ что-нибудь спрятать и передать.»

Дуракъ. Уже тотъ фактъ, что матросы и Спицынъ позволили ему увиваться около меня, въ то время какъ другихъ удаляли, долженъ былъ сказать, что провокаторская его роль слишкомъ ясна.

Я рѣзко ему отвѣтилъ: «спасибо; пожалуйста оставьте меня. Прятать мнѣ нечего, передавать тоже. Думаю, что меня сегодня же освободятъ.»

«Вотъ какъ» — растерянно онъ протянулъ. Просидѣлъ я до вечера въ столовой градоначальника. Самымъ непріятнымъ былъ моментъ, когда служащіе чрезвычайки блины ѣли. Часамъ къ 5 или 6 явилась депутація преображенцевъ во главѣ съ командиромъ полка и просила допустить ее къ Урицкому. Его не было и имъ пришлось говорить съ его секретаремъ. Онъ сказалъ, что я обвиняюсь въ принадлежности къ контръ-революціонной организаціи, и если обвиненіе не подтвердится, то меня выпустятъ.

Въ 10 часу пріѣхалъ Урицкій, снялъ съ меня допросъ, взялъ подписку о неотлучкѣ изъ Петербурга и освободилъ. Домой я не пошелъ, а пробрался въ «Дарьялъ». Тамъ я нашелъ Всеволожскаго, Татищева, Нелидова и Сашу Макарова. Меня напоили, накормили, а главное — я услышалъ старыя пѣсни и музыку.

Ночевать я отправился къ Татищеву. Въ эту ночь разоружили нашу роту.

На другой день (14 марта) меня вновь арестовали въ казармахъ на Милліонной и отправили ночью въ Смольный, гдѣ уже сидѣли наши добровольцы. Черезъ два дня насъ перевели въ Кресты.

Изъ Дневника

баронессы Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ

31 Декабря 1918 г.

Сегодня канунъ Новаго Года, какой печальный для насъ всѣхъ. Въ городѣ страшная паника. Слухи о приближающейся красной арміи встревожили всѣхъ. Изъ имѣній все устремилось въ городъ. Поѣзда одинъ за другимъ уходятъ, увозя несчастныхъ бѣженцевъ. Послѣднія части нѣмецкой оккупаціонной арміи ушли утромъ. Нѣмецкихъ солдатъ почти не видно. Такъ называемая «Желѣзная дивизія» частью тоже ушла, меньшая часть еще вмѣстѣ съ ландверомъ на фронтѣ. Передъ уходомъ нѣмецкихъ частей можно было часто видѣть на улицахъ, какъ нѣмецкіе солдаты продавали свои ружья латышамъ. Пока еше одинъ Балтійскій ландверъ частью на фронтѣ, частью въ городѣ старается поддержать порядокъ. Съ приближеніемъ внѣшняго врага и внутренніе большевики подняли головы. Въ казармахъ взбунтовалась цѣлая латышская часть ландвера. Она была усмирена по требованію англійскаго адмирала Нельсона временнымъ латышскимъ правительствомъ. Разстрѣляно десять зачинщиковъ. Два англійскихъ крейсера еще находятся въ Рижскомъ порту; латышское вр. правительство тоже пока еще въ городѣ. — Въ четыре часа дня появились въ городѣ вездѣ расклеенныя объявленія за подписью адмирала Н. и латышскаго вр. правительства о томъ, что слухи о приближеніи къ Ригѣ цѣлой красной арміи лишены всякаго основанія; тѣ небольшіе отряды, которые замѣчены были въ различныхъ мѣстахъ, суть ничто иное, какъ отдѣльныя разбойничьи банды, которыя частью разсѣяны, частью уничтожены нашими храбрыми добровольцами. Въ заключеніи англійскій адмиралъ обѣщаетъ населенію полную безопасность, ссылаясь на присутствіе англійскихъ кораблей. Населеніе ожило, и многіе, имѣвшіе билеты на пароходы, вернули ихъ или переуступили, рѣшивъ, что, пожалуй, паника преждевременна и, какъ всегда, у страха глаза велики. Я лично думаю, что дни Риги сочтены. Мои belles soeurs со всѣми дѣтьми уже три дня какъ покинули городъ и уѣхали въ Германію, мужья ихъ пока въ ландверѣ. — Мужа въ послѣдніе дни почти не вижу, онъ заваленъ работой. Въ тѣ короткіе промежутки свободнаго отъ занятій времени, когда мы видимся и успѣваемъ другъ другу сказать нѣсколько словъ, я еше больше убѣждаюсь, что Рига будетъ взята большевиками. Къ счастью вопросъ, куда я дѣнусь съ Люшей въ случаѣ ухода мужа съ ландверомъ, вчера благополучно разрѣшился. Предложили мѣсто сестры милосердія къ хирургической больной. Люша останется при мнѣ, а мое жалованье идетъ въ счетъ его содержанія. Семья симпатичная, состоитъ изъ двухъ пожилыхъ, моей больной и ея тетки, и двухъ братьевъ старичковъ С., помѣщиковъ и сосѣдей по имѣнію, живущихъ у нихъ. Такимъ образомъ, я буду въ

семьѣ и одиночество въ чужомъ мнѣ городѣ не будетъ такъ замѣтно. — Вчера произошло еще одно событіе: Б. М. сдѣлалъ Дэзи предложеніе. Они уже давно любятъ другъ друга и теперь, когда Д. овдовѣла, ничто не препятствуетъ ихъ браку. Мать его, обожающая его, какъ старшаго и единственнаго сына, относится къ ихъ браку не сочувственно. Конечно, она желала бы для сына чистокровную нѣмку, Д. же только по матери имѣетъ нѣмецкую кровь, кромѣ того, родилась и воспитана въ Петроградѣ. — Главное, они счастливы, дико счастливы! Несмотря на всѣ просьбы Б., чтобъ она бѣжала съ его матерью за-границу, Д. не согласилась, говоря, что не можетъ оставить своего десятилѣтняго брата и, не имѣя средствъ ѣхать съ нимъ, не желаетъ жить на счетъ его семьи. Б. пришлось покориться. Рѣшено, что она остается сестрою въ частной клиникѣ, гдѣ она и сейчасъ работаетъ. Въ 10 ч. они заѣхали за мною и, несмотря на все мое нежеланье видѣть людей и быть сегодня въ обществѣ, я не могла отказать этой счастливой милой парѣ принять тоже участіе въ встрѣчѣ Новаго Года. — Когда мы пріѣхали въ Hôtel de Rome, было уже довольно поздно и все общество было въ сборѣ. Рѣчь шла, конечно, о событіяхъ послѣднихъ дней, о слухахъ съ фронта. Настроеніе преобладало, какъ это и не удивительно, оптимистическое — можетъ быть, подъ вліяніемъ вина. Мнѣ невольно пришло сравненіе «Пиръ во время чумы». Мать Б. тоже пріѣхала съ дочерью. Мы заняли отдѣльный столикъ, за которымъ, кромѣ насъ всѣхъ, сидѣла еще молодая чета Б. Наша сіяющая счастливая парочка заставила насъ дѣйствительно забыть суровую дѣйствительность. Она была общимъ предметомъ вниманія, и поздравленія и пожеланія сыпались на нее со всѣхъ сторонъ. Все общество поджидало начальника ландвера, который обѣщалъ пріѣхать; отъ него надѣялись узнать, въ какомъ положеніи наши дѣла на фронтѣ. За десять минутъ до полуночи онъ появился въ залѣ въ сопровожденіи начальника штаба и адъютанта. Все общество шумно привѣтствовало его, со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы. «Что на фронтѣ? Справедливы ли слухи о прорывѣ? Дѣйствительно ли уходитъ изъ Риги ландверъ?» — «Я извиняюсь, что опоздалъ», раздался его спокойный голосъ, «дѣлъ много, черезъ четверть часа принужденъ покинуть ваше любезное общество, присутствующихъ здѣсь господъ офицеровъ прошу также прибыть въ штабъ, такъ какъ есть срочные вопросы. Господа, было бы легкомысленно съ моей стороны утверждать, что все обстоитъ великолѣпно. Положеніе серьезно и весьма серьезно; съ нашей стороны дѣлается все, что возможно, но если вы меня спрашиваете совѣта, то я вамъ отвѣчу: береженнаго и Богъ бережетъ. Кто въ состояніи отправить семью въ болѣе безопасное мѣсто, обязанъ это сдѣлать для собственнаго спокойствія и свободы дѣйствій. Относительно ландвера слухи неосновательны. Онъ до конца исполнитъ свой долгъ и, если уйдетъ, то, конечно, послѣднимъ. Господа, не будемъ портить себѣ встрѣчу Новаго Года всевозможными предположеніями ... вотъ, кстати, и вино. Позвольте пожелать всѣмъ здѣсь присутствующимъ благополучнаго Новаго Года». «А ландверу — побѣдъ», раздалось со всѣхъ сторонъ. Онъ особенно сердечно поздравилъ Б. и его невѣсту. Лицо его на минуту совсѣмъ прояснилось, глядя на ихъ счастливыя лица. Послѣ взаимныхъ поздравленій общество разбилось на отдѣльныя группы. Н. В. одна вносила дисгармонію въ нашъ нѣсколько оживившійся кружокъ. Она была очень нервна и мы не узнавали сегодня въ ней обычно беззаботной кокетливой женщины. Она поминутно обращалась къ мужу съ вопросомъ: «что же надо дѣлать, папочка?» «Ахъ, все это не такъ страшно, Ниночка; мнѣ, напримѣръ, гораздо важнѣе обѣщаніе англійскаго адмирала, чѣмъ всѣ совѣты начальника ландвера. Англичане — народъ обстоятельный и, если адмиралъ заявляетъ, что нѣтъ опасности, то повѣрь, что это такъ и есть.» — «Мнѣ кажется, вы придаете слишкомъ большое значеніе обѣщаніямъ англійскаго адмирала, холодно возразилъ Б. Я долженъ

васъ разочаровать: наше славное врем. правительство уже два часа тому назадъ покинуло Ригу, направляясь къ Либавѣ, а англійскіе крейсера стоятъ уже подъ парами и тоже вѣрно не замедлятъ покинуть портъ». — «Простите, но этого не можетъ быть! Вы, какъ нѣмецъ, не любите англичанъ и относитесь къ нимъ пристрастно, но Вы не можете не признать, что это величайшіе политики въ мірѣ.» — «Во-первыхъ, я не вижу, за что я ихъ долженъ любить, — а на счетъ политики, простите, я такую политику уважать не могу». Разговоръ щелъ еще нѣкоторое время на эту тему, когда мать Б. къ общему удовольствію прервала его замѣчаніемъ, что, кажется пора по домамъ. — Начался разъѣздъ. Усадивъ мать и сестру въ сани, Б. проводилъ Д. В. и меня, такъ какъ мы всѣ живемъ въ одномъ домѣ. —

1 Января

Слухи съ фронта очень тревожные: небольшая часть ландвера наскочила на большія силы непріятеля. Есть убитые и очень много раненыхъ, послѣднихъ сейчасъ эвакуируютъ дальше. Улицы запружены обозами, повозками, кухнями, все это тянется по направленію къ Двинѣ. Сегодня ушло нѣсколько пароходовъ съ бѣженцами. Сомнѣнія нѣтъ, Рига обречена! Англійскіе крейсера еще въ порту, — англійскій адмиралъ продолжаетъ обѣщать населенію полную безопасность. И есть еще дураки, которые вѣрятъ! Еще никто не говоритъ объ уходѣ ландвера, но развѣ это не ясно, что не сегодня, завтра она оставитъ городъ! Дорога къ Ригѣ свободна и большевики не замедлятъ явиться. —

Къ пяти часамъ, какъ было вчера условлено, мы собрались къ чаю у Дэзи; въ ея уютныхъ двухъ комнатахъ было все очень мило устроено. Будущая belle mère съ дочерью тоже присутствовала. Кромѣ меня съ мужемъ и четы С. никого больше не было. Еще разъ поздравивъ жениха и невѣсту и выпивъ по бокалу шампанскаго, мы всѣ довольно скоро ушли, предоставивъ ихъ другъ другу, такъ какъ уже черезъ два часа Б. долженъ былъ ѣхать на фронтъ съ какимъ-то порученіемъ. Завтра уѣзжаетъ его мать и сестра за-границу. Рѣшено окончательно, что мы съ Дэзи и дѣтьми остаемся въ Ригѣ. Его мать и не очень настаивала, чтобы Д. съ братомъ уѣхали съ ними, находя, повидимому, это совершенно естественнымъ. Эгоизмъ этихъ людей для меня нѣчто новое!

2 Января

Сегодня ушелъ послѣдній поѣздъ изъ Риги. Съ нимъ уѣхали мать и сестра Б. Мы съ Д. провожали ихъ. Б. удалось ихъ сравнительно хорошо устроить, онѣ могли сидѣть. На вокзалѣ было невообразимое столпотвореніе. Платформа была завалена всякаго рода вещами. Съ трудомъ можно было подвигаться впередъ. Люди буквально давили другъ друга, чтобы попасть въ поѣздъ. Прощанія уѣзжающихъ съ остающимися были душераздирающими. Вотъ съ повязанной головой и рукой на перевязи юный воинъ въ третій разъ поднимается на ступеньки, чтобъ проститься съ поджидающей на платформѣ вагона матерью и каждый разъ принужденъ отступить передъ нажимающей со всѣхъ сторонъ публикой. Такъ имъ, кажется, не удалось проститься. Люди сидѣли, стояли, висѣли на крышѣ, на ступенькахъ, на буферахъ. Какъ они доѣдутъ живыми при 18 гр. мороза — одному Богу извѣстно. Б. простился раньше съ своими и уѣхалъ, торопясь къ своей части. Теперь уже не секретъ, черезъ нѣсколько часовъ ландверъ оставляетъ Ригу, долженъ сдѣлать это поспѣшно, такъ какъ непріятель быстро приближается и можетъ каждую минуту преградить ему путь отступленія. Когда мы съ Д. возвращались съ вокзала, былъ уже второй часъ; пошли пѣшкомъ; шли молча, каждая занятая своими мыслями, и невеселы были эти мысли! Черезъ два часа уйдетъ ландверъ и тогда мы останемся совсѣмъ однѣ въ чужомъ городѣ, среди чужихъ, безразличныхъ людей . . . на произволъ приближающейся дикой

орды . . . Мы зашли за дѣтьми и направились къ Двинѣ, гдѣ уже былъ выстроенъ ландверъ, готовый къ походу. Картина, представившаяся нашимъ глазамъ, была волшебной красоты. Слѣва громадное зданіе семинаріи съ золотымъ куполомъ, рядомъ скверъ, покрытый бѣлымъ пушистымъ инеемъ, какъ сказочный садъ выдѣлялся на ярко-красномъ фонѣ неба, вдоль него тянулась безконечная лента выстроеннаго ландвера. Въ сторонѣ уже стояла довольно большая группа людей, состоящая большею частью изъ матерей и женъ, остающихся въ городѣ и пришедшихъ въ надеждѣ еще разъ, можетъ быть въ послѣдній, увидѣть своихъ дорогихъ. Стоящіе часовые не пропускали за цѣпь, но время отъ времени изъ строя отдѣлялся юный воинъ, замѣтивъ въ группѣ стоявшихъ знакомое дорогое лицо, подбѣгалъ и простившись, быстро возвращался на мѣсто. Нашихъ еще не было видно. Все время непрерывно раздавались взрывы. Очевидно, взрывали остающіеся орудія и пулеметы. Мы стояли уже больше часу. Становилось невыносимо холодно. Недалеко отъ насъ стояла небольшая кучка какихъ-то оборванцевъ, тихо между собою разговаривающихъ и злорадно поглядывающихъ въ нашу сторону. Наши будущія власти, подумала я. Очевидно и Д. непріятно поразила эта кучка людей, она мнѣ кивнула въ ихъ сторону и тихо сказала: «вотъ въ чьей власти мы остаемся». Дѣти начали жаловаться на холодъ. Но вотъ у выхода засуетились. Изъ главнаго зданія быстро вышло начальство, какъ-то торопясь пошло по фронту и, послѣ короткой рѣчи, которую мы разобрать не могли, раздалась команда. Ряды стройно задвигались и двинулись по направленію Торенсберга. Въ послѣдній моментъ уже къ намъ подбѣжали мужъ и Б. и, быстро простившись съ нами и дѣтьми, пошли догонять уходившія части. Это былъ короткій моментъ, гдѣ одинъ взглядъ, одно рукопожатіе сказали больше, чѣмъ самыя краснорѣчивыя слова. Вотъ и послѣдній рядъ завернулъ за уголъ зданія, чрезъ моментъ все скрылось съ нащихъ глазъ. Среди оставшихся плакали. Дэзи взяла меня молча подъ руку; бѣдняга едва сдерживала рыданія, я тоже боролась со слезами. Мы тихо пошли черезъ скверъ. Дѣти, притихшіе и печальные, слѣдовали за нами. — Когда мы проходили мимо стоявшей кучки оборванцевъ, раздались насмѣшливыя замѣчанія: «своихъ Фрицевъ провожали».

10 часовъ вечера

Какое жуткое чувство неизвѣстности! Все время слышны выстрѣлы. Съ улицы доносятся крики и ѣзда. Люша давно спитъ крѣпкимъ сномъ. Счастливый возрастъ! Онъ спитъ въ комнатѣ бар. М. — я рядомъ съ больной. Славная М. — приняла на себя всѣ мои обязанности. Я такъ счастлива, что онъ со мною. Моя больная оказалась симпатичной старушкой. Обоюдное одиночество способствовало скорѣйшему нашему сближенію. Ея обѣ дочери съ мужьями и сынъ съ семьей вчера тоже уѣхали. — Сейчасъ мы всѣ, кромѣ больной, сидимъ въ гостинной. Оба старика бодрятся, заняты раскладываніемъ пасьянса. В. М. по обыкновенію вяжетъ въ углу дивана, а я пишу, вѣрнѣе, сижу и ничего не дѣлаю. Отсутствую, — милліонъ всякихъ мыслей и ничего опредѣленнаго. Горничная Юлія вноситъ чай и прерывающимся голосомъ разсказываетъ, что въ городѣ грабятъ лавки и убиваютъ. Чернь подожгла интендантскіе склады и громитъ ихъ. Я отдернула тяжелую портьеру съ окна. Небо было залито заревомъ пожара. На дворѣ было свѣтло, какъ днемъ. Къ сожалѣнію, наши окна выходили во дворъ и, что происходило на улицѣ, намъ не было видно. Какая ужасная ночь и что ждетъ еще впереди! . . . Когда прислуга убрала посуду и ушла къ себѣ, — мы принялись съ М. убирать все серебро въ огромную кушетку, на которой я спала въ комнатѣ больной. Это была нелегкая работа, пришлось отрывать, а потомъ опять прибивать полотно снизу. Брилліанты и золотыя вещи замотали въ клубки шерсти. Деньги и цѣнныя бумаги тоже искусно спрятали въ центральное

отопленіе. Больная тоже помогала намъ заворачивать вещи въ бумагу. Я рада была этой работѣ; она отвлекала отъ тяжелыхъ гнетущихъ мыслей. Старики тоже не рѣшались ложиться и, сидя въ углу, курили свои трубки, изрѣдка перекидываясь словомъ. Мы только что закончили свою работу, когда вдругъ въ передней раздался слабый звонокъ; всѣ невольно вздрогнули. Я вышла узнать, въ чемъ дѣло. Въ дверяхъ стояла Марихенъ снизу отъ В. (бонна сына). «Ради Бога, баронъ Н. К. проситъ васъ на минуточку внизъ. Зная, что мужъ Н. долженъ былъ тоже уйти съ ландверомъ, несмотря на всю свою вѣру въ англійскаго адмирала и обстоятельность англійскаго народа, я рѣшила, что Н. испугалась навѣрное одиночества и, успокоивъ своихъ стариковъ, которые просили не засиживаться, спустилась внизъ. — Каково было мое удивленіе, столкнувшись въ дверяхъ гостинной съ самимъ хозяиномъ и его другомъ С. Н. еще въ военныхъ пальто и фуражкахъ. «Развѣ ландверъ», начала я, но В. поторопился меня успокоить: «онъ благополучно отбылъ изъ Торенсберга, я въ послѣдній моментъ выскочилъ изъ поѣзда и вернулся назадъ. Мысль, что жена съ ребенкомъ однѣ въ чужомъ городѣ, не давала мнѣ покою». — «Но вѣдь это, безуміе, вы еще больше ухудшаете ея положеніе своимъ присутствіемъ; о Васъ я уже не говорю». — «Да вотъ и онъ, указалъ В. на пріятеля, — тоже вернулся». — «Да, что я, я вернулся за компанію, у меня вѣдь тоже есть жена и сынъ». «Я умру, умру отъ одного страха за Васъ», пищала Н., прижимаясь къ плечу мужа. «Какъ же быть, здѣсь же Вамъ оставаться нельзя, завтра пойдутъ навѣрно обыски». Онъ сказалъ, что они пришли только успокоить жену и, переодѣвшись въ штатское, сейчасъ уйдутъ къ его пріятельницѣ, старушкѣ-сапожницѣ, которая ихъ и укроетъ на время обысковъ. «Будьте милая, баронесса, и выпустите насъ только на улицу, чтобъ въ домѣ никто не видѣлъ». Черезъ десять минутъ они были готовы и я ихъ благополучно выпустила. Улица была полна бѣгущаго народа: мужчины, женщины, дѣти тащили на саняхъ и на плечахъ ящики, мѣшки, кули, очевидно награбленные въ горѣвшихъ складахъ. Зарево пожара освѣщало какимъ-то зловѣщимъ краснымъ свѣтомъ эту необычайную ночную картину. Подождавъ, пока они благополучно перебрались на другую сторону, я едва успѣла закрыть дверь, какъ изъ швейцарской выглянула швейцариха и, увидавъ меня, вышла изъ своего подполья: «Боже, откуда Вы такъ поздно, сестрица, въ такую ночь-то? Видѣли объявленіе у нашихъ воротъ. Смерть нѣмцамъ, измѣнникамъ, а у насъ, поди, всѣ квартиры почти баронскія». Она дрожала какъ въ лихорадкѣ. «Ничего, Богъ поможетъ, идите лучше спать, Берзингъ». «Какой тутъ сонъ, каждую минуту ждешь, вотъ, вотъ позвонятъ. Уже днемъ сегодня говорили на улицахъ, что ночью будутъ ходить по квартирамъ искать виновниковъ». Пожелавъ ей еще спокойной ночи, я поторопилась наверхъ, гдѣ меня ждали въ большомъ волненіи старики. Разсказавъ имъ все, уговорила ихъ ложиться спать. Сама же, не раздѣваясь, прилегла въ гостинной на диванѣ. Зарево ярко освѣщало комнату. Я долго не могла заснуть. Самыя ужасныя картины рисовались возбужденному воображенію, но въ концѣ концовъ усталость взяла свое и я крѣпко заснула.

3 Января

Ночью англійскіе крейсера покинули портъ. Утромъ разбудила меня М., сообщивъ, что уже во многихъ домахъ по Елисаветинской идутъ обыски и аресты. Она протянула мнѣ летучій листокъ вмѣсто газеты, гдѣ въ безконечныхъ столбцахъ слѣдовали всевозможные декреты совѣтскаго правительства за подписью «Штучко». Да, ничего хорошаго не обѣщаетъ намъ эта «Штучка». Первый декретъ, напечатанный жирнымъ шрифтомъ, гласилъ о сдачѣ оружія въ двухдневный срокъ, подъ страхомъ смертной казни. — У насъ въ квартирѣ находилось нѣсколько ружей, оставшихся послѣ уѣхавшихъ внуковъ и сына. Рѣшено было единогласно всѣ отослать по указанному адресу. —

Послѣ завтрака мнѣ пришлось сходить относительно моей больной къ доктору. Улицъ не узнать, онѣ полны исключительно чернью. Всѣ вооружены, не исключая женщинъ и подростковъ. На извозчикахъ поминутно проѣзжаютъ какіе-то пьяные типы съ ружьями на взводѣ, раскачиваясь во всѣ стороны и на всю улицу горланя: «смерть Фрицамъ и ихъ укрывателямъ!» При ихъ приближеніи толпа разбѣгается въ стороны. Дойдя до Вейдендамма, пришлось остановиться, со всѣхъ сторонъ бѣжала толпа. Раздался неистовый крикъ удовольствія, со стороны Вейдендамма показалась конница красной арміи. Повидимому, она вступала въ городъ. Чернь восторженно привѣтствовала большевиковъ. Люди и лошади были въ довольно хорошемъ видѣ. Солдаты въ шинеляхъ и сѣрыхъ мѣховыхъ шапкахъ. Подростки и бабы, приплясывая, стрѣляли въ воздухъ, выражая этимъ полный восторгъ. Когда же за конницей показались латышскіе стрѣлки, восторгу не было границъ; толпа неистово ревѣла, раздался латышскій гимнъ. Кое-какъ пробравшись между двумя проходившими частями на другую сторону и съ трудомъ подвигаясь въ толпѣ, я на углу слѣдующей улицы столкнулась съ душераздирающей процессіей: два совсѣмъ молодыхъ русскихъ офицера въ полушубкахъ, одинъ безъ фуражки съ разрубленной щекой, изъ которой ручьемъ текла кровь, съ ними еще два нѣмецкихъ солдата въ вицъ-мундирахъ безъ фуражекъ шли подъ конвоемъ вооруженныхъ латышей; они шли молча съ опущенными головами, очень блѣдные, но спокойно. «Куда ихъ ведутъ», невольно спросила я. Отвратительнаго вида женщина, усмѣхаясь, отвѣтила мнѣ: «извѣстно, сестрица, куда!» Я непроизвольно двинулась за ними, одинъ изъ сопровождавшихъ латышей, замѣтя меня, пригрозилъ ружьемъ. На мой вопросъ, что съ ними хотятъ сдѣлать, онъ приложился къ ружью. Боже, какая жестокость, возможно-ли! Не успѣли они еще пройти и пятидесяти шаговъ, подошли какъ разъ къ скверику, черезъ который мы вчера съ Дэзи возвращались, какъ ихъ всѣхъ четверыхъ выстроили, раздались выстрѣлы — и тѣла ихъ тяжело опустились на снѣгъ. Крикъ ужаса замеръ у меня на губахъ. Колѣни до того дрожали, что я принуждена была опуститься на ближайшую скамью. Вотъ онъ красный терроръ!

4 Января

Обыски и аресты идутъ во всемъ городѣ. Сегодня арестованы Ф., отецъ совершенно больной 68 лѣтній старикъ и его сынъ, и много другихъ, ихъ подъ конвоемъ уводятъ въ тюрьму. Сегодня неоднократно можно было встрѣтить такія процессіи.

7 Января

Возвращаясь домой, въ воротахъ встрѣтила человѣкъ шесть вооруженныхъ латышей, выходившихъ изъ нашего дома: — перепуганная швейцариха шепнула мнѣ, что былъ обыскъ въ обѣихъ квартирахъ четвертаго этажа (надъ нами), причемъ обѣ семьи выселяются и обязаны до вечера оставить свои квартиры, не смѣя ничего взять изъ мебели или вещей, кромѣ смѣны бѣлья и небольшого количества съѣстныхъ припасовъ. Потомъ я была свидѣтельницей, какъ эти несчастные люди съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ и съ скудными узелками въ рукахъ покидали свои жилища. Съ старой 80-лѣтней бабушкой, которую несли на рукахъ, сдѣлалось дурно. Обѣ семьи были многочисленны и совсѣмъ несостоятельны: одна — пастора, другая — учителя. Теперь, вѣрно, скоро и за нами очередь! Вечеромъ водворились новые квартиранты — члены какой-то коммунистической организаціи. Праздновали ли они свое новоселье или взятіе Риги, но, повидимому, у нихъ шелъ пиръ горой. Пьяными голосами орали какія-то дикія пѣсни, немилосердно колотили по роялю. Играла гармоника, подъ которую танцовали; у насъ въ квартирѣ буквально все тряслось и прыгало. Слышенъ былъ шумъ опрокидываемыхъ стульевъ, неистовые крики ура, звонъ разбиваемой посуды, порой дикія взвизгиванья женщинъ. — Въ пятомъ часу весь скандалъ перенесся

на лѣстницу. Коммунисты выставляли вонъ своихъ дамъ, которыя пьяными голосами кричали и ругались. Мы всю ночь такъ и не сомкнули глазъ. Въ шестомъ часу наконецъ все въ домѣ затихло.

9 Января

Газеты принесли вѣсть о взятіи Митавы большевиками Взрывъ порохового погреба былъ слышенъ въ Ригѣ. Сегодня обнаружилось очень непріятное обстоятельство, а именно: горничная Юлія со слезами сообщила мнѣ, что вчера во время обыска верхнихъ квартиръ были также наложены печати на всѣ чердачныя отдѣленія, причемъ, уходя, солдаты сказали, что въ случаѣ завтра на одномъ изъ отдѣленій окажется спрятаннымъ оружіе, вся соотвѣтствующая квартира будетъ разстрѣляна до послѣдняго человѣка. Я сначала не могла понять ея волненія, такъ какъ знала, что всѣ ружья были отосланы М., но тутъ выяснилось, что два ружья племянника, онѣ съ М. отнесли на свое чердачное отдѣленіе и закопали подъ ящиками и всякимъ мусоромъ. Ясно, что завтра ихъ найдутъ и тогда никому не сдобровать, а что еще хуже, это то, что Эмма — кухарка, кажется, обо всемъ догадывается и ужъ изъ одного страха можетъ донести; по словамъ Юліи, достать ружья нѣтъ никакой возможности, и она рѣшила сегодня же еще вечеромъ уйти отъ господъ, у которыхъ прослужила 20 лѣтъ. Обѣщавъ ей все уладить, я вошла въ комнату больной. Всѣ старики были въ сборѣ, волновались и не знали, что дѣлать. Увидавъ меня, закричали: «Слышали?» «Что же дѣлать, надо попробовать достать ихъ». — «Да, вѣдь это невозможно! Вы не знаете нашего чердака». Въ концѣ концовъ было рѣшено отослать послѣ обѣда обѣихъ кухонныхъ доннъ съ порученіями. Юлія должна была стать на стражѣ на лѣстницѣ у кухни, а М. идти со мною на чердакъ, гдѣ я хотѣла попробовать перелѣзть въ промежутокъ между рѣшетчатой стѣной и крышей. Задача была нелегкая и въ томъ отношеніи, что все время по лѣстницѣ поднимались какіе-то субъекты въ квартиру коммунистовъ. Нужно было улучить моментъ, чтобы незамѣтно проскочить на чердакъ. Раза два пришлось отступить въ кухню, такъ какъ по лѣстницѣ то спускались, то поднимались какіе-то типы. Наконецъ-таки проскочили. Взобраться по тонкой рѣшетчатой высокой стѣнкѣ была далеко нелегкая задача. Пришлось призвать на помощь все свое искусство молодыхъ лѣтъ и побиться добрыхъ полчаса, пока я съ большими усиліями добралась наконецъ до верху, каждую секунду ожидая, что сорвусь и упаду вмѣстѣ со стѣнкой, которая буквально раскачивалась подо мной во всѣ стороны, но въ тотъ моментъ, когда я уже была наверху, мы услышали голоса, шаги, ключъ въ замкѣ повернулся. М. едва успѣла задуть свѣчу и спрятаться въ углу за бочку, а я замерла въ своемъ поднебесьи, балансируя во всѣ стороны, чтобы какъ-нибудь сохранить равновѣсіе. Дверь открылась и на чердакъ вошли дѣвушка въ сопровожденіи солдата съ корзиной, весело болтая по латышски, они принялись снимать бѣлье на общемъ чердакѣ. Бесѣда ихъ, къ моему ужасу, затянулась бы очевидно значительно дольше, еслибы не слишкомъ рѣшительный маневръ кавалера, вздумавшаго ее поцѣловать, послѣ чего, она къ моему величайшему удовольствію, поторопилась оставить чердакъ. Ея рыцарь послѣдовалъ покорно за ней. Въ углу мелькнулъ огонекъ и изъ-за бочки показалось испуганное и все перемазанное лицо М. — Видъ ея былъ до того комиченъ, что несмотря на весь ужасъ нашего положенія, я не могла удержаться отъ смѣха, причемъ потеряла равновѣсіе и скользнула внизъ по стѣнкѣ, упавъ на что-то мягкое, очень пыльное оказавшееся старымъ сломаннымъ диваномъ. За рѣшеткой раздался испуганный голосъ М.: «Вы не ушиблись?» «Нѣтъ, наоборотъ!» Немного придя въ себя, я отыскала, по указанію М., ружья и укрѣпивъ ихъ себѣ на спинѣ, тѣмъ же путемъ благополучно вернулась обратно. М. со слезами бросилась мнѣ на шею. Радость стари-

ковъ и Юліи были безграничны, но теперь предстоялъ вопросъ — куда ихъ дѣть? Каждую минуту могли явиться съ обыскомъ. — Разобравъ ихъ, завернувъ въ бумагу и положивъ въ портъ-плэдъ, куда еще сверху положила нѣсколько полѣньевъ, я вышла, когда немного стемнѣло, съ своей страшной ношей на улицу, направляясь къ дому № 3, бывшей квартирѣ моего beau frère; теперь весь домъ былъ занятъ военной организаціей по продовольствію войскъ. Тамъ во дворѣ, очень темномъ, я и хотѣла забросить ихъ въ погребъ. На первомъ углу меня патруль пропустилъ, но на слѣдующемъ подошелъ и спросилъ, что я несу. На мое счастіе, это былъ русскій! «Немного дровъ», отвѣтила я. Онъ взялся рукой за ношу и ощупавъ полѣно, пропустилъ со словами: «идите, сестрица, съ Богомъ». Фу, какъ сердце бьется, только бы добраться благополучно до воротъ; на мое счастье — ни души на улицѣ, вотъ и ворота, еще моментъ и я была во дворѣ, гдѣ безъ труда достигла погреба и, отдѣлавшись отъ своей ноши, благополучно вернулась къ безпокоившимся за меня старичкамъ. —

10 Января

Зашла къ Д., но не застала, узнала отъ Саши, что она почти безвыходно въ клиникѣ, онъ видитъ ее очень рѣдко. Сегодня торжественныя похороны «жертвъ нѣмецкаго произвола», такъ гласитъ громадная надпись на первой страницѣ сегодняшней газеты. Изъ десяти растрѣлянныхъ латышскимъ вр. правительствомъ зачинщиковъ бунта въ латышской ротѣ, ихъ оказалось теперь двадцать семь. Къ тѣмъ десяти были присоединены всѣ убитые въ ночь пожара при ограбленіи складовъ. Всѣ трупы были звѣрски изуродованы большевиками съ цѣлью, конечно, еще больше возстановить чернь противъ нѣмецкихъ имущихъ классовъ. Всѣ двадцать семь гробовъ были выставлены для обозрѣнія звѣрствъ «бѣлаго террора». Похороны были торжественные, съ музыкой, военнымъ парадомъ, рѣчами, депутаціями, чуть не до грудныхъ дѣтей, съ огромными плакатами и вызывающими надписями. Городъ разукрасился красными и черными флагами. Для этой цѣли было окрашено въ красный и черный цвѣтъ все націонализированное великолѣпное столовое и постельное бѣлье въ частныхъ домахъ. Самъ «Штучка», одѣтый съ иголочки, живописно жестикулируя, стоялъ въ автомобилѣ и говорилъ очень убѣдительно и очень понятно для черни: «Борцы за свободу лежатъ предъ нами убитые, мало, замученные ненавистниками свободы, палачами народа; они пали жертвами нѣмецкаго произвола. Товарищи! Мы будемъ недостойны этой свободы, если не отомстимъ за нихъ. Да, товарищи, за каждаго убитаго большевика — сто нѣмцевъ!» Раздались апплодисменты и возгласы: «правильно». Конечно, это было во вкусѣ «свободнаго народа». Результатомъ будутъ, несомнѣнно, новые аресты, новыя жестокости. Наконецъ, жертвы произвола были опущены въ общую могилу подъ звуки музыки и пѣнья на соборной площади, которая теперь переименована въ площадь коммунистовъ. Вскорѣ надъ могилой поднялся высокій холмъ изъ цвѣтовъ, вѣнковъ и лентъ съ самыми потрясающими надписями. Вечеромъ въ городѣ было большое гулянье. Улицы всѣ были запружены латышскими стрѣлками съ ихъ дамами въ экспропріированныхъ нарядахъ «съ чужого плеча». Такъ закончился этотъ славный день въ исторіи большевиковъ! . . .

14 Января

Утромъ получила записку отъ В. снизу — непремѣнно придти сегодня вечеромъ къ нимъ, но такъ, чтобъ никто изъ «подозрительныхъ» 4-го этажа не видѣлъ. В. я тоже не видала съ той памятной ночи. Сейчасъ послѣ ужина я спустилась къ нимъ; они еще сидѣли за столомъ. Кромѣ нихъ и С. Н., сидѣлъ еще, я бы сказала, подозрительнаго вида субъектъ. Видя мое замѣшательство, В. всталъ мнѣ навстрѣчу и громко сказалъ: «баронесса, Вы можете свободно говорить обо всемъ, мы въ дружескомъ

кружкѣ». Ну, что касается меня, я бы охотно отказалась отъ дружбы съ этимъ типомъ. «Позвольте вамъ представить большевика О . . .» Н. сидѣла тоже нарядная и сіяющая, какъ въ добрыя старыя времена. — «Да, баронесса», весело поздоровалась она со мной, «мой мужъ тоже большевикъ, наконецъ-то кончились эти ужасные дни пытки, но вы вѣдь ничего не знаете! Э . . ., разскажи же все». Ея мужъ разсказалъ какъ послѣ восьми дней пытки по чужимъ холоднымъ чердакамъ и погребамъ, они наконецъ рѣшили съ С. Н. выйти на улицу, готовые на все, какъ случайно встрѣтили стараго петроградскаго пріятеля — офицера, какъ во всемъ ему признались и какъ чрезъ него «личнаго друга Штучки» В. получилъ мѣсто въ морскомъ министерствѣ съ жалованьемъ въ 1000 р. въ мѣсяцъ, обезпечилъ квартиру отъ обысковъ и получаетъ продовольствіе на всю семью, надѣется и друга своего С. Н. туда пристроить. «Вы меня осуждаете, баронесса!» заключилъ онъ свой разсказъ. «Нѣтъ, я стараюсь вдуматься въ Васъ и думаю, что роль Ваша нелегкая будетъ, дай Богъ и сыграть ее благополучно до конца». — «Значитъ, Вы теперь «редиска», пошутила я. Они всѣ очень смѣялись моей шуткѣ. Съ этой минуты эта кличка за нимъ осталась. При прощаніи, однако, было рѣшено рѣже видѣться и незамѣтно отъ верхнихъ коммунистовъ.

16 Января

Послѣ двухнедѣльнаго исчезновенія сегодня въ первый разъ зашла ко мнѣ Д.; она была необыкновенно блѣдна и ротъ ея поддергивался, какъ у маленькаго ребенка, готоваго заплакать. Мы прошли въ комнату М.; тяжело опустившись въ кресло и устало положивъ голову на руки, она сказала: «Боже, съ чего начать, все такъ ужасно! Знаешь, сегодня скончался въ больницѣ отъ тифа мой двоюродный братъ Рольфъ.» Потомъ она разсказала, какъ узнавъ черезъ тюремнаго врача, что онъ въ тюрьмѣ и очень боленъ, — она выхлопотала съ большими трудностями у комиссара разрѣшеніе на его перевозъ въ больницу; въ какомъ ужасно жалкомъ положеніи она его нашла въ маленькой камерѣ, въ которой находились 20 заключенныхъ; не хватало коекъ, спали по двое, остальные ютились на мокромъ, грязномъ полу. Въ углу стояло ведро, отравляющее и безъ того уже тяжелый воздухъ камеры. Рольфъ лежалъ въ полубредовомъ состояніи, умоляя кого-то все время вырвать его изъ этого ада. Дэзи присѣла около него въ ожиданіи сторожей съ носилками, стараясь успокоить его видомъ полученнаго письменнаго разрѣшенія, но онъ уже неясно сознавалъ, что вокругъ него происходитъ. Въ это время въ камеру вмѣсто ожидаемыхъ сторожей, вошли четыре женщины латышки съ ружьями; «сколько васъ здѣсь», спросила первая вошедшая, еще совсѣмъ молодая дѣвушка въ огромной черной шляпѣ съ страусовыми перьями, модномъ, короткомъ бархатномъ костюмѣ и ажурныхъ чулкахъ. Было что-то непріятное въ ея довольно красивомъ лицѣ. Получивъ отвѣтъ, она съ усмѣшкой замѣтила: «Ну, пора очистить квартиру для новыхъ жильцовъ. А что же этотъ?» указала она ружьемъ на лежавшаго подъ шинелью Рольфа. Дэзи отвѣтила, что это очень больной. «Ну, тѣмъ лучше, намъ работы меньше». Она прошла дальше. «Кто на очереди?» И подойдя къ сидѣвшему на нарахъ, спросила: «Ваша фамилія З.?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, сдѣлала ему знакъ слѣдовать за ней. Были еше названы фамиліи; теперь вызвано было шесть человѣкъ, когда вдругъ она спросила: «За что Вы арестованы?» — «Не знаемъ». «Въ чемъ Васъ обвиняютъ?» — «Не знаемъ». «Впрочемъ, намъ это совершенно безразлично». Одинъ изъ вызванныхъ спросилъ, оставляетъ ли онъ навсегда эту камеру и долженъ ли взять свои вещи; у него оказалась еще пара сапогъ и смѣна бѣлья. «Лищній трудъ, и эти придется снять» — былъ жестокій отвѣтъ. Стало всѣмъ ясно, для какой цѣли ихъ уводили. Одинъ изъ вызванныхъ громко зарыдалъ: «сжальтесь, у меня жена и маленькія дѣти»; трясясь всѣмъ тѣломъ, онъ

опустился на нары, къ нему подошелъ стоявшій впереди, — это былъ знакомый пасторъ, я его только теперь узнала. Обнявъ плачущаго за плечи, онъ спокойно сказалъ: «идемъ, братъ, Всевышній знаетъ путь, по которому насъ ведетъ, если мы и не знаемъ его», и заботливо поддерживая его, повелъ за другими. Кто-то изъ присутствующихъ подалъ рыдавшему его узелокъ; онъ только махнулъ рукой. Когда дверь за послѣднимъ закрывалась, я еще разъ услышала голосъ жестокой дѣвушки — «здѣсь немного, всего шесть». Затѣмъ въ камерѣ наступило глубокое молчаніе. Погодя, я спросила, не могу ли быть для нихъ чѣмъ-нибудь полезной. Большинство дали мнѣ письма къ роднымъ, писанныя на клочкахъ, одинъ мнѣ передалъ мнѣ свой манжетъ, сунувъ все это въ волоса подъ косынку, я обѣщала повидать ихъ близкихъ и передать все, о чемъ они просили меня. Наконецъ, вошли сторожа съ носилками и, уложивъ больного, мы покинули камеру. Сегодня Рольфъ, не приходя въ сознаніе, умеръ. Въ бреду все звалъ жену. Крупныя слезы текли по лицу Дэзи. «У насъ въ клиникѣ, погодя начала она, вчера тоже трехъ больныхъ изъ кроватей вытащили и увезли. Судьба клиники на волоскѣ виситъ. Врачъ нашъ уже тоже недѣлю какъ арестованъ и едва-ли его освободятъ; какой-то бродяга, которому онъ въ 1905 г. отказалъ въ выдачѣ медицинскаго свидѣтельства, теперь, узнавъ его, обвиняетъ въ смерти своего брата, разстрѣляннаго будто бы по винѣ доктора. Обвиненіе голословное, но въ данный моментъ развѣ это играетъ какую-нибудь роль!» Было уже послѣ шести, когда Дэзи собралась уходить. Видя ея разстроенный видъ, я предложила ее проводить до клиники, чему она очень обрадовалась. Было очень холодно и добрая М. заставила меня одѣть полушубокъ ея племянника. Когда мы вышли, улицы были пусты и темны. Уже войдя въ ворота клиники, мы замѣтили необычайное волненіе среди стоявшей кучки служащихъ. «Случилось что-то?», спросила Дэзи старика швейцара, идущаго намъ навстрѣчу. «Сестрица еще не знаетъ? Сегодня нашего добраго доктора застрѣлили разбойники, не только его, и жену, и обоихъ мальчиковъ», старикъ заплакалъ. Дэзи прислонилась къ стѣнкѣ: «Что вы говорите?» «Да, пусть вамъ Калинъ разскажетъ, она была свидѣтельницей». Онъ поманилъ рукой стоявшую среди служащихъ и разсказывавшую женщину. Она подошла къ намъ и разсказала, что была старшей сестрой съ письмомъ послана на квартиру доктора . Когда она подошла уже къ дому, къ подъѣзду подъѣхалъ автомобиль, въ которомъ сидѣлъ докторъ съ тремя вооруженными людьми. Затѣмъ, выйдя, они поднялись по парадной лѣстницѣ, а она черезъ дворъ поднялась на кухню, въ которой сначала никого не было, но потомъ пришла изъ комнатъ прислуга и сказала, что привезли доктора и что теперь идетъ обыскъ въ кабинетѣ доктора; изъ письменнаго стола выбираютъ всѣ бумаги; сначала было все тихо въ квартирѣ, слышались голоса, изрѣдка взволнованный голосъ жены доктора, но вотъ голоса становились все громче и громче, поднялся шумъ. Чуя недоброе, она съ прислугой доктора спрятались въ корридорѣ за шкафомъ; оттуда онѣ видѣли, какъ вооруженные мужчины старались вытащить доктора въ переднюю, а жена его, крѣпко держась за его руку, не отпускала. Оба сына 13 и 17 лѣтъ слѣдовали за ними, стараясь успокоить мать. Обезумѣвшая отъ страха за мужа, женщина старалась оттолкнуть державшихъ мужа. Одинъ изъ нихъ замахнулся и ударилъ ее по лицу. Показалась кровь, тогда оба мальчика съ крикомъ бросились на оскорбителя своей матери. Здѣсь уже завязалась общая свалка. Раздался бѣшенный крикъ одного изъ мужчинъ: «сейчасъ всѣхъ разстрѣлять и этихъ щенковъ». На шумъ съ улицы прибѣжали еще двое и всю несчастную семью потащили изъ квартиры. Свидѣтельница съ прислугой не успѣли спуститься по черной лѣстницѣ, какъ раздался душераздирающій крикъ жертвъ, послышались выстрѣлы и все затихло, затѣмъ раздался шумъ отъѣзжающаго автомобиля. Спустившись внизъ, онѣ увидѣли во дворѣ у воротъ

тѣла несчастныхъ мучениковъ. На женѣ доктора буквально ничего не осталось отъ платья. Ея младшій сынъ лежалъ ничкомъ около нея, обхвативъ мать крѣпко руками, всѣ четверо были мертвы. Дэзи едва держалась на ногахъ, зубы ея стучали. Я съ швейцаромъ помогли ей подняться по лѣстницѣ. Съ помощью дежурной и совершенно разстроенной сестры, мы уложили ее въ постель. Я еще немного посидѣла около нея, пока она немножко успокоилась и съ тяжелой головой и сердцемъ пошла домой. И все это для блага народа!! . . .

18 Января

Изъ Митавы пригнали пѣшкомъ много арестованныхъ мужчинъ и дамъ, въ томъ числѣ мать и сестру моей belle soeur. Общими усильями собрали въ городѣ бѣлья, платья и съѣстного, но, прождавъ на морозѣ передъ тюрьмой напрасно два часа, получили отвѣтъ, что ранѣе недѣли ничего приниматься для заключенныхъ не будетъ. Списокъ выдали. Большая часть была изъ нѣмецкаго дворянства, но было немного и латышей.

20 Января

Въ 6 часовъ утра бомбой къ намъ въ спальню влетѣла Юлія и выпалила, что въ домѣ уже опять идутъ обыски. Съ моей больной сдѣлалось дурно; причиной оказались четыре великолѣпныя серебрянныя вазы, принесенныя вчера ея племянницей изъ сосѣдней квартиры и теперь находившіяся въ шкафу въ ея комнатѣ. Терять нельзя было ни минуты; положили ихъ въ простой мѣшокъ и засунули съ помощью кухарки Эммы въ кухнѣ въ мусорный ящикъ. Вскорѣ пять вооруженныхъ латышей заявились къ намъ въ квартиру и начался обыскъ. Въ буфетѣ было еще оставлено кое-какое серебро, которое ими было взято. Смотрѣли всюду, въ шкафахъ, столахъ, но ничего особенно не перерывая; пробовали диваны и кресла. Такъ переходили они изъ комнаты въ комнату. Около моей кушетки-сокровищницы стояла прикрытая занавѣсью 30-фунтовая жестянная банка съ кофеемъ, они заглянули и подъ кушетку, но банки около не замѣтили. — Въ общемъ искали благодушно, хотя всѣ пятеро были латыши. Пока они дѣлали обыскъ у Штр., гдѣ забрали весь табакъ и сахаръ, я прошла въ кухню, чтобъ перенести драгоцѣнный мѣшокъ въ комнату, но Эмма уже по собственному почину меня предупредила. Обыскъ кончился болѣе чѣмъ благополучно. М. напоила ихъ въ кухнѣ кофеемъ. Изъ запасовъ они взяли сравнительно тоже не такъ много. Только вино взяли все, оставивъ нѣсколько бутылокъ, по моей просьбѣ, старикамъ. Вино, повидимому, и табакъ ихъ особенно любезно настроили. Безъ всякаго сомнѣнія, что все это они національзировали исключительно въ свою пользу. Итакъ мы разстались дружелюбно. Послѣ ихъ ухода, улучивъ удобный моментъ, я снесла двѣ вазы внизъ къ В . . . Но двѣ другія старушки хотѣли оставить у себя, ссылаясь на то, что обыскъ былъ и такъ хорошо сощелъ и что теперь намъ бояться ровно нечего. Я имъ не противорѣчила. Въ пятомъ часу зашла къ Д., она уже была на ногахъ и работала. Возвращаясь домой, я встрѣтила у насъ во дворѣ штатскаго, лицо котораго мнѣ показалось знакомымъ. Онъ скрылся въ другомъ подъѣздѣ нашего дома. Уже, поднимаясь по лѣстницѣ, я вспомнила, гдѣ я его видѣла; это былъ одинъ изъ пяти дѣлавшихъ у насъ утромъ обыскъ: Весь вечеръ я не могла отдѣлаться отъ непріятнаго чувства, произведеннаго этой встрѣчей. У больной сидѣли какъ разъ гости и, узнавъ, что у насъ уже былъ обыскъ и сощелъ благополучно, собирались намъ завтра прислать уйму вещей. Потомъ, прощаясь съ ними, я просила ихъ завтра еще ничего не присылать. Старушка моя удивленно на меня посмотрѣла, но ничего не сказала. Уже лежа въ постели, я все еще думала о непріятной встрѣчѣ.

Ровно въ пять часовъ я проснулась, какъ отъ электрическаго тока и въ тотъ же моментъ почти раздался рѣзкій звонокъ въ кухнѣ. Накинувъ халатъ, я вышла въ гостинную и въ дверяхъ передней столкнулась съ вчерашнимъ штатскимъ. Онъ былъ съ сопровожденіи двухъ другихъ съ ружьями. Тутъ же стояли всѣ три прислуги и швейцариха. Онъ сердитымъ голосомъ говорилъ имъ что-то по латышски, грозя рукой. Онѣ плакали. Увидѣвъ меня, онъ закричалъ ломаннымъ русскимъ языкомъ: «Гдѣ мѣшокъ съ серебромъ. Слышите! Мы вамъ покажемъ, какъ не слушаться нашихъ декретовъ, у насъ расправа съ измѣнниками короткая». Очевидно, былъ доносъ, но кто? Неужели, Эмма? «Если вы помогаете врагамъ народа», обратился онъ теперь на русскомъ языкѣ къ нимъ, то мы расправимся съ вами, какъ съ бѣшенными собаками.» Поднялся неимовѣрный ревъ. «Отвѣчайте! Сейчасъ былъ мѣшокъ съ серебромъ, одна изъ васъ его прятала, намъ все извѣстно, которая изъ васъ?» — «Я, — дрожащимъ голосомъ прошептала Эмма, баронесса... сестра, — поправилась она, приказала». «Слышите?» обратился онъ ко мнѣ; я молчала. «Ну, да что тутъ толковать, мы его сами найдемъ. Всѣ съ нами въ одну комнату и ни съ мѣста!» Въ кроватяхъ остались больная и незамѣченный Люша. Втроемъ они принялись за дѣло. Все выворачивалось и выбрасывалось изъ столовъ и шкафовъ. Каждая вещь пересматривалась. Плохо, подумала я, если доберутся до моей кушетки. На столѣ лежали въ корзинѣ клубки съ брилліантами, черезъ минуту они лежали въ углу, а столъ былъ опрокинутъ и тщательно осмотрѣнъ. Одинъ изъ нихъ открылъ центральное отопленіе и торжественно извлекъ обѣ серебрянныя вазы и еще какія-то мелочи, спрятанныя М. Я все смотрѣла, когда очередь дойдетъ до большой жардиньерки, подъ которой мы укрѣпили большой серебрянный подносъ. Вотъ и до нея дошли, полетѣли горшки съ цвѣтами на полъ; большую пальму тоже опрокинули, искали въ землѣ, а «слона», то и не примѣтили. Въ столовой изъ стоячихъ часовъ, изъ секретнаго отдѣленія вытащили мѣшокъ съ золотыми и серебрянными монетами, причемъ искавшій нашелъ сейчасъ секретную пружину, что было не такъ легко. Повертѣлъ мѣшкомъ передъ нашими носами, онъ злобно сказалъ: «погодите, мы вамъ покажемъ». Перешли въ комнату М. Люша, проснувшись, выскочилъ изъ кровати, которую они перерыли до основанія. Ни одной книги не оставили не пересмотрѣнной. Съ ночного столика забрали золотые часы и кольца. Очередь дошла до комнаты больной. Ея кровать была тоже осмотрѣна. Въ бѣльевомъ шкафу нашли еще немного серебра. Пока они добросовѣстно перерывали шкафы и комоды, я незамѣтно приблизилась къ кушеткѣ и отодвинула ее отъ стѣны, боясь, что они могли замѣтить ея неестественную тяжесть, а такъ они могли къ ней подойти со всѣхъ сторонъ. Вотъ и за ней очередь! Постель моя полетѣла на полъ. Одинъ сталъ ее пробовать, засунулъ руку въ складки, заглянулъ подъ нее и тутъ замѣтилъ около жестянку съ кофеемъ. Вниманіе его было отвлечено. Кушетка спасена! . . . Такъ проходили мы комнату за комнатой, пока не дошли до ванной, гдѣ изъ угла былъ наконецъ извлеченъ пустой мѣшокъ. Полное недоумѣніе! «А серебро? Гдѣ же вещи?» — «Вы ихъ нашли въ отопленіе и въ шкафу», спокойно отвѣтила я. «Они временно были мною положены въ мѣшокъ». — «Это тѣ вещи», обратился онъ къ Эммѣ. «Я не знаю, какія были вещи въ мѣшкѣ, говорили, что серебро». «Ну, трибуналъ разберетъ!» Обыскъ продолжался пять часовъ. Съ нашихъ мучителей потъ лилъ ручьемъ. Они поминутно вытирались чудесными платками, повидимому, тоже гдѣ-нибудь національзированными. Обыскъ кончился. Свирѣпый большевикъ записалъ всѣ наши имена, приказавъ затѣмъ М. и всей прислугѣ слѣдовать за нимъ. Закрывъ за ними дверь, я вернулась въ комнату больной. Старушка лежала въ обморокѣ, а оба брата ее усердно поливали холодной

водой. Давъ ей понюхать нашатырнаго спирту, отъ чего она сейчасъ пришла въ себя, и перемѣнивъ бѣлье, я предложила заняться варкой кофе, такъ какъ былъ одиннадцатый часъ. — Всѣ они конечно страшно волновались, что найдено серебро, такъ какъ по декрету оно все должно было быть сдано. Уводъ М. и прислуги всѣхъ тоже очень безпокоилъ. «Чортъ знаетъ, что они еще тамъ отъ страху всего поразскажутъ», волновались братья. Я ихъ успокаивала, что обыскъ сравнительно отлично сошелъ, что могло выйти гораздо хуже, если бы они открыли секретъ моей кушетки, и что эти чудныя хрустальныя вазы съ серебромъ особенной цѣнности, съ точки зрѣнія серебра, не имѣютъ. Мало по малу всѣ немного успокоились и принялись мнѣ помогать при приготавливаніи завтрака. На Люшу обыскъ не произвелъ особеннаго впечатлѣнія, онъ возмущенъ былъ, что всѣ его книги были на полу разбросаны. За кофеемъ всѣ были уже въ болѣе нормальномъ состояніи духа. Старички даже начали подсмѣиваться и острить одинъ на счетъ другого. С. увѣрялъ, что услышавъ голоса въ передней, Г. никакъ не могъ попасть ногами въ туфлю, а Г. увѣрялъ, что С. пытался безрезультатно натянуть на руки вмѣсто фуфайки свои брюки. Черезъ два часа наконецъ вернулась М. съ дѣвушками въ сопровожденіи какого-то довольно приличнаго на видъ господина, который вызвалъ меня и спросилъ, дѣйствительною ли мною было спрятано серебро, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, задалъ еще нѣсколько вопросовъ. Разногласій повидимому не было въ нашихъ отвѣтахъ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что показанія сходятся. «Зачѣмъ вы скрыли серебро, сестра. Вы вѣдь знали о декретѣ?» — «Я это сдѣлала безъ корыстной цѣли, зная, что эти вещи дороги моей больной по воспоминаніямъ». Онъ покачалъ головой. «Хорошо, что вы попали на порядочнаго человѣка, а то могло кончиться для васъ очень скверно», и кивнувъ головой въ мою сторону, онъ вышелъ. Кого онъ предполагалъ подъ «порядочнымъ человѣкомъ» — себя, или производившаго обыскъ — осталось невыясненнымъ. Потомъ вся тайна второго обыска открылась: вечеромъ въ день перваго обыска зашла къ нашей прислугѣ дѣвушка изъ квартиры бар. В. (въ другомъ подъѣздѣ) — дѣвица очень красная. Эмма же съ дуру и разскажи ей, смѣясь, какъ она при обыскѣ «надула комиссара» и скрыла цѣлый мѣшокъ серебра. Въ тотъ же вечеръ комиссаръ былъ на вечеринкѣ у красной дѣвицы почетнымъ гостемъ и главнымъ ухаживателемъ. Она и подшутила надъ нимъ, какъ «баронши» дурачатъ ихъ. Это уже являлось вопросомъ задѣтаго самолюбія. Отсюда и была такая ужасная злость.

26 Января

Газеты приносятъ вѣсти о бояхъ на фронтѣ большевиковъ, но съ кѣмъ? Слухи различны, кто говоритъ, что это германцы, идущіе противъ большевиковъ, по требованію Entente, другіе говорятъ, — это русская сѣверная армія, по третьимъ источникамъ, это шведы съ американцами. Изъ большевистскихъ газетъ мы знаемъ только, что «противникъ наступалъ большими силами, но былъ нашими доблестными стрѣлками отбитъ съ большимъ урономъ». Но слухи передавались изъ устъ въ уста, что наши насъ не забыли и дѣлаютъ все, чтобы насъ освободить. Всѣ эти дни сижу безвыходно дома и моя больная и я чувствуемъ себя скверно. Сегодня вышелъ декретъ о сдачѣ всѣхъ арм. пассовъ. Это очень непріятная вещь для тѣхъ, кто носитъ скомпрометированную фамилію у большевиковъ. Нашъ симпатичный шведъ-массажистъ далъ мнѣ хорошую мысль, если она осуществима безъ бумагъ, а именно — записаться въ союзъ сестеръ милосердія Кр. Кр. Такимъ образомъ, у меня будетъ латышскій документъ, гдѣ придется, конечно, фамилію переврать; но на основаніи чего они мнѣ его выдадутъ? «Попытка — не пытка», говоритъ пословица, завтра попытаю счастья.

27 Января

Ровно въ 9 часовъ я была уже въ канцеляріи союза сестеръ милосердія, гдѣ прождала до 10-ти, пока заявился комиссаръ съ своей секретаршей — несимпатичной латышской дѣвицей въ красной шелковой блузѣ. Во время ожиданія я обдумала планъ дѣйствія: мой паспортъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предъявленъ — значитъ, утерянъ. Секретарша встрѣтила меня нелюбезно и послѣ первыхъ же словъ заявила, что безъ бумагъ она ничего для меня сдѣлать не можетъ. Я не дала себя обезкуражить и продолжала описывать въ самыхъ мрачныхъ краскахъ свое положеніе, какъ русской въ чужомъ городѣ безъ средствъ съ ребенкомъ. «Вы развѣ не здѣшняя?» Я ухватилась за этотъ вопросъ и стала подробно ей разсказывать, откуда я и гдѣ работала, конечно, все изъ области фантазіи. Я и не предполагала, что умѣю такъ легко лгать. Она, повидимому, смягчалась. «Но какъ же я Васъ запишу въ союзъ сестеръ Кр. Кр., не имѣя бумагъ о томъ, что Вы дѣйствительно сестра милосердія. Я сейчасъ же вытащила два докторскихъ удостовѣренія, выданныя мнѣ знакомыми докторами и помѣченныя заднимъ числомъ, что я дѣйствительно сестра Кр. Кр. военнаго времени. — «Какъ ваша фамилія?» — «Фрейтагъ», отвѣтила я. Послѣ нѣкотораго размышленія она сказала, что какъ исключеніе дѣлаетъ это, въ виду моего тяжелаго матеріальнаго положенія. Люша былъ тоже вписанъ въ этотъ историческій документъ, который впослѣдствіи оказалъ мнѣ огромныя услуги. По ея совѣту я отправилась прямо съ этимъ документомъ въ милицію, гдѣ онъ былъ «товарищемъ» прописанъ и была приложена печать. Выйдя отъ секретарши столкнулась за дверью съ безконечнымъ хвостомъ въ нѣсколько рядомъ тянущимся внизъ по лѣстницѣ далеко на улицу. Всѣ торопились записаться въ какой нибудь союзъ, чтобы получить продовольственныя карточки, такъ какъ послѣднія выдавались только членамъ союзовъ. Довольная результатомъ, я съ облегченнымъ сердцемъ отправилась домой . . .

28 Января

Всѣ магазины и лавки національзированы и буквально ничего купить нигдѣ нельзя. Голодъ въ городѣ даетъ себя уже тоже сильно знать. Съ рынка все исчезло . ..

29 Января

Запасы и у насъ тощаютъ, особенно они уменьшились послѣ второго обыска. Сегодня въ первый разъ ѣли «кригзуппе». Хозяйки рѣшили только обѣдъ готовить дома, а къ ужину подогрѣвать эту самую «кригзуппе», но во всякомъ случаѣ, мы лично еще не знаемъ, что такое голодъ; сталкиваться же съ нимъ приходится на каждомъ шагу. Поминутно звонятъ изголодавшіеся люди, особенно ужасенъ видъ этихъ робкихъ исхудалыхъ блѣдныхъ дѣтскихъ личекъ съ полными слезъ глазами, умоляющихъ о «корочкѣ хлѣба». —

4 Февраля

Сегодня прибыло много военныхъ частей изъ Россіи, но видъ людей уже совсѣмъ другой: плохо одѣтые, вялые и хмурые, они дѣлали впечатлѣніе людей, идущихъ не по своей волѣ.

5 Февраля

Въ нашемъ домѣ, только въ другомъ подъѣздѣ, жильцы выселяются почти изъ всѣхъ квартиръ.

8 Февраля

Сегодня былъ произведенъ неожиданный обыскъ у нашей швейцарихи, повидимому, заподозрѣнной въ укрывательствѣ вещей одного изъ выселенныхъ квартирантовъ. Вещей не нашли, но открыли съѣстныхъ припасовъ «сверхъ нормы» и, какъ

бѣдная женщина ни старалась имъ объяснить, что ей иногда привозитъ изъ деревни ея зять, знающій ея тяжелое положеніе въ городѣ съ большой семьей, они все забрали и увели еще ея 17-лѣтняго сына-реалиста. Отчаянію этой бѣдной матери не было границъ. Она бросалась на колѣни, цѣловала ихъ руки, умоляя все взять, только оставить ей ея сына, «вѣдь онъ же ничего дурного не сдѣлалъ», повторяла она. «Тамъ разберутъ, знаемъ мы васъ, продажное племя, и души свои нѣмцамъ продали» — былъ на все одинъ отвѣтъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, я все думала, какимъ бы образомъ помочь этимъ бѣднымъ людямъ. Попросить «редиску» похлопотать за мальчика. Я успѣла только открыть дверь въ квартиру, какъ изъ нашей гостинной ко мнѣ выбѣжала взволнованная В . . . «Какой ужасъ, баронесса . . . Сегодня на улицѣ забрали С. Н. съ другими мужчинами и дамами на принудительныя работы и этотъ легкомысленный человѣкъ вздумалъ среди бѣла дня бѣжать, спрятавшись въ сосѣднемъ дворѣ гдѣ-то за дровами. Замѣтившая его женщина выдала; несчастнаго всю дорогу били прикладами, изорвали на немъ все платье. Какъ разъ въ это время по улицѣ проходила его жена съ сыномъ. Мальчикъ узналъ отца и закричалъ на всю улицу: «мамочка, смотри, папочку бьютъ». Они попытались пойти за ними, но сопровождавшій солдатъ пригрозилъ, что будетъ стрѣлять, такъ что они и не знаютъ, куда его увели. Я спросила, не можетъ ли ея мужъ помочь, прибавивъ свою просьбу относительно сына швейцарихи. Она только покачала головой, едва ли это возможно будетъ! Уже поздно вечеромъ В. узналъ косвенными путями, что С. Н. арестованъ и сидитъ по Елисаветинской 17 въ зданіи политическаго сыска. Лично В. ничего предпринять не можетъ, не возбудивъ подозрѣнія у «товарищей». Рѣшено было, что я въ качествѣ сестры милосердія пойду туда и скажу, что, узнавъ о его бѣгствѣ и арестѣ, считала своимъ долгомъ придти и сообщить, что С. Н. уже и раньше иногда обнаруживалъ время отъ времени признаки ненормальности и, что вѣрнѣе всего, что его страшная нервность и была причиной его бѣгства. Повредить это не могло, а пользу, можетъ быть, какую-нибудь и принесетъ. —

9 Февраля

Утромъ отправилась въ домъ № 17. Картина, представившаяся моимъ глазамъ была несовсѣмъ обыденная. Въ большомъ помѣщеніи съ большими столами и шкафами вдоль стѣнъ находились человѣкъ пятнадцать молодыхъ женщинъ. Онѣ были въ самыхъ разнообразныхъ нарядахъ, отъ солдатской шинели до вырѣзанныхъ шелковыхъ платьевъ съ ажурными чулками. Очевидно, это было время отдыха: большая часть сидѣла на столахъ, за недостаткомъ стульевъ, и ѣла. На столѣ стояло блюдо съ жареннымъ мясомъ, черный и бѣлый хлѣбъ лежалъ пирамидой рядомъ. Когда я вошла, одна замѣтила, что теперь у нихъ перерывъ и выразила удивленіе, что патруль пропустилъ: я извинилась и уже намѣревалась выйти, когда другая, огромнаго роста дѣвица въ синемъ шелковомъ открытомъ платьѣ съ безконечной коралловой цѣпочкой на шеѣ, спросила: «А что вамъ нужно, сестра?» Спросивъ, находится ли С. Н. здѣсь, я передала ей все, какъ было вчера рѣшено. «Комиссара сейчасъ нѣтъ, я ему скажу, когда онъ придетъ, но вѣдь это извѣстно, что у всѣхъ этихъ господъ нервы сдаютъ, когда дѣло доходитъ до отвѣта» . . . «Къ этому не привыкать намъ», вмѣшалась другая, «для всѣхъ есть у насъ одно хорошее средство». — «Я только хотѣла предупредить, что это больной человѣкъ», перебила я ее. Онѣ молчали. Я вышла . . .

12 Февраля

Встрѣтила м-мъ Н., она мнѣ сообщила, что у нихъ на квартирѣ былъ обыскъ и что всѣ бумаги забраны. Все это едва ли обѣщаетъ хорошее. Бѣдная женщина!

13 Февраля

Несчастная швейцариха слегла; сына посадили въ тюрьму; сегодня зашла къ ней, она со слезами жаловалась на возмутительное поведеніе коммунистовъ по отношенію къ ея 15-лѣтней дочери, исполнявшей теперь ея обязанности.

16 Февраля

Два сосѣднихъ дома очистили отъ квартирантовъ, всѣхъ выселили къ Красной Двинѣ въ холодные бараки.

18 Февраля

Уже больше недѣли, какъ жители Риги не видѣли хлѣба, — все отправляется на фронтъ, цѣлые вагоны муки, крупы и мяса увозятся изъ города. — Нужда въ городѣ сильно растетъ. Смертность большая, особенно дѣтей и стариковъ. Мы имѣемъ еще порядочный запасъ муки. Оконныя подушки у насъ всѣ набиты мукой вмѣсто песку; одинъ двадцати-фунтовый мѣшокъ въ пестромъ шелковомъ чехлѣ покоится на диванѣ вмѣсто подушки.

19 Февраля

Декретъ о сдачѣ бѣлья и вещей, кромѣ необходимыхъ двухъ смѣнъ. У насъ опять волненіе среди стариковъ. Что дѣлать? Конечно, ждать пока сами придутъ, было мое мнѣніе, но рѣшили иначе. Собрали кое-что изъ бѣлья, платья и обуви и М. торжественно съ Эммой отвезли по адресу. «Гражданокъ» даже поблагодарили, но я думаю, что этимъ мы едва-ли отдѣлаемся . . .

20 Февраля

Торжественныя похороны утопленнаго въ лужѣ Рѣжицкими мужиками коммуниста. Громкая надпись золотыми буквами на черной лентѣ гласитъ: «погибшему славной смертью борцу за свободу и пр.» Славная смерть, нечего сказать!

21 Февраля

Неожиданная встрѣча на улицѣ съ институтской подругой Н. Ф. Уговорила зайти къ ней поблизости. Боже, въ какомъ все видѣ! Живетъ она въ темной комнаткѣ, у какой-то мегеры; занимается шитьемъ, на дверяхъ надпись «М-мъ Натали-портниха». Она мнѣ разсказала, какъ она бѣжала изъ Петрограда, какъ въ Ригѣ она сравнительно хорошо устроилась компаньонкой у своей родственницы; какъ съ приходомъ большевиковъ мужъ родственницы съ дѣтьми уѣхалъ за-границу, а она осталась съ женою въ городѣ; какъ потомъ арестовали родственницу и она, Наташа, осталась на улицѣ безъ средствъ, почти безъ вещей и вотъ теперь перебивается со дня на день грошевой работой». «Ты знаешь, я еще ничего съ утра не имѣла во рту, подожди, будемъ пить кофе», и она вышла. Невеселыя мысли зароились въ моемъ воображеніи: Вотъ она нищета и голодъ, а кто поручится, что въ одинъ прекрасный день ты съ Люшей не очутишься въ такомъ же положеніи. Какая ужасная мысль! Отъ одной мысли дѣлается уже холодно. Вошла Наташа, неся на подносѣ два стакана какой-то мутной жидкости и тарелку, на которой лежали черные кусочки чего-то, оказавшейся кофейной гущей съ прибавкой овсянной муки и соли, подсушенной на огнѣ. Это она ѣла вмѣсто хлѣба. Въ пальто у меня лежала маленькая булочка для больной швейцарихи; я ее подала Наташѣ: «Но я съѣмъ твой завтракъ», протестовала она. Я поспѣшила ее увѣрить, что уже завтракала. Сговорившись, что она завтра къ намъ придетъ, мы разстались . . .

22 Февраля

Ниночка запиской сообщила, что Н. перевели въ центральную и повидимому дѣло его скверно, если не поможетъ какая-нибудь счастливая случайность. Къ обѣду пришла Наташа. Добрая М. накладывала ей двойныя порціи на тарелку. Дѣйстви-

тельно, сегодня я замѣтила, какъ страшно она измѣнилась. Остались кости и кожа; страдаетъ еще всевозможными недугами, но духъ поразительно бодръ. Она разсказала намъ, что она слышала отъ одного большевика, которому подарила экспропріированную ею въ чужой квартирѣ лампу, о томъ, что дѣла нашихъ далеко не такъ плохи: Либава до сихъ поръ въ нѣмецкихъ рукахъ и наши медленно, но упорно подвигаются впередъ. Въ красной арміи много дезертировъ и вообще солдаты, не латыши, идутъ неохотно и только благодаря страшному террору, примѣняемому большевиками въ войскахъ. Мы выпили даже за здоровье Наташинаго большевика за эти вѣсти! . . .

24 Февраля

Отправились съ Д. и Н. въ центральную тюрьму съ вещами и ѣдой. Долго пришлось ждать, пока наконецъ вышли сторожа и по очереди стали принимать вещи. Сейчасъ и наша очередь; сторожъ подошелъ къ стоявшей передъ нами молоденькой дѣвушкѣ; «кому», былъ его вопросъ; она назвала фамилію. «Его уже нѣтъ». «Какъ нѣтъ, вѣдь отца еще не вызывали въ трибуналъ». — «Не знаю; можетъ быть, перевели», онъ отвѣчалъ неохотно, избѣгая смотрѣть въ лицо. Дѣвушка заплакала. «Скажите, вѣдь его не убили?» — «Говорю, не знаю; сходите къ тюремному комиссару, можетъ, узнаете», посовѣтовалъ онъ ей и обратился къ намъ. Наши вещи были приняты; и этому радуешься . . .

25 Февраля

Попавшійся на улицѣ В. мнѣ разсказалъ, что несчастный Н. обнаруживаетъ въ тюрьмѣ признаки сумасшествія. Очевидно, что все случившееся съ нимъ въ тотъ ужасный день имѣло для него роковое послѣдствіе.

26 Февраля

Боже, еще драма! Арестовали нашего милаго старика сапожника, живущаго съ женою визави насъ въ подвальномъ помѣщеніи, — нашли у него золотой портсигаръ, данный ему однимъ изъ давнишнихъ кліентовъ на сбереженіе или для продажи — неизвѣстно. Старикъ былъ возмущенъ и всю дорогу, говорятъ, ругалъ своихъ мучителей, которые, не доставивъ его въ тюрьму, по дорогѣ застрѣлили. Несчастная старушка долго не получала разрѣшенія его хоронить; на покупку гроба разрѣшенія не получила, похоронивъ его завернутымъ въ простыню.

4 Марта

Я и сейчасъ еще не могу придти въ себя отъ всего видѣннаго мною сегодня. Когда я возвращалась домой вдоль Schützengarten'а, то я встрѣтила со стороны Вейдендамма толпу дѣтей и женщинъ подъ конвоемъ, направляющуюся въ сторону къ Двинѣ. Взрослыхъ было сравнительно не такъ много, все больше дѣти различныхъ возрастовъ. Старшіе вели младшихъ за руку; но что въ этой толпѣ дѣтей поражало, это безпримѣрное спокойствіе этихъ маленькихъ арестованныхъ. Старшіе шли съ серьезными сосредоточенными лицами, изрѣдка наклоняясь къ младшимъ, чтобъ отвѣтить на заданный вопросъ или подбодрить утомившагося малыша. На улицѣ всѣ были возмущены видомъ этого потрясающаго зрѣлища. Чернь выражала громко свой протестъ. Слышались возгласы: поскорѣй бы уже пришли «они», а то житья нѣтъ отъ этихъ проклятыхъ, только народъ морятъ! Невольно вспомнилась мнѣ другая картина, съ какимъ восторгомъ тогда этотъ самый народъ встрѣчалъ вступленіе въ городъ большевиковъ! Да, картина совершенно измѣнилась; теперь ихъ встрѣчаютъ молча и провожаютъ глазами полными ненависти и затаенной злобы. — Не оправдали себя большевики, даже въ глазахъ черни . . . Когда толпа арестованныхъ дѣтей заворачивала за уголъ сада, передо мной на одну минуту мелькнула сестринская бѣлая косынка и знакомая фигура. — Дэзи! но нѣтъ, какимъ образомъ могла она попасть въ

эту толпу?! Но разъ зародившаяся мысль не давала мнѣ больше покою и я быстро направилась въ клинику, чтобы лично убѣдиться, что она тамъ. Въ клиникѣ ничего не могли сказать, кромѣ того, что Д. ушла по порученію одной больной и еще не возвращалась. Послѣ обѣда, когда я собиралась опять пойти въ клинику, раздался звонокъ и въ столовую вошла сама Дэзи. Она разсказала намъ обо всемъ случившемся. Утромъ она, по порученію больной, пошла къ ней на квартиру, чтобы привести дѣтей къ матери, которую день передъ этимъ оперировали. Не заставъ бабушки дѣтей, она съ помощью бонны одѣла ихъ и, выйдя съ ними на лѣстницу, столкнулась съ солдатами, которые приказали ей остановиться и ждать, въ виду того, что въ домѣ идутъ обыски и аресты. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій она присѣла съ дѣтьми на ступенькахъ, приблизительно черезъ полчаса показались изъ всѣхъ квартиръ женщины и дѣти въ сопровожденіи вооруженныхъ солдатъ. Вся процессія двинулась по лѣстницѣ внизъ; имъ было тоже приказано слѣдовать за другими. Во дворѣ стояла уже толпа арестованныхъ, готовая къ отводу, къ ней присоединились и она. Раздалась команда и толпа двинулась впередъ . Ей ничего не оставалось, какъ взять малышей за руки и слѣдовать за другими. Дорогой она спросила рядомъ съ ней идущаго солдата, куда ихъ ведутъ. «Не знаю, сестрица, должно быть въ тюрьму». — «За что же?» — «А кто ихъ знаетъ, намъ неизвѣстно». Дэзи стала ему разсказывать, какъ она попала, и что мать дѣтей лежитъ послѣ операціи и ждетъ ихъ теперь къ себѣ . . . Солдатъ хмуро молчалъ. Когда подходили къ зданію тюрьмы, открылись ворота и арестованныхъ повели внутрь. Солдатъ вдругъ нагнулся къ ней и шепнулъ: «уходи, сестрица, съ дѣтьми». Сначала она хотѣла слѣдовать за другими, но мысль объ ожидающей своихъ дѣтей больной измѣнили ея первое чувство и она скользнула съ дѣтьми въ сторону. Сегодняшній арестъ дѣтей былъ будто бы отвѣтомъ большевиковъ на присланную будто-то телеграмму нѣмцевъ о томъ, что они будутъ безпощадны къ семьямъ большевиковъ. Каждому, конечно, было ясно, что это было провокація со стороны большевиковъ, предлогъ для новыхъ звѣрствъ! Изъ одной уже только боязни за своихъ близкихъ въ Ригѣ не прислали бы они такой вызывающей телеграммы.

5 Марта

Повидимому, происходитъ нѣчто серьезное на фронтѣ. Большевики проявляютъ большую дѣятельность въ городѣ. Вышелъ строгій приказъ позже шести не показываться на улицѣ. Часть арестованныхъ эвакуирована въ Двинскъ. Цѣлые обозы съ вещами ограбленныхъ и опустошенныхъ квартиръ тянутся по направленію къ товарной станціи.

9 Марта

Ночью слышна была канонада; гдѣ бы это могло быть? Я встала, открыла окно и, присѣвъ на подоконникъ, съ удовольствіемъ вдыхала свѣжій морозный воздухъ ночи, прислушиваясь къ отдаленнымъ выстрѣламъ. Отъ времени до времени слышенъ шумъ несущагося по улицѣ автомобиля-грузовика; тамъ дальше свистъ локомотива и шумъ поѣздовъ. Въ морозномъ воздухѣ каждый звукъ отчетливо слышенъ. Сегодня, повидимому, дѣятельная ночь у большевиковъ, — это всегда въ связи съ событіями на фронтѣ — и критическій моментъ для жителей Риги.

10 Марта

Моя больная уже немного встаетъ. Скоро моя задача будетъ оконченной здѣсь. Эти дни пушечная стрѣльба почти безпрерывна; особенно хорошо слышна подъ утро. Въ городѣ тоже царитъ большое оживленіе. Прибываютъ все свѣжія части. Я видѣла, какъ они шли съ вокзала. Публика все довольно разношерстная. Вечеромъ Д. зашла сообщить, что ихъ клиника взята подъ красноармейскій лазаретъ. Всѣхъ

больныхъ выселили; привезено много раненыхъ съ фронта. Д. оставила тоже клинику, хочетъ недѣлю отдохнуть. Рижскіе дома пустѣютъ не по днямъ, а по часамъ; все, что возможно, увозится изъ города.

12 Марта

Мои старички просятъ меня, если я и найду работу гдѣ-нибудь въ клиникѣ, остаться съ Люшей жить у нихъ; я имъ сердечно за это благодарна. Мы такъ сжились хорошо вмѣстѣ. Съ 15 начну пріискивать себѣ занятія, будетъ это вѣрно нелегко при теперешнихъ обстоятельствахъ.

15 Марта

Изъ Митавы безпрестанно прибываютъ поѣзда. Привезено опять много арестованныхъ и раненыхъ. Очевидно, Митавѣ грозитъ какая-то «невѣдомая сила»! . . .

16 Марта

Съ двухъ часовъ ночи прислушиваемся къ необыкновенному оживленію на улицѣ. Поминутно несутся моторы съ солдатами и грузомъ, тянутся безконечные обозы съ фуражемъ. Сегодня начались опять въ городѣ массовые аресты. Нѣтъ сомнѣнія, «невѣдомая сила» приближается. Въ газетахъ ничего нѣтъ, еще меньше, чѣмъ обыкновенно. Просто иногда отчаяніе беретъ. Сегодня была въ двухъ частныхъ клиникахъ — вездѣ сестеръ сверхъ комплекта! . . .

17 Марта

Въ городѣ ходятъ смутные слухи о взятіи Митавы; мнѣ кажется, что это правда. Въ этихъ случаяхъ улица лучшій барометръ, а она эти послѣдніе дни какая-то необыкновенно нервная и суетливая — признакъ неувѣренности. Сейчасъ заходила м-мъ С. и сообщила, что ходятъ слухи, что въ тюрьмахъ производятся массовые разстрѣлы заключенныхъ. Она сама сейчасъ видѣла, какъ изъ воротъ тюрьмы выѣхалъ грузовикъ съ заключенными и вооруженными женщинами и быстро понесся по направленію Кайзервальда. Она, бѣдняга, страшно волнуется за своего мужа. Помоги намъ Богъ! . . .

18 Марта

Въ газетахъ ничего о взятіи Митавы, какъ будто и все благополучно, опять безконечные столбцы декретовъ! Но одинъ довольно подозрительный — объ очисткѣ домовъ отъ квартирантовъ. По улицамъ Александровской, Маріинской, Суворовской и Елисаветинской до 22 номера, т.-е. какъ разъ до нашего дома. Не готовятъ ли себѣ большевики отступленія. Всѣ улицы по одному направленію! Въ остальномъ, все по старому! Дэзи въ отчаяніи, получила отъ санитарнаго отдѣла бумагу о явкѣ, предполагается мобилизація сестеръ на фронтъ.

19 Марта

Слухи о взятіи Митавы подтверждаются безбожной расправой большевиковъ съ заключенными. Въ третьемъ часу зашла ко мнѣ Дэзи, прося меня пойти съ нею въ тюрьму, она узнала, что братъ Рольфъ привезенъ изъ Митавы и она надѣется, что, можетъ быть, ей удастся черезъ ей уже знакомаго комиссара что-нибудь для него сдѣлать . . . Надежда у нея, конечно, небольшая, — мы отправились. У воротъ тюрьмы стояла уже громадная толпа родственниковъ и близкихъ, жаждущихъ узнать что-нибудь о судьбѣ своихъ дорогихъ заключенныхъ. Здѣсь были всѣхъ классовъ общества люди, мужчины и женщины. Въ своемъ ужасномъ одномъ общемъ несчастьи они представляли какъ бы одно цѣлое, одну душу. Мы съ Д. направились къ тюремному комиссару, но вмѣсто прежняго здѣсь сидѣлъ незнакомый. Д. робко спросила, не можетъ ли она видѣть комиссара Краузе. Его мрачный замѣститель подозрительно посмотрѣлъ изъ подлобья на насъ и, молча открывъ дверь, крикнулъ въ комнату

рядомъ: «товарищъ Краузе, здѣсь почему-то предпочитаютъ къ вамъ лично обратиться». — «По какому дѣлу?» и онъ появился въ дверяхъ сосѣдней комнаты. Увидѣвъ насъ, онъ холодно замѣтилъ, что его замѣститель налицо. Д. сконфуженно извинилась, объяснивъ, что думала, что нужно къ нему лично обратиться. «Совершенно одинаково», и онъ исчезъ за дверью. «Въ чемъ же дѣло», спросилъ сидѣвшій за столомъ, не переставая писать. Д. отвѣтила, что желала бы получить справку о своемъ родственникѣ. «Сегодня никакихъ справокъ не выдается, въ виду различныхъ непредвидѣнныхъ перемѣнъ», отчеканилъ сидѣвшій. Мы вышли на улицу; какъ разъ въ это время къ тюрьмѣ приближалась телѣга, на ней груда лопатъ, вслѣдъ за ней слѣдовали женщины съ ружьями. Что бы это могло значить? Всѣми нами овладѣло какое-то недоброе предчувствіе. Ворота, какъ по волшебству, открылись, и ужасная телѣга съ ея грузомъ и мрачнымъ эскортомъ исчезла изъ глазъ. Я обернулась въ сторону Д., но ея не было около меня, она исчезла, какъ сквозь землю. Пока я стояла, думая, что предпринять, она вдругъ такъ же неожиданно появилась въ открывшихся на минуту воротахъ тюрьмы. Косынка ея была на боку, а правый рукавъ пальто былъ вырванъ и висѣлъ. Переведя духъ, она сказала. «Ты видѣла этотъ ужасъ! Сейчасъ ихъ всѣхъ разстрѣляютъ. Я видѣла Нагго, онъ стоялъ внизу у окна, съ нимъ были другіе, всѣ страшно блѣдные. Онъ меня узналъ, вскочилъ на подоконникъ и крикнулъ въ форточку что-то — мнѣ показалось: «молитесь за насъ» и еще что-то. Я подбѣжала ближе, но эти ужасныя женщины-звѣри уже схватили и потащили меня къ воротамъ. Подумай, они уже знаютъ, что ихъ ждетъ». Въ толпѣ послышались рыданья, это была невыносимая картина человѣческихъ страданій, горя и отчаянія . .. Къ намъ подошли солдаты, приказавъ намъ немедленно разойтись. Съ какимъ ужасомъ въ душѣ ушелъ каждый! . . .

20 Марта

Всю ночь не сомкнули глазъ. Слухи о массовыхъ разстрѣлахъ подтверждаются разсказами очевидцевъ. Изъ солдатъ большинство отказалось стрѣлять. Эту «священную обязанность» приняли на себя женщины-латышки. Я думаю, это единственный примѣръ въ исторіи міра. Сегодня и нашъ часъ пробилъ! Въ два часа заявился къ намъ мрачнаго вида субъектъ, по его словамъ, военный комиссаръ, съ требованіемъ, чтобы квартира нами была оставлена завтра до часу, въ виду того, что у насъ нѣтъ ордера на проживаніе въ ней. На вопросъ старушки-баронессы, нельзя ли получить такое разрѣшеніе, въ виду ея и обоихъ стариковъ болѣзненнаго состоянія, онъ коротко отвѣтилъ: «пробуйте». Старушки мои были уже опять готовы повѣрить, что это возможно и все устроится, и мнѣ большихъ трудовъ стоило ихъ уговорить, хотя бы серебро изъ кушетки убрать сегодня куда-нибудь изъ квартиры. Я была увѣрена, что, какъ и вездѣ раньше, утромъ рано явятся агенты и не разрѣшатъ ничего взять, даже изъ самаго необходимаго. Старичковъ уговорила тоже сегодня же отослать свои вещи къ родственнику, чтобы завтра не остаться безъ всего. Они всѣ такъ и сдѣлали. Вечеромъ мы съ М. выбрали все серебро и съ помощью племянницы вынесли изъ квартиры въ болѣе безопасныя мѣста. Уже поздно вечеромъ уложила я свои и Люши вещи и Берта снесла ихъ въ подвалъ, откуда ихъ во всякомъ случаѣ будетъ легче взять. Старушки тоже послѣдовали моему совѣту. Туда же были снесены и съѣстные припасы.

21 Марта

Утромъ пошли съ М. за разрѣшеніемъ и, конечно, не получили; намъ всѣмъ отвели двѣ небольшія комнаты съ двумя кроватями гдѣ-то у черта на рогахъ. Я тогда предъявила свой «историческій документъ», ссылаясь на то, что вся моя работа въ этомъ раіонѣ, на основаніи чего, получила разрѣшеніе на одну комнату въ раіонѣ, гдѣ до

сихъ поръ проживала. Кромѣ того, получила разрѣшеніе на перевозъ вещей «въ установленной нормѣ». Мы вернулись домой довольно удрученныя. Такого результата мои старички не ожидали. Съ забѣжавшей къ намъ Н. пошли сейчасъ по частнымъ клиникамъ и въ одной еще нашли свободную комнату, куда я и перевезла сейчасъ свою бывшую больную. М. съ обоими старичками отправились въ отведенныя имъ двѣ комнаты на Матвѣевской улицѣ. Прислуга размѣстилась по знакомымъ, а я, взявъ Люшу за руку, отправилась искать себѣ пріютъ. Это, какъ потомъ оказалось, — было нелегко. Узнавъ, что мы выселены, люди боялись принять насъ къ себѣ. Такъ прошли мы дюжины двѣ квартиръ, получая вездѣ одинъ отвѣтъ: «мы бы съ радостью, но . . .» Уставшіе и голодные возвращались мы къ Д., когда намъ навстрѣчу попалась опять Наташа и, узнавъ въ чемъ дѣло, предложила сейчасъ сходить къ своей петроградской знакомой, у которой еще, кажется, имѣется свободная комната. Д. мы не застали дома, но Саша былъ трогателенъ, онъ принесъ намъ горячаго кофе съ хлѣбомъ и предложилъ отъ Дэзинаго имени побыть у нихъ, пока найдемъ себѣ пріютъ. Разсказалъ, съ какимъ трудомъ удалось Д. отдѣлаться отъ мобилизаціи, получивъ черезъ посредство одной сестры мѣсто въ больницѣ, гдѣ она и работаетъ уже третій день. Вскорѣ пришла Наташа съ доброю вѣстью и мы, не тратя времени, съ помощью дворника и телѣжки, перевезли свои вещи. Комната оказалась съ отдѣльнымъ ходомъ на лѣстницу, уютная, съ двумя кроватями, а сама хозяйка отличнымъ человѣкомъ. — Ну, вотъ покой и у пристани! Уже поздно вечеромъ кто-то постучалъ къ намъ въ дверь. Это была бар. М., пропустившая послѣдній трамъ, и, боясь идти пѣшкомъ въ отдаленную и глухую часть города, она пришла къ намъ переночевать. Милая М. принесла намъ еще булку, хлѣба и крупъ, это было кстати, такъ какъ у насъ, кромѣ карточекъ на «кригзуппе», ничего не было. Да, вопросъ питанія меня удручаетъ. Купить ничего нельзя, или цѣны такія, что голова кругомъ идетъ. Весь мой запасъ 1000 р., но при этихъ цѣнахъ, это капля въ морѣ . . .

23 Марта

Была въ трехъ клиникахъ, ничего нѣтъ. Наташа тоже съ своей стороны бѣгаетъ, узнаетъ. Сегодня съ ней были у ея хорошаго стараго знакомаго доктора, присланнаго въ Ригу совѣтскими властями открыть на взморьѣ санаторію. Онъ принялъ насъ очень любезно, обѣщалъ устроить, но услышавъ мою фамилію, поторопился взять всѣ свои обѣщанія обратно. На всѣ увѣренія Наташи, что у меня есть латышскій документъ, онъ отвѣчалъ: «поймите же, что могутъ случайно узнать, мое положеніе, какъ прежняго монархиста, и безъ того очень непріятное». И эта надежда разсѣялась дымомъ! Унылыя мы вернулись домой. Сегодня въ первый разъ почувствовала невыносимую боль въ груди, принуждена была даже прилечь. Добрая Н. принесла мнѣ грѣлку, отъ которой стало лучше.

27 Марта

Положительно теряю голову чѣмъ кормить Люшу. Хлѣбъ, который достается съ большимъ трудомъ, стоитъ 25 р. фунтъ, масло 65 р. фунтъ, крупа 25 р. фунтъ, картофель 4 р. фунтъ. Сегодня съ большимъ трудомъ достала четыре фунта хлѣба по 25 р., десять фунтовъ овсянной горькой муки по 10 рублей и растительнаго масла 30 р. за фунтъ, итого 230 р.

29 Марта

Была еще въ различныхъ клиникахъ и лазаретахъ, вездѣ одинъ отвѣтъ: сестеръ сверхъ комплекта. По дорогѣ зашла къ Наташѣ. Прислуга сказала, что она еще не встала; мнѣ это показалось странымъ, я постучала въ дверь, отвѣта нѣтъ, громко позвала ее по имени. Раздались шаги, дверь открылась и Наташа опять скрылась

за ширмой въ постели. «Иди сюда», позвала она меня. Подойдя и присѣвъ къ ней на кровать, я спросила ее, здорова ли она. «Понимаешь, лежу, чтобы не ощущать голода, буквально нѣтъ больше силъ жить. Спасибо, что ты пришла, я хотѣла уже положить конецъ этому ужасному существованію, опоздай ты немного, и я выпила бы эту гадость». Она указала на стаканъ, стоявшій на стулѣ у постели. «Что это?» — «Сулема». — «Наташа!» «Да вѣдь пойми же два дня ничего не ѣла, а вотъ эта дрянь своего кота ветчиной кормитъ и знаетъ, что рядомъ человѣкъ съ голоду умираетъ», прибавила она, указавъ на дверь хозяйки. Я вылила жидкость изъ стакана въ ведро и сказала, что не уйду, пока она не встанетъ, что затѣмъ мы пойдемъ ко мнѣ и тамъ рѣшимъ, какъ быть. Люша навѣрно уже давно проголодался и ждетъ меня. Остальную часть дня Н. провела у меня, помогая мнѣ въ нашемъ несложномъ хозяйствѣ. Рѣшено было, что она съ утра будетъ приходить къ намъ и исполнять мои обязанности дома, пока я буду рыскать въ поискахъ за занятіями.

30 Марта

Буквально вездѣ, куда ни сунешься, вездѣ одинъ отвѣтъ, нѣтъ свободныхъ вакансій. Зашла Д., она уже девять дней работаетъ въ больницѣ. Работа тяжелая исключительно ночью. Питаніе ужасное, одно хорошо — одинъ фунтъ хлѣба обезпеченъ каждый день. Она обѣщала поговорить со ст. сестрой относительно меня. Видъ у нея очень утомленный и похудѣла она очень; я на нее произвела такое же впечатлѣніе. Она осталась у насъ къ обѣду, который состоялъ изъ стакана чернаго кофе и овсянныхъ блинчиковъ. Н. была за хозяйку и съ свойственнымъ ей юморомъ брала все съ комичной стороны. Я къ сожалѣнію должна была опять прилечь, такъ какъ боли ужасныя . . .

31 Марта

Сегодня исходила всѣ лазареты до послѣдняго и ничего! . . . Вернувшись домой, сейчасъ же легла. Милая Н. принесла горячаго чаю. Пока они обѣдали, я лежала и, чтобы не кричать отъ отчаянія и боли, напѣвала какой-то однообразный мотивъ. Вечеромъ съ Наташей сосчитали наши финансы; за девять дней израсходовано 470 р. Что же дальше? Есть отъ чего съ ума сойти . . .

1 Апрѣля

Сегодня съ Н. тащили черезъ весь городъ въ ремняхъ купленные дрова; достать кого-нибудь, чтобы принесъ, нѣтъ никакой возможности. Дрова теперь тоже своего рода предметъ роскоши; кольцо 35 р. — Устали, какъ почтовыя лошади, а ко всему этому еще эти ужасныя боли. Около четырехъ часовъ зашла Ниночка за Люшей; сегодня рожденіе Андрюши, а мы съ Наташей прилегли. Около шести часовъ постучали въ дверь. Н. открыла, я не слышала съ кѣмъ и о чемъ она говорила, но вдругъ раздалось громкое ура. Я вскочила. Въ комнату вошелъ Саша и волнуясь сообщилъ, что сестра прислала сказать, что въ виду болѣзни одной изъ сестеръ есть свободная вакансія и, если я къ 7 часамъ сегодня явлюсь, то мѣсто останется за мною. Ура! Вмигъ все было забыто, и боли, и голодъ! Оставался часъ на всѣ сборы и дорогу. Черезъ полчаса уходилъ послѣдній трамъ. Поручивъ Люшу заботамъ Н. и сунувъ въ сакъ халатъ и косынку, я въ сопровожденіи Саши направилась къ трамваю. Дорогой онъ мнѣ разсказалъ, что моя предшественница заболѣла тифомъ и что вообще въ больницѣ свирѣпствуетъ тифъ. Ровно въ 7 часовъ я была уже на мѣстѣ. Старшая сестра встрѣтила меня привѣтливо; пошла со мною въ канцелярію, гдѣ уже сидѣли исключительно только товарищи. Здѣсь были провѣрены мои бумаги, вѣрнѣе мой историческій документъ и я включена въ штатъ служащихъ. Затѣмъ сестра повела меня по отдѣленіямъ. У меня ихъ оказалось три, больныхъ около 300 человѣкъ, тяжело больныхъ 20, изъ нихъ пять были тифозные, но лежали въ общихъ палатахъ;

предполагалось ихъ перевести въ тифозное отдѣленіе, когда тамъ освободятся мѣста. Начало недурно, думала я, но одинъ фунтъ хлѣба чего-нибудь да стоитъ! Въ 8 часовъ вступила на дежурство. Сестры въ отдѣленіяхъ латышки, за исключеніемъ двухъ; одна изъ нихъ особенно была симпатична, сестра Регина, къ сожалѣнію, черезъ два мѣсяца ея уже не стало, она умерла отъ тифа. Въ 9 часовъ пришелъ дежурный врачъ и, обойдя со мною всѣ палаты, ушелъ къ себѣ, а я, улучивъ свободный моментъ, спустилась внизъ къ Дэзи. Свиданіе было радостное, теперь будемъ вмѣстѣ работать, вмѣстѣ домой уходить. До одиннадцати было все спокойно, мы съ Д. успѣли уже нѣсколько разъ повидаться и обмѣняться мыслями. Съ 12 ч. началась работа. Привезли раненыхъ и больныхъ. Въ мое отдѣленіе 40 человѣкъ. Несчастные должны были мыться въ холодной водѣ, такъ какъ низшій служебный персоналъ не работаетъ ночью и горячей воды ночью не имѣется. Нѣкоторые были съ высокой температурой и я спросила дежурнаго врача, какъ же быть, неужели и имъ лѣзть въ холодную ванну. «Разъ такое постановленіе существуетъ, приходится подчиняться», былъ отвѣтъ. Брань и неудовольствіе царили среди больныхъ. Помимо всего этого многимъ изъ нихъ пришлось лечь въ своемъ грязномъ бѣльѣ, такъ какъ чистаго не хватало на всѣхъ. Пока вся эта процедура мытья, бритья и стрижки и записей продолжалась, было уже три часа. Тяжело больные отнимали тоже много времени. Въ каждомъ отдѣленіи былъ свой шприцъ для вспрыскиванія морфія и камфоры, но ничего для дезинфецированія иглъ, такъ что я въ первое свое дежурство и не рискнула прибѣгнуть къ этому сомнительному «инструменту», вслѣдствіи чего несчастные тяжелораненые страшно страдали. Въ пять часовъ зашумѣли подъ окнами автомобили. Неожиданная эвакуація пятидесяти больныхъ. Опять пришлось ихъ собирать и отправлять. Въ $7^1/_2$ часовъ явились дежурныя сестры и мы съ Д., сдавъ отдѣленія, отправились внизъ въ кухню за своей суточной порціей. Оказалось, что сегодня еще давали четверть фунта колбасы, это уже роскошь! Уложивъ эти драгоцѣнности въ сакъ, мы вышли на улицу, гдѣ еще простояли минутъ двадцать въ ожиданіи трамвая. Отъ усталости мы едва говорили и, найдя свободныя мѣста, успѣли вздремнуть дорогой. Дома прошла сейчасъ въ ванную, гдѣ умылась и перемѣнила бѣлье и платье, послѣ чего только вошла въ нашу комнату, гдѣ Люша и Наташа ждали съ кофеемъ. Наскоро выпивъ горячаго кофе, я сейчасъ же легла. Н. сѣла съ Люшей за нѣмецкій урокъ, обѣщавъ разбудить меня въ два часа. Отлично выспавшись, дала Люшѣ урокъ русскаго языка, а затѣмъ принялись съ Н. за глаженіе бѣлья. Въ $6^1/_2$ час. пришлось уже опять отправляться. По дорогѣ зашла за Д., ей бѣдной сегодня сильно нездоровилось. Вторая ночь была очень безпокойная. Кромѣ привезенныхъ раненыхъ и больныхъ мнѣ принесли еще съ улицы двухъ умирающихъ рабочихъ. Осмотрѣвъ ихъ, докторъ сказалъ, что повидимому отъ истощенія и посовѣтовалъ ихъ положить прямо въ такъ называемую «покойницкую». «Неужели, ничего сдѣлать нельзя?» «У насъ для этого ничего нѣтъ, понимаете. Нѣтъ соотвѣтствующихъ средствъ, даже горячей воды не имѣется. Игра не стоитъ свѣчъ», замѣтилъ онъ, уходя. Когда я нагнулась надъ однимъ, то замѣтила крупную слезу, скатившуюся изъ подъ полузакрытыхъ вѣкъ. Можетъ быть, отецъ семейства, подумала я. Нѣтъ, какъ-то еще не всѣ чувства притупились. Найдя свободную койку, велѣла его положить. У ст. сестры вымолила электрич. кипятильникъ и, согрѣвъ воду, обложила его горячими бутылками, сдѣлала нѣсколько вспрыскиваній камфоры и сама не повѣрила глазамъ, когда черезъ два часа замѣтила маленькую перемѣну къ лучшему въ пульсѣ. Мало по малу онъ пересталъ хрипѣть. Съ помощью санитара влила ему въ ротъ немного теплаго молока. Онъ сталъ дышать ровнѣе. Второй былъ очень старъ и всѣ мои старанія не увѣнчались успѣхомъ, пришлось его дѣйствительно

отнести въ «покойницкую». Къ утру мой «пацiентъ» пришелъ въ себя. Я принесла ему немного булки и молока, выпросивъ для него у эконома. Онъ съѣлъ малость и выпилъ. Передавая отдѣленiе, просила сестру обратить на него особенное вниманiе. Домой пришлось пойти пѣшкомъ, по случаю того, что въ воскресенье трамваи не ходятъ.

2 Апрѣля

Напившись чаю, не ложась, отправились съ Н. на рынокъ. Положительно ничего нѣтъ! Послѣ безконечнаго хожденiя купили изъ подъ полы для Люши одинъ фунтъ масла 60 р. и немного картофеля и брюквы. Еслибы не этотъ фунтъ хлѣба, что я приношу каждый день, можно было бы буквально умереть съ голоду. Боли мои даютъ себя сильно чувствовать, иной разъ должна прилечь, чтобы не сдѣлалось дурно. Плохо, коли здоровье еще измѣнитъ! Сегодня мнѣ такъ и не пришлось поспать. Только что я кончила урокъ съ Люшей, пришла бар. М. съ всевозможными новостями и просьбой взять къ себѣ немного бѣлья и серебра. Условились, что Юлiя принесетъ вечеромъ Н. На дежурство пришлось идти опять пѣшкомъ. Дорогой почувствовала опять сильныя боли. Дэзи тоже едва плелась съ страшной головной болью. Одна радость для меня была найти своего пацiента уже сидящимъ на кровати. Онъ со слезами благодарилъ меня. Ему уже все разсказали больные. Сегодня въ общемъ довольно спокойное дежурство, только боли мои меня прямо съ ума сводятъ. Составила три табурета и попробовала прилечь хоть на нѣсколько минутъ, но, повидимому, задремала. Проснулась отъ быстрыхъ шаговъ въ корридорѣ и, когда я вскочила, то Дэзи стояла передо мною, но въ какомъ видѣ! Безъ косынки, волосы растрепанные, вся красная, взволнованная, съ полными слезъ глазами. «Что случилось?» спросила я. «Нѣтъ, это право больше, чѣмъ человѣкъ можетъ выдержать». Она расплакалась. Давъ ей успокоиться, я просила ее толкомъ разсказать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что какой-то товарищъ Рѣзинъ изъ канцелярiи или изъ амбулаторiи влюбился въ нее и уже нѣкоторое время все пристаетъ къ ней съ своими чувствами. Она до сихъ поръ старалась отдѣлаться шутками; сегодня же ночью пришелъ къ ней въ дежурную и сдѣлалъ ей формальное предложенiе. Когда же она ему отказала, говоря, что замужемъ и хотѣла уйти, онъ схватилъ ее и не пускалъ. Не помня себя отъ ужаса, Д. ударила его по лицу. Онъ былъ страшно обозленъ и сказалъ, что она его попомнитъ, если не одумается, онъ уже сообщитъ, кому нужно, «кто мы такiя». Я ей посовѣтовала разсказать обо всемъ старшему врачу. «Это невозможно, онъ тогда навѣрно донесетъ». Да, положенiе пиковое, придется поломать голову, пока выйдешь изъ этого тупика! Рѣшили завтра обсудить этотъ вопросъ. Успокоивъ ее немного и проводивъ внизъ, я поднималась къ себѣ, когда услышала неистовый женскiй крикъ; даже спавшiй санитаръ вскочилъ. Въ тифозномъ отдѣленiи, крикъ былъ оттуда, послышалась бѣготня, громкiе голоса, затѣмъ все стихло. Уже утромъ мы узнали, что одинъ тифозный больной повѣсился. На слѣдующiй день былъ страшный скандалъ, который ст. врачу чуть не стоилъ жизни.

3 Апрѣля

Навѣстила сегодня въ клиникѣ свою бывшую пацiентку, она страшно обрадовалась; жаловалась, что частые обыски въ клиникѣ дѣйствуютъ убiйственно на ея нервы, но въ общемъ ей очень хорошо въ клиникѣ.

6 Апрѣля

Какъ все ужасно складывается. Бѣдная Д. заболѣла тифомъ. Ее положили въ ту же комнатку-дежурку, гдѣ два дня тому назадъ повѣсился больной. Сестра Р. будетъ около нея, это меня нѣсколько успокаиваетъ, такъ какъ это почти единственная опытная и добросовѣстная сестра. Бѣдный Саша, я зашла сообщить ему эту

грустную вѣсть. Бѣдный мальчикъ съ трудомъ сдерживался, чтобы не разрыдаться; онъ такъ безгранично любитъ свою маму Дэзи. Сегодня пришлось дежурить въ пяти отдѣленіяхъ, сестры латышки отказались дежурить ночью, а Дэзина замѣстительница сегодня не пришла. Работы было много: одного изъ привезенныхъ раненыхъ пришлось взять прямо въ операціонную, онъ истекалъ кровью. Всю ночь буквально не пришлось присѣсть. Одинъ моментъ мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что я должна была опуститься на подоконникъ, чтобы не упасть. «Да вы просто голодны, сестра, замѣтилъ врачъ. Вамъ надо чего-нибудь поѣсть, идите-ка ко мнѣ въ дежурку, не обижайтесь, что я прямо безъ церемоніи предлагаю Вамъ подкрѣпиться, у меня всего есть еще, слава Богу! Нельзя же всю ночь работать съ холоднымъ шумомъ въ желудкѣ». У него дѣйствительно было всего, даже горячій кофе съ молокомъ и сахаромъ. Подкрѣпившись и поблагодаривъ гостепріимнаго доктора, я хотѣла уходить, когда онъ мнѣ сказалъ: «Вотъ здѣсь кусокъ жаренаго мяса, булка, масло, кусокъ пирога, возьмите все это для Вашего мальчика. Я знаю, что у васъ есть сынъ, не обижайтесь на меня». Какая могла быть обида, я чувствовала глубокую благодарность къ этому доброму человѣку. Съ полными руками вернулась я въ дежурную. Передъ уходомъ домой, спустилась къ Д.; она лежала въ бреду, никого не узнавала и часто произносила имя Рольфа. Р. сказала, что она всю ночь была безпокойна, все порывалась выскочить изъ кровати. Сестра Р. тоже имѣетъ видъ страшно утомленный.

8 Апрѣля

Опять пѣшкомъ! Сегодня нѣтъ движенія до 12 ч., по случаю собранія служащихъ трамвая. Домой добралась еле живой, — жара нестерпимая. Прилегла, но уже въ часъ встала. Сегодня дѣтямъ обѣщана поѣздка на пароходѣ въ Гагенсбергъ къ Г. Вскорѣ пришли В. съ сыномъ и Саша и мы всей компаніей отправились на пароходную пристань. Дѣти были въ восторгѣ; все время весело болтали, даже суровыя лица большевиковъ на пароходѣ прояснились, глядя на ихъ веселыя, милыя мордочки. Отъ пристани пришлось еше кусочекъ пройти пѣшкомъ до дачи Г. Наташа всю дорогу каламбурила. Поздоровавшись съ хозяйкой, мы сейчасъ всѣ перешли въ садъ, гдѣ было страшно мило. Хозяйка извинялась, что кромѣ саго, ничего не можетъ предложить своимъ гостямъ. Мы ее успокоили, сказавъ, что съ нами есть все, что нужно. Н. въ корзиночкѣ забрала хлѣбъ, масло, пирогъ — вчерашній подарокъ нашего доктора. Дѣти были внѣ себя отъ радости, бѣгали, рѣзвились по саду. Для меня, несмотря на страшную усталость, эти три часа, проведенные въ этомъ зеленомъ уголкѣ, были дѣйствительно пріятнымъ отдыхомъ. Въ $6^1/_2$ вернулись въ городъ и я, у подъѣзда простившись съ дѣтьми, В. и Н., отправилась въ больницу. Саша проводилъ меня кусочекъ, поручивъ милліонъ поцѣлуевъ для своей Дэзи. Онъ и не знаетъ, что его мама Дэзи никого уже не узнаетъ больше. Какъ тяжело!

Сегодняшнюю ночь вмѣсто меня дежуритъ новая сестра, а я дежурю въ тифозномъ. Кромѣ Дэзи, другіе мои больные были спокойны. Д. все время вскакивала, пѣла, просила поминутно пить. Меня не узнавала, называя всевозможными именами; одинъ разъ, когда я ей подавала пить, она вдругъ наклонила голову и перекрестилась. Часто хватается за голову и стонетъ, повторяя «голова моя, голова» . . .

10 Апрѣля

Повидимому большевики крѣпко засѣли въ Ригѣ. У насъ въ больницѣ большинство изъ больныхъ симулянты. Народъ этотъ бѣгаетъ по больницѣ въ бѣльѣ, часто въ своемъ грязномъ, за недостаткомъ казеннаго, босыми и безъ халатовъ. Видъ удручающій! . . . Болѣе серьезныхъ паціентовъ приносятъ съ улицы, все жертвы голода! Сегодня принесли старика и старуху, которые почти сейчасъ же и скончались.

Страстная недѣля! Приближается праздникъ Пасхи, этотъ чудный праздникъ для всѣхъ христіанъ, но ничто не напоминаетъ о его близости . . . церкви всѣ стоятъ закрытыми. Мои «симулянты» ведутъ крупную карточную игру, цѣлыя кучи денежныхъ бумажекъ валяются на столахъ и кроватяхъ. Всѣ мои просьбы и требованія прекратить игру — не помогаютъ. Сегодня даже въ одной палатѣ на мое требованіе отдать карты одинъ латышъ злобно замѣтилъ: «Вы не очень, сестра, ретиво исполняйте полицейскія обязанности, въ лучшемъ видѣ подведемъ и вылетите отсюда». Ужасная публика!

Въ два часа ночи заявился ст. врачъ, пошелъ по палатамъ и засталъ въ одной карточную игру. Онъ страшно вспылилъ, переписалъ всѣхъ и сказалъ, что переведетъ ихъ въ штрафную роту. Мнѣ сдѣлалъ строжайшій выговоръ. Я, конечно, молчала. «Что же вы ничего не отвѣчаете?» вдругъ спросилъ онъ, идя по корридору. Я ничего не отвѣтила; онъ внимательнѣе посмотрѣлъ на меня и уже мягче прибавилъ «съ этимъ народомъ трудно, я скажу дежурному врачу сообщить больнымъ о приказѣ Троцкаго по войскамъ относительно карточной игры, а Вы, сестра, будьте тоже построже», и уже милостиво пожавъ мнѣ руку, пожелалъ спокойной ночи . . .

11 Апрѣля

Сегодня въ больницѣ общее собраніе. Я еще ни разу не была и ст. сестра посовѣтовала мнѣ пойти. Собраніе было около кухни въ обширномъ подвальномъ помѣщеніи; предсѣдательствовалъ ст. врачъ. Говорилъ все больше кухонный персоналъ: судомойки, сидѣлки, сторожа; медицинскій персоналъ сидѣлъ молча. Говорилось преимущественно о неудовлетворительности пищи. Нѣкоторые прямо заявляли, что въ больницѣ идетъ грабежъ за счетъ трудового люда, «и не безъ вѣдома ст. врача», раздалось съ заднихъ скамеекъ. Ст. врачъ нѣсколько разъ порывался отвѣтить, но ему не дали слова. Больные заявляли жалобу на грубое и невнимательное отношеніе сестеръ; отчасти это было вѣрно. Латышки-сестры были фамильярны въ своемъ обращеніи съ солдатами, но подчасъ грубы и рѣзки съ больными, особенно не изъ латышей. Но вотъ встала одна сестра и потребовала слова. Она говорила по латышски, но сидѣвшая рядомъ со мною сестра Герцхенъ перевела мнѣ: она возмущалась, что среди больничнаго персонала слишкомъ много нѣмецкаго элемента; неужели въ самой Латвіи говорила она, не нашлось достаточно латышей на эти мѣста. Возмущалась, что нѣмецкій языкъ преобладалъ даже среди сестеръ латышекъ, что во всемъ замѣчается пагубное для нихъ нѣмецкое вліяніе и что къ ея величайшему прискорбію она не замѣчаетъ ни малѣйшаго противодѣйствія этому со стороны старшихъ властей больницы. — Это уже походъ на насъ, думала я. Наконецъ поднялся ст. врачъ и заявилъ, что ни одинъ изъ вопросовъ, стоящихъ на очереди сегодня, не былъ обсужденъ и что за недостаткомъ времени онъ лишенъ возможности отвѣтить на всѣ сегодняшнія заявленія, а потому все откладывается до слѣдующаго общаго собранія. Поднялся шумъ, крикъ, руготня, — мы поторопились уйти.

12 Апрѣля

Бѣдной Д. очень плохо. Ей дѣлаютъ частыя вспрыскиванія камфоры и дегалена. Сашокъ каждый день заходитъ къ намъ узнать о сестрѣ, а я не рѣшаюсь сказать ему правду. Какъ тяжела жизнь!

13 Апрѣля

Сегодня зашла В. ужасно встревоженная: съ нѣкоторыхъ поръ въ министерствѣ ея мужу стали выказывать недовѣріе, а сегодня даже его другъ-капитанъ посовѣтовалъ ему проситься въ другой какой-нибудь отдѣлъ; онъ хочетъ просить мѣсто агронома въ деревню. Я высказалась, что на мой взглядъ это будетъ еще труднѣе, такъ какъ придется имѣть дѣло съ простыми латышами, для которыхъ онъ всегда останется

предметомъ ненависти, и лавировать въ этой средѣ будетъ еще труднѣе, а въ случаѣ прихода нашихъ даже опасно. Она увѣряла, со словъ мужа, что большевики сидятъ крѣпко и никогда не были такъ сильны, какъ въ данное время. Утѣшительно для насъ! Но кто знаетъ? Она предложила намъ ее проводить и напиться у нихъ чаю. Наташа играла немного на роялѣ.

17 Апрѣля

Первый день Пасхи! Какое унылое настроеніе, вездѣ хмурыя лица! Одна природа въ блескѣ своей весенней красоты празднуетъ этотъ свѣтлый праздникъ! Среди больныхъ царитъ тоскливое, нудное настроеніе. Только мелькающіе по палатамъ, сегодня особенно бѣлые халаты и косынки сестеръ, какъ бы протестуютъ противъ общаго сѣраго колорита. Сегодня умеръ у меня въ палатѣ русскій солдатъ; онъ былъ чахоточный и раненъ въ легкое; подозвавъ меня, попросилъ священника исповѣдываться. Пошла я въ канцелярію спросить, какъ же быть. «Не полагается», былъ короткій отвѣтъ. Бѣдняга повидимому страшно страдалъ, все просилъ меня посидѣть около него: «Я, сестрица, не большевикъ; видитъ Богъ, не по своей волѣ сюда пришелъ, нужда заставила. Не думай, сестрица, что народъ по своей волѣ идетъ . . . охъ, тяжело . . . и поисповѣдаться то не разрѣшили, мучители»; я его успокаивала, какъ могла. «Сестрица, коли помру, положи мнѣ въ гробъ вотъ этотъ образокъ и ладонку». Я конечно обѣщала исполнить. Къ утру бѣдняга умеръ. Положивъ въ скрещенныя на груди руки образокъ и ладонку, прикрыла его простыней. Господи, сколько такихъ мучениковъ умираютъ и за что? За какое доброе дѣло? Въ $7^1/_2$ часовъ явилась дежурная сестра. Узнавъ, что въ палатѣ находится еще покойникъ, она подошла и, рѣзкимъ движеніемъ сорвавъ простыню, удивленно посмотрѣла на меня: «кто его такъ положилъ»; на мой отвѣтъ, она какъ-то ядовито спросила: «какъ, вы даже не знаете, какъ кладутъ нашихъ?» Замѣтивъ образокъ, она еще возмущеннѣе закричала: «это еще что за гадость!» и отбросивъ его въ сторону, грубымъ движеніемъ вытянула руки покойника. «Всякая тутъ нѣмка будетъ свои порядки заводить», волновалась она. На этотъ разъ и больные были возмущены. «Это вы уже напрасно, сестра», замѣтили нѣкоторые робко. Я молча вышла, но внутри меня все кипѣло и возмущалось. Такая душевная грубость, я думаю, и среди звѣрей немыслима.

18 Апрѣля

Придя вечеромъ на дежурство, была встрѣчена восклицаніями сестеръ: «Слава Богу, вы не арестованы, здѣсь уже ходили слухи, что васъ съ вашимъ мальчикомъ арестовали на улицѣ». — «Пока нѣтъ ». «Ну, такъ еще будетъ», спокойно замѣтила писавшая за столомъ сестра Э. Сестры смѣялись: «Что вы такая злая сегодня, сестра?» «Ненавижу этихъ высокомѣрныхъ нѣмокъ, и чего онѣ всюду суются». «Ну, бросьте вашихъ высокомѣрныхъ нѣмокъ», смѣясь замѣтила я, «идемте въ отдѣленіе, передайте мнѣ вашихъ больныхъ». Она нехотя встала и пошла со мною. По дорогѣ поругалась съ солдатомъ, который жаловался, что не получилъ лѣкарства. Я вздохнула легче, когда она наконецъ ушла. Дэзи все еще между жизнью и смертью; докторъ къ ней очень внимателенъ. Сегодня принесъ лекарство для нея, которое съ трудомъ можно достать въ городѣ. Она теперь изрѣдка узнаетъ и какъ-то мелькомъ, несовсѣмъ ясно.

20 Апрѣля

Сегодня зашла М. и разсказала по секрету, что въ городъ проникъ подъ видомъ спартакиста нѣмецкій офицеръ и сказалъ кому-то изъ ея родственниковъ, что они надѣются взять Ригу. Боже, еслибы это только была правда! «Тяжелыя испытанія еще предстоятъ жителямъ города», вздохнула она. Я ей разсказала о сегодняшней

исторіи съ сестрой Э., она покачала головой. Наташа по обыкновенію, страшно волновалась и увѣряла, что «такую дрянь» необходимо отравить. —

23 Апрѣля

Наташа переѣхала съ вещами въ освободившуюся комнату рядомъ съ нами. Уплатили 40 р. керенками, на что симпатичная хозяйка и согласилась. Нѣсколько дней получаю по рецепту нашего врача двѣ кружки молока, которыя и приношу домой. Нашли еще одинъ источникъ, гдѣ получаемъ два раза въ недѣлю по одному штофу (8 р.), такъ что Люша еще не голодаетъ, но мы съ Н. живемъ впроголодь. Все это время вообще ни за какія деньги нельзя достать хлѣба, живемъ исключительно моимъ фунтомъ; говорятъ, что и намъ сбавятъ до $^3/_4$ ф.

25 Апрѣля

Была вызвана въ канцелярію, понадобились справки о моей прежней жизни, родственникахъ. На вопросъ, гдѣ мой мужъ, я отвѣтила, что былъ на фронтѣ, а гдѣ теперь, — мнѣ неизвѣстно. Записали мой городской адресъ, не знаю къ добру ли это все!

Сегодня опять страшнѣйшій скандалъ; какая-то сестра изъ бывшихъ сидѣлокъ по ошибкѣ впустила больному въ глазъ, вмѣсто капель, какой-то ѣдкой жидкости. Ее чуть не разорвали въ отдѣленіи. Это характеризуетъ порядки въ нашемъ заведеніи. У меня ночь была довольно благополучная, не считая собственныхъ болей. Д. здоровье неважно, но не хуже; она лежитъ спокойно, по временамъ плачетъ и какъ будто иногда заговаривается. Докторъ думаетъ, что со временемъ это можетъ пройти.

28 Апрѣля

Сегодня въ нашемъ домѣ шелъ обыскъ, я только что собралась идти спать, когда пришла наша хозяйка насъ предупредить. Наташа «ничтоже сумняшеся», написала на листѣ бумаги вершковыми буквами — сестра послѣ ночного дежурства спитъ и проситъ не безпокоить — и водворила на мою дверь съ лѣстницы. На ея вопросъ, что дѣлать съ бѣльемъ и серебромъ старушекъ, я только рукой махнула, «что Богъ дастъ!» Я была такой уставшей и боли до того замучили, что еслибы мнѣ сказали, что въ домѣ пожаръ, я бы и тогда не тронулась съ мѣста. Наташа съ Люшей перешли въ сосѣднюю комнату, а я почти сейчасъ заснула. Проснувшись послѣ пяти, узнала, что обыскъ благополучно миновалъ мою комнату. Какъ-то день теперь проходитъ для меня не замѣтно; живешь, какъ сова ночью. А дни стоятъ обворожительные. Сегодня, проснувшись, изъ постели любовалась въ открытое окно цвѣтущими каштанами и большимъ грушевымъ деревомъ, сплошь покрытымъ бѣлыми цвѣтами. Н. съ дѣтьми проводили меня часть дороги. Все уже зелено, солнышко такъ чудно свѣтитъ и такъ безконечно грустно на душѣ . . .

30 Апрѣля

Большевики готовятся къ празднованію 1-го мая. Сегодня, проходя, видѣла среди площади выстроенное на подобіе капища зданіе съ безконечными пирамидками вдоль площади. Огромные красные шесты, украшенные красными лентами и гирляндами цвѣтовъ съ массонской звѣздой на верхушкѣ, тянутся безконечной линіей вдоль улицъ. Вездѣ, куда ни посмотришь — красно. Вся эта бутафорія стоила, говорятъ, больше милліона, а кому она нужна, вся эта безвкусица! Развѣ это не есть пародія столь осуждаемыхъ старыхъ порядковъ? Въ больницѣ получился приказъ, требующій участія въ празднествѣ всѣхъ служащихъ кромѣ дежурныхъ. Я себя освободила отъ этой обязанности, въ виду ночного дежурства.

1 Мая

По случаю великоторжественнаго дня трамъ не ходитъ, и пришлось опять тащиться цѣлый часъ пѣшкомъ домой. Улицы уже съ 8 утра переполнены народомъ и всевозможными депутаціями. Все это строится въ безконечную процессію и подъ звуки музыки направляется со всѣхъ сторонъ къ соборной площади, гдѣ высочайшія власти и ораторы всевозможныхъ организацій, живописно группируясь на ступенькахъ храма свободы среди пальмъ и цвѣтовъ, намѣревались возвѣстить освобожденному ими народу новую эру въ исторіи человѣчества. Но, что бросается въ глаза въ этотъ историческій день торжества большевистскихъ идей, это отсутствіе спокойныхъ, довольныхъ лицъ, какъ обыкновенно бываетъ у людей связанныхъ одной общей идеей. Вездѣ, куда ни бросишь взглядъ, — недовольныя, мрачныя, равнодушныя лица. Повидимому, столь восхваляемая свобода не осчастливила освобожденнаго отъ гнета народа. Добравшись наконецъ до своей постели, я рада была, хотя бы во снѣ, забыть удручающую дѣйствительность. Проспавъ добросовѣстно до пяти, я еще лежала въ постели, съ грустью помышляя о предстоящемъ путешествіи пѣшкомъ въ больницу, когда вернулись Н. съ Люшей; и первая съ свойственнымъ ей комизмомъ принялась разсказывать обо всемъ, что она видѣла и слышала. Я ей часто говорила въ шутку, что слушая ее — забываешь, что въ желудкѣ пусто. Пожелавъ другъ другу спокойной ночи мы разошлись.

3 Мая

Въ нашемъ образцовомъ заведеніи еще заболѣли тифомъ сестра и двѣ сидѣлки. Было опять общее собраніе, очень бурное, на которомъ низшій служебный персоналъ обвинялъ врачей въ будто-бы умышленномъ распространеніи тифа среди трудового персонала больницы. Подъ трудовымъ они, конечно, подразумѣвали исключительно себя. Когда же одинъ врачъ попробовалъ возразить, указавъ, что въ прошломъ мѣсяцѣ умеръ врачъ и двѣ сестры и въ данный моментъ лежатъ въ тифозномъ три сестры и фельдшеръ. Со всѣхъ сторонъ послышались возгласы: «молчать». Грозили кулаками и дѣйствительно оставалось только замолчать. Одна сидѣлка заключила свою рѣчь: «доктора и сестры — другое дѣло, они могутъ себѣ сами помочь, а нашего брата умышленно морятъ». Почему умышленно и кѣмъ, осталось неизвѣстнымъ. Съ каждой минутой ораторы и ораторши становились воинственнѣе, ихъ подзадоривали съ заднихъ скамеекъ возгласами: «такъ ихъ, подѣломъ». Съ минуты на минуту можно было ожидать, что дѣло дойдетъ до драки. Улучивъ удобный моментъ, я вышла. Въ отдѣленіи уже ждала меня работа: принесли съ улицы умирающихъ — мальчика лѣтъ 14 и женщину съ маленькимъ ребенкомъ, всѣхъ троихъ подобрали на улицѣ. По опредѣленію врача: «отъ голода». Подымаются волосы отъ ужаса; куда мы идемъ, или вѣрнѣе, куда ведутъ насъ наши благодѣтели? Послѣ продолжительныхъ стараній удалось привести въ чувство мальчика, женщина же умерла, не придя въ себя. Остался несчастный двухлѣтній заморышъ; уложила его, напоивъ молокомъ, въ дежуркѣ.

7 Мая

Получили жалованье 430 р. керенками, иначе говоря, негодной бумагой, на которую ничего купить на рынкѣ нельзя. Положеніе не совсѣмъ веселое! . . .

Дэзи поправляется, но ко всему апатична.

8 Мая

Забѣжала В. сообщить, что мужъ ея уже уѣхалъ на свое новое мѣсто агронома около В. Прислалъ ей уже всякой всячины: масла, хлѣба, яицъ, мяса. Слушая ее, у насъ съ Н., какъ говорится, слюнки потекли. «Я и Вамъ кое-что принесла», добавила она и изъ своей рабочей корзиночки достала свертокъ. «Котлетки! — закричала

Н., и цѣлый «пудъ» хлѣба, да это цѣлое богатство, мы уже и во снѣ давно не ѣли мяса». Наташа забарабанила торжественный маршъ на пустомъ кофейникѣ. «Ахъ, вы наша милая «редисочка», давай Вамъ Богъ много лѣтокъ и дѣтокъ». Но и это было еще не все. В. позвала насъ къ ужину и угостила на славу. Н. взяла даже ноты и съ большимъ чувствомъ играла намъ Сибеліуса и Рахманинова. Я, кромѣ котлеты и кусочка хлѣба съ масломъ, ничего не могла ѣсть изъ-за болей, но Н. и Люша не заставляли себя просить и оказали честь всему. Потомъ они проводили меня еще немного. Пришлось идти опять всю дорогу пѣшкомъ, трамваи «для удобства» не ходятъ. У больницы столкнулась съ бар. М. и Ш., они живутъ совсѣмъ близко отсюда и зашли меня навѣстить. Къ сожалѣнію, могла очень недолго съ ними поговорить. Они сообщили, что наши спасители приближаются. Опасаются новыхъ ужасовъ со стороны большевиковъ. Обѣщавъ ихъ навѣстить, поднялась въ отдѣленіе. Дежурство въ тифозномъ. Ночью Д. поманила меня къ себѣ и спросила: «что это за музыка?» Я ничего не слышала. Она заволновалась: «Слушай же, вѣдь это же нѣмецкая Wacht am Rhein.» Затѣмъ отвернулась къ стѣнѣ и затихла. «Ахъ, еслибы это было такъ». подумала я.

10 Мая

Сегодня среди прибывшихъ съ фронта одинъ особенно обратилъ на себя мое вниманіе; онъ и по типу и по манерамъ отличался отъ прочихъ. Быстро умывшись и переодѣвшись въ чистое бѣлье, пока остальные вели безконечные пререканія, онъ подошелъ ко мнѣ и попросилъ по нѣмецки указать ему мѣсто въ палатѣ. Привычнымъ ухомъ сразу узнала иностранца. Пруссакъ! Неужели пробрался? А можетъ быть спартакистъ, только почему-то не похожъ . . . Фу, какъ сердце забилось! Отвела ему койку въ сторонѣ отъ другихъ.

Вскорѣ принесли еще одного милиціонера въ безсознательномъ состояніи; сопровождавшая его жена сказала, что онъ сердечный больной; съ нимъ пришлось повозиться. Пока онъ пришелъ въ себя, я спросила его по русски, какъ онъ себя чувствуетъ. Испуганно посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ что-то по латышски сосѣду, тотъ мнѣ перевелъ, что онъ жалуется, что русская сестра его хочетъ отравить. Что за чудеса! На рѣдкость несимпатичный больной . . . антипатія повидимому обоюдная.

14 Мая

Мой «пруссакъ» попросилъ меня достать ему разрѣшеніе поѣхать въ городъ навѣстить мать. Ему дали отпускъ на два дня. Онъ ушелъ и мы его больше въ больницѣ не видѣли. Дэзи физически замѣтно поправляется, но все такая же отсутсвующая. Товарищъ Р. выказываетъ большой интересъ къ ней, сегодня прислалъ бутылку вина. Теперь-то его вниманіе кстати, но что будетъ потомъ? Бѣдная Дэзи! Милиціонеру моему лучше, но онъ все волкомъ на меня смотритъ и у меня къ нему какая-то необъяснимая антипатія.

15 Мая

Повидимому, бои идутъ на фронтѣ серьезные. Слышна безпрерывная канонада, неизвѣстно только, кто стрѣляетъ — наши спасители, или наши мучители. Въ городѣ все спокойно, волненія не замѣчается, какъ будто большевики твердо сидятъ въ немъ. Сегодня торжественно хоронили привезеннаго съ фронта латышскаго полковника. Между прочимъ въ процессіи шелъ отрядъ «Flintenweiber», какъ ихъ здѣсь въ насмѣшку зовутъ.

Когда я шла по Суворовской, навстрѣчу мнѣ попался какой-то штатскій привѣтливо замахавшій мнѣ съ извозчика; лицо его показалось какъ будто знакомымъ, но вѣрнѣе всего, что какой-нибудь подвыпившій франтъ, подумала я и пошла дальше. Вскорѣ я услышала, что меня кто-то нагоняетъ, а затѣмъ раздался знакомый голосъ: «Schwester»; я обернулась, передо мной стоялъ штатскій. Онъ пошелъ со мною

рядомъ. «In kurzer Zeit sind wir in Riga, Mut, Schwesterchen», шепнулъ онъ; теперь я узнала своего «пруссака». Я подала ему руку и онъ исчезъ въ толпѣ. Фу, какъ сердце забилось, пришлось перевести духъ!

18 Мая

Съ фронта прибываютъ солдаты, раненыхъ нѣтъ; думаю, просто бѣгутъ. Сегодня долго стояла ночью у открытаго окна, прислушиваясь къ отдаленной стрѣльбѣ. Какъ-то не вѣрится уже, устали мы и измучились! Дождемся-ли? Я уже работаю изъ послѣднихъ силъ, да развѣ я одна? Весь этотъ голодный, умирающій народъ.

19 Мая

Дежурю въ тифозномъ, апатія Д. приводитъ меня въ отчаяніе. Въ свободную минуту присѣла у ея постели, взяла ея исхудалую руку и, не будучи въ силахъ совладать съ чувствомъ отчаянія, уткнулась лицомъ въ ея подушку и заплакала. Она долго смотрѣла на меня, потомъ нагнулась ко мнѣ и ласково провела рукой по моей щекѣ . . .

20 Мая

Я собиралась уходить домой, когда въ дверяхъ появилась сестра Э. и съ свойственной ей манерой, не здороваясь, спросила, извѣстно ли мнѣ, что сегодня собраніе коммунистовъ, и что всѣ обязаны явиться. Я ей возразила, что въ виду того, что я не коммунистка, едва ли я имѣю право присутствовать на этомъ собраніи, и спросила, будетъ ли она. «Сочту своей священной обязанностью». Чтобы не попасть впросакъ, зашла къ дежурному врачу спросить. Онъ быстро и рѣшительно отвѣтилъ: «ни въ какомъ случаѣ, Ваша обязанность теперь спать». Я была рада такому разрѣшенію вопроса и успокоенная отправилась домой.

Явившись вечеромъ на дежурство, была вызвана опять въ канцелярію; сидѣвшій за столомъ товарищъ долго разсматривалъ какую-то бумагу, изрѣдка поглядывая на меня. Наконецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ — къ какой партіи я принадлежу. Я, не ожидая такого вопроса, не знала, что собственно отвѣчать и сказала: «мое званіе сестры милосердія исключаетъ меня изъ всякой активной политической партіи». — «Такъ». Затѣмъ послѣдовали опять вопросы — кто я, откуда, кто родные. Я отвѣчала спокойно, не вдаваясь въ подробности. Помолчавъ онъ сказалъ: «нѣкоторые товарищи недовольны, что Вы не знаете латышскаго языка». «Я сама еще болѣе сожалѣю объ этомъ, но за неимѣніемъ свободнаго времени, не могу пополнить этотъ пробѣлъ». Очевидно, это шло отъ сестры Э. Онъ еще разъ пробѣжалъ бумагу, пожалъ плечами и сунулъ ее въ столъ, отпустивъ меня кивкомъ головы.

Навстрѣчу мнѣ попалась взволнованная Р. Отведя меня въ сторону, она сообщила, что здѣсь ходятъ слухи о предстоящемъ арестѣ двухъ нѣмецкихъ сестеръ, фельдшера и сидѣлки. Она была ужасно растроенной; я ее успокоила, говоря, что уже не въ первый разъ эти слухи объ арестѣ. Ночью прибыло опять много «симулянтовъ». Отъ русскаго солдатика узнала, что нѣмецъ сильно напираетъ и палитъ изъ пулемета, что красные оставляютъ фронтъ, или переходятъ къ нѣмцу.

21 Мая

Прибѣжала В. сообщить, что ночью секретно вернулся мужъ ея; его положеніе въ деревнѣ оказалось ужаснымъ. Комитетъ рѣшилъ его арестовать; къ счастью онъ узналъ объ этомъ, и ему удалось еще ночью попасть на поѣздъ, что дальше дѣлать — нѣ знаетъ. Былъ у друга капитана, тотъ ему выхлопоталъ съ трудомъ недѣльный отпускъ.

Сегодня съ Н. отдали послѣднія царскія деньги, кромѣ керенокъ ничего въ кассѣ! Мною тоже овладѣло какое-то чувство апатіи и безразличія. Придя на дежурство, столкнулась съ деж. врачемъ. Онъ мнѣ показался какимъ то страннымъ, взволнован-

нымъ. На мой вопросъ, не случилось ли чего, отвѣтилъ: «ничего новаго», глядя мимо меня. «Вотъ, сестра», продолжалъ онъ, «въ большой палатѣ къ вашему милиціонеру пришелъ сынъ, онъ и сейчасъ тамъ; не знаю, о чемъ они говорили, но когда я вошелъ въ палату, больной со слезами сталъ меня умолять отпустить его съ сыномъ сейчасъ. Доложилъ ст. врачу, разрѣшенія не послѣдовало. Больной узнавъ это, обнаружилъ признаки волненія, граничащіе съ психозомъ. Я сейчасъ отъ него. Прошу Васъ выпроводить сына, перевести больного въ отдѣльную палату и приставить санитара; на всякій случай сдѣлайте вспрыскиваніе морфія. Выпроводивъ сына и приставивъ санитара, я пошла внизъ къ ст. сестрѣ за морфіемъ. Въ общемъ прошло не болѣе 15 минутъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, замѣтила волненіе среди больныхъ, столпившихся у оконъ. Во дворѣ собрались люди около чего-то бѣлаго на землѣ. Прежде, чѣмъ мнѣ успѣли отвѣтить, я уже знала, что произошло, и бросилась по лѣстницѣ во дворъ. Мы перенесли выбросившагося въ окно милиціонера въ перевязочную. У него было сильно расшиблено лицо и ноги, другихъ поврежденій не оказалось. Какимъ образомъ онъ могъ выскочить черезъ откидывающуюся вверху окна форточку, когда около него находился санитаръ, случайно зашедшій фельдшеръ и большинство больныхъ было на ногахъ, — до сихъ поръ для меня непонятно. Уложивъ его въ отдѣльномъ помѣщеніи и приставивъ отдѣльнаго санитара, я пошла въ дежурку. Все случившееся меня страшно взволновало. Въ дверь постучали, вошелъ деж. врачъ. Онъ былъ очень разстроенъ: «право, не знаю, что вамъ посовѣтовать; бѣжать, скрыться, если можете», сказалъ онъ, «все сейчасъ случившееся еще болѣе ухудшаетъ ваше положеніе». — «Я васъ не понимаю, въ случившемся несчастіи я не виновата, вы сами знаете». «Ахъ, кто говоритъ о винѣ, поставятъ къ стѣнкѣ и все тутъ . И какой чертъ, съ позволенія сказать, посовѣтовалъ вамъ, баронесса, сунуться въ это коммунистическое гнѣздо». — «Не чертъ, а голодъ, докторъ, самый обыкновенный голодъ, но причемъ тутъ баронесса, скажите?» «Не будемъ же играть теперь въ прятки, скверно, очень скверно ваше положеніе, сестра. Вы что же дѣлать думаете?» Я была близка къ отчаянію. «Дежурить и исполнять взятыя на себя обязанности», коротко отвѣтила я. «Помогай Вамъ Богъ!» и онъ вышелъ. Теперь я больше не могла сдерживать слезъ. Выпивъ немного воды и успокоившись, пошла по палатамъ, чтобы не оставаться со своими мрачными мыслями. Около 3-хъ часовъ послышался продолжительный отдаленный гулъ. Гроза! подумала я. Вдругъ вошелъ докторъ. «Вы слышите», спросилъ онъ, подходя къ окну. «Гроза». — «Да что вы? вы бывали на фронтѣ?» Онъ открылъ окно. — «Слушайте, это шумъ летящаго снаряда». Дѣйствительно, шумъ былъ продолжительный и ясный. Сердце сильно забилось. Дождемся ли, тоскливо подумала я. Невольно пришло въ голову замѣчаніе М.: «многое еще предстоитъ испытать въ случаѣ ихъ приближенія къ Ригѣ». Я молчала. Лицо доктора тоже стало свѣтлѣе. «Хотите, чтобы они пришли», нерѣшительно спросила я. «Да, ужъ пора положить конецъ этому безобразію, кто бы тамъ ни былъ!»

22 Мая

Утромъ передъ уходомъ мнѣ пришлось быть въ канцеляріи, гдѣ я была свидѣтельницей слѣдующаго разговора по телефону: — «Вы что же хотите устроить, опять мартовскую панику? . . . Повѣрьте, что эти трусы врутъ . . . у насъ этихъ свѣдѣній не имѣется». Я вышла. Всю дорогу опять пѣшкомъ домой. Канонада безпрерывно и близко гдѣ-то. Что же это такое? А если трусы не врутъ! Въ городѣ все спокойно, никакого волненія не замѣчается. Придя домой, разсказала обо всемъ Наташѣ. Она рѣшила сходить въ городъ на развѣдку, а я легла спать. Люша читалъ у стола. Долго ли я спала — не знаю. Проснулась я отъ возгласа Люши: «Муся, hörst deutsches Kommando?» Я открыла глаза. Что это было во снѣ? Люша лежалъ на окнѣ и

продолжалъ кричать: «Муся, Муся, смотри». Одинъ моментъ, и я была около него. Перегнувшись въ окно, мы увидѣли, Боже, глазамъ не вѣрится! — Отрядъ нѣмецкихъ Feldgraue въ каскахъ съ ружьями шелъ по нашей улицѣ. Поминутно раздавались выстрѣлы. По улицѣ бѣжали люди въ противоположную сторону, нѣкоторые останавливались и поднимали руки, очевидно, сдавшіеся большевики. Черезъ пять минутъ все, что было въ домѣ — старъ, младъ, интеллигентъ, простолюдинъ, богатый, бѣдный — выбѣжало на улицу встрѣчать своихъ спасителей. Они еще намъ кричали не выходить, подождать, запереть двери и окна, такъ какъ еще идетъ стрѣльба, но никто не обращалъ вниманія на эти предостереженія. «Спасены», вырвался, какъ одинъ крикъ изъ сотенъ грудей. Плакали и смѣялись отъ радости, увидѣвъ трехъ изъ ландсвера. Я подбѣжала узнать, гдѣ мой мужъ и beau frère. «Идутъ, всѣ идутъ», весело подтвердили они. Поручивъ Люшу хозяйкѣ, я съ прибѣжавшей сіяющей Наташей, конечно, предварительно обнявшись и расцѣловавшись, отправилась въ городъ. Еще вездѣ стрѣляли и поминутно приходилось укрываться въ подъѣздахъ и за выступами. По Суворовской и Александровскому пр. люди, лошади, обозы, все это смѣшалось въ одну безпорядочную обезумѣвшую массу, старавшуюся уйти. Нѣмецкія части ихъ преслѣдовали. На улицѣ показался автомобиль съ военнымъ начальствомъ и быстро промчался; за нимъ слѣдовали другіе съ солдатами. «Мантейфель, Мантейфель», раздалось со всѣхъ сторонъ. Онъ торопится въ тюрьму на спасеніе заключенныхъ. Въ одну тюрьму ему удалось еще во время поспѣть и всѣхъ спасти, но въ другой большевики многихъ успѣли уже въ послѣдній моментъ передъ уходомъ разстрѣлять. Роковая пуля одной изъ «Flintenweiber» сразила и самого храбраго Мантейфеля, который дѣйствительно проявилъ энергію и смѣлость, рисковалъ жизнью, влетая съ своимъ автомобилемъ въ занятые еще большевиками части города для спасенія несчастныхъ заключенныхъ. Вся Рига была на улицѣ, встрѣчая своихъ спасителей. Когда же по улицамъ потянулись обозы, повозки, походныя кухни, общій вздохъ облегченія вырвался изъ тысячей грудей. Благодарностямъ и восторгу не было границъ.

Здѣсь можно было увидѣть трогательныя картины встрѣчъ матерей со своими сыновьями, мужей съ женами. Мы тоже искали своихъ, но напрасно. Избѣгавъ улицы, мы наконецъ рѣшили итти домой. На площади ярко горѣли памятники большевиковъ. Усталыя и счастливыя вернулись мы домой. Наташа отстала купить у солдатика папиросъ, а я поднялась къ намъ въ комнату и принялась съ Люшей приготавливать чай. Онъ уже нѣсколько разъ бросался мнѣ на шею. Вскорѣ прибѣжалъ Саша; мы весело болтали, когда вдругъ по лѣстницѣ раздались быстрые шаги, дверь открылась, послышался Наташинъ голосъ: «смотри, кто». Моментъ, и я лежала въ объятіяхъ мужа. Радость и счастье трудно передать. За нимъ стоялъ Б. «А Дэви?» Разсказавъ ему въ короткихъ словахъ все, мы сѣли въ стоявшій внизу автомобиль и поѣхали въ больницу. Кромѣ небольшого числа персонала, все бѣжало. Больныхъ, кромѣ тѣхъ, что были сильно ранены, не оказалось ни одного налицо. Вся больница какъ-бы вымерла. Я вошла первой къ Д., она повернула ко мнѣ свое безучастное блѣдное личико, когда же за мной показалась фигура Б., она вдругъ поднялась какъ отъ электрическаго тока, напряженно въ него всматриваясь. Затѣмъ протянувъ къ нему руки, она радостно почти шопотомъ произнесла Б., онъ былъ уже на колѣняхъ у ея кровати и теперь уже крѣпко держалъ свою Д. Рѣшено было ее завтра перевезти въ городъ. Радость Саши и всѣхъ насъ не поддается описанію. Вошедшій врачъ сердечно поздравилъ насъ съ чудеснымъ спасеніемъ и преподнесъ на память приказъ о нашемъ арестѣ на 23 Мая. Еще все не вѣрится счастью!

БІБЛІОТЕКА

Содержаніе

Къ исторіи Манифеста 17-го Октября — Записки Н. И. Вуича и кн. Н. Д. Оболенскаго 5
Изъ воспоминаній — ген. А. С. Лукомскаго 14
Интеллигенція на Дону — Александра Дроздова 45
Кіевская эпопея — Р. Гуля 59
Отступленіе отъ Одессы — Ф. Штейнмана 87
Полтора года въ совѣтскомъ Главкѣ — І. Рапопорта 98
Брестъ-Литовскъ — О. Чернина 108

Документы и письма:

Журналъ Засѣданія Совѣта Министровъ Крымскаго Краевого Правительства 16 Апр. 1919 г. 135
Изъ секретнаго доклада 143
Изъ моей тетради — С. В. Милицына 170
Изъ Дневника — бар. Фрейтагъ фонъ-Лорингофенъ 194

СОДЕРЖАНІЕ I ТОМА: Задачи Архива — Влад. Набоковъ, Временное Правительство — П. Красновъ, На внутреннемъ фронтѣ — Р. Донской, Отъ Москвы до Берлина въ 1920 г. — С. Вороновъ, Петроградъ — Вятка въ 1919 — 20 г. — Н. Неклюдовъ, Предсказаніе русской революціи — К. Крамаржъ, Основы Конституціи Россійскаго Государства — Докладъ о положеніи дѣлъ на Украйнѣ въ мартѣ 1918 г. — Образованіе сѣверно-западнаго правительства — Доклады Карташева, Кузьмина-Караваева и Суворова — Письмо ген. Гофа ген. Юденичу — Послѣдніе дни Л. Андреева — Описаніе польскаго отступленія въ августѣ 1920 г.

Напечатано издательствомъ
«СЛѢВО», Берлинъ

6 руб. 75 коп
(1986)

РА 120 у

Т. Б. Тессенов. Архивъ русской революции II

31.642 30428

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

издаваемый

Т. В. ТЕССЕНОВЫМЪ

ТОМЪ II